

МИРЫ УРСУЛЫ ДЕ ГУИН НА ПОСЛЕДНЕМ БЕРЕГУ

МИРЫ УРСУЛЫ ДЕ ГУИН

НА ПОСЛЕДНЕМ
БЕРЕГУ

УРСУЛА ДЕ ГУИН

WORLDS OF URSULA LE GUIN

EARTHSEA

THE FARTHEST SHORE

**TEHANU:
THE LAST BOOK
OF EARTHSEA**

«POLARIS» PUBLISHERS

1997

МИРЫ УРСУЛЫ ДЕ ГУИН

ЗЕМНОМОРЬЕ

НА ПОСЛЕДНЕМ БЕРЕГУ

**ТЕХАНУ:
ПОСЛЕДНЯЯ КНИГА
ЗЕМНОМОРЬЯ**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1997**

Миры Урсулы ле Гуин. На последнем берегу / Пер. с англ. — Полярис, 1997. — 399 с.

В очередной том собрания сочинений знаменитого автора вошли романы «На последнем берегу» и «Техану», завершающие известнейшую трилогию о Земноморье, фантастическом мире драконов и чародейства.

Произведения, включенные в данное издание, охраняются законом об авторском праве. Перепечатка отдельных романов и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя и переводчика. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

Издание осуществлено с разрешения автора, INTER-VIVOS TRUST for the Le Guin Children и литературных агентов: Virginia Kidd (США) и Александра Корженевского (Россия).

Иллюстрации на обложку и форзац печатаются с разрешения художника Michael Whelan и его агентов: Glass Onion Ltd. (США) и Александра Корженевского (Россия).

The Farthest Shore
Copyright © 1972 by Ursula K. Le Guin
Tehanu: The Last Book of Earthsea
Copyright © 1990 by Inter-Vivos Trust
for the Le Guin Children

© ОАО Издательство «Радуга», 1993

Cover Art Illustration

© 1997 by Michael Whelan

© И. Тогосва, перевод, 1992

© Издательство «Полярис», оформление,
составление, название серии, 1997

ISBN 5-88132-296-7

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Продолжается знаменитый цикл о Земноморье, первый же роман которого зачислил Урсулу ле Гуин в ряды выдающихся мастеров «фэнтези» наравне с Толкиеном и Льюисом.

Руна Эррет-Акбе, символ мира, порядка, гармонии, найдена, и ее разделенные половинки воссоединены. На Архипелаге должен был бы восстановиться покой. Но тревожные сны посещают магов острова Рок. И Верховный Маг Гед должен, покинув остров волшебников, вместе с наследником королевского трона пуститься на поиски зла, проникнувшего в мир. Ибо ужас, который угрожает Земноморью, поражает самое уязвимое место мироздания, бьет по источнику силы. Маги начинают забывать Истинную Речь. А люди — забывать имена, без которых в этом мире нет и жизни. Но нет и смерти. Приманка зла — вечная жизнь, в которой нет смысла, цели, радости. И даже могущественные драконы, дети воздуха и огня, забывая Истинную Речь, которой владеют от начала времен, становятся просто зверями.

Чтобы одолеть того, кто отбросил свое имя, Геду и его спутнику Лебаннену придется войти в царство смерти, ступив на последний берег заката, за последним островом Селидор, где на ветру танцуют драконы... Такое название и носит этот роман — «На последнем берегу».

Последний роман тетралогии — «Техану» — был написан более чем пятнадцать лет спустя и получил, пусть несколько запоздало, ту премию, которой по справедливости заслуживали и предыдущие — «Хьюго», высшую премию фантастики. Но не случайно он носит подзаголовок «Последняя книга Земноморья». Роман отражает эволюцию взглядов самой писательницы. Гед теряет свою силу после битвы на берегу смерти. Пусть Земноморье —

это мир, где, как сказал поэт, «Солнце останавливали словом, словом разрушали города». Теперь эта сила неподвластна Верховному Магу. И его спасительницей и охранительницей становится Тенар, бывшая жрица Безымянных, привезенная Гедом на его родной остров Гонт. Уже не великий маг правит мировыми силами, а слабая женщина пытается уберечь его.

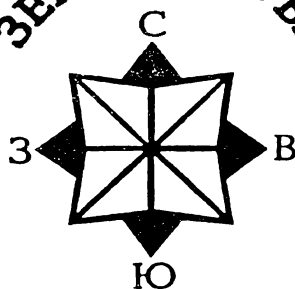
От мужской силы, творящей и разрушающей, к силе женской, хранящей и растящей — таков путь магии Земноморья. И не случайно возникает в романе образ Техану, девочки «первого народа», не разделившегося еще на людей и драконов, владеющего Истинной Речью — воплощение «дао», Пути, приобретшее женское обличье, в противовес первым книгам, где таким обличьем служила руна героя Эррет-Акбе, символ власти мужчины-короля всего Архипелага.

Так завершается сага о Геде — на том же острове Гонт, где и началась. А Архипелаг все так же остается россыпью клочков суши, разделенных морскими просторами — как люди. «Все мы — острова в океане...»

**НА ПОСЛЕДНЕМ
БЕРЕГУ**

ЗЕМНОМОРЬЕ

*В молчании — слово,
А свет — лишь во тьме;
И жизнь после смерти
Проносится быстро,
Как ястреб, что мчится
По сини небесной,
Пустынной, бескрайней...*

Создание Эа

ЯСЕНЬ

Во двореке у фонтана яркое мартовское солнце просвечивало сквозь юную листву ясеней и вязов; в полосах света и тени журчала и переливалась струя воды. Дворик с четырех сторон был замкнут высокими каменными стенами Большого Дома, где, помимо жилых помещений для учеников и Мастеров, было множество залов, загадочных коридоров и переходов, лестниц и башен. Сам Большой Дом окружали мощные крепостные стены, которые способны были выдержать любую осаду неприятеля, любое землетрясение, любую, самую страшную морскую бурю, ибо стены Школы Волшебников на острове Рок были не только сложены из массивных каменных глыб, но и скреплены нерушимым заклятием, самой надежной магией. Ведь остров Рок — это Остров Мудрецов, и учат в Школе Волшебников тонкому искусству Высшей Магии; а Большой Дом — самое сердце Школы и средоточие всякого чародейства и волшебства. А посреди Большого Дома, в глубине его, есть маленький внутренний дворик под открытым небом, где струя воды играет в фонтане да шелестят листвою деревья — под дождем, под солнцем ли, или при свете звезд.

Ближайшее к фонтану дерево — рослый ясень — взломало своими корнями мраморные плиты, устилавшие дворик. Трещины разбежались во все стороны и проросли ярко-зеленым мхом, которого было много на небольшой лужайке; посреди лужайки находился бассейн с фонтаном. Мох забрался и на мраморные плиты, которыми был выложен бортик бассейна; на этих плитах сидел юноша, внимательно следивший за тем, как взлетает и падает струя воды в фонтане. Он был почти уже взрослым, но все-таки еще мальчик, стройный, в богатых

одеждах. Его лицо было словно отлито из золотистой бронзы — столь четкими и правильными были его черты, столь неподвижно-застывшим было оно само.

В нескольких шагах за спиной юноши, по другую сторону зеленой лужайки в центре дворика стоял под деревьями мужчина — впрочем, кажется, стоял: трудно было утверждать это, так прихотливо переплетались тени и играли теплые солнечные блики. Нет, он все-таки точно был там — мужчина в белом, стоявший совершенно неподвижно. Юноша смотрел на струю воды в фонтане, мужчина — на юношу. Ни единого звука, ни одного движения, только шелест листьев да журчание воды, вечное пение струй.

Мужчина сделал несколько шагов вперед. Ветерок коснулся ветвей ясеня, шевельнул его нежную листву. Юноша гибким движением вскочил мужчине навстречу и, смутившись, склонился перед ним в почтительном приветствии:

— Господин мой Верховный Маг...

Мужчина остановился прямо перед ним; невысокий, с гордой осанкой, энергичный, в белом шерстяном плаще с капюшоном. На фоне белых складок откинутого на спину капюшона лицо его казалось красновато-коричневым, очень темным; у Мага был ястребиный нос, на одной щеке — старые шрамы; ясный пронзительный взгляд горячих глаз. Впрочем, голос его звучал мягко.

— Здесь приятно посидеть у фонтана, — сказал он, жестом останавливая готового извиняться юношу. — Ты приехал издалека и еще не успел отдохнуть. Так что сиди.

Сам Верховный Маг опустил на колени у края бассейна и подставил руку под сверкающий водопад; вода текла между его пальцами. Юноша вновь присел на разорванные корнями ясеня мраморные плиты, и с минуты оба молчали.

— Итак, ты сын правителя Энлада и Энладских островов, — сказал Верховный Маг, — наследник княжеского рода Морреда. Во всем Земноморье нет более древней и чистой родословной. Я видывал сады Энлада весной, и золотые крыши Берилы... Как звать тебя?

— Меня зовут Аррен.

— Это, должно быть, слово из энладского диалекта. Что оно значит на языке Архипелага?

— Меч, — ответил юноша.

Верховный Маг кивнул. Снова воцарилась тишина. Чуть погодя Аррен промолвил не то чтобы с вызовом, но и ничуть не смущаясь:

— Я думал, что Верховный Маг знает все языки.

Мужчина, не отрывая взгляда от фонтана, покачал головой.

— И все имена...

— Все имена? Только Сегой, что произнес Первое Слово, поднимая острова Земноморья из глубин морских, знал все имена. Впрочем, — и быстрый неистовый взгляд скользнул по лицу Аррена, — если мне нужно будет узнать твое подлинное имя, я его узнаю. Пока в этом нет необходимости. Я буду звать тебя Аррен, а меня зовут Ястреб. Расскажи-ка мне о своем путешествии сюда.

— Слишком длинное.

— Ветер не был попутным?

— Да нет, попутный был ветер, просто вести, что я привез сюда, дурные, господин мой.

— Ну так говори, в чем дело, — мрачно сказал Верховный Маг, словно уступая нетерпеливому ребенку, и, пока Аррен рассказывал, не сводил глаз с прозрачного занавеса из водяных струй, что падали сверху в нижнюю часть бассейна; лицо у него при этом было такое, словно он не то чтобы не слушал юношу, но просто слышал значительно больше того, чем тот рассказывал.

— Ты знаешь, господин Ястреб, что отец мой, правитель Энлада, сам имеет отношение к магии, будучи в родстве с Морредом; кроме того, в юности он целый год провел в Школе на острове Рок и приобрел кое-какие знания в этом искусстве. Однако и знаниями этими, и волшебной силой, данной ему от рождения, он пользуется очень редко; все его время поглощают государственные заботы, управление городами, торговля и дипломатия. Суда с Энладских островов плавают главным образом на запад, до самого Западного Предела, где покупают сапфиры, олово и бычьи шкуры. И вот, в начале этой зимы один из шкиперов привез в Берилу, столицу нашего государства, такие вести, узнав о которых мой отец тут же послал за этим человеком, чтобы самому послушать его рассказ. — Юноша говорил быстро, уверенно, он явно учился у образованных, светских людей и, к счастью, был лишен самонадеянности, столь свойственной юнцам из богатых фамилий. — Шкипер сообщил, что на острове Нарведен, что на западе от нас в двух-трех днях пути и посещается различными судами очень часто, больше нет волшебства. Заклятия не имеют там силы, сказал он, и забыты все волшебные слова. Отец мой спросил его, не потому ли это, что все ведьмы и колдуны, по слухам, покинули этот остров, и шкипер ответил: нет, там еще остались те, кто когда-то мог колдовать, только заклятия им больше не подвластны, даже такие, что помогают починить прохудившийся чайник или отыскать потерянную иголку. И мой отец спросил: огорчены ли жители Нарведена этим?

И снова капитан ответил: нет; им, похоже, все равно. И еще, сказал он, они как будто чем-то больны; урожай у них этой осенью был бедным, но им безразлично и это. И еще он сказал — я собственными ушами слышал этот его разговор с моим отцом, повелителем Энлада, — что жители Нарведена похожи на того смертельно больного человека, которому говорят, что жить ему осталось не больше года, а он не верит и продолжает считать, что будет жить вечно. Они ходят, не глядя по сторонам, так сказал шкипер, и живут, не видя, что происходит вокруг них. Когда вернулись другие торговые суда, то их команды рассказывали то же самое: что Нарведен страшно обеднел, что там позабыто магическое искусство. Но все эти истории, однако, касались лишь жизни далекого от Энлада Западного Предела, а истории о дальних землях всегда немножко странные и кажутся выдумкой, так что один только мой отец всерьез задумался над этими вестями. Потом, перед Новым годом, на празднике Ягнят, во время которого жены гуртовщиков приносят в город первых новорожденных ягнят, отец мой призвал волшебника по имени Рут, чтобы тот произнес традиционное заклятие процветания над ягнятами. Но Рут вернулся к нам во дворец совершенно убитый, положил свой посох и сказал: «Мой повелитель, я не могу произнести ни одного заклинания». Отец мой все расспрашивал его, но он лишь отвечал: «Я забыл слова заклятий и правила их сотворения». Тогда отец сам отправился на рыночную площадь, сам сотворил заклятие, и праздник был благополучно завершен. Но я видел, каким он вернулся во дворец в тот вечер — мрачным, как туча, и страшно усталым; он тогда сказал мне: «Я произнес нужные слова, но не знаю, имели ли они смысл». И действительно, этой весной стада овец бедствуют, ярки умирают родами, много мертворожденных ягнят, а некоторые из них... уроды. — Бойкая речь юноши как бы утратила связность, голос дрогнул; он поморщился, произнося последнее слово, и судорожно сглотнул. — Я некоторых видел.. — прибавил он и замолчал. Потом, справившись с собой, продолжал: — Отец мой полагает, что и этот случай с ягнятами, и рассказы об острове Нарведен свидетельствуют о власти злых сил в нашей части Земноморья. И он жаждет совета Мудрых.

— То, что он послал сюда тебя, уже доказывает серьезность его опасений, — сказал Верховный Маг. — Ты его единственный сын, а путь от Энлада до Рока неблизкий. Ты хочешь еще что-то рассказать?

— Только то, о чем болтают кумушки в горных деревнях Энлада.

— Так о чем же они болтают?

— Что все колдуньи-предсказательницы, гадая по дыму и воде, прочли, что пришла беда; а еще говорят, что ни один любовный напиток не имеет больше силы. Но ведь деревенские колдуньи не обучены настоящему волшебству...

— Предсказание судьбы и изготовление любовного напитка действительно к Высшей Магии не относятся, но старых колдуний стоит послушать. Ну хорошо, вести, которые ты принес, Мастера непременно обсудят. Но я не знаю, Аррен, какой совет они смогут дать твоему отцу. Ибо Энлад — не первый остров, с которого приходят подобные вести.

Путешествие Аррена с северного Энлада на юг, мимо великого острова Хавнор к острову Рок, через все Внутреннее море, было его первым настоящим путешествием. Лишь за эти последние недели он воочию убедился в существовании иных земель, узнал, что значат расстояние и разнообразие, увидел, что за прекрасными холмами Энлада раскинулся огромный мир, где живет множество различных народов. Он еще не привык мыслить достаточно широко и не сразу понял суть сказанного Верховным Магом.

— Откуда же еще? — спросил он наконец немного растерянно. Ведь он надеялся незамедлительно доставить домой, в Энлад, рецепт избавления от страшной напасти.

— Во-первых, из Южного Предела. А недавно даже с юга самого Архипелага, с острова Уотхорт. Люди говорят, что волшебство на Уотхорте совсем утратило силу. Вряд ли это так. Эти земли с давних пор славилась своей непокорностью и пиратскими нравами, и, как говорится, слушать торговца с юга — все равно что слушать очередного лжеца. И все-таки суть всех историй одна и та же: источники волшебства пересохли.

— Но здесь, на острове Рок...

— Здесь, на острове Рок, мы до сих пор ничего подобного не замечали. Мы здесь защищены от всех бурь, нападений и перемен. Может быть, слишком хорошо защищены. Что ты намерен предпринять?

— Я вернусь на Энлад, когда смогу представить отцу своему хоть какие-то сведения о природе этого несчастья и о том, как от него излечиться.

Верховный Маг снова прямо посмотрел в глаза юноше, и на этот раз Аррен, несмотря на всю свою воспитанность и выучку, не выдержал и отвернулся. Он не знал, почему так происходит: ничего недоброго не было в темных глазах, что смотрели на него. Взгляд волшебника был беспристрастным, спокойным, сочувственным.

В Энладе все смотрели на отца Аррена снизу вверх, а он был настоящим сыном своего отца. Еще никто и никогда не смотрел

на него так, видя в нем не принца, сына правителя Энлада, а просто Аррена самого по себе. Не хотелось думать, что он страшится взгляда Верховного Мага, но посмотреть ему прямо в глаза он не мог. Взгляд волшебника, казалось, раздвигал границы окружавшего Аррена мира, на просторах которого не только Энлад становился не слишком значительной величиной, но и сам он, Аррен, невероятно уменьшался, становился крошечной, почти незаметной фигуркой на фоне бесчисленных островных государств, над которыми стучалась тьма.

Аррен сидел, выщипывая по былинке живой мох, проросший сквозь трещины в мраморных плитах, и вдруг услышал свой собственный голос, который только в последние года два стал похож на голос взрослого мужчины, а сейчас снова звучал ломко и хрипло:

— И я сделаю так, как ты велишь мне.

— Ты подчиняешься своему отцу, а не мне, — возразил Верховный Маг.

Он по-прежнему смотрел прямо на Аррена, и теперь юноша осмелился поднять глаза. Он уже подчинился этому человеку, забыл о собственной гордости и только теперь по-настоящему увидел Верховного Мага: величайшего из волшебников, который заткнул пасть Черного Колодца Фундаура; завоевал Кольцо Эррет-Акбе, сокрытое в гробницах Атуана; построил глубоко уходящую в землю, могучую дамбу близ Неппа; величайшего из мореплавателей, который бороздил моря от Астоуэлла до Селидора; единственного из ныне живущих Повелителей Драконов. И этот человек стоял на коленях у фонтана, невысокий и немолодой, с тихим голосом, с глубокими, словно вечернее небо, глазами.

Аррен поспешно и неловко вскочил на ноги и тут же в полном соответствии с этикетом преклонил перед Магом колена.

— Господин мой, — сказал он, слегка заикаясь, — позволь мне быть твоим слугой!

Вся его самоуверенность улетучилась без следа, лицо вспыхнуло румянцем, голос дрожал.

На бедре у Аррена висел меч в новеньких ножнах из кожи, инкрустированной золотом и красными самоцветами; однако сам меч был очень скромн, с потертой рукоятью и гардой из посеребренной бронзы. Юноша торопливо выдернул меч из ножен и протянул рукоятью к Верховному Магу — как вассал своему сеньору.

Верховный Маг даже не коснулся старинной рукояти. Только посмотрел на нее, потом на самого Аррена.

— Это твой меч, не мой, — сказал он. — И ты никому не слуга.

— Но мой отец сказал, что я, вполне возможно, задержусь на Роке, чтобы научиться понимать природу этого зла и еще, наверно, чтобы познать хоть что-то из Высшего Искусства — я ведь ничего не умею и не думаю, чтобы во мне от природы была какая-то волшебная сила, хотя среди моих далеких предков и были настоящие маги... если бы я чему-то мог научиться и был бы тебе полезен...

— Твои предки прежде всего были королями, а не волшебниками, — сказал Верховный Маг.

Он встал и молча, решительным шагом приблизился к Аррену, взял его за руку и поднял с колен.

— Благодарю тебя за предложение служить мне, и хоть сейчас я его не принимаю, но все же могу принять — впрочем, лишь после того, как состоится Совет. Предложение, сделанное от чистого сердца, не годится отвергать с легкостью. Как не следует и отвергать предложенный тебе потомком Морреда меч!.. А теперь ступай. Парень, что проводил тебя сюда, позаботится и о том, чтобы ты смог умыться, поесть и отдохнуть. Иди, иди... — и он слегка подтолкнул Аррена в спину между лопатками — фамильярный жест, которого никто до сих пор себе не позволял и которого юный принц никому бы не простил; однако сейчас чувствовал себя так, будто Верховный Маг посвятил его в рыцари.

Аррен всегда был очень живым, любил всяческие игры и развлечения, с удовольствием развивая свое тело и ум; он умело справлялся и с придворными обязанностями и церемониями, хотя ни те ни другие особой легкостью и простотой не отличались. Но ничему он никогда не предавался всей душой. Все давалось ему легко, и он ко всему относился легко, поверхностно; дела представлялись ему игрой, в которую он с удовольствием играл. Но теперь были потревожены самые глубины его души, и разбужены они были не игрой и не мечтой, но мыслями о чести и опасности, человеческой мудростью, покрытым шрамами лицом, тихим голосом и той темнокожей рукой, что сжимала, нимало не заботясь о заключенной в нем силе, тисовый посох, на самом верху которого серебром по черному дереву была начертана Утраченная Руна Королей.

Вот так, неожиданно, и делаешь ты первый шаг из своего детства, делаешь его без оглядки, без излишних размышлений, ничего не храня про запас.

Позабыв о придворном этикете, Аррен коротко простился с Верховным Магом и поспешил прочь, неуклюжий, сияющий, покорный. А Гед, Верховный Маг Земноморья, стоял и смотрел ему вслед.

Он некоторое время постоял под ясенем у фонтана, потом поднял лицо к залитому солнцем небу.

— Добрый посланник, да вести дурные, — пробормотал он себе под нос, обращаясь как бы к фонтану. Фонтан, впрочем, его не слушал, а серебряным голосом продолжал напевать что-то свое, и Гед еще немного внимал его песне. Потом подошел к дверце, которую Аррен не заметил и которую, по правде сказать, заметили бы очень и очень немногие, если бы даже очень близко подошли к ней, и окликнул:

— Мастер Привратник!

Появился человечек без возраста. Молод он не был, так что его, пожалуй, следовало бы назвать пожилым, однако слово это ему не шло. У него было сухое, цвета слоновой кости лицо и приятная улыбка, от которой на щеках пролегли две длинные складки.

— В чем дело, Гед? — спросил он, назвав Верховного Мага его подлинным именем, поскольку они были одни. Привратник был одним из тех семи человек, что знали это имя. Известно оно было также Мастеру Ономатету с острова Рок; Огиону Молчаливому, волшебнику из Ре Альби, который много лет тому назад на горе Гонт дал Верховному Магу его подлинное имя; Белой Даме с острова Гонт — Тенар Владеющей Кольцом; самому обыкновенному волшебнику с острова Иффиш по прозвищу Ветч; и еще одной женщине с того же острова — Ярроу, жене плотника и матери трех дочерей, что понятия не имела о магии, но владела иной мудростью. Кроме того, на противоположном конце Земноморья, на самом краю дальнего Западного Предела знали это имя два дракона: Орм Эмбар и Калессин.

— Сегодня вечером нам следует всем собраться на Совет, — сказал Гед. — Я схожу к Мастеру Путеводителю. И pošлю кого-нибудь к Курремкармерруку, чтобы он на время отложил свои бесконечные списки и дал ученикам отдохнуть вечером, а сам поприисутствовал на Большом Совете — хотя бы и не во плоти. Может быть, ты позаботишься о том, чтобы пришли остальные?

— Непременно, — сказал, улыбаясь, Привратник и тут же исчез; исчез и сам Верховный Маг; и фонтан продолжал напевать что-то уже только для себя — свежая, чистая, неиссякающая струя в золотистом свете ранней весны.

Чаще всего Имманентную Рошу можно было увидеть с запада или с юга от Большого Дома. На картах она не отмечена, и пути к ней не существует ни для кого, за исключением тех

немногих, кому открыт этот путь. Но видеть ее могут даже новички из Школы, и простые горожане, и фермеры, однако всегда как бы в отдалении — небольшой лесок, где листья высоких деревьев отсвечивают золотом даже среди буйной весенней зелени. И еще людям — ученикам Школы, горожанам и фермерам — кажется, что Роща каким-то загадочным образом движется по кругу. Однако это ошибка: движется не Роща, ибо корни ее — это корни самого бытия, а как раз все то, что Рощу окружает.

Гед шел от Большого Дома прямо через поля. Он скинул свой белый плащ, потому что полуденное солнце палило вовсю. Какой-то крестьянин, пахавший поле на коричневом склоне Холма Рок, поднял руку, приветствуя Верховного Мага, и тот махнул ему в ответ. Из-под ног с писком и щебетом вспархивали маленькие пташки. Всюду зацветал горицвет, особенно в канавах и по краю дороги. В вышине чертил дугу по сини небес ястреб. Гед взглянул вверх и снова приветственно поднял руку. Камнем, стрелой, шелестя перьями на ветру, ястреб упал с неба и уселся точно на подставленное запястье, сжав его желтоватыми когтями. Это был не ястреб даже, а крупный сапсан, что водится на острове Рок, с бело-коричневым оперением, большой любитель рыбной ловли. Он искоса поглядывал на Геду круглым, золотисто-коричневым глазом, потом щелкнул клювом и уставился прямо в глаза человеку обоими своими глазищами.

— Бесстрашный, — сказал ему человек на Языке Созидания, — бесстрашный.

Птица захлопала огромными крыльями и еще плотнее сжала когти на запястье Геды, глядя ему в глаза.

— Ну ладно, ступай, брат мой бесстрашный.

Тот фермер, что пахал на склоне Холма, остановился и смотрел на них. Однажды прошлой осенью он видел, как Верховный Маг точно так же посадил дикую птицу себе на запястье, а уже через мгновение не было ни птицы, ни человека — только в вышине в потоках ветра кружили два сокола.

На этот раз, однако, они расстались: птица взлетела в небесную высь, а человек пошел дальше по непросохшим еще полям.

Гед вышел точно на ту тропу, что вела в Имманентную Рощу, — тропа эта всегда была абсолютно прямой, вне зависимости от того, по какой кривой обращались вокруг нее время и сам мир, — и вскоре вошел под сень волшебных деревьев.

Некоторые стволы были поистине огромны. Глядя на них, действительно можно было предположить, что Роща оставалась неизменной со дня сотворения мира: стволы напоминали древние памятники, старинные башни, седые от старости; корни этих деревьев были столь же глубоки, как корни гор. И все же огромные деревья не были бессмертны; самые старые из них почти совсем лишились листьев и были украшены мертвыми сухими ветвями. Меж этих гигантов росла молодь — высокие, полные сил деревья с пышными кронами и множеством стручков с семенами; стручки были длиной с ребенка.

Земля под деревьями была мягкой, плодородной — на нее многие годы падала слоями и перепревала листва. На этой благодатной почве росли папоротники и разные лесные травы, однако деревьев других пород в Роще не было — только эти, старинные, не имеющие названия на современном ардическом языке Земноморья. Под кронами их воздух был свеж и пахнул землей, оставляя во рту вкус родниковой воды.

На поляне, образовавшейся много лет тому назад, когда упало одно из деревьев-великанов, Гед встретил Мастера Путеводителя, который жил прямо в Роще и очень редко, почти никогда, не выходил за ее пределы. Волосы его были желты как масло; он не был уроженцем Архипелага. После того как Кольцо Эррет-Акбе вновь стало целым, варвары с Каргадских островов прекратили свои грабительские войны и принялись заключать сделки и договоры с торговцами Внутренних Земель. Они по натуре не были миролюбивы и по-прежнему держались замкнуто, но время от времени то молодой каргадский воин, то сын каргадского купца по собственной воле являлся на один из западных островов, влекомый любовью к приключениям или мечтая выучиться волшебству. Таким был и Мастер Путеводитель лет десять тому назад — молодой дикарь родом с Карего-Ат с мечом на поясе и красными перьями на шлеме; он прибыл на Рок дождливым утром и без лишних слов заявил Привратнику, ужасно коверкая здешний язык: «Я пришел учиться!» И вот теперь он стоял в золотисто-зеленом свете под деревьями Рощи, высокий мужчина с длинными светлыми волосами и странными ясными зелеными глазами — Мастер Путеводитель Земноморья.

Возможно, он тоже знал подлинное имя Геда, но, даже если это было и так, ни разу не произнес его. Они лишь кивнули друг другу в знак приветствия.

— За кем это ты наблюдаешь? — поинтересовался Верховный Маг, и Мастер Путеводитель ответил:

— За пауком.

На поляне между двумя высокими стеблями осоки паук сплел свою паутину — изящную кружевную сеть округлой формы. Серебряные нити переливались в солнечном свете. В самом центре паутины поместился ткач — серо-черное существо не больше зрачка.

— Тоже ведь настоящий мастер — хорошо знает свой путь, — сказал Гед, изучая искусно сплетенную сеть.

— А в чем здесь зло? — спросил более молодой Маг.

Круглая сеть с черной точкой в сердцевине, казалось, наблюдала за ними обоими.

— Зло в тех сетях, что плетем мы, люди, — ответил Гед.

В этом лесу не пели птицы. В полуденные эти часы он был полон молчания, пронизанного солнцем и зноем. Вокруг усилились деревья и лежали полосы теней.

— Пришло известие с Нарведена и Энлада: то же самое.

— Сначала юг и юго-запад. Теперь север и северо-запад, — пробормотал Путеводитель, не отрывая глаз от округлой паутины.

— Сегодня вечером мы придем сюда. Это самое лучшее место для Совета.

— Что до меня, то мне посоветовать нечего. — Теперь Путеводитель смотрел прямо на Геда, и его зеленые глаза были холодны. — Я боюсь, — прибавил он. — Кругом страх. Страх поселился даже в корнях.

— О да, — согласился Гед. — По-моему, нам придется добираться до самых истоков. Мы слишком долго позволяли себе греться на солнышке, слишком долго наслаждались покоем после восстановления Кольца, занимаясь мелочами, ловя рыбку на мелководье. Сегодня мы должны заглянуть в глубины. — Сказав это, он оставил Путеводителя одного; тот по-прежнему не сводил глаз с паутины в весенней траве.

На опушке Роши, где листья волшебных деревьев-великанов касались уже самой обыкновенной травы, Гед сел на землю, прислонившись спиной к могучему корню и положив посох на колени. Он закрыл глаза, словно отдыхая, и послал свою душу в полет над холмами и полями к северной оконечности острова Рок, на исхлестанный морскими валами мыс, где высилась Одинокая Башня.

— Курремкармеррук, — окликнул Гед Мастера Ономатета. и тот, подняв голову от толстенной книги с именами корней, стеблей, листьев, семян и лепестков, которые перечислял своим ученикам, отозвался:

— Я здесь, господин мой.

Потом он стоял и слушал кого-то невидимого, высокий худой старик, с наброшенным на седые волосы капюшоном, а студенты за столами во все глаза смотрели на него и изумленно переглядывались.

— Я приду, — сказал наконец Курремкармеррук и снова склонил голову к своей книге, забормотав: — Теперь пойдем дальше. Этот лепесток травы моли носит имя Йебера, а чашелистик ее — имя Партонатх, а стебель, листья и корень имеют свои собственные имена, каждый в отдельности...

Но тут сидевший под деревом Имманентной Роши Гед призвал свою душу обратно — он и так знал все имена, принадлежащие траве моли. Поудобнее вытянув ноги и плотно закрыв глаза, он быстро уснул в пятнистой тени волшебных деревьев.

Глава 2

МАСТЕРА ОСТРОВА РОК

На острове Рок существует Школа Волшебников, куда со всех островов Внутреннего моря посылают мальчиков, проявивших способности к занятиям магией, чтобы там они познали Высшие Искусства. В Школе они овладевают различными уровнями мастерства, изучая подлинные Имена, старинные руны, всяческие науки и разные способы наложения заклятий, а также то, что следует и чего не следует делать магу и почему. После долгих лет учения, если руки их, ум и душа начинают наконец действовать во взаимосвязи друг с другом, они могут получить звание волшебника и обрести могущественный посох. Настоящими волшебниками становятся только на острове Рок; но поскольку обычные колдуны и ведьмы есть на всех островах Земноморья, а колдовство порой не менее полезно людям, чем хлеб насущный, и не менее приятно, чем звуки музыки, то Школа Волшебников жителями Земноморья почитается особо. Девять Магов, Мастеров Школы, считаются равными великим правителям Архипелага. Хранитель острова Рок, глава Мастеров и Верховный Маг Земноморья, не обязан отчитываться ни перед кем, за исключением Короля Всех Островов, но и это лишь проявление уважения к своему правителю, скорее веление сердца, ибо даже Король не может заставить столь великого Мага подчиняться обычным законам. Но даже в те давние времена, когда не существовало еще подлинных Королей, Верховные Маги подчинялись правителям и соблюдали общепринятые законы, как и все остальные жители Земноморья. На острове Рок всегда все оставалось так, как было устроено много-много столетий тому назад; остров этот казался местом, хранимым от любых бед, и всегда в гулких

коридорах Большого Дома слышался смех мальчиков-учеников.

Провожатый Аррена, плотно сбитый юноша в плаще, перехваченном у горла серебряной пряжкой в знак того, что он прошел обряд посвящения, получил звание колдуна и теперь учится дальше, чтобы стать настоящим волшебником и обрести свой посох, сказал, что его зовут Гэмбл, что значит «риск».

— Это потому, — пояснил он, — что мои родители, у которых уже было шесть дочерей, родили седьмого ребенка, что-бы, как сказал отец, рискнуть и испытать судьбу еще разок.

Это был приятный спутник, сообразительный и скорый на язык. В иное время Аррен наслаждался бы его шутками, но сегодня душа его была слишком переполнена впечатлениями и он почти не обращал на своего нового приятеля внимания. Гэмбл, чувствуя себя уязвленным, заливался соловьем: сначала рассказывал рассеянному слушавшему его Аррену о странных происшествиях в Школе Волшебников, потом перешел к откровенным небылицам, однако на все Аррен отвечал одинаково: «Да-да, понятно», так что в конце концов Гэмбл решил, что этот княжеский сынок — полный идиот.

— Разумеется, еду здесь никто не готовит, — вещал Гэмбл, показывая Аррену огромную каменную кухню, сверкающую блеском медных котлов и кастрюль, наполненную стуком огромных кухонных ножей и пропахшую едким запахом лука. — Это все просто для видимости. Мы приходим в трапезную, и каждый наколдovывает себе то, что ему больше нравится. К тому же и посуду мыть не надо.

— Да-да, понятно, — вежливо откликнулся Аррен.

— Ну и, конечно, новички, которым заклятия пока не даются, на первых порах сильно худеют; они стараются учиться побыстрее, чтобы не голодать. Тут есть один парень из Хавнора, так он все пробует себе жареного цыпленка наколдovовать, а получается одна просяная каша. Не выходит — и все тут. Каша да каша. Правда, вчера он в придачу к ней получил еще вяленую треску. — Гэмбл совсем уж заврался, пытаясь привлечь внимание гостя или хотя бы вызвать его недоверие. Однако в конце концов сдался и умолк.

— А откуда... с какого острова прибыл сюда Верховный Маг? — спросил его Аррен, даже внимания не обратив на великолепную резьбу, покрывавшую стены и сводчатый потолок величественной галереи, по которой они шли. Там изображено было Древо Жизни с тысячью листьев.

— Он с Гонта, — сказал Гэмбл. — Коз в деревне пас.

— Он пас коз?

— Ну да, в основном все гонтийцы этим занимаются, если не становятся колдунами или пиратами. Я же не говорю, что он каким был, таким и остался, знаешь ли?

— Но каким же образом пастух может стать Верховным Магом?

— Точно так же, как и князь или княжеский сынок! Приехал на Рок, превзошел в науках всех Мастеров, потом выкрал Кольцо с острова Атуан, побывал на островах Драконы Бега, а со временем стал величайшим магом Земноморья со времен Эррет-Акбе. А ты что думал?

Они вышли с галереи через северные ворота. Над словно зеленым мхом покрытыми холмами, над крышами города Твил, над заливом плыл теплый летний полдень. Юноши остановились и наконец поговорили как следует.

— Конечно, все это случилось уже давно, — сказал Гэмбл. — Он ничего особенного не совершил с тех пор, как стал Верховным Магом. Все они так. По-моему, Верховные Маги просто должны все время находиться на острове Рок и следить за Мировым Равновесием. Да ведь он уже и старый к тому же.

— Старый? Сколько же ему лет?

— Ну так сорок или пятьдесят.

— А ты его видел?

— Конечно, видел! — резко ответил Гэмбл. Этот княжеский сынок оказался не только идиотом, но и порядочным задавалой.

— Часто?

— Нет. Он сторонится людей. Но когда я в первый раз прибыл на Рок, то видел его во дворе у фонтана.

— Я с ним говорил там сегодня, — промолвил Аррен. Тон, каким он произнес эти слова, заставил Гэмбла внимательно посмотреть на собеседника и ответить более полно.

— С тех пор три года прошло. Я, конечно, тогда совсем мальчишкой был и так испугался, что как следует его и не рассмотрел. Там ведь, у фонтана, и не поймешь сразу, кто какой на самом деле. Лучше всего я помню его голос и еще журчание воды. — Он помолчал минутку и добавил: — А еще поговору сразу ясно, что он с Гонта.

— Если бы я мог разговаривать с драконами на их языке, — сказал Аррен, — мне было бы все равно, какой у меня говор.

Тут Гэмбл глянул на него весьма одобрительно и спросил:

— А ты, принц, что, приехал в Школу поступать?

— Нет. Я привез послание Верховному Магу.

— Энлад ведь когда-то входил в состав Королевства, да?

— Да. Энлад, Илиен и Уэй. И когда-то еще Хавнор и Эа, но потомки Великих Королей на этих островах вымерли. На Илиене,

например, их родословная восходит к Гемалю Морем Рожденному и Махариону. На Уэе — к Акамбару и Шелитху. На Энладе самый древний королевский род, основанный Морредом и его сыном Серриадхом. Ими построен Дворец Энлада.

Аррен рассказывал это с мечтательным видом школьника, который знает урок наизусть, но думает совсем о другом.

— Как по-твоему, успеем ли хоть мы увидеть на своем веку нового Короля в Хавноре?

— Я никогда об этом не думал.

— А у нас, на острове Арк, частенько об этом думают. Сейчас мы входим в состав княжества Илиен — с тех пор как был восстановлен мир. Не помнишь, когда это случилось? Где-то лет семнадцать—восемнадцать назад, когда Кольцо с Королевской Руной было возвращено в Башню Королей на Хавноре. Тогда некоторое время дела всюду пошли хорошо, зато теперь — хуже некуда. Пора, пора уже настоящему Королю воцариться на троне Земноморья и править под Знаком Мира. Люди устали от войн, от пиратских налетов, от жадных купцов, от князей, что дерут с подданных по три шкуры, от раздоров между правителями. Здешние Мудрецы могут наставить на путь истинный, но править миром они не могут. Их забота — Мировое Равновесие, а власть должна стать заботой истинного Короля.

Гэмбл говорил искренне, с воодушевлением, забыв все свои шуточки и вранье, и в конце концов воодушевился и Аррен.

— Энлад — страна богатая и миролюбивая, — медленно проговорил он. — Мы никогда не участвовали в междоусобицах. Однако знаем о бедах, постигших иные земли. Впрочем, на троне Хавнора вот уже восемьсот лет — со дня смерти Махариона — не было ни одного Короля. Примут ли государства нового Правителя, подчинятся ли ему?

— Если он будет достаточно силен и взойдет на трон с мирными намерениями, если Рок и Хавнор признают его притязания справедливыми.

— А ведь было еще пророчество, которое непременно должно свершиться, не правда ли? Махарион сказал, что следующий Король должен быть магом.

— Наш Мастер Регент сам родом с Хавнора и очень этим пророчеством интересуется. Он вот уже три года вдалбливает в наши головы слова Махариона: «Тот унаследует мой трон, кто живым пройдет по темному царству смерти и выйдет к дальнему берегу дня».

— Вот потому-то он и должен быть магом.

— Да, ибо только волшебнику или великому магу дано побывать в стране мертвых и вернуться обратно. Но всю ее из конца в конец даже они пройти не могут. Во всяком случае,

они всегда говорят о ней так, словно граница у нее только с одной стороны, а конца вообще нет. Что же в таком случае значат эти слова: «дальний берег дня»? Однако таково пророчество Последнего Короля, и непременно когда-нибудь родится тот, кто выполнит его завет. И тогда остров Рок признает его, и все флота, армии и все народы станут ему служить. И снова в Башне на острове Хавнор — в самом сердце нашего мира — воцарится настоящий Король. Я бы и сам преклонил перед ним колена и служил бы ему верой и правдой, — сказал Гэмбл, пожал плечами и засмеялся, чтобы Аррен не подумал, что он слишком расчувствовался. Но Аррен смотрел на него дружелюбно и думал: «Он был бы так же предан настоящему Королю, как я — Верховному Магу». Вслух же он сказал:

— Любому королю понадобятся такие верные помощники, как ты.

Так они и стояли, каждый думая о своем, но чувствуя дружеское расположение друг к другу, когда у них за спиной в Большом Доме прозвучал колокол.

— Ага! — сказал Гэмбл. — Сегодня на ужин чечевица и луковый суп. Пошли!

— Я думал... ты же говорил, что здесь никто еду не готовит, — растерянно сказал Аррен, следуя за ним.

— А, ну иногда бывает... по ошибке...

Никакого волшебства на ужин не было, зато было много вкусной еды. Наевшись, они снова отправились бродить по холмам, где над полями уже повисли мягкие вечерние сумерки.

— Вот это знаменитый Холм острова Рок, — сказал Гэмбл, когда они начали взбираться на округлую гору. По ногам хлестала покрытая росой трава, внизу на болотистых берегах речки Твилберн хором заливались лягушки, приветствуя первые теплые деньки и все более короткие звездные ночи.

Здесь все, казалось, было окутано тайной. Гэмбл сказал тихонько:

— Этот Холм первым поднялся из вод морских, когда было произнесено Слово Созидания.

— И он последним скроется в них, когда придет всеобщее разрушение, — сказал Аррен.

— Значит, это самое безопасное место в мире, — сказал Гэмбл, стараясь избавиться от неожиданно овладевшей им робости, и тут же, вновь оробев, воскликнул: — Смотри! Роцца!

К югу от Холма среди полей что-то ярко светилось, словно там всходила полная луна. Однако настоящий тонкий месяц давно уже висел на западном краю небосклона, а в том сиянии, что разливалось на юге, было что-то неверное, странное, свет мерцал и трепетал, словно листва деревьев под ветром.

— Что это?

— Это светится Имманентная Роща; там, должно быть, собрались Мастера. Говорят, она светится вот так, словно луна, когда они собираются на Большой Совет, скажем, чтобы выбрать Верховного Мага — как пять лет назад. Но зачем они собрались сегодня? Не ради ли новостей, которые ты привез?

— Возможно, — ответил Аррен.

Гэмбл страшно разволновался, забеспокоился и решил вернуться в Большой Дом, чтобы узнать, какие слухи ходят там насчет сегодняшнего Совета Мастеров. Аррен пошел за ним следом, постоянно оглядываясь и не в силах оторвать взгляд от волшебного сияния, пока оно не скрылось за склоном Холма и на небе не остался один лишь настоящий месяц да весенние звезды.

Спать его уложили в отдельной комнатке-келье с каменными стенами. Аррен лежал в полной темноте с открытыми глазами без сна. Всю свою жизнь он спал на роскошной постели, под мягкими шерстяными одеялами; даже на той двадцативесельной галере, что привезла его сюда с Энлада, удобств было куда больше, чем здесь, где ему полагались лишь соломенный тюфяк на голом каменном полу да рваное войлочное одеяло. Но ничего этого он, похоже, не замечал. «Я нахожусь в самом центре нашего мира, — думал он. — Великие Мастера сейчас советуются в том священном месте. Что-то они предпримут? Соткут новое волшебство, способное спасти древнее искусство магии? Может ли стать, что волшебство в нашем мире погибнет? Существует ли опасность, способная угрожать даже острову Рок? Я непременно останусь здесь. Не поеду домой. Я скорее попрошусь в подметальщики в Школе Волшебников, чем снова стану лишь наследником Энлада. Позволит ли ОН мне остаться в качестве ученика? Но, может быть, никого больше уже и не будут учить искусству магии? Не станут изучать подлинные имена вещей? У моего отца врожденный волшебный дар, а у меня его нет; может быть, это потому, что волшебство в нашем мире действительно вымирает? И все-таки я останусь с НИМ рядом, даже если ОН утратит все свое могущество и искусство. Даже если я никогда больше ЕГО не увижу. Даже если ОН никогда больше не скажет мне ни слова...» Такое даже представить себе было слишком тяжело, и Аррен постарался как бы проскочить в мыслях мимо столь неприятной темы; уже через минуту он снова увидел себя в том самом дворике, под ясенем, лицом к лицу с Верховным Магом, и небеса над головой были черны, и на дереве не было ни листочка, и молчал фонтан, а сам Аррен говорил: «Господин мой, буря прямо над нами, но я останусь с тобой и буду верно

тебе служить» — и Верховный Маг улыбался ему... Но тут юноше не хватило воображения, ибо он пока еще не видел улыбки на этом темнокожем лице.

Утром Аррен встал с ощущением, что со вчерашнего вечера успел превратиться из мальчишки в мужчину. Он был готов ко всему. Однако уже утренние новости застали его врасплох.

— Верховный Маг хочет поговорить с тобой, принц Аррен, — сообщил ему, приоткрыв дверь, мальчишка-новичок, подождал чуть-чуть и умчался, прежде чем Аррен успел собраться с мыслями и ответить.

Юноша спустился по винтовой лестнице в нижние этажи башни, не представляя, как ему попасть по бесконечным каменным коридорам к дворику с фонтаном. Однако в коридоре его поджидал тот пожилой человек с широкой улыбкой, от которой две глубокие складки пролегли на его щеках от крыльев носа до подбородка. Это он встретил его вчера у ворот Большого Дома, когда Аррен поднялся от гавани по улочкам Твила; тот самый, что потребовал, чтобы юноша назвал свое подлинное Имя, прежде чем впустил его.

— Пойдем-ка со мной, — сказал Аррену Мастер Привратник.

Залы и переходы в этой части здания были тихи и пустыньны, сюда не долетал вечный шум и гам, оживлявший остальную часть Большого Дома, где царили юные ученики. Здесь явно ощущался возраст старинных каменных стен. Волшебство, которым скреплены были эти древние камни, которое защищало здешних обитателей от любых бед, казалось, можно было пощупать. На каменных плитах через определенные промежутки были вырезаны руны. Резьба была очень глубокой. Некоторые знаки написаны серебром. Ардические руны Аррен научился различать благодаря урокам отца, однако ни одной из этих древних рун он не знал, хотя смысл некоторых, казалось, почти угадывал или, может быть, когда-то знал, только сейчас никак не мог вспомнить.

— Вот, парень, ты и пришел, — сказал ему Привратник, которому любые титулы были глубоко безразличны. Аррен следом за ним вошел в длинную, с низким сводчатым потолком комнату, где на одном конце в камине горел огонь и языки пламени играли на блестящем дубовом полу, а на противоположной стене стрельчатые окна пропускали совсем немного света, занавешенные серым утренним туманом. Перед камином стояла группа людей. Все посмотрели на Аррена, едва тот вошел, однако сам он видел одного лишь Верховного Мага. Юноша остановился, поклонился и застыл в молчании.

— Это Мастера нашей Школы, Аррен, — сказал Верховный Маг, — здесь семеро из девяти. Мастер Путеводитель никогда не покидает свою Рошу, а Мастер Ономатет уже отбыл в Одинокую Башню, что в двух днях пути отсюда к северу. Все они знают, с чем ты прибыл сюда. Друзья, это потомок Морреда.

При этих словах ни капли гордости не почувствовал Аррен в душе своей — скорее ужас. Он гордился своими предками, но думал о себе только как о наследнике княжеского рода, одном из разветвленного клана. Морред, основатель клана правителей Энлада, умер две тысячи лет тому назад. Деяния его были воспеты в легендах и не принадлежали миру сегоднешнему. С тем же успехом Верховный Маг мог назвать его потомком героя мифа, сыном мечты.

Юноша не осмеливался поднять глаза на восьмерых волшебников. Он уставился в окованный железом конец волшебного посоха Верховного Мага и слушал, как в ушах звенит кровь.

— Пойдем, позавтракаешь вместе с нами, — сказал ему Верховный Маг и пригласил всех к столу, накрытому у окна. На столе было молоко и горькое пиво, хлеб, свежее масло и сыр. Аррен сел вместе со всеми и принялся за еду.

Ему много раз с самого детства приходилось бывать в обществе знатнейших людей, правителей государств, богатых купцов. Дворец его отца в Бериле был полон ими — этими людьми, которые, и без того много имея, все время что-то покупали и продавали, прибирая к рукам все, до чего могли дотянуться. Все они много ели и пили много вина, и много говорили, добываясь чего-то для себя самих. Несмотря на юный возраст, Аррен научился кое-что понимать в поведении людей, в их пороках и пристрастиях. Но никогда не приходилось ему бывать в обществе таких людей, как эти Мастера. Они ели простой хлеб, говорили мало, лица их были спокойны. Если же они чего-то и добивались, то не для себя. И тем не менее то были люди, обладавшие огромным могуществом: это Аррен тоже почувствовал сразу.

Ястреб, Верховный Маг Земноморья, сидел во главе стола и, казалось, внимательно слушал то, что говорили другие, однако вокруг него как бы висело непроницаемое облако тишины, и прямо к нему не обращался никто. Аррен также был представлен самому себе, так что у него хватило времени, чтобы прийти в себя. Слева от него сидел Мастер Привратник, а справа — седовласый человек с очень добрым лицом, который наконец обратился к нему:

— Мы ведь земляки, принц Аррен. Я родился в восточном Энладе, близ леса Аол.

— Мне приходилось охотиться в этом лесу, — ответил Аррен, и они немножко поговорили о лесах и городах Энлада, Острова Легенд. Вспомнив родной дом, Аррен немного успокоился.

Когда трапеза была закончена, они перешли к камину; одни сели, другие остались стоять, и все молчали.

— Вчера вечером, — сказал Верховный Маг, — мы собирались на Совет. Долго говорили, но так и не пришли ни к какому решению. Я бы хотел сегодня, при свете дня, услышать, поддерживаете ли вы вчерашний план или отвергаете его.

— То, что мы не пришли ни к какому решению, — сказал Мастер Травник, плотный темнокожий человек со спокойными глазами, — уже само по себе что-то значит. Путь открывается всегда в Роще, однако мы его не нашли, нам помешали разногласия.

— Только потому, что об этом пути мы не имеем ясного представления, — уточнил седовласый уроженец Энлада, Мастер Метаморфоз. — Мы просто знаем слишком мало. Слухи с острова Уотхорт, вести из Энлада... Странные вести, которые заслуживают большего внимания... Однако для серьезных опасений пока оснований мало. Во всяком случае нашему могуществу ничто не угрожает из-за того лишь, что несколько колдунов позабыли слова заклинаний.

— Вот и я то же самое говорю, — подхватил худой востроглазый Мастер Ветроудуй. — Разве не сильны мы по-прежнему? Разве перестали расти в Роще деревья? Разве не распускаются на них новые листья? Так стоит ли бояться того, что может быть утрачено искусство магии — самое древнее из известных человеку искусств?

— Ни один человек, — басом сказал Мастер Заклинатель, высокий, моложавый, с темнокожим благородным лицом, — ни один человек и никакая сила не могут остановить действие волшебства или произнесенного заклятия. Ибо слова наших заклятий принадлежат Истинной Речи и тот, кто заставит их молчать, сумеет разрушить весь мир.

— О да, и тот, кто способен сделать такое, вряд ли находится на острове Нарведен или Уотхорт, — сказал Метаморфоз. — Скорее он поспешил бы сюда, на остров Рок, к воротам Школы: тогда конец света не заставил бы себя долго ждать! Однако пока положение дел иное.

— И все-таки неладно что-то в нашем мире, — вступил в разговор еще один из Мастеров, и все обернулись к нему. С широкой грудью, крепкий, как дубовый бочонок, сидел он у огня, и голос его звучал спокойно и уверенно, подобный звону большого колокола. Это был Мастер Регент. — Где тот Король,

что должен править в Хавноре? Остров Рок — отнюдь не центр Вселенной. А центр Земноморья — та белая башня, где вместо шпиля меч Эррет-Акбе. В ней возвышается трон Серриадха, Акамбара, Махариона. Восемь веков пустует сердце нашего мира! Есть у нас королевская корона, да нет Короля, что надел бы ее. Есть у нас Утраченная Руна, Королевская Руна, Знак Мира, возвращенный нам, да только есть ли у нас мир? Пусть на своем троне воцарится настоящий Король, тогда воцарится и мир в Земноморье, тогда даже в самых дальних Пределах колдуны спокойно вернутся к своим занятиям, тогда восстановится порядок, тогда всему будет свое время.

— Да, верно, — сказал Мастер Ловкая Рука, стройный быстрый человек, сдержанный, с ясными, внимательными глазами. — Я согласен с тобой, Регент. Разве удивительно, что волшебство теряет силу, когда порядок нарушен повсеместно? Если разбродилось все стадо, то что же нашей черной овечке оставаться на привязи?

При этих словах Привратник рассмеялся, но ничего не сказал.

— Значит, — начал Верховный Маг, — всем вам кажется, что ничего особенно страшного в мире не происходит; а если что-то и происходит, то причина лишь в том, что земли наши не имеют достойного правителя, а при имеющихся негодных правителях все искусства и тонкие ремесла гибнут в небрежении. С этим я в известной степени согласен. Действительно, на юге Земноморья нормальной торговли практически не существует, суда плавают туда все реже, и мы вынуждены питаться лишь слухами об этих краях. А что нам известно о западе — за исключением вестей с острова Нарведен? Если бы суда спокойно пускались в далекое плавание и возвращались без опаски обратно, как бывало раньше, и если бы острова Земноморья были постоянно и прочно связаны между собой, мы, разумеется, знали бы, что происходит в самых дальних уголках нашего мира, и могли бы действовать по обстоятельствам. И, по-моему, нам уже пора начинать действовать! Ибо, друзья мои, если правитель Энлада сообщает нам, что, творя заклятие, произнес вслух слова Истинной Речи, не понимая их смысла, если Мастер Путеводитель говорит, что страх таится в самых корнях, и не прибавляет больше ни слова, то разве это недостаточные поводы для беспокойства? Буря всегда начинается с небольшого облачка на горизонте.

— Ты всегда зло за версту чувствуешь, Ястребок. С самого детства, — сказал Мастер Привратник. — Скажи, что, по-твоему, в нашем мире неладно?

— Не знаю. Иссякают запасы энергии. Словно все стремительно распадается и нужно срочно что-то менять... Солнце уже не светит так ярко, как прежде. Я чувствую, друзья мои... что мы сидим здесь и разговариваем, не замечая, что смертельно ранены, и, пока длится наша бесконечная беседа, кровь потихоньку вытекает из ран, и мы слабеем, слабеем...

— И ты, конечно, готов немедленно вскочить и начать действовать?

— Конечно.

— Что ж, — сказал Привратник, — разве могут совы мешать ястребу летать?

— Но куда бы хотел ты направиться? — спросил Метаморфоз, и ему ответил Регент:

— На поиски настоящего Короля, разумеется, чтобы вернуть его на наш трон.

Верховный Маг остро глянул на Регента, но сказал лишь:

— Я пойду туда, где кроется несчастье.

— То есть на юг или на запад, — уточнил Мастер Ветродуя.

— А также — на север или на восток, если понадобится, — прибавил Мастер Привратник.

— Но ты нужен здесь, господин мой, — сказал Метаморфоз. — Может быть, вместо того чтобы бродить в поисках неведомого по неведомым путям среди недружелюбных народов, мудрее было бы остаться здесь, где магия обладает прежней силой, и с помощью нашего искусства понять природу этого зла, разрушающего Мировой порядок?

— Искусство мое останется при мне, — сказал Верховный Маг. Что-то в его голосе было такое, что заставило всех посмотреть на него трезво и печально. — Я — Хранитель острова Рок. Мне нелегко его покинуть. Я бы очень хотел, чтобы мы были единодушны на нашем последнем Совете, но, видно, не суждено. Вот мое окончательное решение: я должен отправляться в путь.

— И твоему решению мы, конечно, уступаем, — сказал Мастер Заклинатель.

— Но я пойду один. Вы составляете Совет Мудрецов, он не должен быть нарушен. Впрочем, одного человека я возьму с собой. Если он согласится. — Маг посмотрел на Аррена: — Вчера ты предложил мне свою службу. И вчера вечером Мастер Путеводитель сказал: «Никогда никто не приплывает к берегам острова Рок случайно. Не случайно гонцом сюда явился потомок Морреда». И больше за всю ночь не сказал он нам ни слова. А потому я спрашиваю тебя, Аррен: пойдешь ли ты со мной?

— Да, господин мой, — ответил Аррен пересохшим ртом.

— Князь, отец твой, разумеется, никогда не разрешил бы тебе отправиться в столь опасное путешествие, — сказал ему Метаморфоз, пожалуй, резковато, потом обернулся к Верховному Магу: — Этот мальчик еще слишком юн и совсем не обучен волшебству.

— Моих лет и ведомых мне заклинаний хватит на нас обоих, — сухо откликнулся Ястреб. — Аррен, что скажет твой отец?

— Отец, конечно, отпустил бы меня.

— Как можешь ты это знать? — спросил Заклинатель.

Аррен не понимал, ни куда требовалось ехать, ни когда, ни зачем. Он был совершенно сбит с толку, подавлен присутствием этих мрачных, благородных, невыносимых людей. Если бы у него хватило времени подумать, он, по всей вероятности, вообще ничего не смог бы ответить. Но времени подумать у него не было, а Верховный Маг спрашивал: «Пойдешь ли ты со мной?»

— Посылая меня сюда, мой отец сказал мне: «Боюсь, наш мир накрывает черная страшная туча. А потому моим гонцом будешь именно ты: ты сам сможешь разобраться, просить ли нам помощи у Острова Мудрых в эту тяжелую пору или самим предложить им помощь Энлада». Так что если кому-то здесь нужна моя помощь, то я для того сюда и приехал.

И тут он увидел, как Верховный Маг улыбнулся. И мимолетная эта улыбка была удивительно хорошей, доброй.

— Вы видите? — спросил Ястреб. — Так может ли почтенный возраст или искусство магии что-либо прибавить к этому?

Аррен почувствовал, что теперь все Мастера смотрят на него одобрительно, однако все еще с некоторым удивлением и как бы в замешательстве. Первым заговорил Заклинатель, насупившись так, что густые дуги его бровей слились в сплошную линию:

— Этого я не понимаю, господин мой. Ну хорошо, ты решил непременно ехать сам. Ты томишься здесь, как зверь в клетке, целых пять лет. Но раньше ты всегда отправлялся в путь один; отсюда ты всегда уходил в одиночку. Почему же на этот раз ты берешь кого-то с собой?

— Раньше я никогда в помощи не нуждался, — сказал Ястреб, и в голосе его прозвучала не то едва ощутимая угроза, не то насмешка. — К тому же я отыскал подходящего спутника. — Теперь Верховный Маг как бы излучал опасность, и долговязый Мастер Заклинатель не стал задавать ему лишних вопросов.

Но тут поднялся со своего места и встал подобно статуе Мастер Травник, человек со спокойными глазами и темной кожей, похожий на мудрого и терпеливого вола.

— Иди, господин мой, — сказал он, — иди и бери с собой мальчика. И да пребудет с тобой наша вера.

И единодушно подтвердив свое согласие с этими словами, поодиночке и парами Мастера стали покидать зал. Один лишь Заклинатель чуть задержался.

— Ястреб, — сказал он, — я не пытаюсь выведать, что ты решил на самом деле. Я только хочу сказать: если ты прав, если действительно нарушено Равновесие и существует опасность воцарения зла, то любого путешествия — на Уотхорт, или в Западный Предел, или даже на край света — недостаточно. Разве справедливо брать с собой мальчика туда, где можешь ты в результате поисков оказаться? Разве может он вернуться оттуда?

Аррен стоял чуть поодаль от них, а говорил Заклинатель чуть слышно, но Верховный Маг ответил ему в полный голос:

— Да, может, и это справедливо.

— Ты говоришь мне не все, что тебе известно, — упрекнул его Мастер Заклинатель.

— Если бы я что-то знал, то сказал бы. Но я ничего не знаю. Хотя догадываюсь о многом.

— Позволь мне пойти с тобой.

— Кто-то должен стеречь ворота.

— Этим ведь занимается Привратник...

— Не только ворота Рока. Оставайся здесь и следи за восходом — будет ли он ясным; а еще следи за каменной стеной, чтобы вовремя заметить, кто перебирается через нее и куда обернуто его лицо. В ткани мироздания есть какая-то брешь, Торион, да, брешь, дыра, рана, и вот ее-то я и отправляюсь искать. Если я не вернусь, может быть, повезет тебе... Но подожди. Умоляю тебя, дождись меня. — Верховный Маг использовал слова Истинной Речи, с помощью которых создаются все заклинания, любое волшебство; редко, очень редко Истинной Речью пользуются при простом разговоре, разве что драконы, у которых нет иного языка. Мастер Заклинатель больше не спорил и не протестовал; он только тихо поклонился обоим — Верховному Магу и Аррену — и удалился.

В камине потрескивал огонь. Вокруг стояла полная тишина. За окнами сгустился туман; мутные клубы его были похожи на дым.

Верховный Маг смотрел на пламя, словно не замечая присутствия юноши. Тот стоял в отдалении, не зная, то ли ему уйти, то ли подождать, пока его отпустят, нерешительный и как будто забытый. Он снова чувствовал себя крошечной фигуркой в темном, бескрайнем, ошеломляющем пространстве.

— Сначала наш путь лежит в город Хорт, — сказал Ястреб, отворачиваясь от камина. — Там собираются новости со всего

Южного Предела, так что мы, возможно, обнаружим хоть какую-то ниточку. Энладский корабль все еще ожидает тебя в порту. Попроси шкипера передать весточку твоему отцу. Я полагаю, что нам нужно отправляться в путь как можно скорее. Завтра на рассвете. Я буду ждать тебя у лодочного причала, приходи.

— Господин мой, что... — он запнулся, — но что именно ты ищешь?

— Не знаю, Аррен.

— Но тогда...

— Тогда как же я буду искать? И этого я тоже не знаю. Может быть, оно само попытается отыскать меня. — Он слегка улыбнулся Аррену, но лицо его в сером свете, просачивающемся из-за затянутого туманом окна, было твердым, словно отлитым из металла.

— Господин мой, — сказал Аррен, и теперь голос его звучал твердо, — я действительно потомок Морреда, насколько вообще можно установить, кто чей потомок в столь невероятно древнем роду. И если я смогу оказаться тебе полезным, то сочту это за величайшую честь и самую большую удачу в своей жизни. Я хотел бы служить только тебе. Но боюсь, ты по ошибке принимаешь меня за более сильного человека, чем я есть на самом деле.

— Возможно, — сказал Верховный Маг.

— У меня нет особых талантов, и умею я немного. Владею как коротким мечом, так и двуручным. Умею управляться с лодкой. Хорошо танцую. Могу погасить любую свару среди придворных. Люблю борьбу, но довольно плохо стреляю из лука. Зато хорошо играю в лапту. Умею петь, играю на арфе и лютне. И это все. Больше ничего не умею. Так какая от меня тебе польза? Мастер Заклинатель прав...

— А, так ты все понял? Он просто ревнует. Взывает к старой дружбе и верности. Считает, что для меня это важнее.

— Как и большее мастерство, господин мой.

— Может быть, ты предпочтешь, чтобы со мной отправился он, а ты остался?

— Нет! Но я боюсь...

— Боишься чего?

На глазах у юноши сверкнули слезы.

— Боюсь подвести тебя, — сказал он.

Верховный Маг снова отвернулся и стал смотреть на огонь.

— Садись, Аррен, — сказал он, и юноша присел на каменный выступ у очага. — Я вовсе не заблуждаюсь относительно твоих магических или воинских доблестей. Я вообще не считаю тебя уже сложившимся, взрослым человеком. И почти совсем не знаю, что ты из себя представляешь. Зато мне приятно

было узнать, что ты умеешь управляться с лодкой... Кем ты станешь, не знает никто. Но вот то небольшое, что знаю о тебе я: ты потомок Морреда и Серриадха.

Аррен молчал.

— Это правда, господин мой, — с трудом заговорил он, — но... — Верховный Маг молча ждал, и юноше пришлось закончить начатую фразу: — Но я не Морред. Я — это всего лишь я сам.

— И ты не гордишься своими предками?

— Нет, я ими горжусь, благодаря им я наследник Энлада; это большая честь, недоступная вершина, к которой нужно стремиться...

Верховный Маг утвердительно, хотя и резковато кивнул:

— Именно это я и имел в виду. Пренебрегать прошлым — значит пренебрегать и будущим. Человек не сам строит свою судьбу: он ее либо принимает, либо отвергает. Если у ясеня слишком слабые корни, то и крона его не будет пышной. — При этих словах Аррен изумленно взглянул на волшебника, ибо его подлинное имя — Лебаннен — означало «яшень». Но Верховный Маг так и не произнес этого имени вслух. — Корни твои глубоки, — продолжал он. — И сила в тебе есть, так что necesitamos лишь простор для роста. Этот простор я и предлагаю тебе вместо спокойного путешествия обратно домой — простор и путь с опасной и неведомой целью. Ты волен не участвовать в этом путешествии. Право выбора остается за тобой. Но я предлагаю тебе: выбирай. Устал я от безопасности, от стен и крыш, что окружают и охраняют меня. — Ястреб вдруг резко оборвал себя, пронзительный взгляд его ясных глаз стал каким-то странно невидящим: он словно ничего больше не замечал вокруг. И Аррен понял, сколь глубока тревога этого человека, и испытал страх перед его неукротимостью. Однако страх лишь усиливает возбуждение, и ответ юноши прозвучал от всего сердца:

— Господин мой, я выбрал: мы пойдем вместе.

Аррен вышел из Большого Дома глубоко потрясенный. Он решил было, что это и есть счастье, однако слово как-то не очень годилось. Тогда он подумал, что в нем поет гордость: ведь сам Верховный Маг назвал его сильным, способным выбрать свою судьбу человеком. Однако и гордости он не испытывал. Почему же? Самый могущественный волшебник Земноморья сказал ему: «Завтра мы с тобой уплывем на край света», а он лишь согласно кивнул головой, готовый к опасному путешествию: разве не стоит этим гордиться? И все-таки гордости не было — было лишь изумление.

Аррен спустился по крутым извилистым улочкам Твила к гавани, отыскал у причала своего шкипера и сказал ему:

— Завтра поутру мы с Верховным Магом отплываем в Южный Предел, на остров Уотхорт. Передай князю, отцу моему, что я вернусь в Берилу, как только закончу службу.

Шкипер при этих словах помрачнел. Он знал, как будет принят, явившись с подобным известием во дворец правителя Энлада.

— Мне нужна бумага, написанная твоей рукой, принц, — сказал он.

Аррен нашел это требование справедливым и поспешил — ему казалось, что теперь он все время должен поторапливаться, — в первую же лавчонку, впрочем странноватую на вид, где купил чернильный камень, кисточку и лист хорошей мягкой бумаги, плотной как войлок; потом быстро вернулся в гавань и устроился на краю причала, чтобы написать родителям письмо. Когда он подумал о матери, о том, как она возьмет вот этот лист бумаги и станет читать послание сына, душу его охватила грусть. Мать была веселой и кроткой, но он прекрасно знал, что ее радость и спокойствие зависят от него одного; знал, как страстно ждет эта терпеливая женщина его скорейшего возвращения. И не было никакой возможности успокоить ее и хоть как-то утешить во время его долгого отсутствия. Письмо получалось сухим и коротким. Он подписал его руной Меча — «Аррен» — и заклеил каплей смолы из котла на пристани. Потом протянул шкиперу, но вдруг крикнул: «Погоди!» — словно корабль уже отчаливал — и помчался вновь в ту же странную лавчонку, которую отыскал не без труда, ибо в припортовых улочках было нечто непостоянное, как и во всем городе Твиле; казалось порой, что даже повороты улиц постоянно меняются. В конце концов Аррен выбрался на нужную улицу и ворвался в лавку, загремев длинными нитями красных глиняных бус, украшавших вход. Еще покупая чернила и бумагу, он заметил на блюде среди разнообразных застёжек и украшений серебряную брошь в форме дикой розы. Имя его матери было Роза.

— Я ее покупаю, — торопливо бросил он с подобающим настоящему принцу высокомерию.

— Это старинная работа ювелиров с острова О. Похоже, вы ценитель древностей, — сказал хозяин лавки, внимательно разглядывая меч Аррена — но отнюдь не новенькие ножны, а потертую рукоять. — Брошь стоит четыре пластины.

Аррен без возражений заплатил эту довольно-таки большую цену: в кошельке у него было предостаточно пластинок из слоновой кости, что заменяют на Внутренних островах деньги. Мысль о том, что он пошлет матери достойный подарок, радовала душу. Выйдя из лавчонки, Аррен шегольским жестом положил руку на эфес меча.

Меч этот преподнес ему отец накануне отплытия с Энлада. Аррен торжественно принял дар и носил меч так, словно это было почетной обязанностью; даже на борту корабля он его не снимал. Он гордился, ощущая на бедре его тяжесть — тяжесть долгих веков, бременем ответственности ложившуюся на его душу. Ведь то был меч Серриадха, сына Морреда и Эльфарран, и не было и в мире более древнего меча, кроме того, что принадлежал когда-то Эррет-Акбе, а теперь красовался на Королевской Башне в Хавноре. Меч Серриадха никогда не откладывали на время, никогда не хранили в сокровищнице; он всегда сопровождал своих хозяев, однако со временем ничуть не постарел и даже за много столетий не утратил ни на гран своей волшебной силы, ибо выкован был с помощью величайшего заклятия. Согласно преданиям, обнажать этот меч можно было лишь тогда, когда он служил жизни. Правило это должно было соблюдаться вечно. Никогда не позволил бы меч Серриадха, чтобы им воспользовались в кровожадных целях, из мести или из зависти, а также — для захвата чужих земель. От этого меча, самого большого сокровища их семьи, и получил Аррен домашнее прозвище; ребенком его звали Аррендек, что значит «маленький меч».

Ему до сих пор еще ни разу не пришлось воспользоваться старинным мечом, как, впрочем, и его отцу, а также деду. Давно уже в Энладе царил мир.

Но теперь, на улице загадочного города, на Острове Мудрецов, рукоять меча вдруг показалась ему чужой, неудобной и страшно холодной. Меч почему-то стал слишком тяжелым и мешал при ходьбе. И чудесное возбуждение, что владело им, хоть и не прошло совсем, но как бы остыло. Аррен вернулся на пристань, попросил шкипера передать брошь матери и пожелал судну счастливого плавания и успешного возвращения на родину. Бредя назад, к Школе, юноша набросил на плечи плащ, прикрыв им ножны с древним непокорным и смертельно опасным мечом, что достался ему в наследство. Красоваться ему расхотелось. «Что я делаю? — спрашивал он себя, медленно поднимаясь по узким улочкам к похожему на крепость Большому Дому, возвышавшемуся над Твилом. — Как случилось, что я не еду назад, домой? Почему ищу то, чего вовсе не понимаю, с человеком, которого не знаю совсем?»

И ответа на эти вопросы он не находил.

Глава 3

ГОРОД ХОРТ

Впредраcсветной тьме Аррен, облачившись в подаренную ему матросскую робу, довольно поношенную, но чистую, торопливо прошел по молчаливым залам Большого Дома к восточной его стене, к дверце, вырезанной из драконьего зуба. Там его выпустил наружу Мастер Привратник, указав, как ему лучше пройти к лодочной пристани, и чуть улыбнувшись при этом. По самой верхней улице Твила Аррен добрался до тропы, которая спускалась прямо к лодочным сараям, принадлежавшим Школе, — чуть южнее основной гавани Твила. Тропа в сумерках была едва различима. Деревья, крыши домов, холмы казались неясными расплывчатыми формами, огромными стутками нерасcеявшейся еще ночной тьмы; воздух был недвижим и холоден, все вокруг казалось отрешенным, загадочным, и только на востоке, на самом горизонте, слабо светилаcь полоска пробуждающейcя зари.

У лестницы, ведущей к причалам, не было ни души. В толстой матросской робе и шерстяной шапке Аррен не чувствовал особого холода, но все же его била дрожь, когда он стоял в полном одиночестве на каменных ступенях в темноте и ждал.

Лодочные сараи мрачно возвышались над черной водой; вдруг где-то внутри одного из них раздался негромкий глуховатый стук, повторившийся три раза. У Аррена волосы зашевелились на голове. На воду совершенно бесшумно скользнула длинная темная тень. Это была лодка, которая тихонько подошла к причалу. Аррен сбежал по ступенькам и прыгнул через борт.

— Берись за румпель, — сказал Верховный Маг, чья невысокая худощавая фигура виднелась на носу, — держи ровней, а я пока парус поставлю.

Они уже вышли в залив; парус, словно белое крыло, затрепетал над лодкой, отражая разгорающийся свет зари.

— Ветер западный, так что за весла братья не придется: прощальный подарок Мастера Ветродуя, конечно. Следи за рулем, парень, эта лодка очень послушная! Вот так. Ну что ж, западный ветер и ясная зоря — подходящая погодка для весеннего равноденствия.

— А это и есть «Зоркая»? — Аррен знал о лодке Верховного Мага из песен и легенд.

— Конечно, — ответил тот, занятый снастями. Ветер свежел, и лодка то ныряла вниз, то взлетала на гребень волны. Аррен, сжав зубы, старался держать суденышко строго по курсу.

— Ею очень легко управлять, но вообще-то она с норовом, господин мой.

Верховный Маг засмеялся:

— Пусть делает, что хочет. Можешь не беспокоиться: она достаточно умна. Послушай, Аррен, — он чуть помедлил, стоя на коленях на банке и глядя юноше в лицо, — я теперь больше не «твой господин» и ты для меня не принц. Меня зовут Хок, что значит «коршун», я торговец, а ты мой племянник и ученик, и зовут тебя просто Аррен; родом мы оба из Энлада. Вот только из какого города? Да из любого большого — а то как бы «земляка» не встретить!

— Темере на южном побережье подойдет? Тамошние суда плавают во все Пределы.

Верховный Маг кивнул.

— Вот только, — осторожно начал Аррен, — у тебя, господин мой, не совсем энладский выговор...

— Знаю. Выговор у меня гонтский, — засмеялся его спутник и посмотрел на разгорающуюся зарю. — Но я полагаю, что смогу еще кое-чему научиться у тебя. Итак, мы с тобой родом из Темере, а лодка наша называется «Дельфин», и я никакой не маг, не твой господин, не Ястреб, а... как меня теперь зовут?

— Хок, господин мой.

И Аррен прикусил язык.

— Тренируйся, племянничек, — сказал Верховный Маг, — нужно просто немного потренироваться. Ты ведь никогда никем кроме наследного принца не был, а уж мне-то кем только не приходилось становиться, и, надо сказать, меньше всего времени я пробыл действительно Верховным Магом... Мы с тобой плывем на юг в поисках лазурита — знаешь, таких

голубых камешков, на которых всякие заклятия пишут? Помоему, в Энладе они весьма ценятся. С их помощью заговаривают ревматизм, растяжение связок, прострелы, а также когда шею надует или язык прикусишь...

Аррен уже буквально с ног валился от смеха. Отсмеявшись, он поднял голову, и как раз в этот миг лодка взлетела на волне и впереди над горизонтом блеснул краешек поднимающегося из моря золотого солнца.

Ястреб стоял, одной рукой держась за мачту, потому что лодку изрядно болтало, и, глядя на восходящее солнце переломного дня весны, вдруг запел. Аррен не понимал Истинной Речи — языка волшебников и драконов, — но в песне он слышал хвалу и радость и ощущал четкий ритм, схожий с плавным набегом волн, с неизменной сменой дня и ночи. Чайки кричали на ветру; берега Твила уплывали назад и в стороны: лодка вышла из залива в бурные воды Внутреннего моря, залитого солнечным светом.

От Рока до Хорта не так уж далеко, однако они провели в море целых три ночи. Верховный Маг очень торопился с отплытием, однако, едва покинув Рок, стал куда более спокойным, нетерпение его ушло. Ветер сменился на восточный, как только они вышли из зачарованных прибрежных вод, но Ястреб не воспользовался волшебством, как это сделал бы любой заклинатель погоды; вместо этого он часами обучал Аррена управлять лодкой при постоянном встречном ветре в скалистой бухточке у восточного побережья острова Иссел. На второй день с самого утра не переставая лил дождь, холодный, с сильным ветром — настоящая мартовская погода, но Ястреб ни слова не вымолвил, чтобы остановить дождь и ветер. Третью ночь они дрейфовали у входа в гавань Хорта при полном штиле в холодной туманной мгле, и Аррен все время с удивлением думал, почему это за весь недолгий период их знакомства Верховный Маг ни разу не воспользовался магией.

Впрочем, моряком он оказался несравненным. Аррен за три дня узнал от него куда больше, чем за десять лет занятий шлюпочным спортом в заливе порта Берила. А ведь волшебное и морское искусство весьма схожи: и маги, и моряки имеют дело с силами неба и земли, используют могучие ветры для того, чтобы приблизиться к бесконечно далекой цели. Впрочем, у Верховного Мага или торговца Хока цель была одна.

Волшебник был молчалив, но обладал редкостным добродушием. Его совершенно не раздражала неловкость Аррена; он держался просто и дружелюбно; для плавания по морю лучшего спутника нечего было и желать. Однако порой он настолько уходил в себя, погрузившись в молчание на долгие

часы, что если в период такой задумчивости Аррен о чем-то спрашивал его, то голос волшебника звучал непривычно резко, а глаза смотрели как бы сквозь собеседника. От этого, впрочем, любовь юноши к Верховному Магу не ослабевала, хотя первоначальная его восторженность несколько поостыла и волшебник иногда внушал ему даже некоторый страх. Возможно, Ястреб это почувствовал, потому что в туманную ночь, когда они дрейфовали близ Уотхорта, он долго, с паузами и остановками, рассказывал Аррену о себе и о том, что его тревожит.

— Мне так не хочется завтра вновь оказаться среди людей, — сказал он. — Я все старался представить себе, будто снова стал свободен... Что ничто не нарушено в мире. Что я не Верховный Маг и даже не обыкновенный колдун. Что я всего лишь Хок, торговец из Темере, что я никому ничего не должен и никакими привилегиями не пользуюсь... — Он помолчал и заговорил снова: — Старайся осторожно делать свой выбор, Аррен, когда придет время. Когда я был молод, мне пришлось выбирать между спокойной созерцательностью бытия и вечной деятельностью. Жажда деятельности влекла меня несказанно, я вцепился в эту возможность, как форель в наживку. Однако каждое твоё деяние, даже самый маленький поступок, связывают тебя последствиями, заставляя действовать снова и снова. Передышки случаются редко — такие, как сейчас у меня, — и только во время передышек можно позволить себе просто жить, просто подумать, кто же ты в конце концов такой.

Как может такой человек, думал Аррен, еще сомневаться в себе и собственном предназначении? Он всегда считал, что подобные сомнения — удел юнцов, еще ничего в своей жизни не совершивших.

Лодка покачивалась в серой холодной мгле.

— Вот за это я и люблю море, — неожиданно прозвучал во тьме голос Ястреба.

Аррен понимал его; однако собственные мысли юноши стремились вперед, в течение этих трех долгих дней и ночей — только вперед, к цели их поисков. И поскольку волшебник явно пребывал в разговорчивом настроении, Аррен наконец решился спросить:

— Ты думаешь, мы найдем то, что ищем, в порту острова Уотхорт?

Ястреб только головой покачал: то ли не был уверен, то ли просто не знал.

— Может быть, это какое-то поветрие, вроде чумы, что ползет с острова на остров, пожирая урожай, скот и даже человеческие души?

— Всякое поветрие или мор — это, в общем-то, обычное колебание маятника в часах Великого Равновесия. Теперь же происходит нечто иное. Здесь явно попахивает вмешательством злых сил. Мы порой испытываем страдания, когда Мировпорядок стремится обрести утраченное на миг равновесие, однако не теряем надежды, даже если приостанавливается развитие искусств и люди ненадолго забывают Слова Социдания. Это ведь тоже естественное состояние природы. Однако сейчас происходит отнюдь не восстановление утраченного Равновесия, а все большее его нарушение. И только одно существо способно полностью нарушить баланс.

— Человек? — напряженно спросил Аррен.

— Да, люди.

— Но почему?

— Из-за своей неумной жажды жизни.

— Жизни? Но разве это плохо — желать жить?

— Нет, это не плохо. Но когда мы силой заставляем природу выполнять наши желания, когда мы требуем, требуем, требуем — несокрушимого здоровья, абсолютной безопасности, бессмертия — тогда естественное желание превращается в алчность. А когда алчность подкреплена Знанием, она открывает ворота Злу. И тогда Великое Равновесие нарушается и Зло тяжким бременем тянет чашу мировых весов вниз.

Аррен некоторое время размышлял над услышанным, потом спросил:

— Значит, мы ищем все-таки человека?

— О да, человека и мага. Мне думается, это так.

— Но я всегда считал — так объясняли мне отец и учителя, — что искусство Высшей Магии пребывает в зависимости от Великого Равновесия, от существующего Мировпорядка и именно поэтому не может быть использовано во зло.

— Это, — сухо откликнулся Ястреб, — давний спорный вопрос. Бесконечны споры магов между собой. На любом острове Земноморья найдутся ведьмы, что творят злые заклятия, и колдуны, использующие свое ремесло, чтобы разбогатеть. Но есть и другие. Например, великий маг, Повелитель Огня, который пытался уничтожить Тьму и остановить полуденное солнце в зените. Даже Эррет-Акбе вряд ли смог бы одержать над ним победу. А вот другой пример: тот, кто погубил Морреда. На его сторону переходили целые армии. Заклятие, которое он сотворил против Морреда, было столь сильно, что, даже когда проклятый волшебник погиб, действие этого заклятия приостановить было нельзя, и остров Солеа со всеми жителями исчез в пучине морской. То были люди, своим великим могуществом и знаниями служившие Злу и питаемые Злом. Всегда

ли может волшебство, служащее Добру, оказаться сильнее? Неизвестно. Мы можем на это только надеяться.

Всегда испытываешь некоторое разочарование, когда вместо твердой уверенности обретаешь всего лишь надежду. И Аррен вдруг почувствовал себя неуютно на холодных вершинах столь высоких материй.

— Мне кажется, — сказал он, — я теперь понимаю, почему зло творит лишь человек. Ведь по сравнению с людьми даже акулы невинны: они убивают потому, что должны это делать.

— Именно поэтому ничто в мире не способно противостоять людям. Одно лишь может служить препятствием человеку с исполненным зла сердцем: другой человек. В позоре нашем кроется и наша слава. Лишь человеческий дух способен вершить зло, способен и одержать над ним победу.

— Ну а драконы? — спросил Аррен. — Разве не творят они зла? Разве они так уж невинны?

— Драконы? Драконы кровожадны, ненасытны, коварны; они не знают жалости или угрызений совести. Но являются ли драконы носителями зла? Кто я такой, чтобы судить о деяниях драконов?.. Они значительно мудрее людей. С ними, Аррен, как со снами. Нам, людям, снятся сны, мы занимаемся магией, творим добро и зло. Драконы не видят снов. Они сами — сон, мечта; волшебство — это их сущность, а потому они не занимаются магией как наукой. Магия — основа их бытия. Они не совершают поступков: они просто существуют.

— В Серилуне, — сказал Аррен, — есть шкура дракона Бар Отха, убитого Кеором, князем Энлада, триста лет тому назад. С того дня ни один дракон больше не пролетел над Энладом. Я видел шкуру Бар Отха. Она тяжела, как железные доспехи, и так велика, что, как говорят, могла бы закрыть всю рыночную площадь в Серилуне. Зубы у него не меньше моей руки. И все-таки Бар Отх считался молодым драконом, не достигшим полной зрелости и величины.

— Тебе страшно хочется увидеть драконов, — сказал Ястреб.

— Да.

— Кровь их холодна и ядовита. Нельзя смотреть им в глаза. Они гораздо старше людей... — На некоторое время волшебник погрузился в молчание, потом продолжил: — И все же, хоть порой я и начинаю забывать или сожалеть о содеянном когда-то, я всегда буду помнить, как однажды на закате видел парящих в потоках ветра драконов над далекими западными островами. И каждый раз воспоминание это дарит мне радость.

Теперь замолчали оба. Ничто не нарушало тишины, кроме шепота волн, бьющихся о лодку в кромешной тьме. Потом

путешественники наконец уснули, а лодка мирно покачивалась над темной морской бездной.

Утренняя дымка была просвечена ярким солнцем, когда они входили в бухту Хорта. На рейде стояла добрая сотня судов; некоторые быстро шли к причалам. Там были лодки рыбаков и краболовов, траулеры, торговые суда, две двадцативесельные галеры и одна огромная, шестидесятивесельная, требовавшая значительного ремонта; несколько легких парусников с треугольными парусами, предназначенными для того, чтобы ловить высокий ветер в теплых и тихих морях Южного Предела.

— Это военное судно? — спросил Аррен, когда они проплывали мимо одной из двадцативесельных галер, и спутник его ответил:

— Скорее рабовладельческое, раз там на скамьях для гребцов крепеж для цепей. Здесь, в Южном Пределе, людьми тоже торгуют.

Аррен с минуту обдумывал это сообщение, потом вытащил из рундука свой меч, бережно завернутый в кусок ткани еще при отплытии с Рока. Он развернул тряпицу и застыл в нерешительности, держа обеими руками меч и не вынимая его из ножен. Перевязь свисала до земли.

— Для ученика морского торговца этот меч не подходит, — сказал он. — Ножны слишком хороши.

Ястреб, правивший лодкой, бросил в его сторону быстрый взгляд:

— Если хочешь, возьми его с собой.

— Я подумал, что он, возможно, весьма пригодится там...

— Если меч сам просится в дело, мешать ему не следует, — сказал волшебник, внимательно следя, чтобы не столкнуться с кем-нибудь в забитом судами заливе. — Этого меча надо слушаться.

Аррен кивнул:

— Да, так мне говорили. Но он все-таки убивал. Людей. — Юноша посмотрел на изящную, чуть потертую рукоять. — Он уже убивал, а я еще нет. И в его присутствии чувствую себя дураком. Ведь он настолько старше меня... Возьму-ка я лучше нож, — заключил он, снова заботливо заворачивая меч и поглубже засовывая его в ящик. Лицо его было озабоченно и сердито. Ястреб ничего на это не сказал и, помолчав немного, предложил:

— Может, сядешь теперь на весла, парень? Нам нужно причалить вон там, у лестницы.

Город Хорт, один из семи крупнейших портов Архипелага, покоился на трех высоких холмах, поражая многоцветием своих улиц и шумной портовой жизнью. Дома, в основном глино-

битные, были раскрашены в красные, оранжевые, желтые и белые цвета; крыши из пурпурно-красной черепицы; красные купы цветущих деревьев виднелись повсюду. Разноцветные полосатые тенты были натянуты от крыши до крыши, затеня маленькие рыночные площади. Причалы были залиты солнцем; улочки, отходящие от них в глубь города, казались темными щелями, полными теней, людей и шума.

Когда они причалили и как следует привязали «Зоркую», Аррен уже хотел было выпрыгнуть на пирс, но Ястреб чуть помешкал, якобы проверяя прочность узла, и сказал юноше в спину:

— Сынок, здесь в Хорте есть люди, которые знают меня слишком хорошо. Так что смотри внимательно, чтобы в случае чего сразу отличить меня в толпе.

Когда он выпрямился, то шрамы на лице его совсем исчезли, волосы побелели, а нос стал курносый и похожим на грушу. Вместо высокого тисового посоха в руке у него появилась палочка из слоновой кости, а может, и хлыст, который он сунул за пазуху.

— Что, парень, не узнаешь? — сказал он, широко улыбаясь и с чисто энладским выговором. — Неужто никогда раньше не видел? Что ж ты дядюшку своего не признал!

Аррену приходилось видеть, как волшебники при дворе в Бериле до неузнаваемости меняли свой облик, представляя в лицах сказание о подвигах Морреда, так что понял, что это всего лишь иллюзия, быстро справился с собой и даже оказался в силах ответить:

— О, ну как же, конечно, узнаю, дядюшка Хок!

Но пока волшебник торговался с портовой стражей по поводу слишком высокой платы за стоянку и охрану лодки, Аррен не сводил с него глаз: хотел быть уверенным, что сможет узнать повсюду. И чем дальше, тем больше почему-то тревожило его это превращение. Слишком сложным оно оказалось, и теперь это был уже вовсе не Верховный Маг, не мудрый наставник... Плата за стоянку и впрямь была высокой, и Ястреб ворчал, расплачиваясь с охраной, и продолжал ворчать, когда они с Арреном двинулись в город.

— Того гляди, лопнет мое терпение! — приговаривал он. — Надо же, еще и плати этому толстопузому за то, чтоб он за лодкой присматривал, когда и половинки заклятия хватит, чтобы сохранить ее в два раза лучше. Вот она, плата за маскарад... я ведь и нормальный-то язык совсем позабыл, так-то, племянничек!

Они шли по забитой народом вонючей пестрой улочке, по обеим сторонам которой тянулись лавчонки чуть больше

будки сторожа, так что владельцы их стояли в дверях, выложив наружу гору товаров, и во весь голос зазывали покупателей. Там продавались глиняные горшки и кувшины, чулки и шляпы, лопаты и заколки для волос, сумки, чайники, корзины, ножи, веревки, судовые снасти, гвозди и болты всех размеров, постельное белье — любая хозяйственная утварь, инструмент и снесь.

— Это ярмарка?

— А? — Незнакомый курносый тип рядом склонил к нему свою грязноватую голову.

— Это ярмарка, дядюшка?

— Ярмарка? Нет, что ты. Тут у них целый год такая ярмарка. Да не надо нам ваших пирожков с рыбой, сударыня! Я уже позавтракал!

Аррен тем временем пытался отделаться от сомнительного типа с подносом, уставленным какими-то маленькими бронзовыми кувшинчиками. Торговец тащился за ним по пятам и ныл:

— Купи, посмотри, красавчик, они тебе понравятся и не подведут, а уж аромат! — в точности розы Нумимы: ни одна женщина не устоит. Попробуй-ка, юный повелитель морей, принц-красавчик...

В мгновение ока Ястреб оказался между Арреном и торговцем, грозно вопрошая:

— Что за снадобья?

— Это не снадобья! — скривился человек, пытаясь удрать. — Я снадобьями не торгую, шкипер! Только сиропы, чтобы уластить дыхание после выпивки или хазии, только сиропы, мой повелитель! — Торговец шлепнулся прямо на камни мостовой; сосуды на его подносе зазвенели и загремели, а некоторые так качнулись, что капли вязкой густой жидкости, розовой или ярко-красной, выплеснулись наружу.

Ястреб отвернулся и, не говоря больше ни слова, повел Аррена дальше. Вскоре толпа поредела, а лавчонки стали на удивление жалкими. Оборванные хозяева их продавали то горсть погнутых гвоздей, то сломанный пестик, то старый чесальный гребень. Но эта нищета, как ни странно, угнетала Аррена меньше: раньше на богатом конце улицы он чувствовал, что вот-вот задохнется от невероятного, немыслимого количества товаров, от бесконечных воплей — купи! купи! Сильно подействовали на него и приставаания продавца благовоний. Он вспоминал холодные чистые улицы своего родного северного города. «Никто в Бериле не стал бы так приставать к незнакомцу», — подумал он.

— Это какие-то сумасшедшие! — сказал он вслух.

— Сюда, племянничек, — сказал его спутник, не обратив на его слова ни малейшего внимания.

Они свернули в проход между двумя высокими, красными, глухими стенами каких-то домов, уступами поднимавшихся вверх по склону холма, прошли в какую-то арку, украшенную обвисшими драными флагами, и оказались на залитой солнцем площади — там был еще один рынок с точно такими же лавочками и навесами, точно так же кишачий людьми и мухами.

По краям рыночной площади совершенно неподвижно сидели или лежали люди, мужчины и женщины. Рты у них были какие-то странные: черные, будто засохшие раны; и на губах кишели мухи, собираясь в грозди, похожие на засохший виноград.

— Как же их много! — тихо и торопливо проговорил Ястреб своим собственным голосом: видно, и он тоже был потрясен до глубины души. Но когда Аррен взглянул на него, то увидел лишь равнодушно-туповатое лицо торговца Хока, которому на все это было наплевать.

— А что с этими людьми? Они больны?

— Это все хазия. Она утешает и дарит забвение, отпуская тело на волю из-под власти разума. Впрочем, и разум тоже обретает свободу... Вот только, возвратившись в прежнее тело, требует все больше и больше хазии... И жажда эта становится все сильнее, а жизнь — все короче, ибо дрянь эта, хазия, — сущий яд. Сначала у человека начинают дрожать руки и ноги, потом наступает паралич, а вслед за ним — смерть.

Аррен посмотрел на одну из женщин, привалившуюся спиной к теплой стенке; женщина подняла было руку, чтобы отогнать мух, но рука вдруг описала в воздухе странный неровный круг, словно ее хозяйка совсем забыла о прежнем намерении, и непроизвольно задергалась, будто в судорогах наступающего паралича. Это чуть-чуть напоминало некоторые магические жесты, которыми сопровождается наложение заклятий, однако было совершенно лишено какого бы то ни было смысла.

Торговец Хок тоже смотрел на женщину, однако без особого волнения.

— Пошли! — сказал он.

И повел Аррена дальше через рыночную площадь к небольшой лавочке. Солнце просвечивало сквозь полосатую ткань натянутой над ее входом маркизы, и разложенные на продажу товары — одежда, шали, плетеные пояса — были покрыты разноцветными полосами, зелеными, оранжевыми, алыми, лазурными. Разноцветные солнечные зайчики плясали по стенам, ибо прическу дамы, вероятно хозяйки магазина, украшали

многочисленные зеркала и высокий плюмаж. Дама была поистине гигантских размеров и густым голосом пела, зазывая покупателей:

— Шелка, сатины, холстины, меха, войлок, любая пряжа, шерстяные ткани с Гонта, тончайший газ с Сеула, шелка Лорбаниери! Эй, северяне, снимайте свои суконные кафтаны, вы что ж, не видите: солнце на небе! Гляньте-ка — разве не стоит такое отвезти домой в Хавнор да подарить своей девчонке? Вы посмотрите — вот южные шелка, тонкие, легкие, словно крылья бабочки!

И она ловкими своими руками раскинула перед путешественниками рулон воздушного шелка, нежно-розового с серебряной ниткой.

— Ой нет, госпожа, мы ведь женаты не на королевнах, — сказал торговец Хок, и голос женщины тут же сорвался на визг:

— Так во что ж вы там своих женщин одеваете, а? В мешковину, что ли? А может, в парусину? Жалкие вы людишки! Даже кусочка шелка не хотите купить своим бедняжкам, что вечно мерзнут в ваших северных снегах! А вот как раз для них: прекрасная гонтийская шерсть, она их согреет в холодные зимние ночи. — И тетка швырнула на прилавок целую штуку шерстяной материи в кремово-коричневую клетку из той шелковистой козьей шерсти, которой славятся северо-восточные острова Земноморья. Фальшивый торговец Хок протянул руку, пощупал материю и улыбнулся:

— Ну конечно, ведь ты и сама, небось, с Гонта, а? — спросил он неожиданно глубоким голосом, голосом волшебника Ястреба, и голова женщины в гигантском уборе, качнувшись в знак согласия, послала тысячу разноцветных пятнышек на прилавок с раскинутой на нем тканью. — Это андрадская работа, ясно? Здесь всего четыре нити основы на ширину пальца укладываются. А на Гонте — не меньше шести. Но лучше скажи-ка мне, что это ты вдруг свое колдовство забросила? Всякой ерундой торгуешь. Еще несколько лет назад, когда я прошлый раз заезжал сюда, то сам видел, как ты вызывала пламя, которое вырывалось у людей из ушей и превращалось потом то в птичек, то в золотые колокольчики. То была куда лучшая торговля, чем теперь.

— Никакая то была не торговля! — сердито сказала огромная женщина, и на мгновение Аррен перехватил ее взгляд — тяжелый и неподвижный. Глаза ее, напоминавшие темные агаты, внимательно следили за ним и Хоком из-под копны волос, качающихся перьев и путаницы сверкающих зеркал.

— Это было красиво — когда из ушей вылетало пламя, — грустновато, но совсем простодушно сказал торговец Хок. — Я-то надеялся племяннику своему показать...

— Ну вот что! Слушайте меня внимательно, — сказала женщина уже не так сердито, опираясь своими коричневыми ручищами и могучей грудью о прилавок. — Мы здесь больше такими штуками не занимаемся. Людям они не нравятся. Приелись. Теперь вот эти зеркала — мне кажется, ты и мои зеркала запомнил! — и она поправила свой головной убор так, что разноцветные солнечные зайчики стремительно заметались вокруг них, — ну, ими еще можно кого-то удивить, так они сверкают, да еще кое-какими словами и другими штуками, о которых я тебе не скажу. И человек в конце концов решает, что видит нечто такое, чего никогда еще не видывал, чего и на свете-то быть не может. Да и на самом деле нет, как не было и того пламени, и золотых колокольчиков или роскошных костюмов, в которые я любила наряжать моряков, — из золотой парчи, бриллианты величиной с абрикос... А они расхаживали в них, словно короли... Но то все были фокусы, обман. Людей обмануть ничего не стоит. Они как цыплята, зачарованные змеей: их пальцем помани, они и подойдут. Да, в общем-то люди глупы как куры. До них только потом доходит, что их просто-напросто обманули, и они начинают страшно злиться, вот подобные развлечения и перестают им нравиться. Я потому торговлей и занялась. Конечно, не все шелка здесь настоящие, не вся шерсть привезена с Гонта, да только они все равно будут это носить. Будут! Все это настоящее, не обман и не иллюзия, как те мои одежды из золотой парчи.

— Ну-ну, — сказал торговец Хок, — значит, во всем Хорте больше никого не осталось, кто сумел бы из чужих ушей пламя извлечь или еще какое чудо сотворить, как бывало?

При слове «чудо» женщина насторожилась, выпрямилась и начала аккуратно складывать шерстяную материя.

— Те, кому нужны лживые видения, жуют хазию, — сказала она презрительно. — Вот с ними и говорите, если хотите. — И мотнула головой в сторону неподвижных фигур по краям площади.

— Но здесь ведь были и настоящие колдуны, из тех, что могли наполнить ветром парус или наложить охраняющее заклятие на грузы. Что же, и они все тоже в торговлю ударились?

Сильно разгневанная этими словами, толстая торговка заорала:

— Остался еще один, если вам так уж нужно; великий колдун, с волшебным посохом и все такое!.. Может, заметили его там, на площади? Когда-то он с самим Эгре плавал, заклинал

для него ветры и отыскивал самые богатые галеры. Да только все это ложь, и капитан Эгре в конце концов наградил его по заслугам: оттяпал ему напрочь правую руку! Вот он и сидит там — поглядите-ка! — с полным ртом хазии и пустым брюхом. И все кругом ложь! Одна ложь! Вот тебе и вся магия, капитан Козел!

— Ну-ну, госпожа, — сказал торговец Хок мягко и терпеливо, — я ведь только спросил.

Но хозяйка лавки вдруг резко повернулась к нему спиной, так что кругом замелькала прямо-таки бешеная карусель из солнечных зайчиков, и Хок бочком, бочком выбрался на улицу. Аррен за ним.

Ястреб вовсе не испугался: совсем рядом с дверью лавчонки сидел, привалившись к стене и глядя в никуда, тот человек, на которого указала торговка. Когда-то темнокожее бородатое лицо его было, видимо, очень красивым. А теперь сморщенная безобразная культи правой руки была бесстыдно обнажена и лежала на камнях тротуара под ярким, жарким солнцем юга.

Позади них в лавчонках возникла странная суматоха. Однако Аррену было не под силу отвести глаза от этого человека: мучительное очарование охватило его.

— А он действительно был волшебником? — спросил он очень тихо.

— Вполне возможно, и он скорее всего тот, кого раньше звали Харе: он служил заклинателем погоды у знаменитого пирата Эгре... Ага, осторожней, Аррен! — Какой-то человек, на полной скорости вынырнувший откуда-то из гущи лавок, врезался в них и чуть не сбил с ног. Потом появился другой, тоже куда-то страшно спешивший, сгибаясь под тяжестью подноса на голове, где грудой были навалены всякие кружева, галуны и мотки тесьмы. Одна из будок вдруг с треском развалилась, и толпа бросилась расхватывать оказавшийся на улице товар. На рыночной площади уже образовались целые небольшие смерчи из людей, где-то дрались, кто-то отчаянно кричал, однако вопли и шум перекрывал пронзительный голос толстой торговки в шляпе с зеркалами; Аррен успел заметить, как она ловко отбивается чем-то вроде палки или хлыста от группы мужчин, нанося удары с уверенностью опытного фехтовальщика. Была ли это одна из обычных рыночных свар, переросшая во всеобщую потасовку, или организованное нападение воровской банды, или вспышка постоянной вражды между соперничающими кланами торговцев, сказать было трудно; люди мчались куда-то с полными руками чужого добра, а может, и собственного, которое они, хотя бы частично, пыта-

лись спасти. В ход шли не только кулаки, но и ножи; гвалт стоял невероятный.

— Вон туда, — сказал Аррен, указав на ближайшую боковую улочку, и поспешил к ней, ибо было совершенно ясно, что чем скорее они уберутся с площади, тем лучше. Однако волшебник схватил его за руку. Аррен оглянулся и увидел, что тот человек, Харе, пытается встать на ноги. Когда это ему наконец удалось, он немного постоял покачиваясь и, даже не посмотрев вокруг, двинулся по краю площади, здоровой рукой касаясь стен домов — словно надеясь на их поддержку.

— Следи за ним, — сказал Ястреб, и они пошли следом за Харе. Не встретив никаких препятствий, они уже через минуту благополучно выбрались с рыночной площади и стали спускаться по тихой, узкой и извилистой улочке.

Крыши домов почти смыкались у них над головами, закрывая свет; камни под ногами были скользкими от помоев и отбросов. Харе довольно быстро шел все дальше и дальше, по-прежнему касаясь рукой стены, словно слепой. Они вынуждены были следовать за ним буквально по пятам, иначе вполне могли бы потерять его из виду на любом перекрестке. Арреном вдруг овладел азарт погони; все его чувства были обострены, словно во время охоты на оленей в лесах Энлада; он четко видел каждое лицо, мелькавшее мимо, и явственно различал в сладковатой вони городских отбросов запахи пищи, горьковатый запах дыма и даже аромат цветов. Когда они пересекали одну из широких, заполненных народом улиц, он услышал барабанный бой и краем глаза успел заметить вереницу обнаженных мужчин и женщин, цепями прикованных друг к другу за руки и за талии; их спутанные волосы свисали клочьями. В следующее мгновение процессия уже скрылась из виду, а они, по-прежнему следуя за Харе, спустились по лестнице на небольшую площадь, совершенно безлюдную. Лишь несколько женщин судачили, стоя у фонтана.

Здесь Ястреб догнал Харе и положил руку ему на плечо. Харе съежился, будто ожидая удара, и отшатнулся; потом вдруг попятился к массивной двери одного из зданий, утопленной в стене. Там он остановился, весь дрожа и глядя на них невидящими глазами загнанной жертвы.

— Тебя, кажется, зовут Харе? — спросил Ястреб. Говорил он своим собственным голосом, по природе суховатым и резким, но сейчас звучащим почти нежно. Человек не отвечал, то ли не воспринимая, то ли просто не слыша вопроса. — Мне кое-что от тебя нужно, — сказал Ястреб. И снова не получил ответа. — Я тебе заплачу.

— Слоновой костью или золотом? — Реакция, впрочем, была довольно вялой.

— Золотом.

— Сколько?

— Настоящий волшебник знает цену своего заклятия.

Лицо Харе исказилось и на какое-то мгновение стало живым, но почти тут же его снова заволокло пеленой безразличия.

— Это все в прошлом, — сказал он. — В прошлом.

Приступ кашля согнул его пополам; он сплюнул черным. Потом наконец распрямился и стоял, весь обмякший, дрожащий, казалось, совсем забыв, о чем они только что говорили.

И снова Аррен, зачарованно наблюдая за ним, во всем видел какой-то особый смысл. Угол, куда забился Харе, был образован двумя выступающими из стены человеческими фигурами с согбенными под тяжестью фронтона плечами; их мускулистые тела выпирали из стены, словно гиганты пытались вырваться из этих каменных объятий, вернуться к жизни, но на середине пути потерпели неудачу. Дверь, охраняемая статуями, прогнила, петли были ржавыми, и весь дом, или скорее бывший дворец, буквально на глазах превращался в руины. Мрачные тяжеловесные лица гигантов были покрыты выбоинами и мхом. Между этими невероятными громадами человек по имени Харе казался тощим и хрупким и глаза его были так же темны, как окна опустелого дворца. Он протянул изуродованную руку к Ястребу и прорыл:

— Подайте что-нибудь бедному калеке, господин...

Волшебник съезжился, словно от боли или стыда; Аррен заметил, что на мгновение перед ним предстало подлинное лицо Ястреба, искаженное маской отвращения. Потом Верховный Маг снова положил руку на плечо Харе и что-то тихонько сказал на том самом волшебном языке, которого Аррен не понимал.

Зато понимал Харе. Он вцепился в Ястреба своей единственной рукой и, заикаясь, забормотал:

— Ты все еще можешь говорить на... на... Пойдем же со мной, пойдем...

Маг кивнул ему в ответ, глянув при этом на Аррена.

По крутым улочкам они спустились в одну из долин между тремя холмами, на которых раскинулся город Хорт. Улочки становились все уже, темнее, безлюднее. Светлая полоска неба казалась зажатой над головой крышами и стенами тесно стоящих домов, стены которых были почему-то сырыми... Это

узкое каменное ущелье вывело их к небольшой речке или ручью, от которого воняло, как от сточной канавы. Через речку были перекинuty арки мостиков, по берегам беспорядочно толпились дома. В темную дверь одного из этих домов и нырнул Харе, вдруг пропав из виду, словно задутая в темноте свеча. Они последовали за ним.

Ступени неосвещенной лестницы скрипели и качались под ногами. На самом верху Харе толчком отворил какую-то дверь, и они смогли наконец оглядеться: пустая комната, в углу соломенный тюфяк, в стене единственное незастекленное окошко, закрытое ставнями и едва пропускавшее в комнату немного света.

Харе обернулся к Ястребу и снова схватил его за руку. Он шевелил губами, тщетно пытаясь что-то выговорить. Наконец, заикаясь, он произнес:

— Дракон... дракон...

Ястреб спокойно смотрел ему в глаза, не говоря ни слова.

— Не могу сказать! — Харе с отчаянием отпустил руку Ястреба и заплакал, скорчившись на полу.

Маг опустился рядом с ним на колени и о чем-то тихо заговорил словами Истинной Речи. Аррен стоял у закрытой двери, держа руку на рукояти ножа. Серый свет, грязная комната и двое мужчин, стоящих на коленях прямо на полу. И еще — странная тихая музыка слов того языка, на котором говорят драконы. Все это вместе напоминало сон и, казалось, не имело ни малейшего отношения ни к тому, что происходит вне этих стен, ни к настоящему времени вообще.

Харе медленно поднялся. Единственной рукой отряхнул пыль с колен. Изуродованную руку он прятал за спину. Потом огляделся, внимательно посмотрел на Аррена: теперь он уже ясно видел то, что было вокруг. Потом быстро отвернулся и уселся на свой тюфяк. Аррен остался на страже, однако Ястреб с простотой, свойственной тем, чье детство протекало в такой же бедности, спокойно сел, скрестив ноги, прямо на голый пол.

— Расскажи мне, как ты утратил свое мастерство и позабыл Язык Созидания, — сказал он.

Некоторое время Харе не отвечал. Он начал беспокойно постукивать своей изуродованной рукой по бедру, все больше приходя в волнение, и наконец выговорил, как бы с трудом выталкивая слова наружу:

— Они отрезали мне руку. Я не могу больше плести заклятия. Они отрезали мне руку. Кровь вытекала, пока не иссякла...

— Но это было уже после того, как ты утратил свое могущество, Харе, иначе они просто не смогли бы этого сделать.

— Могущество...

— Могущество, которое позволяло тебе командовать ветрами и волнами морскими. И людьми. Ты называл их подлинными именами, и они подчинялись тебе.

— Да, я помню, что когда-то был жив, — сказал Харе тихим хриплым голосом. — И я знал нужные слова и подлинные имена...

— Разве теперь ты мертв?

— Нет. Жив. Жив. Только однажды я был драконом... Я не умер. Иногда я сплю. Сон ведь очень похож на смерть, всем это известно. Как и то, что мертвые во сне оживают, ходят... Они приходят к тебе как живые и говорят с тобой. Они приходят из царства смерти прямо в твои сны. Есть такой путь. И даже если пройти по нему очень далеко, все равно всегда можно вернуться назад. Можно вернуться. Ты тоже сможешь найти этот путь, если будешь знать, где искать его. И если захочешь уплатить цену.

— А какова цена? — Голос Ястреба проплыл в сумрачном свете, словно тень упавшего с дерева листа.

— Жизнь — что же еще? За счет чего же еще можно выкупить жизнь, кроме самой жизни? — Харе качался взад-вперед на своем тюфяке; в глазах его горел какой-то жуткий хитроватый огонек. — Видишь, — сказал он, — они могут отрезать мне руку. Могут отсечь мне голову. Но это неважно. Я все равно смогу найти путь назад. Я знаю, где искать. Только очень могущественные люди могут пойти этим путем.

— Ты имеешь в виду волшебников?

— Да. — Харе заколебался, как бы пробуя несколько раз произнести нужное слово, но сделать этого не смог. — Могущественные люди, — повторил он. — И они должны... они должны отдать свое могущество. Уплатить цену.

Потом он погрузился в молчание, словно выражение «уплатить цену» наконец пробудило в нем цепь воспоминаний и способность соображать и до него дошло, что он просто проболтался, вместо того чтобы продать свою тайну. Больше от него ничего добиться было нельзя, даже прежних невнятных намеков на «возвращение назад», в которых Ястреб почему-то усматривал некий смысл. Вскоре Верховный Маг решительно поднялся с пола.

— Ну что ж, половина ответа — все же лучше, чем ничего, — сказал он. — Впрочем, и плата тоже будет соответствующей. — Ловким жестом фокусника он извлек откуда-то золотой и бросил его на тюфяк рядом с Харе.

Харе схватил монету. Он смотрел то на нее, то на Ястреба, то на Аррена, и голова его странно подергивалась.

— Погодите, — заикаясь, проговорил он. Увидев золото, он утратил всякий контроль над собой и теперь снова самым жалким образом тщетно старался выговорить то, что хотел раньше. — Сегодня ночью, — сказал он наконец. — Ждите. Сегодня ночью. Хазия у меня есть.

— Мне она не нужна.

— Чтобы показать тебе... Чтобы показать путь. Сегодня ночью. Я возьму тебя с собой. Ты сможешь пройти туда, потому что ты... ты... — Он мучительно пытался выговорить нужное слово, пока Ястреб не договорил за него:

— Потому что я волшебник.

— Да! Так что мы можем... мы сможем попасть туда. На тот путь. Когда я сплю. Во сне. Понимаешь? Я возьму тебя с собой. Ты пойдешь со мной в... по тому пути.

Ястреб стоял, спокойно размышляя о чем-то, посреди этой мрачной мерзкой комнаты.

— Может быть, я и приду, — сказал он наконец. — Если мы придем, то жди нас ближе к полуночи. — Потом он повернулся к Аррену, и юноша тут же распахнул дверь, готовый побыстрее уйти.

После жилища Харе вонючая темная улочка казалась светлым садом. Они двинулись в верхний город самым коротким путем, по крутой каменной лестнице, поднимавшейся меж поросших плющом стен. Аррен отдувался и фыркал, как морской лев.

— Уф! Неужели мы снова пойдем туда?

— Ну, если я не смогу добыть нужных сведений из менее опасного источника, то пойду. Похоже, нам готовят засаду.

— Но разве ты, господин мой, не защищен от воров и тому подобного?

— Защищен? — удивился Ястреб. — Что ты имеешь в виду? Ты что же, думаешь, что я хожу, весь опутанный заклетами, как старуха, опасаясь ревматизма? У меня и времени-то на это не было. Я скрыл свое лицо, чтобы скрыть цель нашего путешествия; и это все. Мы и так можем позаботиться друг о друге. Но дело в том, что нам и впредь не удастся избежать опасных случайностей.

— Естественно, — сухо сказал Аррен, уязвленный и рассерженный. — Я к этому и не стремлюсь.

— Ну и очень хорошо, — невозмутимо и добродушно, хотя и чуточку насмешливо, заключил волшебник, слегка охладив пыл своего юного спутника.

Аррен и сам удивился своей вспышке гнева; ему и в голову не приходило, что когда-нибудь он станет таким тоном разговаривать с Верховным Магом. С другой стороны, это вроде бы был и не совсем Верховный Маг, а какой-то торговец Хок: курносый нос, квадратные, плохо выбритые щеки... И голос какой-то странный — то так звучит, то этак; в общем, совсем непонятный человек, на которого и положиться-то нельзя.

— Разве есть какой-нибудь смысл в том, что наболтал этот Харе? — спросил Аррен. Ему ужасно не хотелось снова возвращаться в темную комнату на берегу вонючей речки. — Насчет того, что он и жив, и умер, и может вернуться, даже если ему отрежут голову?

— Не знаю, есть ли в этом смысл. Я хотел поговорить с волшебником, который утратил свое могущество. Он считает, что не утратил его, а отдал в уплату — в обмен. На что? Жизнь на жизнь, так он сказал. Могущество на могущество. Нет, я его не понимаю, но послушать его стоит.

Спокойная рассудительность Ястреба пробудила в душе Аррена стыд за самого себя. Ведь он вел себя капризно и нетерпеливо, как малый ребенок. Харе сначала заинтересовал его, но теперь, когда интерес к нему почти пропал, Аррен чувствовал лишь какое-то липкое отвращение, словно съел какую-то гадость. Он решил больше не заговаривать на эту тему, пока не возьмет себя в руки. И тут неожиданно поскользнулся на сбитых скользких ступенях и, чтобы не скатиться вниз, ухватился за камни руками.

— Да будь он проклят, этот вонючий город! — гневно воскликнул он.

И Верховный Маг ответил ему сухо:

— По-моему, это уже случилось.

И правда, в Хорте было неладно. Что-то дурное, болезненное чувствовалось даже в самом его воздухе, так что всерьез можно было предположить, что на городе лежит проклятие. Причем Хорт не то чтобы приобрел какое-то новое отвратительное качество, а скорее утратил что-то важное и ослабел, как от болезни, как от таинственной заразы, что проникает в душу каждого, кто сюда попадает. Даже тепло весеннего полуденного солнца было каким-то нездоровым — слишком сильной для марта была эта жара. Жизнь и суeta кипели на площадях и улицах города, но в нем не чувствовалось ни порядка, ни процветания. Выбор товаров был беден, цены высоки, а рынки небезопасны как для продавцов, так и для покупателей: они прямо-таки кишели разнокалиберными ворами и бандитами. Женщины на улицах встречались редко, да и то больше группами. В городе как бы не существовало ни законов, ни прави-

тельства. Из бесед с самыми разными людьми Аррен и Ястреб скоро поняли, что здесь больше не существует ни городского совета, ни мэра. Одни представители прежних властей умерли, другие подали в отставку, кое-кого убили; город поделили между собой главари различных банд; портовая стража набивала себе карманы, терроризируя прибывающие в Хорт суда. В городе не осталось не только центральной власти, но — во всяком случае, так казалось — и самого центра, средоточия культурной и торговой жизни. И люди в нем, несмотря на неутомонную деятельность, суетились как-то бессмысленно. Ремесленники, похоже, совсем утратили желание работать как следует, и даже воры воровали только потому, что это было единственное, чему они были обучены. Все кипение жизни и яркая пестрота огромного портового города оказались как бы поверхностной пленкой, и стоило лишь приподнять ее за краешек, как становились видны многочисленные пожиратели хази, неподвижно сидящие вдоль улиц. Да и самая обычная, будничная жизнь тоже казалась ненастоящей — даже сами лица людей, даже звуки, даже запахи. Все это как бы исчезало порой — за тот долгий жаркий день, пока Ястреб и Аррен слонялись по городу, беседуя с его жителями, это случалось несколько раз: пропадали и краски, и звуки, исчезали полосатые маркизы, грязные прилавки, разноцветные стены, вся пестрота и живость портовой суеты как бы растворялась в невидимой дымке, и город превращался в призрак, в сон, пустой и ужасный в солнечном мареве.

Только ближе к вечеру, когда они забрались на самую вершину одного из холмов, чтобы передохнуть, этот мертвящий соншмар отпустил их.

— В этом городе не будет удачи, — сказал Ястреб еще несколько часов назад, и теперь после долгих и бесплодных блужданий и разговоров с незнакомыми людьми он выглядел усталым и мрачным. Даже волшебная маска его как бы истончилась, и под внешностью грубовато-добродушного морского торговца стало проглядывать суровое темнокожее лицо совсем другого человека. Аррен так и не смог избавиться от раздражения, охватившего его еще утром. И сердито плюхнулся рядом с Ястребом на жесткую короткую траву на опушке небольшой рощицы. Деревья с темно-зелеными листьями были густо усыпаны бутонами красных цветов; некоторые цветы уже распустились. Отсюда видны были лишь черепичные крыши города, которые, громоздясь друг над другом, неровными ступенями спускались к морю. Широко раскинувшийся залив слабо голубел под весенним, подернутым дымкой небом, на горизонте сливаясь с ним. Все вокруг было расплывчатым, нечетким.

Они сидели и смотрели на этот необъятный голубой простор. И душа Аррена постепенно как бы очистилась и вновь открылась навстречу окружающему миру, готовая славить его красоту.

Чуть поодаль они напились из небольшого ручейка; чистая родниковая вода струилась по коричневым валунам, сбегая сверху из чьего-то богатого сада. Аррен пил долгими глотками, потом сунул голову прямо под холодные струи. Наконец, утолив жажду, он выпрямился и продекламировал несколько строк из «Подвига Морреда»:

*Восславьтесь, фонтаны Шелитха,
Вы, арфы серебряной струны,
Но именем я заклинаю:
Пусть славится вечно источник,
Что жажду мою утолил!..*

Ястреб чуть посмеялся над ним, и самому Аррену тоже вдруг стало смешно. Он встряхнул головой, как собака, и брызги воды ярко вспыхнули в последних золотых лучах заходящего солнца.

Однако пора было уходить, покинуть этот благословенный уголок и снова спускаться на улицы города. Когда они поужинали в мерзкой забегаловке жареными в сале пирожками с рыбой, в воздухе уже сгущалась ночная тьма, быстро заполняя узкие улочки.

— Нам, пожалуй, надо идти, парень, — сказал Ястреб, и Аррен с надеждой спросил:

— К лодке?

Хотя знал, что вовсе не к лодке, а к тому дому над грязной рекой, в ту пустую, вонючую, отвратительную комнатенку.

Харе ждал их у входа.

Он зажег масляную лампу, чтобы осветить им путь, пока они поднимались по темной лестнице. Слабенькое пламя мигало и колебалось, и на стенах плясали огромные, быстро исчезающие тени.

Харе успел даже где-то раздобыть охапку соломы, чтобы гостям было на что сесть, однако Аррен все-таки уселся на голом полу возле двери. Дверь открывалась вовне, так что в принципе ему, как сторожу, лучше было бы усестись снаружи; но остаться на темной — хоть глаз выколи — лестничной площадке было выше его сил, а кроме того, ему хотелось заодно присматривать и за Харе. Внимание Ястреба, а также, возможно, и его силы будут отвлечены тем, что Харе расскажет или покажет ему; поэтому именно Аррену предстояло позаботиться о безопасности и вовремя распознать любой подвох.

Теперь Харе держался спокойнее и меньше дрожал; он вычистил зубы, умылся и поначалу разговаривал вполне здраво, хотя и возбужденно. Его глаза при свете лампы казались абсолютно темными и непроницаемыми, как у дикого зверя; белки почти не были видны. Он на полном серьезе уговаривал Ястреба непременно пожевать хазию.

— Я хочу взять тебя... взять тебя с собой. Мы должны пойти одним и тем же путем. И скоро я уже уйду, и неважно, готов ли ты. Так что хазия тебе надобна, если хочешь успеть за мной.

— Я думаю, что смогу пойти с тобой и без хазию.

— Только не туда, куда я сейчас направляюсь. Это... не сделаешь с помощью заклятия. — Казалось, он не в состоянии произнести слово «волшебник» или «волшебство». — Я знаю, что ты можешь попасть в... в то... место, ты знаешь, за стеной... Но это не там. В то место ведет другая дорога.

— Если ты пойдешь первым, я смогу последовать за тобой.

Харе покачал головой. Его когда-то красивое лицо, теперь изъеденное хазией и временем, покраснело; он часто через плечо поглядывал на Аррена, как бы включая его в общий разговор, хотя обращался только к Ястребу:

— Смотри: существует ведь два типа людей, разве не так? Такие, как мы, и все остальные. Или... драконы и все остальные. Люди, не обладающие могуществом, живут только наполовину. Их вообще можно не принимать в расчет. Они не понимают того, что им снится, они боятся темноты. Но другие, повелители людей, не боятся посещать владения тьмы. У нас есть для этого сила.

— До тех пор пока мы помним подлинные имена вещей.

— Но имена не значат там ничего — вот ведь в чем самое главное, вот в чем! Дело вовсе не в том, что ты делаешь именно то, что тебе нужно, и понимаешь, что именно ты делаешь. Заклятия не помогут. Ты должен все это забыть, выбросить из головы. Тут-то и помогает хазия: ты забываешь имена вещей, предметы утрачивают для тебя свою форму, и ты попадаешь прямо в тот мир. Я намерен отправиться туда очень скоро, с минуты на минуту, так что, если хочешь узнать путь, делай так, как я говорю. А я говорю, как Он. Ты должен властвовать над людьми, чтобы получить власть над жизнью. Ты должен решить загадку. Я мог бы назвать тебе имя... название... но что такое имя? Имя вообще нереально, не настолько реально, не навсегда... Драконы туда пойти не могут. Драконы смертны. И все тоже смертны. Я сегодня принял так много хазию, что тебе меня не догнать. Впрочем, это ерунда. Там, где я собьюсь с пути, меня поведешь ты. Помнишь, в чем секрет? Помнишь?

Смерти нет. Нет смерти, нет! Нет потной постели и разваливающегося гроба, и не будет никогда. Никогда! И кровь высыхает, словно река, и исчезает. Нет страха. Нет смерти. Все имена исчезли, исчезли все слова, исчез страх. Покажи мне такое место, где я мог бы заблудиться, покажи мне, господин мой...

И этот задыхающийся горячечный бред все продолжался и продолжался; Харе словно распевал слова заклинания, только это было не заклинание, а нечто невнятное, лишенное смысла. Аррен слушал, вслушивался, изо всех сил старался понять. Ах, если бы только он мог понять! Ястребу придется поступить так, как говорит Харе, и на этот раз принять зелье, чтобы последовать за ним и выяснить, что это за тайна, о которой он не желает или не может сказать. Иначе зачем еще они здесь? Но тут Аррен перевел взгляд с искаженного дурманом лица Харе на профиль волшебника и понял, что тот, возможно, уже догадался, о какой тайне идет речь... Профиль его был тверд, словно выточенный из камня. Куда девался бесформенный курносый нос и добродушно-глуповатый вид? Торговец Хок исчез. На полу сидел великий волшебник, Верховный Маг Земноморья.

Голос Харе превратился в едва слышное бормотание; он сидел, скрестив ноги, и раскачивался. Лицо его выглядело совсем измученным, губы вяло обвисли. Сидя лицом к нему в слабом ровном свете масляной лампы, стоявшей на полу между ними, волшебник не произнес ни слова, просто взял Харе за руку и крепко держал ее в своих руках. Аррен даже не заметил, когда это произошло. В последовательности событий были как бы некие провалы, провалы в небытие, какие-то временные пустоты. Прошло по крайней мере несколько часов, теперь скорее всего уже за полночь. А если он, Аррен, уснет, то не сможет ли и он последовать за Харе в тот его сон? И попасть в неведомое место по таинственному пути? А вдруг может? Теперь это казалось ему вполне возможным. Но он обязан охранять вход. Они с Ястребом почти не говорили об этом, но оба прекрасно понимали, что, заставив их вернуться сюда ночью, Харе явно задумал заманить их в западню: он ведь и сам когда-то был разбойником. Так что Аррен чувствовал, что обязан быть на страже, ибо, пока душа волшебника совершает свое загадочное путешествие, тело его совершенно незащищено. Надо было быть последним дураком, чтобы оставить свой меч в лодке! Какой прок от его ножа, если дверь вдруг распахнется у него за спиной? Нет, он приготовится заранее: он будет очень внимательно слушать и непременно услышит любые шаги. Харе совсем умолк, оба они теперь погрузились в молча-

ние, и весь дом был объят тишиной. В такой тишине никто не сможет подняться по шаткой скрипучей лестнице совершенно бесшумно. Аррен ведь может и на помощь позвать, если услышит какой-то подозрительный шум; он громко закричит, и тогда транс прервется, Ястреб вернется в этот мир и защитит себя и его, ударит волшебной молнией во врага... Когда Аррен сажился у двери, Ястреб посмотрел на него; один лишь взгляд — но в нем было и одобрение, и доверие. И вот Аррен на страже. И никакая опасность не угрожает Ястребу, пока он на страже. Но так трудно, ужасно утомительно все время видеть лишь эти два застывших лица да крошечный жемчужный огонек лампы между ними на полу. Волшебник и Харе сидели совершенно неподвижно, в полном молчании, глаза их были открыты, но ничего не видели — ни тусклого света, ни грязной комнаты, ни этого мира. Перед ними был сейчас какой-то совсем иной мир — то ли страна снов, то ли царство смерти... Трудно было только смотреть на них и не попытаться пойти следом...

Там, в бескрайней темной пустыне стоял некто и звал его, Аррена. «Иди», — говорил он, этот высокий повелитель теней, и в руке его горел крошечный огонек, не больше жемчужины, и он протягивал огонек Аррену, предлагая ему жизнь. Аррен медленно сделал один шаг и пошел к нему.

ВОЛШЕБНЫЙ ОГОНЬ

Рот у него совершенно пересох. В нем чувствовался вкус пыли. Губы были покрыты грязной коркой.

Не поднимая головы, он следил за игрой теней на полу. Тени были большие, они двигались и останавливались, раздувались и съеживались, а более мелкие и слабые метались по стенам вокруг и по потолку, словно передразнивая большие. Одна из теней застыла в углу, другая неподвижно лежала на полу. Обе ни разу не пошевелились.

В затылке возникла острая боль. И сразу, как бы озаренное внезапной вспышкой, в мозгу пронеслось воспоминание: Харе, скрючившийся в углу; Ястреб, распростертый на полу; и человек, склонившийся над ним; другой человек собирал золотые монеты, а третий стоял на страже. У этого третьего в руках была лампа и кинжал — кинжал Аррена.

Если они и говорили что-то, то он их не слушал. Он слушал лишь собственные мысли, которые сразу и весьма решительно подсказали ему, как поступить. Он тут же послушался. Очень медленно прополз вперед шага на два, дотянулся левой рукой до мешка с награбленным, потом вскочил на ноги и с диким воплем ссыпался вниз по шатким ступеням, ни разу даже не оступившись в кромешной тьме, даже не чувствуя лестницы под ногами, словно не бежал, а летел по воздуху. Вывался на улицу, что было сил рванулся вперед и исчез в ночи.

Дома темными громадами высились на фоне неба. Звездный свет слабо поблескивал на речной воде справа от него, и хотя он не мог разобрать, куда ведут улицы, но вполне различал перекрестки, сворачивал там и путал след. Они упорно преследовали его; он слышал их сзади, даже довольно близко.

Они были босиком, так что их тяжелое дыхание он слышал более отчетливо, чем шаги. Он бы, пожалуй, засмеялся, только времени не было. Теперь он наконец узнал, каково это — быть загнанной жертвой, а не охотником во главе забавляющейся оравы. Чтобы уйти, нужно было остаться в одиночестве и на свободе. Он резко свернул вправо и, чуть помедлив, перемахнул через бортник очередного моста, потом скользнул на боковую улочку, за угол, назад к реке и какое-то время бежал вдоль берега, а потом по следующему мосту перебрался на другой берег. Башмаки его громко стучали по мостовой — единственный звук во всем спящем городе; он немного задержался на мосту, пытаясь расшнуровать и снять ботинки, но шнурки затянулись в узел, а преследователи по-прежнему шли по пятам. Фонарь на мгновение мелькнул на противоположном берегу, и тихие тяжелые шаги бандитов снова стали приближаться. Он не мог совсем оторваться от них, он мог лишь бежать все дальше и дальше, заставляя их догонять себя, уводя их подальше от той пыльной комнаты, уводя их от нее далеко-далеко... Они успели снять с него куртку, ремень вместе с кинжалом, и он остался в одной рубашке, ему было легко и жарко, голова кружилась, и боль в затылке резко вспыхивала при каждом шаге, но он бежал, бежал, бежал... Тяжелый мешок мешал ему. Он резко отшвырнул его в сторону: один золотой с чистым звоном покатился по камням мостовой. «Вот ваши деньги!» — крикнул он хрипло, задышавшись. И побегал дальше. И тут вдруг улица кончилась. Не было ни перекрестка, ни звезд впереди — глухой тупик. Не останавливаясь, он развернулся и помчался прямо на своих преследователей. Фонарь у него перед глазами метался как бешеный, и Аррен что-то вызывающе орал, когда столкнулся с ними лицом к лицу.

Перед ним туда-сюда качался фонарь, слабое пятно света в огромном море шевелящейся серости. Он долго смотрел на него. Потом свет стал слабеть: чья-то тень закрыла его, а когда тень исчезла, фонарь больше уже не горел. Ему было немного жаль, что фонарь потух; а может быть, жаль самого себя, потому что теперь пора было просыпаться.

Фонарь, уже потушенный, по-прежнему свисал с мачты. Вокруг был только океан, освещенный восходящим солнцем. Бил барабан. В такт ему тяжело скрипели весла; деревянная обшивка судна плакала и стонала на тысячу ладов; какой-то человек на носу, обернувшись, отдал приказание матросам. Все те, кто был скован одной цепью с Арреном, молчали. У каждого железный обруч на талии и наручники на запястьях были с помощью короткой тяжелой цепи соединены с оковами соседа; железный пояс к тому же был дополнительно прикреплен

цепью к скобе в палубе, так что можно было только сидеть или лежать скрючившись, но не стоять. Впрочем, они сидели так тесно, что лечь тоже было невозможно. Небольшой трюм судна был прямо-таки забит рабами. Аррен оказался в переднем углу, у самого выхода. Если он чуть выше приподнимал голову, то видел поручни, трап и край палубы шага в два шириной.

Он не слишком хорошо помнил, что произошло прошлой ночью после погони и ее бесславного конца в уличном тупике. Он дрался, его сбили с ног, превратили в отбивную, а потом куда-то долго тащили. Он запомнил голос одного из бандитов, вернее какой-то странный шепот. Потом они оказались в помещении, напоминавшем маленькую кузницу, в горне ярко горел огонь... Вот, пожалуй, и все, что он мог вспомнить. Однако понимал, что находится на рабовладельческом судне, что его везут на продажу.

Ему, в общем-то, было все равно. Слишком мучила жажда. Все тело болело, а голова просто раскалывалась. Когда взошло солнце, яркие лучи, словно стрелы, вонзились ему в глаза, причиняя нестерпимую боль.

Где-то ближе к полудню им дали по куску хлеба и напиться — по одному глотку из огромного кожаного бурдюка, который по очереди подносил к их губам человек с тяжелым резким лицом. Шея его была перехвачена широким позолоченным ремнем, напоминавшим собачий ошейник, и когда Аррен услышал, как он говорит, то узнал странный шепчущий голос ночного налетчика.

Питье и еда принесли некоторое облегчение; в голове прояснилось. Аррен впервые осмотрелся, разглядел лица своих товарищей по несчастью — троих в его ряду, четверых сзади. Они большей частью сидели, положив голову на согнутые колени; один совсем скрючился: то ли был болен, то ли наелся хазии. Ближайший сосед Аррена оказался парнем лет двадцати с широким плоским лицом.

— Куда они везут нас? — спросил его Аррен.

Парень посмотрел на него — лица их почти соприкасались — и ухмыльнулся, пожав плечами. Аррен подумал, что он, наверно, тоже этого не знает, но парень качнул скованной рукой, как бы подзывая поближе, и, разинув все еще ухмыляющийся рот, показал туда, где должен был быть язык: там зияла пустота и виден был только черный корень.

— Наверно, в Шоул, — сказал один из пленников позади Аррена, а другой подхватил: — Или на рынок в Амруне.

И тут же вездесущий человек в ошейнике свесился в трюм и прошипел:

— А ну тихо, не то акулам на обед пойдете!

И все тут же умолкли.

Аррен попытался вообразить себе эти города — Шоул, Амрун. Там на рынках продают и покупают рабов. Их, наверно, выстраивают перед покупателями, как волов или баранов у них в Бериле. И он тоже будет стоять там, закованный в цепи. Кто-то купит его, отведет к себе домой, ему будут отдавать приказания, и он, конечно, откажется подчиняться. Или подчинится, но попытается бежать. И тогда его убьют. Убьют, впрочем, в любом случае. И даже не то чтобы он всем сердцем заранее возмущался при мысли о предстоящем рабстве — нет, он был для этого слишком слаб и растерян; просто он знал, что не сможет быть рабом, а потому в течение одной-двух недель все равно умрет или будет убит. Он воспринимал это как реальность, и все-таки ему стало страшно, так страшно, что он решил больше не думать о будущем. И уставился в пол, разглядывая черные подгнившие доски; а жаркие солнечные лучи жгли его обнаженные плечи, и нестерпимая жажда иссушала рот и горло.

Село солнце. Спустилась ночь, ясная и холодная. С небес смотрели пронзительные глаза звезд. Стоял полный штиль, и барабанный бой, словно медленные удары сердца, задавал ритм гребцам. Ночью страшнее всего оказался холод. Лишь спине Аррена доставалось чуточку тепла из-за уткнувшихся в нее ног соседа сзади, а левому боку — от немного парня, который сидел сгорбившись и мычал на одной ноте какую-то странную мелодию. Сменились команды гребцов, снова начал бить барабан. Аррен мечтал о темноте, но уснуть никак не мог: все тело болело, а сменить позу было невозможно. Он сидел, страдая от боли и дрожа от холода, с запухшей, пересохшей глоткой, уставившись на звезды, что покачивались на небе в такт усилиям гребцов: на мгновение замирали и снова начинали покачиваться, и снова замирали...

Возле трюма у мачты остановились двое — человек в ошейнике и еще кто-то; маленький фонарь, висевший над ним, отбрасывал на палубу их тени.

— Туман, будь он неладен! — послышался ненавистный свистящий шепот человека в ошейнике. — Откуда, скажи мне, туман в Южном Пределе в такое время года? Ах, чертово невезенье!

Барабан продолжал отбивать ритм. Звезды покачивались, скользили, останавливались. Рядом с Арреном человек с вырванным языком вдруг резко вздрогнул и, подняв голову, испустил леденящий душу нутряной вопль: ему, видно, приснилось нечто ужасное.

— Эй, тихо там! — проревел второй человек из тех, что стояли у мачты.

Немой еще раз вздрогнул и затих, только жевал во сне деснами. Звезды, как бы украдкой, соскользнули с небес вперед, в пустоту. Мачта странно заколебалась и скрылась из виду. На спину Аррену, казалось, уронили ледяное серое одеяло. Барабанщик сбился, потом восстановил ритм, но более медлительный.

— Плотный, как пахта! — сказал кто-то грубым голосом прямо над головой Аррена. — Эй там, гребите как следует! Здесь никаких мелей нет! — Мозолистая, покрытая шрамами нога появилась из тумана, какое-то время повисела в воздухе перед носом у Аррена и исчезла.

В таком тумане двигаться вперед не имело смысла, надо было только удерживаться на месте, едва шевеля веслами. Рыдания барабана чуть стихли. Было сыро, промозгло. Влага от осевшего на волосах Аррена тумана стекала ему в глаза; он пытался поймать капли языком, разинутым ртом хватая влажный воздух и стараясь хоть как-то утолить нестерпимую жажду. Зубы у него стучали от холода. Ледяная цепь касалась бедра, обжигая как огонь. Барабан тихо бормотал, пока не смолк совсем.

— Эй, барабанщик! В чем дело? — просвистел в наступившей тишине знакомый сиплый шепот. Ответа не последовало.

Судно слегка покачивалось на спокойной воде. За едва различимыми перилами трапа не было видно ничего: пустота. Что-то стукнулось в темноте о борт корабля. В мертвой тишине стук этот показался довольно громким.

— На мель сели, — сказал кто-то из пленников шепотом, и шепот его растворился в тумане.

Потом туман вдруг начал светиться, словно где-то внутри него расцветал невиданный яркий цветок. Теперь Аррен отчетливо различал головы скованных с ним одной цепью людей и даже мелкие капельки влаги, осевшие на их волосах. Снова судно качнулось, и он настолько, насколько позволяли оковы, вытянул шею, пытаясь разглядеть, что происходит на палубе. Туман светился над судном, как полная луна, чуть прикрытая легким облачком. Свет был такой же — холодный и ясный. Гребцы застыли как каменные изваяния. Члены команды собрались на корме, чуть поблескивая глазами. У левого борта в полном одиночестве стоял человек, от которого исходило это загадочное свечение — светились его руки, лицо, а посох сверкал, словно расплавленное серебро.

У ног светящегося человека скрючилась какая-то странная темная фигура.

Аррен попытался заговорить и не смог. Окутанный великолепием света, Верховный Маг подошел к нему и опустился на колени. Аррен ощутил прикосновение его рук, услышал его

голос, почувствовал, как пали оковы. По всему трюму слышался звон падающих цепей. Но ни один человек не двинулся с места; Аррен хотел было встать и не смог: он совершенно заоченел, руки и ноги одеревенели и отказывались слушаться. Верховный Маг крепко сжал его руку, и, чувствуя эту помощь, Аррен кое-как выполз из трюма и рухнул на палубу.

Верховный Маг отошел чуть в сторону; туманное великолепие света коснулось лиц неподвижных гребцов. Он остановился возле той черной фигуры, что скрючилась у самого входа в трюм.

— Я никогда никого не наказываю, — тяжело прозвучал его ясный и холодный голос, похожий на этот волшебный светящийся туман. — Но во имя справедливости, Эгре, я возьму на себя этот грех: да будет язык твой нем, пока ты не отыщешь такое слово, которое стоило бы произнести вслух!

Волшебник повернулся к Аррену и помог ему встать на ноги.

— Пойдем-ка, сынок, — сказал он, и Аррен с его помощью как-то двинулся вперед и полупрополз, полуперевалился в лодку, что покачивалась на воде у борта корабля: это была их «Зоркая», и парус ее белел в тумане, как крыло бабочки.

По-прежнему стояла полная тишина и безветрие: свет погас, лодка повернулась и скользнула в сторону. Почти сразу же сама галера, неяркий фонарь на ее мачте, неподвижные гребцы, высокий темный борт скрылись из виду. Аррену показалось, что он слышит позади крики, но звуки были настолько слабыми, что вскоре потонули во тьме. Чуть позже туман начал рассеиваться, расползаться. Его разносил ночной ветерок. Над ними вновь было чистое ночное небо, а «Зоркая» бесшумно, словно летящая бабочка, понесла их по морю под ясными звездами.

Ястреб укутал Аррена в одеяла, дал ему воды и сел рядом, положив руку на плечо юноши; и тут вдруг Аррену страшно захотелось плакать. Волшебник не говорил ни слова, но такая нежность и спокойствие исходили от него, таким теплым было прикосновение его руки, что постепенно Аррена охватил покой. Ему было тепло, лодка мягко покачивалась, на сердце становилось легче.

Он взглянул вверх, на своего спутника. Его темнокоее лицо больше не светилось неземным светом и на фоне звездного неба было едва различимо.

Лодка плыла и плыла, гонимая волшебным ветром. Волны, словно чем-то удивленные, перешептывались у ее бортов.

— Кто этот человек в ошейнике?

— Лежи спокойно. Морской разбойник, Эгре. Он носит этот ремень, чтобы скрыть шрам на глотке, которую ему

однажды перерезали. Похоже, он пал так низко, что из пирата превратился в работоторговца. Но на этот раз он остался в дураках. — В спокойном суховатом голосе слышались удовлетворенные нотки.

— Как ты нашел меня?

— Волшебство, еще кое-что... Я слишком много потерял времени. Мне не хотелось, чтобы все видели, как Верховный Маг и Хранитель острова Рок таскается по трущобам Хорта. И я все еще жалею, что не удалось до конца сохранить то мое обличье. Мне пришлось сначала выследить одного, потом другого, и когда наконец я обнаружил, что корабль работоторговцев отплыл еще до рассвета, то попросту вышел из себя. Взял «Зоркую», поднял ветер, поскольку стоял полный штиль, и крепче замкнул весла всех судов в заливе — ненадолго! Пусть-ка теперь попробуют объяснить, что с ними произошло, если все волшебство, с их точки зрения, сплошная ложь! Но я был зол и слишком спешил, а потому проскочил мимо корабля Эгре, который двигался не прямо на юг, а чуть восточнее обычного курса — чтобы обойти отмели. Все, что делал я в тот день, получалось отвратительно. Нет в городе Хорте удачи... Ну ладно, в конце концов я сотворил заклятие, помогающее найти утерянное, и в темноте настиг судно Эгре. Может, все-таки теперь поспишь?

— Нет, мне хорошо, я и чувствую себя куда лучше. — Озноб у Аррена сменился легким жаром, и он действительно почувствовал себя значительно лучше; несмотря на общую слабость, голова работала хорошо, мысли легко перескакивали с одного предмета на другой. — А как ты очнулся ото сна? И что случилось с Харе?

— Меня разбудил утренний свет; и к счастью — всего лишь с тяжелой головой: у меня за ухом здоровенная опухоль длинной с огурец и приличная дырка. Харе по-прежнему был в забытии.

— Я плохо стерег...

— Но не потому, что уснул.

— Нет, — Аррен колебался, — я был... это было...

— Ты был там впереди меня; я тебя видел, — сказал Ястреб странным тоном. — Именно поэтому им и удалось застать нас врасплох и порубить, словно ягнят на бойне, да еще золото прихватить, одежду и раба, за которого можно было взять высокую цену. Это они за тобой охотились, парень. За тебя на рынке рабов в Амруне можно получить столько, сколько стоит хорошая ферма.

— Они не очень сильно стукнули меня. Я успел очнуться. Уж они у меня побегали! Я рассыпал украденное ими золото

по всей улице, прежде чем они загнали меня в угол. — Глаза у Аррена сверкали.

— Так ты очнулся еще там... и побежал? Но почему?

— Чтобы увести их от тебя. — Изумленный тон Ястреба больно задел его, и он сердито добавил: — Я думал, они охотятся за тобой. Боялся, что тебя могут убить. Я сперва дотянулся до мешка с награбленным, а потом заорал изо всех сил, чтобы они заметили, и бросился бежать. И они, конечно, вдогонку.

— О да... еще бы им не побегать! — Вот и все, что сказал в ответ Ястреб. Ни словечка похвалы. Впрочем, некоторое время волшебник сидел, задумавшись, а потом вдруг спросил: — А тебе не приходило в голову, что я, возможно, был в тот момент уже мертв?

— Нет.

— Сначала убей, потом ограбь — так ведь безопаснее.

— Я об этом не думал. Я думал только о том, как увести их от тебя.

— Почему?

— Потому что ты, наверно, смог бы защитить нас, вытащить нас обоих из этой истории, если бы успел прийти в себя. Или по крайней мере сам бы смог как-нибудь выпутаться из этого. Я стоял на страже и не доглядел. Вот и надо было исправить свою оплошность. Ведь это тебя я охранял, сидя у двери. И во всем этом деле ты главный, а я — всего лишь подручный; я нужен, например, для того, чтобы стоять на страже, или для чего-нибудь еще в этом роде — в общем, что ты прикажешь; в конце концов именно ты поведешь нас к цели, именно ты сможешь попасть туда, куда мы должны попасть — где бы это место ни находилось, — и только ты сможешь исправить то, что было нарушено.

— Да? — спросил волшебник. — Впрочем, и я так думал до прошлой ночи. Я считал, что у меня есть послушный спутник, который пойдет за мной куда угодно. Однако это я последовал за тобой, сынок. — Голос его звучал холодно и, пожалуй, чуть иронично. Аррен не знал, что сказать. Он совсем растерялся. Он полагал, что его оплошность — то, что на посту он то ли заснул, то ли впал в какой-то транс, — вряд ли можно искупить отчаянной попыткой отвести разбойников от Верховного Мага, едва не стоившей ему, Аррену, жизни. Однако теперь оказывалось, что попытка эта как раз и была глупостью, тогда как впадение в транс в самый неподходящий момент оказалось на удивление мудрым.

— Прости меня, господин мой, — сказал он наконец непослушными губами, снова с трудом сдерживая слезы, — прости, что я подвел тебя. А ты еще спас мне жизнь...

— А ты, возможно, мне! — резко возразил волшебник. — Кто знает? Они вполне могли бы перерезать мне горло, если бы... И давай больше не говорить об этом, Аррен. Я рад, что ты снова со мной.

Он вытащил из рундука маленькую походную жаровню, раздул угли и стал что-то говорить. Аррен лежал и смотрел на звезды, постепенно успокаиваясь. Мысли переставали метаться как бешеные. И понемногу он начал понимать, что сделанное им или, наоборот, несделанное не получит никакого осуждения. Он что-то сделал, и Ястреб принял это как свершившийся факт. «Я никого никогда не наказываю», — холодно бросил он этому Эгре. Он никого и не награждал. Но бросился что было мочи вдогонку за Арреном по ночному морю, отдав ради него всю силу своего волшебства, и снова поступит так, если понадобится. Он из тех, на кого можно положиться всегда, из тех, от кого зависит твоя жизнь.

И он стоил той великой любви, которую испытывал к нему Аррен, и великой его веры. И прежде всего именно потому, что сам доверял Аррену полностью. То, что делал Аррен, и для него было правильным.

Ястреб повернулся к юноше, протягивая кружку исходящего паром горячего вина:

— Может быть, это поможет тебе уснуть. Смотри язык не обожги.

— А откуда взялось вино? Я что-то не видел на борту бурдюка с ним...

— На «Зоркой» куда больше всего, чем кажется на первый взгляд, — сказал волшебник, присаживаясь рядом, и Аррен услышал в темноте его короткий и почти беззвучный смешок.

Он сел и стал пить вино. Оно было очень вкусным и пробуждало силы в душе и теле.

— А куда мы плывем теперь? — спросил минуту спустя Аррен.

— На запад.

— А куда ты ходил с Харе?

— Во тьму. Я не терял его из виду, но он сам заблудился. Он скитался по внешним границам в бесконечной путанице полубреда-полукошмара. Душа его плакала, словно птица, в тех ужасных местах: так далеко в море кричат чайки. Он нас никуда привести не может. Он утратил путь навсегда. Ибо, каково бы ни было когда-то его волшебное мастерство, пути перед собой он никогда не видел; он видел лишь самого себя.

Аррен не все понял из сказанного, но ему и не хотелось понимать все. Особенно теперь. Он и сам немножко зашел в эту «тьму», про которую говорил волшебник, и ему не хотелось об этом вспоминать; она не имела к нему никакого отноше-

ния. Он ведь действительно тогда не хотел спать, пока «тьма» не привиделась ему словно во сне, пока высокий человек, похожий на тень, державший в руках светящуюся жемчужину, не начал шепотом звать его: «Пойдем».

— Господин мой, — сказал Аррен, стараясь побыстрее избавиться от этих воспоминаний, — скажи...

— Спи! — ответил ему Ястреб мягко, но настойчиво.

— Я не могу спать, господин мой. Мне хотелось бы знать, почему ты не освободил остальных рабов?

— Освободил. Я никого не оставил прикованным к этому судну.

— Но люди Эгре вооружены! Вот если бы ты их связал...

— Ах так! Если бы я их связал? Их всего-то там было шестеро. Гребцы были такими же, как ты, рабами, закованными в кандалы. Эгре и его команда теперь, наверно, уже мертвы или сами закованы в цепи и будут проданы в рабство; но я предоставил им возможность драться или заключить сделку. Я пленных не беру.

— Но ты же знаешь, сколько зла они совершили...

— Что же, и мне в таком случае следовало им уподобиться? Последовать их дурному примеру? Я не стану решать за них, что им делать, но не позволю никому, и им тоже, решать это за меня.

Аррен молчал: эти слова в очередной раз поставили его в тупик. Волшебник вскоре заговорил вновь и голос его звучал мягче:

— Видишь ли, Аррен, наши поступки вовсе не похожи — как полагает большинство молодых людей — на камень, который можно поднять с земли, бросить, и он либо попадет в цель, либо пролетит мимо. На чем его полет и закончится. Когда камень поднимают, земля становится чуть легче, рука же, что держит его, тяжелее. Брошенный кем-то камень изменяет траектории звезд, и в зависимости от того, попадет ли он в цель или пролетит мимо, соответственно изменяется Вселенная. От каждого нашего действия зависит равновесие всего сущего. Ветры и моря, сила воды, сила земли и сила света, как и все, что творят эти силы, и все, для чего существуют звери и растения, все это задумано хорошо и правильно. И все эти силы действуют как бы внутри Мироздания, все они связаны Великим Равновесием. Ураганы и фонтаны воды, которые выбрасывает плывущий кашалот, падение на землю сухого листа и полет мухи — все это тесно связано с равновесием целого мира. И постольку поскольку нам дана сила повелевать миром и друг другом, мы непременно должны научиться поступать так, как в соответствии со своей природой поступают сухой листок, кит и ветер. Мы должны научиться хранить Равновесие.

Обладая разумом, мы не должны совершать неразумных поступков. Обладая выбором, мы не должны поступать безответственно. Кто я такой — хотя и обладаю вполне достаточным могуществом, — чтобы кого-то наказывать или награждать, играя судьбами людей?

— Но тогда, — сказал юноша, по-прежнему глядя на звезды, — может быть, Равновесие лучше всего сохранить, не делая ничего? Конечно же, человек должен действовать, даже не зная всех последствий своих поступков! Если вообще в этом мире что-то должно быть сделано.

— Не беспокойся об этом. Человеку значительно легче совершить поступок, чем от него удержаться. Мы будем по-прежнему совершать добрые и злые деяния... Но если бы нами всеми снова правил истинный Король, который искал бы совета у магов — как то случалось в давние времена, — и я был бы тем магом, то я сказал бы ему: «Господин мой, не делай ничего из того, что кажется тебе правильным, заслуживающим похвалы или благородным; ничего не делай из того, что считаешь полезным; делай только то, что ты должен сделать, и то, что ты не можешь сделать никак иначе».

Что-то в голосе волшебника заставило Аррена посмотреть на него. Ему показалось, что снова от лица его исходит сияние; он увидел ястребиный нос, покрытую шрамами щеку, неукротимый взгляд темных глаз... Аррен смотрел на него с любовью и страхом, думая: «Он слишком высок для меня». Однако, пока он в упоении не сводил с волшебника глаз, ему стало ясно, что это вовсе не волшебный огонь, не холодный отсвет великого могущества, которое явственно ощущалось в каждой чеканной черточке этого лица, но самый настоящий рассвет: наступило утро, принеся обычный свет наступающего дня. И это была куда большая сила, чем та, которой обладал Верховный Маг. А годы оказались не более добры к нему, чем к любому другому: резкие тени на его лице оказались морщинами, и он все больше выглядел усталым в разгорающемся свете зари. Потом зевнул...

Продолжая смотреть, удивляться и раздумывать надо всем увиденным и услышанным, Аррен наконец уснул. Но Ястреб сидел возле него и смотрел, как занималась заря, как вставало солнце — так порой изучают сокровищницу, чувствуя, что в ней чего-то не хватает; так рассматривают трещину в драгоценном камешке; так смотрит отец на своего заболевшего ребенка.

МОРСКИЕ СНЫ

Ближе к полудню Ястреб велел волшебному ветру улечься, и лодка пошла своим ходом. Природный ветер, что несильно дул в юго-западном направлении, наполнил ее паруса. Справа вдали проплыли холмы южного Уотхорта и растаяли, превратившись в невысокие голубые волны тумана среди настоящих морских волн.

Когда Аррен проснулся, море, точно в корзине из золотистых солнечных лучей, лежало под куполом горячего полуденного неба — безбрежные воды под бесконечно льющимся светом. На корме сидел Ястреб в одной короткой набедренной повязке и каком-то подобии тюрбана из парусины. Он негромко напевал что-то, отбивая ритм ладонью по скамье. Ритм был легкий, хотя и несколько монотонный. Песня его не имела ни малейшего отношения к волшебным заклятиям или сказаниям о героях древности или великих королях; это был всего лишь веселый речитатив, набор всякой чепухи — такую песенку может сочинить любой мальчишка-пастух, лениво присматривая за козами в долгий летний полдень, забравшись высоко в горы Гонта и сидя там в полном одиночестве.

Над поверхностью моря взлетела рыбка и довольно далеко пронеслась по воздуху на жестких дрожащих плавниках, раскрывшихся, словно крылья стрекозы.

— Вот мы и в Южном Пределе, — сказал Ястреб, закончив песню. — Это самая странная часть Земноморья, здесь рыбы летают, а дельфины поют — так, во всяком случае, говорят. Но вода, вообще-то, очень теплая — хорошо бы искупаться, а с акулами отношения у меня вполне добрые. Смой следы грязных рук работорговцев со своего тела, сынок!

У Аррена болела каждая мышца, и он едва двигался. К тому же плавал он плоховато, ибо море близ Энлада очень холодное, так что купание там скорее напоминает сражение, а не удовольствие. В ледяных волнах очень быстро устаешь. Здесь вода была куда более синей, чем в Энладе, и сначала она тоже показалась ему холодной, потом стало хорошо и приятно. Вода как бы вымыла боль из его тела. Он плескался у самого борта «Зоркой», ныряя, как морской змей, и поднимая фонтаны брызг. Ястреб присоединился к нему и плавал, уверенно загребая руками. Послушная и надежная, «Зоркая» ждала их, белокрылая на сверкающей воде. Какая-то рыбка пролетела по воздуху. Аррен погнался за ней. Она нырнула, снова выпрыгнула — то ли плывя в воздухе, то ли летя в воде — позади юноши, как бы догоняя его.

Аррен, гибкий, покрытый золотистым загаром, купался и играл в море и солнечных лучах, пока солнце не спустилось за край моря. Темнокожий сухощавый Ястреб вел себя более сдержанно; он тоже много и с удовольствием плавал, однако успевал и держать лодку по курсу, и ладить навес из парусины, и с неподдельной нежностью смотрел, как плавает его юный спутник наперегонки с летучими рыбками.

— Куда мы плывем теперь? — спросил Аррен уже совсем поздним вечером, после ужина, когда, от души наевшись солонины и сухарей, он снова начинал погружаться в сладостную дремоту.

— На Лорбанери, — ответил Ястреб, и это мягкое сплетение звуков в совершенно незнакомом слове было последним, что услышал Аррен, погружаясь в сон, так что сны его в ту ночь сначала сплетались вокруг этого «Лорбанери». Ему снилось, что он движется среди волн чего-то мягкого, нежного, окрашенного в светлые тона — это были то ли какие-то хлопья, то ли нити розового, золотого, лазоревого цвета; сам же он был охвачен каким-то глупым счастьем, и кто-то сказал ему: «Это шелковые поля Лорбанери, где никогда не бывает тьмы». Но позже, во вторую половину ночи, когда в весеннем небе почему-то выпали осенние звезды Южного Предела, ему приснилось, что он попал в какой-то разваливающийся, старый дом. В доме было сухо. Все покрывали толстый слой пыли и лохмотья пропылившейся старой паутины. Ноги Аррена запутались в этой паутине, она облепила его всего, забила рот, ноздри, он задыхался. Но самым ужасным было то, что он узнал высокий обветшалый зал: это был тот самый зал, где он когда-то завтракал с Мастерами, и находился он в Большом Доме Школы Волшебников на острове Рок.

Аррен проснулся со смятенным сердцем, пытаясь унять его бешеный стук. Скрюченные ноги затекли. Он сел, стараясь прогнать воспоминания о страшном сне. Заря еще не алела на востоке, но тьма уже понемногу рассеивалась. Мачта поскрипывала, легкий парус, надуемый северо-восточным ветром, сверкал белизной и трепетал у него над головой. На носу крепко и неслышно спал его товарищ. Аррен снова лег и задремал; окончательное его разбудил уже яркий свет нового дня.

Море было таким голубым и тихим, что плавание в чистой и теплой воде скорее напоминало скольжение или полет — странный, похожий на сон.

Днем он спросил:

— А к снам волшебники относятся серьезно?

Ястреб ловил рыбу, внимательно следя за лесой. Он долго молчал, потом спросил:

— А что?

— Мне хотелось знать, есть ли в снах хоть доля правды.

— Конечно.

— И они действительно говорят правду о том, что будет?

Но тут у Ястреба стало клевать, и через десять минут, когда он вытащил их будущий обед в лодку — великолепного серебристо-синего окуня, — вопрос Аррена был начисто забыт.

После обеда, когда они нежились под навесом, дающим защиту от нещадно палящего солнца, Аррен спросил:

— А что нам нужно в Лорбанери?

— То, за чем мы вообще пустились в путь, — ответил Ястреб.

— В Энладе, — чуть погодя проговорил Аррен, — есть одна история — о мальчике, чьим учителем был камень.

— Вот как?.. Ну и чему он у него учился?

— Не задавать вопросов.

Ястреб фыркнул, словно подавив приступ смеха, и сел прямо.

— Ну ладно! — сказал он. — Хотя я и предпочитаю не говорить ни о чем, пока не пойму сам, о чем говорю. Почему волшебство больше не действует в городе Хорте и на острове Нарведен, и, возможно, во всех Пределах? Именно это мы и пытаемся узнать, разве не так?

— Так.

— Знаешь старую поговорку: *В дальних Пределах все правила меняются?* Ее очень любят моряки, но придумали волшебники, и она значит, что даже волшебство само по себе зависит от конкретного места. Настоящее заклятие, прекрасно действующее на Роке, может оказаться набором пустых слов на Иффише. Язык Созидания помнят не везде; тут одно слово, там другое. А плетение заклятий само по себе связано с землей и водой, с ветрами и солнечным светом тех мест, где оно родилось.

Однажды мне пришлось заплывать так далеко на восток, что ни вода, ни ветер не слушались моих команд, поскольку сами не знали своих подлинных имен. Ибо мир очень велик, Открытое море простирается дальше всех ведомых человеку Пределов, и где-то там, далеко, существуют иные миры. Если представить себе громадное пространство Вселенной и немыслимую протяженность времен, то вряд ли найдется такое слово, которое везде и всегда будет иметь одно и то же значение, свое подлинное значение и свою силу; кроме самого Первого Слова, которое произнес Сегой, создавая все сущее, или Последнего Слова, которое никогда еще не произносилось и не будет произнесено до Всеобщего Разрушения... Так что даже внутри нашего мира, Земноморья, на тех небольших островках, что ведомы нам, существует множество различий, загадок и разнообразных явлений. И наименее известен людям полный тайн Южный Предел. Очень немногие из волшебников с Внутренних островов бывали в этих краях. Здешние жители не любят волшебников, поскольку обладают — так во всяком случае считается — некоей собственной магией. Но слухи об этом неясны, и, возможно, само искусство волшебства никогда и не было здесь достаточно хорошо известно и понято. Если это так, то искусство это легко можно было уничтожить совсем, если кто-то всерьез решил этим заняться; или по крайней мере ослабить его было бы куда легче, чем развитое магическое искусство Внутренних островов. В таком случае вполне объяснимы и разные истории о том, как исчезло волшебство на юге Земноморья. Ибо любая наука или искусство — это как бы построенный людьми канал, в берегах которого все их деяния проистекают мощно и глубоко; там же, где нет такого русла, деяния людские мелки и часто ошибочны, бесцельны. Так и та толстуха с зеркалами, утратив свое волшебное мастерство, думает, что никогда им не обладала. Так и Харе жует свою хазию и думает, что с ее помощью отправляется дальше, чем самые величайшие маги, хотя на самом деле едва добирается до границы, где кончаются сны, и тут же теряет путь... Но в какую же страну, как ему кажется, он попадает? Что именно ищет? Что за сила уничтожила его мудрость и знания? По-моему, мы достаточно видели в Хорте, так что поплывем дальше на юг, в Лорбанери, и посмотрим, как там поживают волшебники, попробуем найти то, что ищем... Ты получил ответ на свои вопросы?

— Да, но...

— Тогда позволь своему «камню» некоторое время помолчать! — сказал волшебник. И уселся спиной к мачте в желтоватой тени навеса, и стал смотреть куда-то в море, на запад, а

лодка плыла и плыла на юг под полуденным небом. Волшебник просидел, не шелохнувшись, несколько часов. Аррен успел пару раз искупаться, осторожно соскальзывая в воду с кормы — ему не хотелось пересекать линию того мрачного взгляда, каким волшебник упорно смотрел на запад и, казалось, видел куда дальше яркой линии горизонта, дальше голубого купола неба, видел то, что находилось за пределами этого мира света.

Наконец Ястреб прервал свое мрачное молчание и снова стал откликаться на вопросы Аррена; впрочем, отвечал весьма скупое, роняя буквально по одному слову. Должным образом воспитанный, Аррен быстро понял, что отвечает его товарищ лишь из вежливости, а природная сдержанность не позволяет ему показать, как тяжело у него на душе. Юноша умолк и больше не приставал с вопросами, а ближе к вечеру сказал:

— Если я спою, это не помешает тебе думать?

Ястреб в ответ попробовал пошутить:

— Ну, это зависит от качества пения.

Аррен сел, прислонившись спиной к мачте, и запел. Его голос уже не был столь звонким и чистым, как когда-то, несколько лет назад, когда он старательно занимался музыкой дома в Бериле и преподаватель задавал ему тон, перебирая струны арфы; теперь самые высокие ноты он брал чуть хриловато, зато голос его стал глубже и походил на звук виолы, чистый и печальный. Он пел «Плач о Белом Чароде» — песнь, которую сложила Эльфарран, когда узнала о смерти Морреда и ждала собственной кончины. Песнь эту поют нечасто, и петь ее нелегко. Ястреб слушал, как юный голос, сильный, уверенный и печальный, летел между багровым закатным небом и морем, и внезапно слезы, туманя взор, выступили у него на глазах.

Аррен, закончив песнь, некоторое время молчал; потом снова запел, но более короткие и более простые песенки, и пел негромко, стараясь не нарушать великое однообразие недвижимого воздуха, тяжело вздымающего моря, меркнувшего света — встречая торжественно приближающуюся ночь.

Когда он умолк совсем, все вокруг словно застыло, ветер улегся, волны едва вздымались, деревянная обшивка и снасти поскрипывали чуть слышно. Море лежало успокоенное, и над ним одна за другой загорались звезды. Вдруг на юге возник пронзительно яркий свет, отразившись на поверхности моря золотистой дорожкой сверкающих бликов.

— Смотри! Сигнальный маяк! — воскликнул Аррен и через минуту спросил: — А может, это звезда?

Ястреб некоторое время молча смотрел на юг и наконец промолвил:

— Я думаю, что это, должно быть, звезда Гобардон. Она видна только в Южном Пределе. Гобардон значит «корона». Курремкармеррук говорил, что если плыть все дальше и дальше на юг, то непременно увидишь еще восемь ярких звезд, расположенных ниже звезды Гобардон; вместе они составляют крупное созвездие. Кое-кто считает, что оно похоже на бегущего человека, другие говорят, что это руна Агнен, Руна Конца.

Они смотрели, как звезда Гобардон ясно и спокойно горит в небесах над беспокойным морем, словно зовет вперед.

— Ты так пел песнь Эльфарран, — проговорил вдруг Ястреб, — словно сам пережил ее горе, и донес эти чувства до меня... Из всех историй о Земноморье именно эта всегда была наиболее близка моему сердцу. И великое мужество Морреда в час отчаяния; и Серриадх, рожденный как бы по ту сторону горя — добрый и милосердный король. И она, Эльфарран. Даже когда я совершил величайшее в своей жизни зло, то и тогда я думал, что взываю к ее красоте; и я видел ее — да, какое-то мгновение я видел живую Эльфарран...

Ледяной озноб прошел по спине Аррена. Он судорожно сглотнул и сидел, примолкнув, глядя на великолепную, зловещую, желтую, словно золотистый топаз, звезду.

— А кто из героев древности нравится тебе больше всех? — спросил волшебник, и Аррен ответил:

— Эррет-Акбе.

— Да, он действительно был величайшим из них.

— Но чаще всего я думаю о его смерти — одинокой смерти после битвы с драконом Ормом на берегу Селидора. Он мог бы править всем Земноморьем. Но все же предпочел такую вот судьбу.

Волшебник не ответил. Оба некоторое время думали каждый о своем. Потом Аррен спросил, все еще глядя на желтую звезду Гобардон:

— Так, значит, это правда, что мертвые могут быть возвращены к жизни силой магии?

— Они могут быть возвращены к жизни, — сказал волшебник.

— Неужели это когда-либо случалось? И как это делается?

Похоже, Ястребу не очень хотелось отвечать на этот вопрос.

— С помощью Великого Заклятия, вызывающего души мертвых, — сказал он и не то поморщился, не то зажмурился. Аррен решил, что больше он ничего не скажет, однако Ястреб, помолчав, заговорил снова: — Такие заклинания особенно

хорошо известны мудрецам с острова Пальн. Мастер Заклинатель не только не учил нас ему, но и сам никогда им не пользовался. Великое Заклятье вообще используется крайне редко. И никогда — мудро, по-моему. Например, Великим Заклятием тысячу лет назад пользовался Серый Маг с острова Пальн. Он призывал души великих героев и великих волшебников, даже душу самого Эррет-Акбе на Совет к правителям Пальна во время войн или для решения особенно важных государственных проблем в мирное время.

— И что происходило?

— Живым мало толку от такого Совета Великих Мертвецов. И в Пальне настали тяжелые времена. Серый Маг был изгнан и умер в безвестности.

Волшебник говорил как-то не слишком охотно, однако продолжал рассказывать, словно сознавая право Аррена на ответ. И Аррен упорно продолжал расспрашивать его:

— Значит, теперь уже никто больше этими заклетами не пользуется?

— Я знал только одного человека, который свободно пользовался ими.

— Кто же это?

— Он жил в Хавноре. Его считали обычным колдуном, но, от природы одаренный необычайно щедро, он на самом деле был великим магом. Он зарабатывал на жизнь своим искусством, показывая любому, кто заплатит, того, кого тот захочет видеть — умершую жену, или мужа, или ребенка; и дом его вечно заполняли тревожные тени, вызванные из седых глубин времени, — прекрасные женщины. Великие Короли. Я сам видел, как он вызвал из Страны Мертвых моего старого Учителя Неммерля, который во времена моей юности был Верховным Магом Земноморья. Вызвал просто ради забавы, развлекая праздных лентяев! И дух великого человека явился по его зову, словно собака по свистку хозяина. Я был разгневан и вызвал его на поединок. Тогда Верховным Магом я еще не стал. И я сказал ему: «Ты заставляешь их являться в свой дом, так можешь, последуешь за мной в их обитель?» И я заставил его пойти туда, хотя он сопротивлялся всеми силами своей души, менял обличье и громко рыдал во тьме.

— Значит, ты убил его? — в ужасе прошептал Аррен.

— Нет! Я заставил его последовать за мной в Страну Мертвых и потом отвел обратно. Ах, как ему было страшно! Он, кто столь легко вызывал души умерших в этот мир, больше всех, кого я когда-либо знал, боялся смерти — прежде всего своей собственной. А у стены из камней... Но я рассказал тебе слишком много для неофита. А ты ведь еще даже и неофитом у нас

не стал. — В сгущающихся сумерках глаза его остро блеснули: он пронзительно посмотрел прямо в глаза Аррену, смутив его. — Впрочем, это не имеет значения. Есть там каменная стена, как раз на самой границе. Через нее после смерти душа отправляется в Темную страну, а живой человек может вернуться назад, если, конечно, знает путь... Так вот у этой каменной стены тот волшебник упал на землю, скрючился, цеплялся руками за камни — по ту сторону, где жизнь, — плакал и стонал. Я заставил его пойти дальше. Мне был отвратителен его страх, и я злился. К этому времени мне уже пора было понять, что я поступаю неправильно. Но я весь был во власти гнева и тщеславия. Он был силен, а мне страшно хотелось доказать, что я сильнее.

— А что он стал делать потом... когда вы вернулись?

— Ползал по земле и поклялся больше никогда не пользоваться древней мудростью острова Пальн; он целовал мне руки — и он убил бы меня, если б осмелился.

— Что же с ним случилось?

— Из Хавнора он уехал куда-то на запад, может быть, даже на Пальн. Я больше о нем никогда не слышал. Он уже был сед, когда я знал его, хотя был еще очень ловким и сильным длинноруким человеком, похожим на профессионального борца. Он теперь, должно быть, уже умер. Я даже имя его не могу вспомнить.

— Его подлинное имя?

— Нет! Это-то я помню... — Он запнулся и на две-три секунды как бы застыл.

— В Хавноре его звали Коб-паук, — сказал он вдруг изменившимся голосом и как-то чересчур осторожно. В полной темноте Аррен не мог разглядеть его лица, но увидел, как он обернулся и глянул на желтую звезду, поднявшуюся еще выше над морем и бросавшую на его поверхность изломанную золотую дорожку, тонкую, как паутинка. Помолчав немного, волшебник сказал: — Не только во снах, Аррен, мы сталкиваемся с грядущим лицом к лицу; это часто открывается нам в том, что давно забыто; и часто сказанное кажется нам чепухой, потому что мы не желаем понять истинного значения этих слов.

ЛОРБАНЕРИ

Лорбанери они увидели издалека над залитым солнцем морем. Он был зеленым, изумрудным, как тот мох, что рос в Школе Волшебников у фонтана. Когда они подплыли ближе, на общем зеленом фоне стали вырисовываться листья и стволы деревьев, темные тени под ними, дороги и дома, а потом и лица, и пестрая одежда людей, и пыль над дорогами — все, что представляет собой обычный обитаемый остров. И все-таки основным цветом Лорбанери был зеленый, ибо каждый акр его, где не ходили люди и не стояли дома, был отдан низеньким, с округлыми кронами деревьям урба, листьями которых питаются мелкие черви, вырабатывающие шелковое волокно. Потом это волокно, превращая его в шелковые нити, пряли мужчины, женщины и дети Лорбанери. В сумерки над Лорбанери снует множество маленьких серых летучих мышей, которые питаются шелковичными червями, однако им позволено посягать на них; шелководы терпят их и не убивают. Они вполне серьезно считают дурным предзнаменованием убить серокрылую летучую мышь. Ибо, по их мнению, если уж люди живут за счет червей, то и серые мыши, конечно, имеют на это право.

Дома на острове были довольно странные, с маленькими окошками в почти глухих стенах; их со всех сторон окружали заросли деревьев урба, стволы которых казались совершенно зелеными от облепивших их мхов и лишайников. Когда-то это был богатый остров, как и большинство островов дальних Пределов, и былой достаток все еще ощущался в нарядно окрашенных и красиво убранных внутри жилищах, в больших, полных прялок и ткацких станков мастерских, расположенных как в жилых домах, так и в отдельных зданиях; по-прежнему

красивы были отделанные камнем набережные в гавани главного порта Лорбанери Сосары, у пирсов которой могли бы одновременно пришвартоваться несколько торговых галер. Но сейчас в порту не было ни единого судна. Краска на стенах жилых домов поблекла, облупилась, а мебель в них заметно обветшала. Прялки и ткацкие станки большей частью молчали в бездействии, покрытые пылью и паутиной.

— Колдуны? — спросил мэр города Сосара, коротенький человек с лицом таким же твердым и коричневым, как земля под его ногами. — Никаких колдунов на Лорбанери нет и быть не может.

— Да неужели? — не то восхитился, не то изумился Ястреб. Он сидел с местными жителями — их было человек восемь или девять — и потягивал здешнее вино из ягод урбы, слабенький горьковатый напиток. Ему уже пришлось рассказать им о том, что ищет он в Южном Пределе некий «лазоревый камень», однако внешность свою он на этот раз менять не стал, только велел Аррену спрятать меч в лодке, как обычно, ну а волшебного посоха (в его теперешнем уменьшенном виде) все равно никто бы и не заметил. Местные жители казались поначалу какими-то сердитыми, неприветливыми и чуть что готовы были вспылить; только предельная вежливость и природное чутье Ястреба, умело выбиравшего слова и темы для разговора, заставили их чуть более ласково смотреть на непрошенных гостей.

— Удивительные у вас тут люди, все с деревьями возятся, — сказал после долгой паузы Ястреб. — А что как заморозки ударят?

— Это ничего, — ответил тощий человек на дальнем конце завалинки. Местные все сидели в ряд, прислонясь спинами к стене гостиницы, под нависающим козырьком тростниковой крыши. Босые ноги их были выстроены в одну линию; прямо за этой линией по земле стучали теплые капли тихого апрельского дождя.

— Да заморозки — это пустяки, — подхватил мэр, — дождь — вот беда. От дождя коконы гниют. И уж если он польет, то никому его не остановить. И раньше не могли! — Он самым решительным образом был настроен против колдунов и колдовства; кое-кто из остальных, похоже, думал иначе.

— Никогда раньше в это время года дождь не шел, — сказал один из них. — Впрочем, тогда еще старик жив был.

— Кто? Старый Милди? Ну так что ж, теперь-то он умер, — откликнулся мэр.

— Его еще Садовником звали, — сказал тот тощий, с дальнего конца.

— Да, точно. Звали его так, — подхватил другой. И тишина повисла, словно дождливое облако.

В единственной комнате для постояльцев, что имелась в местной гостинице, сидел у окна Аррен. Он снял со стены старую трехструнную лютню с длинным грифом — такие когда-то были широко распространены здесь, на Шелковом острове, — и теперь тихонько наигрывал на ней, пытаясь настроить. Музыка его звучала не громче стука дождевых капель по тростниковой крыше.

— На рынках Хорта я видел всякие дрянные ткани, которые выдавали за шелка с Лорбанери, — сказал Ястреб. — Кое-какие из них и впрямь напоминали ваши шелка. Но ни одной настоящей шелковой ткани с Лорбанери я там не видел.

— У нас несколько сезонов подряд неудачные, — ответил тощий. — Уж лет пять, поди.

— Пять лет и есть, как раз с Осеннего Равноденствия, — прошамкал добродушно какой-то древний старик. — В аккурат с того дня, как старый Милди помер. Да, взял вот и помер, а ведь он тогда моложе меня был. Да и помер-то прямо накануне Равноденствия.

— Ну и что ж, что шелка не хватает, зато цены на него растут, — заявил мэр. — За один рулон синего шелка-сырца мы теперь получаем столько, сколько раньше за три.

— Если бы. Где торговые корабли-то? Да и цвет синий совсем не тот, — сказал тощий, и они по крайней мере полчаса спорили по поводу качества красок, которыми пользуются теперь в общественных мастерских.

— А кто у вас тут краски делает? — спросил Ястреб, и тут же посыпались новые жалобы. Самым главным было то, что лучшими красильщиками острова издавна считались члены одной семьи, причем вроде бы семьи колдунов. Может, когда-то они и правда были колдунами, да только теперь свое мастерство утратили. Потеряли ключи к нему, а никто другой так эти ключи и не подобрал — как горько заметил все тот же тощий человек. С этим согласились все, кроме мэра. Все считали, что знаменитые синие шелка Лорбанери и несравненный алый «драконов огонь», который носили когда-то давно королевы в Хавноре, стали теперь уже не те. Что-то из них ушло. То ли беспричинные дожди были виноваты, то ли природные красители, то ли мастера.

— А может, глаза? — ехидно спросил тощий. — Глаза тех, кто не может отличить небесную лазурь от синей глины? — и глянул на мэра. Тот вызова не принял, и снова все погрузилось в молчание.

Легкое вино, казалось, сделало их настроение лишь еще более кислым. Лица помрачнели, никто не говорил ни слова, и лишь дождь стучал по листьям бесчисленных садов в долине да где-то внизу шептало море — недалеко, в конце их улицы. И в темноте за закрытыми дверями гостиницы мурлыкала что-то лютня.

— Он петь-то умеет, твой парнишка, что больше на девку смахивает? — спросил мэр.

— О да, петь он умеет. Аррен! Спой-ка нам, сынок.

— Я не могу заставить эту лютню перестать играть в мигноре! — Аррен с улыбкой высунулся из окна. — Ей, видно, хочется плакать. Что вам угодно послушать, дорогие хозяева?

— Что-нибудь новенькое, — пробурчал мэр.

Лютня слегка вздрогнула, когда юноша коснулся ее струн.

— Может быть, это будет для вас новинкой, — сказал он и запел.

*По белым отмелям Солеа,
Где ветви красные склонили
Деревья пышные в цвету,
Бредет в тоске невыразимой,
В тоске по милому супругу,
Склонив, подобно белой ветви,
Свою прелестную головку
И ожидая скорой смерти...*

*В своей печали бесконечной
Двумя вот этими ветвями —
Цветущей красною и белой —
Клянусь я, Серриадх, запомнить,
Что погубило эти жизни.
Запомнить, навсегда запомнить
Жестокую несправедливость,
Быть Эльфарран достойным сыном
И Морреда, что славен вечно.*

Они так и застыли — с горькими, упрямыми выражениями на лицах, усталые, уронив натруженные руки. Сидели не шевелясь в теплых дождливых сумерках южного вечера и слушали песню, похожую на тоскливый крик лебедя над холодными водами Эа, лебедя, потерявшего свою подругу. И еще некоторое время, когда Аррен уже кончил петь, сидели они, по-прежнему не двигаясь.

— Странная какая-то музыка, — сказал один неуверенно.

Другой, видимо полагающий, что Лорбанери — центр Вселенной, заявил:

— Иноземная музыка всегда какая-то странная да мрачна.

— А вы нам что-нибудь свое спойте, — сказал Ястреб. — Я бы и сам с удовольствием что-нибудь веселое послушал. Парень-то мой вечно поет о древних героях, что давно во славе почили.

— Ну давай, что ли, я спою, — вызвался последний из говоривших и ударил по струнам арфы. Песня его была о распрекрасном бочонке, полном доброго винца — и «хей-хо! как мы здорово живем!» Но никто почему-то подпевать ему не стал, и он в полном одиночестве выкрикивал — все тише и тише — свое «хей-хо».

— Ну вот, уже и петь-то никто как следует не умеет! — сердито сказал он. — А все молодежь эта, все чего-то меняют да делают по-другому, а старые песни и не знают вовсе.

— Да не в этом дело, — сказал тощий, — просто теперь уж никто ничего как следует не умеет. Все крутом как-то не так.

— Да, точно, — прошамкал самый старый, — ушло счастье-то. Вот ведь какая штука. Была удача, да вся вышла.

После этих слов говорить оказалось особенно не о чем. Жители по двое-по трое разошлись по домам, и вскоре Ястреб остался в полном одиночестве на завалинке под окном их комнаты. И тут наконец волшебник рассмеялся. Но невеселый то был смех.

В комнату, где сидел с лютней Аррен, вошла застенчивая жена хозяина гостиницы и приготовила им постели на полу; потом тихонько вышла, и они улеглись спать. Однако высокие балки комнаты оказались прибежищем множества летучих мышей. Через незастекленные окна комнаты всю ночь напролет влетали и вылетали с тонким пронзительным писком мыши. Только на заре, вернувшись наконец в свои гнезда, они успокоились и аккуратными серыми кулечками свесились с балок головами вниз.

Возможно, из-за непрерывно снующих мышей Аррен спал тревожно. Он уже много дней не спал на берегу; тело отвыкло от неподвижности земли, и ему все казалось, едва он начинал засыпать, что земля под ним качается, качается, качается, будто волны... а потом начинает ускользать, проваливаться, и он в ужасе просыпался. Когда же наконец ему удалось по-настоящему заснуть, то он оказался прикованным цепью к скамье работоргового судна; рядом были еще такие же рабы, только все мертвые. Он несколько раз просыпался, пытаясь прогнать этот кошмар, однако, заснув, снова возвращался на ту же палубу. И он был там совсем один, намертво прикованный цепью. И вдруг чей-то странный тягучий голос прозвучал у него в ушах: «Освободись от оков. Пусть падут твои цепи». Он попытался

встать и, как ни странно, встал. И тут же оказался на мрачной бескрайней вересковой пустоши, небо над которой было закрыто тяжелыми тучами. Что-то ужасное таилось и в самой этой местности, и в плотном воздухе над ней — ужас, ужас окружал его со всех сторон. Он находился как бы внутри этого ужаса, и не было перед ним пути, чтобы выбраться отсюда. Он должен был непременно отыскать этот путь, но не видел ни одной тропы: пути не было. А сам он был маленький, словно младенец, словно муравей, а ужасное пространство, казалось, не имело границ, не имело пределов. Он попытался идти куда-то, споткнулся и проснулся.

Тот страх теперь, когда он проснулся, как бы притаился внутри него, но от этого не стал ни меньше, ни слабее. Аррену показалось, что черная тьма комнаты душит его, и он стал искать звезды в неясно видимом проеме окна, но, хотя дождь и прекратился, звезд на небе не было. Он лежал без сна и боялся, а летучие мыши сновали взад-вперед на своих бесшумных перепончатых крыльях. Порой Аррен различал их невероятно тонкий писк — почти на пределе возможностей человеческого слуха.

Утро было ясное, и они вышли из дому рано. Ястреб честно порасспрашивал всех о «лазорево́м камне». Хотя никто из местных и не знал, что это за камень, у каждого нашлась своя теория относительно его поисков, и в итоге разгорелся спор. Ястреб внимательно слушал, стараясь уловить нечто совсем иное: камень его не интересовал. В конце концов они с Арреном пошли по той дороге, которую присоветовал мэ́р. Дорога вела к карьерам, где добывали синий минерал для окраски тканей. Однако вскоре Ястреб свернул куда-то в сторону.

— Должно быть, вот этот дом и есть, — сказал он. — По их словам, здесь живет семья тех потомственных красильщиков, что раньше считались колдунами, да только силы в них теперь не осталось.

— А есть ли смысл разговаривать с ними? — спросил Аррен: история с Харе была еще слишком свежа в его памяти.

— Откуда-то же началось здешнее невезение, — сказал волшебник резко. — Должна же быть точка отсчета. Словно есть какая-то прореха, в которую утекло все счастье и благополучие Лорбанери. Мне нужен проводник к этому месту! — И он двинулся дальше. Аррену оставалось только последовать за ним.

Дом красильщиков стоял на отшибе и со всех сторон был окружен зарослями урба. Когда-то это было добротное каменное строение, но теперь и сам дом, и деревья вокруг пришли в полное запустение. Выцветшие коконы шелковичных червей, которые никто так и не собрал, свисали с обглоданных червя-

ми ветвей, а земля вокруг деревьев была покрыта толстым слоем мертвых личинок и бабочек. Вокруг стоял запах гнили, и, едва они ступили под эти деревья, Аррен отчетливо вспомнил тот ужас, что окружал его ночью, во сне.

Они не успели подняться на крыльцо, как дверь резко распахнулась, оттуда высунулась седая старуха и злобно уставилась на них какими-то подозрительно красными глазами. Потом заорала:

— А ну пошли вон, черт бы вас побрал, воры, бродяги, полоумные лжецы, недоноски паршивые! Убирайтесь вон, вон, говорю! Чтоб вам в жизни удачи не было!

Ястреб остановился, казалось, несколько озадаченный, потом быстро сотворил какой-то странный жест и пробормотал:

— Минуй нас!

Завидев это, женщина сразу перестала визжать и уставилась на него:

— Ты зачем это сделал?

— Чтобы отвести твое проклятие.

Она еще некоторое время разглядывала его, потом хрипло спросила:

— Чужеземцы, небось?

— Да. С северных островов.

Она подошла ближе. Сначала, когда старуха начала на них орать с крыльца, Аррену страшно хотелось еще поддразнить ее, но теперь, увидев ее рядом, он смутился. Она была ужасно грязная, одета в лохмотья, изо рта у нее воняло, а в глазах таяла мука мученическая.

— У меня нет больше сил, чтобы наводить порчу, — сказала она. — Нет сил. — Она повторила жест Ястреба. — Этим что же, все еще пользуются там, откуда вы приплыли?

Ястреб кивнул. Он внимательно наблюдал за ней, и она тоже не сводила с него глаз. Лицо ее понемногу ожило, выражение стало более осмысленным. Она спросила:

— А где же твой посох?

— Я его здесь не показываю, сестра.

— Что ты, нельзя! При нем тебе здесь жизни не будет. Когда у меня еще сила была, мне тоже жизни здесь не было. Вот я свою силу и потеряла. Все позабыла, что знала, все слова, все имена. Они, как тоненькие паутинки, выползали через мои глаза и рот — в никуда. Видно, в мире где-то есть дыра, и через эту дыру уходит свет. А вместе с ним — и нужные слова. Ты знаешь об этом? Мой сын сидит и целыми днями смотрит во тьму, пытаясь высмотреть, где та прореха в ткани мироздания. Он говорит, что видел бы лучше, будь он слепым. Он потерял

руку, когда был красильщиком. Мы — знаменитые Красильщики с Лорбанери! Смотри! — Она потрясла перед ними своими худыми, но когда-то сильными руками, до плеч покрытыми несмывающимися тусклыми разноцветными разводами. — Это уж никогда не отойдет, — сказала она, — зато мозги отмываются начисто. Добела. Никаких следов не остается. А ты-то сам кто?

Ястреб ничего не ответил, только посмотрел женщине прямо в глаза, и даже Аррену, который наблюдал за ними со стороны, стало не по себе.

Старуха, сразу задрожав, прошептала:

— Я тебя узнаю...

— О да. Подобный всегда узнает подобного, сестра.

Странно было видеть, как она в ужасе отшатнулась от волшебника, словно пытаясь убежать прочь, и в то же время потянулась к нему, стремясь пасть перед ним на колени.

Он крепко взял ее за руку и удержал от этого:

— Ты хотела бы вернуть назад свою силу, вспомнить свое мастерство, подлинные имена? Я могу дать тебе это.

— Ты — Великий Человек, — прошептала она, — Король Теней, Правитель Темной Страны...

— Нет. Я никакой не король. Я простой человек, простой смертный, брат твой и подобен тебе.

— Но ты ведь никогда не умрешь?

— Умру.

— Но потом вернешься и будешь жить вечно?

— Нет. И никто из людей этого не может.

— Значит, ты не... не тот Великий Человек, что приходит во тьме, — сказала она как-то напряженно. И теперь смотрела на него вопрошающе, но не так испуганно. — Но ты тоже Великий Человек. Неужели их двое? Как твое имя?

На мгновение жесткое лицо Ястреба помягчело.

— Этого я тебе сказать не могу, — ласково ответил он.

— Я тебе открою одну тайну, — сказала старуха. Теперь она выпрямилась и глядела ему прямо в лицо; какое-то отдаленное эхо былого достоинства слышалось в ее голосе и повадке. — Я не хочу жить, жить и жить — бесконечно. Я бы, пожалуй, лучше вспомнила все забытые мной подлинные имена. Но это все ушло. И ничьи подлинные имена теперь значения не имеют. Никаких тайн больше не существует. Хочешь узнать мое имя? — Глаза ее сверкнули. Стиснув руки, она наклонилась вперед и прошептала: — Мое имя Акарен. — Потом вдруг громко вскрикнула: — Акарен! Акарен! Мое имя Акарен! Теперь все они знают мое тайное, мое подлинное имя, и нет больше никаких тайн, нет больше истины, нет больше смерти...

смерти... смерти... смерти! — Она, рыдая, выкрикивала это слово, и брызги слюны слетали с ее губ.

— Успокойся, Акарен!

Она замерла. Слезы текли по ее грязному лицу, занавешенному прядями нечесанных седых волос.

Ястреб взял это морщинистое, залитое слезами лицо в свои ладони и совсем легонько, нежно поцеловал закрытые глаза старой колдуньи. Она стояла неподвижно. Ястреб быстро склонился к ее уху, прошептал что-то из Истинной Речи, еще раз поцеловал старуху в глаза и отпустил.

Она открыла глаза и некоторое время смотрела на него, удивленно и довольно бессмысленно. Так новорожденный смотрит на мать; так порой и сама мать смотрит на свое дитя. Потом старая женщина медленно повернулась и побрела к дому; вошла и затворила за собой дверь. Все произошло в полном молчании; лицо старухи по-прежнему хранило изумленное выражение.

Не нарушая молчания, волшебник повернулся и пошел назад к дороге. Аррен последовал за ним. Задавать вопросы он не осмеливался. Пройдя немного, Ястреб остановился прямо в одичавшем саду и сказал:

— Я взял у нее ее прежнее имя и дал ей новое. А это отчасти новое рождение. Больше ей ничем помочь было нельзя, и никакой надежды у нее не оставалось.

Голос его звучал напряженно и глухо.

— То была настоящая волшебница. Не просто ведьма или шахарка. Она обладала подлинным мастерством и Высшим Знанием; она использовала свое искусство для создания прекрасного — гордая и достойная уважения женщина. В этом искусстве была вся ее жизнь. И вот жизнь эта потрачена зря. — Он резко повернулся и отошел прочь, куда-то в самую гущу сада; там он остановился, не оборачиваясь.

Аррен ждал его на жарком, чуть смягченном жалкой тенью обглоданных деревьев солнцепеке. Он понимал, что Ястребу стыдно взваливать на него груз собственных переживаний; и действительно, юноша ничем не мог ему помочь. Однако в душе он изо всех сил сострадал своему другу, может быть, не так, как в первые дни своего романтического восхищения и обожания, но испытывая за него самую искреннюю боль, словно из сердца его теперь протянулась прочная нить, связывающая их обоих, и невозможно было порвать эту нить. Ибо в той любви, что он испытывал теперь к Верховному Магу, больше всего было сострадания, без которого не бывает ни настоящей, ни долговечной любви.

Вскоре Ястреб вновь подошел к нему. Оба молча двинулись дальше под зеленой сенью деревьев. Было уже очень жарко; земля после вчерашнего дождя успела просохнуть, и дорога пылила у них под ногами. С раннего утра день этот казался Аррену холодным и тоскливым, словно в него проник ужас из его снов; и теперь ему были даже приятны жгучие укусы солнца и благодать тени, и он с удовольствием шагал, отбросив всякие размышления относительно конечной цели их путешествия.

Такое настроение пришлось кстати, потому что как раз цели-то никакой они пока и не достигли. Весь день они провели в карьере, разговаривая с рудокопами. Потом немного поспорили с ними насчет цены тех непонятных камней, которые якобы и являлись «лазоревыми». Когда они тащились обратно в Сосару, а низкое солнце тяжело било им в затылок, Ястреб заметил:

— Это голубой малахит; но я не думаю, чтобы в Сосаре знали, что это за камень на самом деле.

— Какие-то они здесь все странные, — откликнулся Аррен. — И ведь во всем так: они будто совсем одно от другого отличить не способны. Тот тип вчера правильно сказал мэру, что они лазурь от синей глины не отличают. Они жалуются, что настали плохие времена, но не знают даже, когда эти времена начались; говорят, что работа не клеится, а сами даже не пытаются как-то поправить дела; для них даже нет разницы между простым ремесленником и волшебником. Как будто ручной труд и искусство магии — одно и то же! В головах у них, что ли, все перемешалось — все пути, рисунки, действия и цвета? Все для них одинаковое — и все серого цвета.

— Да, это верно, — задумчиво проговорил волшебник. Потом некоторое время шел молча, нахохлившись, и был очень похож на настоящего ястреба. Несмотря на невысокий рост, шагал он широко. — Но чего же все-таки им недостает? — вдруг спросил он.

— Радости в жизни, — не колеблясь ответил Аррен.

— О да! — воскликнул Ястреб и снова задумался. — Я рад, — сказал он наконец, — рад, что ты выразил мои мысли, сынок... Отчего-то я чувствую себя усталым и глупым. Что-то на душе у меня с утра было скверно — с тех пор как мы поговорили с ней, с той, что когда-то звалась Акарен. Я терпеть не могу бессмысленных утрат и запустения. И врага я не ищу. Если я непременно должен иметь врага, то по крайней мере не желаю искать его сам и встречаться с ним умышленно — тоже!.. Если затеваешь поиски, то целью должно быть сокровище, а не отвратительная тварь.

— Там, в конце пути, враг, господин мой, — сказал Аррен. Ястреб кивнул.

— И когда она говорила о Великом Человеке, о Повелителе Гений...

Ястреб снова утвердительно кивнул.

— Скорее всего это именно так, — сказал он. — По-моему, в конце пути мы найдем не только место, которое ищем, но и человека. Зло, зло творится на этом острове. Мастерство утрачено, гордость потеряна, кругом безрадостная жизнь и запустение... Это, конечно, дело рук слугителей зла. Или слугителя. Вот только зло это не связано конкретно ни с этим островом, ни с этой Акарен, ни с шелками Лорбанери. След, по которому мы с тобой идем, напоминает след от сорвавшейся и полетевшей вниз по круче повозки, которая вызвала страшный обвал.

— А не могла ли она, Акарен, рассказать тебе побольше об этом враге: кто он и где находится, и что ему надо?

— Сейчас не стоило ее спрашивать, сынок, — сказал волшебник тихо и печально. — Она, без сомнения, могла бы рассказать многое. Даже в ее безумии все еще оставалась значительная доля мудрости. Но я не мог заставлять ее отвечать. Она слишком страдала.

И он двинулся дальше, снова нахохлившись так, словно его самого мучила боль, от которой он мечтал избавиться.

Заслышав вдруг шарканье ног за спиной, Аррен обернулся. Их пыхтя догонял какой-то человек. Поднятая его ногами пыль, что повисла над дорогой, и рыжие волосы, похожие на проволоку и освещенные закатным солнцем, создавали вокруг его головы нечто вроде красноватого ореола, а невероятно длинная тень его фантастическим образом извивалась и подпрыгивала среди деревьев, росших вдоль дороги.

— Стойте, — кричал человек, — послушайте! Я нашел! Нашел!

Он наконец нагнал их. Аррен сначала рукой похватал пустой воздух у бедра, где должна была быть рукоять меча, потом поискал на поясе украденный нож, потом рука его сама собой сложилась в кулак; все — в полсекунды. Набывчившись, он двинулся на незнакомца. Тот был на целую голову выше Ястреба и значительно шире в плечах, и вообще — как-то странно задыхался, пыхтел, глядя безумными, вылезающими из орбит глазами. Должно быть, сумасшедший, подумал Аррен. «Я нашел, нашел!» — повторял тот неустанно, пока Аррен суровым угрожающим тоном не рывкнул: «Что тебе нужно?» — и не начал теснить безумца со всей решительностью. Тот попытался

обойти юношу и подобраться к Ястребу с другой стороны, но Аррен снова вырос перед ним.

— Так ты тот самый Красильщик из Лорбанери? — спросил Ястреб.

И тут Аррен понял, как глупо вел себя, пытаясь защитить своего друга. Он отступил в сторону, пропуская незнакомца, который после слов волшебника прекратил задыхаться и судорожно махать руками, огромными, покрытыми несмываемыми пятнами краски; взгляд его стал спокойней; он кивнул в ответ.

— Я был Красильщиком из Лорбанери, — сказал он, — но теперь не могу больше заниматься этим ремеслом. — Он вопросительно глянул на Ястреба, ухмыльнулся и тряхнул своей густой рыжей пропылившейся гривой. — Это ты взял имя у моей матери. Теперь я ее не узнаю, а она не узнает меня. Мать все еще сильно меня любит, но только покинула меня. Умерла.

У Аррена до боли сжалось сердце, но тут он заметил, что Ястреб слегка покачал головой.

— Нет-нет, — сказал он, — она не умерла.

— Но она умрет. Умрет!

— О да. Человек всегда сначала живет, а потом умирает, — сказал волшебник.

Красильщик, казалось, некоторое время разгадывал смысл этих слов, потом подошел вплотную к Ястребу и стиснул его плечи, склонившись над ним. Двигался он так быстро, что Аррен не успел ему помешать, однако хорошо расслышал его шепот:

— Я обнаружил дыру во тьме. Там, возле нее, стоял Король. Он следит за ней, она в его власти. У него в руке маленький огонек, свеча. Он подул, и свеча погасла. Снова подул, свеча загорелась. Загорелась!

Ястреб никак не протестовал ни против того, что ему шепчут прямо в лицо, ни против того, что его мертвой хваткой держат за плечи. Он только спросил:

— Где же ты был, когда видел все это?

— В своей постели.

— Спал?

— Нет.

— Был за стеной?

— Нет, — ответил Красильщик, неожиданно посерьезнев и как будто почувствовав себя неудобно. Он отпустил волшебника и слегка попятился. — Нет, я не знаю... не знаю, где это было. Но я это место нашел бы. Хоть и не знаю где.

— Именно это-то мне и нужно знать, — сказал Ястреб.

— Я могу помочь тебе.

— Как?

— У тебя есть лодка. Ты приплыл на ней сюда и собираешься плыть дальше. На запад поплывешь? Как раз туда и нужно плыть. Там начинается путь, по которому Он приходит в наш мир. Приходит, потому что жив — не как те духи или призраки, что перебираются на эту сторону через стену, совсем не так. Он переходит сюда во плоти! Тело его бессмертно! Я видел, как один лишь его вздох зажигал во тьме потухший свет. Я сам видел это. — Лицо Красильщика исказилось; в вечернем золотисто-красном свете оно казалось диким и почти красивым. — Я знаю, что ему удалось преодолеть смерть, ведь когда-то и я был волшебником! И ты знаешь это, и ты пойдешь туда. Так возьми меня с собой.

Тот же вечерний свет скользнул по лицу Ястреба, но оно осталось неподвижным и суровым.

— Я попытаюсь попасть туда, — сказал он.

— Позволь мне пойти с тобой!

Ястреб коротко кивнул.

— Если поспеешь к часу нашего отплытия, — сказал он прежним холодноватым тоном.

Красильщик попятился еще на шаг и застыл, внимательно наблюдая за волшебником. На возбужденное лицо его как бы постепенно напозла тень; взгляд стал странным, тяжелым; казалось, разумные мысли стараются пробиться сквозь бурю слов и чувств, смущающих его душу. Наконец он молча повернулся и побежал назад, вскоре исчезнув в висевшей над дорогой пыльной дымке, поднятой прежде им же самим. Аррен глубоко и с облегчением вздохнул.

Ястреб тоже вздохнул, но отнюдь не с облегчением.

— Что ж, — сказал он, — по странным дорогам нас водят странные провожатые. Пойдем, Аррен.

— Ты же не возьмешь его с нами? — спросил юноша, идя с ним рядом.

— Это уж как он сам захочет.

С внезапным гневом Аррен подумал: «Нет уж! Это еще и как я захочу!» Но вслух ничего не сказал, и они пошли дальше в молчании.

Встретили их в Сосаре неважно. На таком маленьком острове, как Лорбанери, все становится известно всем, едва успев случиться, и, без сомнения, кто-то видел, как они свернули с дороги к дому семьи красильщиков и как разговаривали с сумасшедшим. Хозяин гостиницы был как-то не слишком услужлив, а его жена выглядела до смерти напуганной. Вечером, когда местные пришли посидеть на завалинке у гостиницы,

то вовсю старались даже не заговаривать с чужеземцами и развлекались собственными шутками-прибаутками. Однако веселья особого не получалось. Смех вскоре стих, они довольно долго сидели молча, и наконец мэр спросил Ястреба:

— Нашел ты свои синие камни?

— Да, кое-что нашел, — вежливо ответил тот.

— Уж это конечно. Попли показал тебе, где их найти!

Остальные нарочито громко рассмеялись столь изысканной шутке.

— Попли — это, должно быть, тот рыжеволосый человек?

— Сумасшедший. Ты еще к его матери утром заходил.

— Я искал волшебника, — сказал волшебник.

Тощий человек, что сидел к нему ближе всех, сплюнул в темноту:

— А зачем?

— Я думал, что волшебник поможет мне найти то, что ищу.

— Люди приезжают на Лорбанери за шелком, — сказал мэр. — А за камнями сюда ездить нечего. И за колдовством тоже. За всякими там волшебными штучками и фокусами. Здесь живут честные люди и занимаются честным трудом.

— Так-так, он правду говорит, — загомонили остальные.

— И нам никого другого здесь не надо! Ни к чему нам чужеземцы, которые все что-то вынюхивают да суют нос в чужие дела.

— Правду, правду он говорит! — раздался целый хор голосов.

— Да если б здесь хоть один нормальный колдун нашелся, мы бы и ему тут же дали честную работу в ткацкой, да только колдуны ведь и понятия не имеют — как это честным трудом заниматься!

— Они могли бы научиться у вас, если бы было чему, — ответил Ястреб. — Ваши мастерские пусты, сады запущены, запасы шелка на складах истощились уже много лет назад. Чем вы занимаетесь здесь, на Лорбанери?

— Мы занимаемся своим делом! — рявкнул мэр, но тут вдруг тощий возбужденно спросил:

— А скажи-ка, почему это к нам суда торговые не приходят? Чем эти торговцы там занимаются, в Хорте? Если у нас работа не ладится, так в том, что у них торговля не идет, тоже мы виноваты?..

Его гневно прервали. Все начали кричать друг на друга, вскочили на ноги, мэр погрозил Ястребу кулаком, его сосед вытащил нож. Казалось, все посходили с ума. Аррен напряженно смотрел на Ястреба, ожидая, что тот предстанет перед всеми в сиянии волшебного света и заставит их онеметь перед

лицом возродившегося могущества магии. Но он почему-то этого не делал, а сидел и смотрел то на одного, то на другого, слушая их угрозы. И постепенно они затихли, словно на гнев, как и на веселье, сил у них тоже не хватало. Нож был спрятан, угрозы превратились в обычное ворчание. Потом они начали потихоньку разбредаться, словно псы после драки — кто бегом, а кто ползком.

Когда они остались вдвоем, Ястреб встал, вошел в их комнату и долго пил из стоявшего за дверью кувшина.

— Пошли, парень, — сказал он. — С меня на сегодня хватит.

— К лодке?

— Да. — Он положил две местные серебряные монеты на подоконник в уплату за постой и собрал легкий вещевой мешок. Аррен устал, ему хотелось спать, но он оглядел комнату гостиницы, грязноватую и неприветливую, где на балках шевелились бесчисленные летучие мыши, вспомнил прошлую ночь, проведенную здесь, и с готовностью последовал за волшебником. К тому же, подумал он, спускаясь к пристани по одной из темных улочек Сосары, если они отплывут прямо сейчас, то сумасшедший тип по имени Попли наверняка опоздает. Однако он уже ждал их на пирсе.

— А, это ты, — сказал волшебник. — Ну что ж, залезай в лодку, если хочешь.

Попли молча забрался в лодку и скрючился у мачты, словно большая неряшливая собака. У Аррена все перевернулось в душе.

— Но, господин мой! — возмутился он. Ястреб обернулся; они стояли лицом к лицу высоко над водой. — Они все здесь сумасшедшие, но я считал, что ты-то в здравом уме. Почему же ты берешь его с собой?

— Как проводника.

— Проводника?.. Куда он поведет нас — к полному безумию? К смерти? Чтобы наша лодка потонула или ты получил нож в спину?

— Да, он поведет нас к смерти, но по тому пути, которого я не знаю.

Аррен горячился. Ястреб, хотя и отвечал ему спокойно, все же с трудом сдерживал ярость: он не привык, чтобы его допрашивали, да еще таким тоном. Аррен еще с той минуты, когда он попытался там, на пыльной дороге, защитить Ястреба от бросившегося на него безумца, понял, насколько бесполезны, бессмысленны все его старания. С горечью он ощутил, что его любовь и преданность своему господину, столь сильная еще сегодня утром, сейчас будто разбилась о каменную стену:

никому его преданность была не нужна. Он не в силах был защитить Ястреба; ему даже не было позволено принимать самостоятельные решения; ему не позволено даже понять цель затеянных ими поисков, а сам он не мог догадаться об этом. Его просто вели за ручку, бесполезного и беспомощного, точно дитя. Однако ребенком он уже не был.

— Я не стану спорить с тобой, господин мой, — он старался говорить ледяным тоном. — Но это... это в высшей степени неразумно!

— Да, это в высшей степени неразумно. Мы идем туда, где разум бессилён. Ты пойдешь со мной или нет?

От гнева у Аррена на глазах выступили слезы.

— Я уже давно сказал, что пойду с тобой повсюду и буду служить тебе. Я не нарушаю данного мной слова.

— Вот это хорошо, — мрачно сказал волшебник и уже будто бы отвернулся, но потом снова посмотрел Аррену прямо в лицо. — Ты очень нужен мне, Аррен, а я — тебе. И вот что я скажу: сейчас я уверен, что мы идем тем путем, который предназначен для тебя; и ты должен пройти его — не из покорности или верности мне, но потому, что так было предначертано судьбой еще до того, как мы с тобой впервые встретились, до того, как ты ступил на берег острова Рок, до того, как ты покинул Энлад. Ты не можешь ни сойти с этого пути, ни повернуть назад. — Голос его звучал по-прежнему сурово.

И Аррен отвечал ему не менее мрачно:

— Как же могу я повернуть назад, не имея лодки? Как вернусь я назад отсюда, с самого края света?

— Это, по-твоему, край света? Нет, он гораздо дальше. Но мы вполне можем еще до него добраться.

Аррен коротко кивнул и прыгнул в лодку. Ястреб отвязал конец от причала и поднял волшебный ветер. Едва они вышли из мрачной пустой гавани Лорбанери, стало холоднее, вольный ветер подул с чернеющего в северной стороне Открытого моря, а луна расстелила серебряную дорожку прямо перед ними и поплыла рядом, по левому борту, когда лодка, огибая остров, двинулась к югу.

БЕЗУМЕЦ

Сумасшедший красильщик по-прежнему сидел у мачты, обхватив колени руками и уронив на них голову. Спутанная копна его рыжих волос в лунном свете казалась черной. Ястреб, плотно завернувшись в одеяло, улегся спать на корме. Ни тот, ни другой не шевелились. Аррен сидел на носу: он поклялся себе, что всю ночь простоит на вахте. Если Ястребу угодно считать, что этот безумец не причинит вреда ни ему самому, ни Аррену и не нападет на них в ночи, то и ради Бога; он, Аррен, тоже кое-что смыслит, и у него свои соображения на этот счет, так что он сам позаботится о безопасности.

Однако ночь оказалась слишком длинной и тихой. С неба неустанно лился лунный свет. Скрючившийся у мачты Попли похрапывал тихо и протяжно. Лодка медленно шла по курсу; незаметно и Аррен соскользнул в сон. И сразу же проснулся. И увидел, что луна едва успела сдвинуться с места. Тогда он решил отказаться от самопожертвования, устроился поудобнее и крепко заснул.

Ему тут же приснился сон, как почти во все ночи их путешествия. Сначала сны его были короткими, отрывочными, но неожиданно приятными, вселяющими надежду. Вместо мачты на «Зоркой» выросло дерево с широкой раскидистой кроной; лебеди влекли лодку за собой, хлопая широкими крыльями; далеко впереди над сине-зеленым берилловым морем светился город с белыми башнями. Потом Аррен почему-то оказался в одной из этих башен; он поднимался по винтовой лестнице — почти бежал, легко и с удовольствием. Видения эти сменяли друг друга, повторялись, за ними следовали другие, что уносились прочь без следа. И вдруг он снова оказался в сумерках на

той самой вересковой пустоши, и прежний страх вновь возник в нем и продолжал расти, пока у него не перехватило дыхание. Однако он двинулся вперед — он должен был это сделать. Он шел долго и наконец понял, что здесь идти вперед — значит идти по кругу, снова и снова возвращаясь на то же место. Нужно было как-то выбраться, бежать, желание это становилось все более жгучим, и он побежал. Он бежал, а круги все сужались и сужались, земля под ногами превратилась в склон холма. Сумерки сгущались, и он бежал все быстрее и быстрее, как бы по кромке, по самому краю огромной воронки, которая постепенно засасывала его куда-то во тьму. Едва успев понять это, он поскользнулся и упал...

— В чем дело, Аррен? — раздался с кормы голос Ястреба.

На небе занимался серый рассвет, море было удивительно тихим.

— Да так, ничего.

— Страшный сон приснился?

— Нет, ничего.

Аррен совсем замерз, правая рука, которую он отлежал, затекла и болела. Он прикрыл глаза, чтобы не видеть светлеющего неба, и подумал: он все время на что-то намекает, но так и не говорит, куда мы на самом деле плывем и зачем и почему именно я должен плыть туда. А теперь еще и этого сумасшедшего с нами тащит. Впрочем, кто из нас безумнее — этот красильщик или я сам? Я-то ведь тоже продолжаю тащиться за ними следом. Эти двое, наверно, смогут друг друга понять — именно волшебники теперь утратили разум, так он сам сказал. А сейчас мог бы быть уже дома, в Бериле, в своей комнате с украшенными резьбой стенами, с красным ковром на полу. В камине горел бы огонь, а я проснулся бы пораньше, чтобы отправиться на соколиную охоту с отцом... Почему я пошел с ним? Почему он взял с собой именно меня? Потому что это мой путь — так он сказал; только все это пустая болтовня волшебника, пытающегося сделать свои поступки значительнее с помощью громких слов. Вот только смысл этих слов вечно ускользает. Если передо мной и лежит какой-то путь, то это путь домой; довольно скитаться безо всякого смысла по далеким Пределам. У меня хватает дел и дома, я просто пренебрегаю своими обязанностями. Если он действительно считает, что реально существует некто могущественный, вредящий всем людям и волшебникам, то почему же он взял с собой одного лишь меня? Он мог бы взять в помощники другого мага — да хоть целую сотню магов. Он мог бы взять с собой армию, флот... разве так выходят навстречу грозной опасности — старый волшебник и юноша вдвоем в жалкой лодчон-

ке? Это же просто безумие. Он, видно, и сам сумасшедший; к тому же он говорил, что ищет смерти. Он ищет смерти и хочет взять с собой меня. Но я пока еще с ума не сошел и до старости мне далеко; я не хочу умирать, и я не пойду с ним.

Аррен приподнялся на локте, глядя вперед. Луна, которая взошла у них прямо по курсу, когда они покидали залив Лорбанери, теперь снова оказалась там же и тонула в море. Сзади, на востоке, занималась бледная заря. Небо было чистым, но затянутым какой-то неприятной дымкой. Позже, днем, когда стало по-настоящему жарко, солнце все равно наполовину скрывалось за этой дымкой.

Целый день они плыли вдоль берегов Лорбанери; низкие, зеленые, они тянулись справа. С суши дул ветерок, наполняя их парус. К вечеру они обогнули последний, далеко выдающийся в море мыс; бриз улегся. Ястреб поднял волшебный ветерок, и, словно сокол с запястья ловчего, «Зоркая» рванулась вперед, радостно раздув паруса и оставляя Шелковый остров позади.

Красильщик весь день проторчал на одном месте: совершенно очевидно, он боялся и моря, и лодки и к тому же страдал от морской болезни. Он был совершенно измучен и только хрипло спросил:

— Мы на запад плывем?

Закат во все небо горел прямо у него перед носом, но Ястреб, проявляя поразительное терпение, ответил на этот глупейший вопрос кивком.

— На остров Обеголь?

— Обеголь тоже лежит к западу от Лорбанери.

— Значительно западнее. До него еще далеко. Может быть, это место там.

— А на что это место похоже?

— Откуда мне знать? Разве я мог его рассмотреть? Оно ведь не на Лорбанери! Я годами пытался найти его, целых пять лет искал во тьме, по ночам, закрывая глаза, и всегда приходил Он и звал меня: «Пойдем, пойдем!» — но я пойти с ним не мог. Я не настолько могущественный волшебник, чтобы отыскать путь в Темной Стране. Но и под солнцем есть место, куда можно прийти и тоже попасть туда. Вот этого как раз Милди и моя мать понять не желали. Они продолжали искать во тьме. Потом старый Милди умер, а моя мать сошла с ума. Она позабыла заклятия, которыми мы пользовались при крашении, и от этого заболела. Она хотела умереть, но я сказал, чтобы она пока не спешила. Подождала, пока я не найду то место. Должно же оно где-то быть. Раз мертвые могут возвращаться обратно в

этот мир — значит, в нем должен существовать путь, по которому они приходят.

— А разве мертвые оживают и возвращаются в этот мир?

— Я думал, тебе-то такие вещи известны, — помолчав, ответил Попли и вопросительно посмотрел на Ястреба.

— Нет, но мне бы очень хотелось об этом узнать.

Попли ничего не сказал. Волшебник вдруг твердо посмотрел ему прямо в глаза, хотя голос его прозвучал тихо и ласково:

— Уж не ищешь ли ты способа жить вечно, Попли?

Попли с минуту тоже смотрел ему в глаза, потом уткнулся своей лохматой темно-рыжей башкой в колени, обхватил ее руками и стал качаться взад-вперед. Очевидно, он принимал такую позу каждый раз, когда боялся чего-то, а когда он чего-то боялся, то уже не способен был ни говорить о чем-либо, ни что-либо слушать. Аррен с отвращением и отчаянием отвернулся. Как они будут плыть дальше в обществе этого Попли долгие дни и недели в лодке, длина которой едва десять шагов? Это было все равно что поселиться в одном теле с чьей-то больной душой...

Ястреб подошел к юноше и оперся коленом о распор, глядя в желтоватый вечерний туман над морем.

— У этого человека нежная душа, — сказал он.

Аррен ничего не ответил. Потом холодно спросил:

— Что такое Обеголь? Я никогда не слышал такого названия.

— Мне этот остров тоже известен только по картам, так что я о нем почти ничего не знаю... Смотри-ка: вот и подруги Гобардон!

Теперь огромная, цвета золотистого топаза звезда горела еще выше над морем, а чуть ниже ее, почти над самой поверхностью воды сияли в дымке белая звезда слева и белоголубая справа, образующая как бы треугольник.

— Есть ли у этих звезд имена?

— Мастер Ономатет этого не знал. Может быть, у жителей Обеголя и Уэллоджи и есть — какие-то свои. Не знаю. Мы теперь плывем по неведомым морям, Аррен, под знаком Конца.

Юноша не ответил, почти с ненавистью глядя на яркие безымянные звезды над бесконечными водами моря.

Они плыли все дальше и дальше на запад, и море постепенно окутывало тепло южной весны; над головой сияли безоблачные небеса. Но Аррену почему-то казалось, что солнечному свету здесь не хватает яркости, он словно просачивался сквозь не слишком чистое стекло. Вода в море была теплой как

парное молоко, и купание приносило очень мало облегчения. Соленая пища не вызывала аппетита и казалась безвкусной. Все вокруг, казалось, утратило свежесть и яркость красок, вот только по ночам незнакомые звезды светили так ярко, как ему никогда прежде не доводилось видеть. Он обычно лежал, глядя на них, пока не засыпал. И ему снились сны: всегда одни и те же — о вересковой пустоши, или о колодце, или о долине, окруженной неприступными утесами, или о долгой дороге, ведущей вниз по склону горы под низко висящими тучами; и всегда сны эти были наполнены тусклым светом, леденящим душу ужасом и безнадежным желанием спастись.

Он ни разу не заговаривал об этом с Ястребом. Он вообще ни о чем сколько-нибудь важном с ним не говорил, разве что о повседневных мелочах. Ястреб, которого и раньше-то нужно было специально раскачивать для беседы, теперь большую часть времени проводил в молчании.

Аррен окончательно осознал, каким был глупцом, доверив душу и жизнь свою этому беспокойному и скрытному человеку, который позволял мгновенным желаниям властвовать над собой и не делал ни малейшего усилия, чтобы как-то обезопасить себя, спастись от смерти. Настроение у волшебника было какое-то обреченное: а все потому, думал Аррен, что он боится признать неудачу — ведь он не смог удержать на прежней высоте силу волшебства, самую великую в мире людей силу.

Теперь стало ясно, что для тех, кто знал тайны, не так уж много и существовало настоящих тайн, связанных с искусством магии, благодаря которой и сам Ястреб, и бесконечные поколения колдунов и волшебников добились своей славы и могущества. Ничего особенного в этом не было; кое-кто, правда, умело заклинал погоду, лечил травами да еще создавал такие хитрые иллюзии, как туман, таинственное свечение и изменение внешности; все это, конечно, могло привести в священный трепет невежду, но Аррен-то знал, что все это фокусы, трюки. Действительность неизменна. И нет в волшебстве ничего такого, что давало бы настоящую власть над людьми, не могло оно защитить и от смерти. Великие маги жили не дольше, чем обычные люди. И все ведомые лишь им одним слова даже на один час не могли задержать приход их собственной смерти.

Даже при решении не столь уж важных проблем полагаться на магию не стоило. Ястреб всегда очень мало пользовался своим мастерством; естественный ветер надувал их паруса, едва это становилось возможно; они ловили рыбу, чтобы прокормиться, и аккуратно делили запасы воды, как это делают все моряки. Целых четыре дня Аррен непрерывно менял

галсы, пытаясь поймать нужный ветер, очень устал и попросил волшебника хоть ненадолго помочь ему своим волшебством. Когда Ястреб в ответ лишь отрицательно покачал головой, юноша не выдержал:

— Ну почему же нет?

— Я никогда не стану просить больного человека бежать со мной наперегонки, — ответил Ястреб, — и никогда не положу еще один камень в уже переполненную корзину на спине носильщика.

Было не совсем понятно, говорил ли он о себе или о мире в целом. Он и всегда-то отвечал не слишком охотно, теперь же его ответы было и вовсе трудно понять. Вот в этом и заключается самая суть их волшебства, думал Аррен: многозначительно намекнуть, но в общем-то ничего не сказать, да еще сделать так, чтобы ничегонеделание казалось вершиной мудрости.

Аррен давно уже старался не замечать Попли, но это оказалось просто невозможно; он так или иначе постоянно сталкивался с безумным красильщиком. Впрочем, Попли вовсе не был таким уж безумным или был *не просто безумным*, как это могло показаться при виде его всклокоченной шевелюры и безумных глаз. На самом деле безумным в нем был тот невысказанный ужас, который он испытывал перед морем. Войти впервые в лодку стоило ему такого насилия над собой, что он так и не смог до конца от этого оправиться; он сидел, скрючившись и низко опустив голову, и старался без необходимости не менять этой позы, чтобы не видеть ни воды, раскачивающей лодку и плещущейся у самого борта, ни самой лодки — этой хрупкой скорлупки в пугающей безбрежности вод. При малейшей попытке встать на ноги он испытывал сильнейшее головокружение и постоянно жался к мачте. Когда в первый раз Аррен решил поплавать и нырнул с носа лодки, Попли в ужасе заорал; когда же Аррен снова вскарабкался в лодку, бедняга прямо-таки весь позеленел от пережитого потрясения.

— Я думал, ты утопиться решил, — сказал он, и Аррен не мог сдержать смеха.

Как-то в полдень, когда Ястреб сидел, погрузившись в какие-то свои мысли и ничего вокруг не замечая и не слыша, Попли, осторожно цепляясь за снасти, подобрался к Аррену и прошептал:

— Ты ведь не хочешь умирать, да?

— Конечно, нет.

— А он — хочет! — сказал Попли, мотнув в сторону Ястреба подбородком.

— С чего ты взял?

Аррен вдруг заговорил гордо и надменно, что, по правде сказать, получалось у него вполне естественно, и Попли воспринял этот тон как должное, хоть и был лет на десять—пятнадцать старше Аррена. Он ответил с покорной готовностью, но по-прежнему отрывисто и невнятно:

— Он хочет добраться до тайного места. Но я не знаю зачем. Он не хочет... Он не верит... в обещание.

— В какое обещание?

Попли метнул на Аррена взгляд, в котором на миг ожило его утраченное достоинство; однако воля его оказалась слабее, чем у юноши, и он тихонько ответил:

— Ты сам знаешь. В жизнь. В вечную жизнь.

Аррен вздрогнул. Он вдруг вспомнил свои сны, вересковую пустошь, ужасную воронку, утесы, сумеречный свет... то была смерть, то был ужас смерти. От смерти он должен бежать, должен найти путь, ведущий прочь из ее царства. А на пороге его стоит человек, увенчанный тенью, и держит в руке огонек не больше жемчужины — отблеск бессмертия. Аррен впервые посмотрел Попли прямо в глаза: глаза были светло-карие, очень ясные; они подтверждали, что догадка Аррена правильна и что Попли разделяет с ним это знание.

— Он, — сказал Красильщик с Лорбанери, снова мотнув подбородком в сторону Ястреба, — ни за что имени своего не отдаст. А вместе с именем его никто туда протащить не сможет. Путь слишком узок.

— А ты видел этот путь?

— Во тьме, в душе. Но этого недостаточно. Я хочу попасть туда сам, хочу этот путь увидеть по-настоящему. В этом мире. И найти здесь его начало. Что, если я... если я умру, так и не отыскав то место? Большая часть людей не способна найти этот путь, они даже не знают, что он есть. Только немногие обладают необходимым для этого могуществом... И волшебных слов там больше не существует. И никаких имен. Мысленно попасть туда очень трудно. А когда ты... умираешь, умирают... и твои мысли. — Он каждый раз спотыкался на слове «умирать». — Я хочу *твердо знать*, что могу вернуться. Я хочу там побывать. Но с той стороны, где жизнь. Я хочу жить, жить без опаски. И я ненавижу... ненавижу эту воду...

Красильщик совсем свернулся в клубок и стал похож на паука, который падает на паутинке вниз; даже всклокоченную рыжую голову свою он втянул в плечи, чтобы не видеть моря.

После этого Аррен перестал избегать разговоров с ним, понимая, что Попли ведомы не только такие же сны, но и страх; именно это, если случится самое худшее, сделает Попли союзником Аррена против Ястреба.

Они все плыли и плыли — очень медленно, потому что часто наступал штиль или попутный ветер был совсем слабым — на запад, куда, как притворялся Ястреб, их якобы вел Попли. Но Попли никуда их не вел: ведь он совсем не знал моря, в глаза никогда не видел морской карты, ногой раньше не ступал в лодку и смертельно боялся воды. Это сам волшебник вел их и вел намеренно по ложному курсу. Аррен давно его раскусил и ясно понимал причины этого обмана. Верховный Маг знал, что они, как и многие другие люди, жаждут бессмертия, которое было им обещано, которое вполне возможно. Но в своей немыслимой гордыне Ястреб боялся не столько того, что кто-то обретет бессмертие, сколько просто завидовал; да, завидовал и боялся, что на земле может появиться человек, более могущественный, чем он сам. И теперь хотел одного: уплыть как можно дальше в Открытое море, где нет больше никаких островов, окончательно затеряться в безбрежных водах и уже никогда не возвращаться назад, в мир людей. Там, в Открытом море, они просто умрут от жажды. Потому что для Ястреба лучше умереть самому, но не дать кому-то обрести вечную жизнь.

То и дело Ястреб коротко заговаривал с Арреном о каких-то мелочах — о руле и снастях, например, или о купании в теплом море; или желал ему спокойной ночи под яркими звездами — и тогда все эти черные мысли казались Аррену сущей чепухой. Он смотрел на своего спутника, видел его спокойное твердое терпеливое лицо и думал: «Это мой господин и мой друг». И ему казалось невероятным, что он осмелился усомниться в этом. Но проходило немного времени, и Аррен опять начинал сомневаться и обмениваться с Попли многозначительными взглядами при виде их «общего врага».

Каждый день жаркое солнце по-прежнему затягивало дымкой. Его рассеянный свет глянцем ложился на медленно вздымающуюся поверхность моря. Вода была неизменно синей, чисто синей. То поднимался, то затихал ветерок, и они постоянно меняли галс, чтобы поймать его, и едва ползли на запад к неведомой цели.

Однажды днем наконец подул довольно сильный попутный ветер, и Ястреб, показав куда-то вверх, в сторону заката, сказал:

— Смотрите.

Высоко над мачтой тянулась по небу вереница диких гусей, своими очертаниями похожая на Руну Конца, нанесенную черным по синей глади небес. Гуси летели на запад; следуя в том же направлении, на следующий день «Зоркая» приблизилась к берегам крупного острова.

— Вот это место, — сказал Попли. — На этом острове. Мы должны здесь высадиться.

— То место, которое ты ищешь, там?

— Да. Мы непременно должны высадиться на этот остров. Дальше нам плыть невозможно.

— Это скорее всего Обеголь. За ним в Южном Пределе есть еще один остров, Уэллоджи. А на юге Западного Предела есть и более далекие острова. Ты уверен, что это именно здесь, Попли?

Красильщик с Лорбанери просто вышел из себя; глаза его сверкали злобой, но изрекал он теперь вовсе не такую бессмыслицу, подумал Аррен, как прежде, много дней назад, когда они впервые встретились с ним.

— Да, уверен! Мы должны высадиться здесь. Мы уже достаточно далеко заплыли, хватит! Место, которое мы ищем, здесь. Может, ты хочешь, чтобы я в этом поклялся? Хочешь, я поклянусь своим именем?

— Ты не сможешь, — тяжело уронил Ястреб и пристально посмотрел на Попли, возвышавшегося над ним: Попли намеренно встал на ноги, крепко держась за мачту, чтобы получше разглядеть, что за земля впереди. — Лучше и не пытайся, Попли.

Красильщик весь скривился — не то от гнева, не то от боли. Потом посмотрел на горы вдаль, окутанные синей дымкой, что лежали прямо по курсу, и сказал:

— Ты взял меня как проводника. Это — место, которое ты ищешь. Здесь мы должны высадиться. Высадиться на берег.

— Мы в любом случае высадимся на берег. Нам нужно пополнить запасы воды, — сказал Ястреб и взялся за руль. Попли уселся на прежнее место, что-то бурча. Аррен слышал, как он сказал: «Клянусь своим именем. Именем своим», и повторял это без конца, и каждый раз все больше мрачнел.

Они подошли к острову при северном ветре и поплыли вдоль берега, подыскивая подходящую бухту, чтобы причалить, но волны с ревом и грохотом бились о северный берег Обеголя. В глубине острова под раскаленными лучами солнца словно пеклись зеленые, до самых вершин покрытые лесом горы.

Обогнув очередной мыс, они наконец заметили довольно глубокий полумесяц залива с белой полосой песка на берегу. Волны неторопливо лизали песок: силу их ударов гасил мыс. Здесь вполне можно было причалить. Никаких следов человеческой жизни не было заметно ни на берегу, ни в лесах, покрывавших горные склоны; они не увидели ни лодки, ни крыши дома, ни столба дыма. Легкий ветерок совсем стих,

едва «Зоркая» успела войти в бухту. Штиль, безмолвие, жара. Аррен сел на весла. Ястреб встал к рулю. Скрип весел в уключинах казался здесь единственным живым звуком. Зеленые вершины гор мрачно возвышались над заливом, закрывая горизонт. Солнце расстелило на воде белоснежные жаркие простыни света. Аррен чувствовал, что в ушах у него молотом стучит кровь. Попли, покинув безопасное место у мачты, выполз на нос и, вцепившись в распорки, весь вытянулся в сторону острова. Темное, покрытое шрамами лицо Ястреба блесло от пота, словно намазанное маслом: взгляд его внимательно скользил вдоль полосы прилива и по густолиственным зарослям у подножия начинавшихся прямо от берега гор.

— Давай! — крикнул он, обращаясь то ли к Аррену, то ли к лодке. Аррен сделал три мощных гребка, и «Зоркая» легко вылетела на песок. Ястреб тут же соскочил с кормы, чтобы подтолкнуть ее, однако вдруг споткнулся и чуть не упал. И тут почему-то, вместо того чтобы толкать лодку к берегу, подальше от линии прилива, он мощным рывком потащил ее обратно, на глубину, вместе с отбегающей волной. Потом перевалился через борт, упал на дно, и лодка как бы зависла между морем и берегом.

— Гребите! — выдохнул Ястреб, стоя на четвереньках и пытаясь перевести дыхание. Вода лила с него ручьями. В руках у него откуда-то взялось короткое копьё или дротик локтя два длиной с бронзовым наконечником. Где это он его взял? Потом откуда-то прилетело еще копьё и воткнулось в банку у самого краешка, расщепив дерево и пронзив борт насквозь. Изумленный Аррен греб что было сил, однако успел заметить, что в невысоком кустарнике чуть выше песчаного пляжа крадутся, осторожно приседая, какие-то люди. В воздухе послышались негромкие, свистящие, звенящие звуки. Аррен втянул голову в плечи и с новой силой взялся за весла: два взмаха, чтобы отойти подальше на глубину, еще три — чтобы развернуть лодку и погнать ее прочь от берега.

Попли, стоявший на носу за спиной Аррена, вдруг дико закричал, и руки юноши оказались стиснуты с такой силой, что весла вылетели из воды и ручка одного из них ударила его под ребра так, что на несколько секунд Аррен ослеп от боли и не мог ни охнуть, ни вздохнуть.

— Поворачивай назад! Назад! — орал Попли. Лодка, накренившись, зачерпнула воды и закачалась. Попли вдруг разжал судорожно сжимавшие Аррена руки. Почувствовав свободу, юноша, совершенно разъяренный, обернулся и тут же снова ухватился за весла. Попли исчез. Лишь глубокие воды залива вздыхали и переливались под солнцем.

Аррен, чувствуя себя идиотом, еще раз обернулся, потом внимательно осмотрел лодку и вопросительно уставился на Ястреба, скрючившегося на корме.

— Вон там, — сказал волшебник, указывая куда-то за борт, но там ничего не было, только солнечные блики играли на поверхности моря. Дротик, пущенный из духовой трубки, упал совсем рядом с лодкой и бесшумно скрылся под водой. Аррен сделал еще десять—двенадцать мощных гребков, потом вычерпал воду и снова посмотрел на Ястреба.

Руки волшебника и его левое плечо, к которому он прижимал кусок парусины, были в крови. Копье с бронзовым наконечником валялось на дне лодки. Он вовсе не держал его в руках, как тогда показалось Аррену: его наконечник глубоко воткнулся ему под мышку. Ястреб не сводил глаз с полосы воды между лодкой и белым песчаным берегом, по которому в солнечном мареве металось несколько маленьких фигурок, мававших руками. Потом скомандовал:

— Давай!

— Но Попли...

— Он так и не вынырнул.

— Неужели он утонул? — спросил Аррен, не веря.

Ястреб кивнул.

Аррен греб до тех пор, пока берег не превратился в тонкую белую полоску, за которой тянулась зеленая полоса кустарников и деревьев, взбирающихся по склонам гор. Ястреб сидел у румпеля, зажимая рану на плече куском тряпки и не обращая на нее особого внимания.

— В него попал дротик?

— Нет, он прыгнул сам.

— Сам? Но он... он же не умел плавать? Он так боялся воды!

— О да. Смертельно боялся. Он хотел... Хотел попасть на землю.

— Почему они напали на нас? Кто они такие?

— Они, должно быть, думали, что мы их враги. Ты не мог бы... не мог бы немного помочь мне с этим? — И тут Аррен заметил, что тряпица, которую волшебник прижимал к ране на плече, насквозь промокла от крови.

Дротик угодил между плечевым суставом и ключицей, порвав одну из крупных артерий, так что кровотечение было сильным. Следуя указаниям волшебника, Аррен разорвал на бинты льняную рубашку и наложил повязку. Ястреб попросил его принести попавший в него дротик, и, когда Аррен положил дротик ему на колени, он правой рукой стал ощупывать наконечник из довольно грубо обработанной бронзы, длинный и

узкий, похожий на ивовый лист. Потом он открыл было рот, словно собираясь что-то сказать, но только покачал головой.

— Нет у меня сил для заклинания, — сказал он. — Позже. Все будет в порядке. Ты сможешь вывести лодку из залива, Аррен?

Юноша молча вернулся к веслам. И, согнувшись, принялся за работу. Вскоре, поскольку сил в его стройном гибком теле было предостаточно, «Зоркая» вышла в Открытое море. Стоял глубокий полдневный штиль, обычный для морей Южного Предела. Парус висел как тряпка. Солнце светило сквозь дымку, и зеленые вершины позади, казалось, дрожат и расплываются в жарком мареве. Ястреб вытянулся на дне лодки, пристроив голову повыше; он лежал неподвижно, глаза и губы чуть приоткрыты. Аррену было неприятно смотреть на его лицо, и он отвел глаза. Дальше, за кормой, жаркое марево качалось над водой, словно густая паутина. Казалось, эта паутина затянула и весь небосклон. Руки юноши дрожали от усталости, но он продолжал грести.

— Куда ты правишь? — раздался вдруг хриплый голос Ястреба. Волшебник чуть приподнялся на локте и вопросительно смотрел на Аррена. Тот, обернувшись, снова увидел дугу залива, будто белыми руками обнимавшую их с обеих сторон, и близкие горы, толпившиеся в вышине. Он и не заметил, как развернул лодку и поплыл в обратном направлении.

— Все. Больше я грести не могу, — сказал Аррен и осушил весла. Потом пошел и лег, свернувшись в клубок, на носу. Ему продолжало казаться, что за спиной у него, по-прежнему прижавшись к мачте, сидит Попли. Они слишком много времени провели вместе, слишком неожиданной была его смерть, слишком бессмысленной. Все вообще было слишком непонятно, бессмысленно...

Лодка словно висела, чуть покачиваясь на волне; парус был совершенно безжизненным. Начинался прилив; волны все сильнее обрушивались на берег, потихоньку разворачивали лодку боком, подталкивали ее к белой линии песка на берегу.

— «Зоркая», — нежно позвал волшебник и прибавил еще пару слов Истинной Речи. Лодка мягко качнулась, развернулась и заскользила прочь от острова по слепящей водной глади.

Впрочем, не прошло и часа, как она будто устала и парус ее снова безжизненно обвис. Аррен оглянулся и увидел, что спутник его лежит на дне лодки в прежней позе, только голова его запрокинута, глаза закрыты.

Все это время Аррен ощущал тяжкий дурнотный ужас, который становился все сильнее, сковывал движения, словно тонкими нитями опутывая тело, туманил мозг. И мужество не

восставало в нем против этого страха; он чувствовал лишь что-то вроде слабого негодования и сожалений относительно собственной судьбы.

Аррен отлично понимал, что нельзя оставаться здесь и дрейфовать близ берегов острова, чьи жители нападают на чужеземцев, однако в душе ему было и это все равно. А что, собственно, оставалось делать теперь? Плыть на веслах до острова Рок? Нет, конечно же, он пропал, все кончено, он затерян в безбрежности Открытого моря, и не осталось больше никаких надежд. Он никогда не сможет проложить обратный курс или хотя бы довести лодку до ближайшего острова, где их приняли бы дружески. Может быть, под руководством волшебника ему бы это и удалось, но Ястреб смертельно ранен и совершенно беспомощен. И все случившееся было таким же неожиданным и бессмысленным, как и смерть Попли. Лицо волшебника изменилось, расслабилось; щеки приобрели желтоватый оттенок: похоже, он уже умирал. Аррен понимал, что нужно бы перенести раненого под навес, в тень, и дать ему напиться — человек, потерявший столько крови, должен больше пить. Но у них уже много дней не хватало воды; бочонок был почти пуст. Впрочем, и это тоже не имеет значения. Ничего хорошего все равно ждать не приходится, все утратило смысл. Удача от них отвернулась.

Так прошло несколько часов. Солнце по-прежнему жгло беспощадно; жаркое сероватое море окутывало Аррена со всех сторон, но он продолжал сидеть неподвижно.

Вдруг лба коснулось чье-то холодное дыхание: то была вечерняя роса. Солнце село; запад горел багрянцем. Дул слабый восточный ветерок, и «Зоркая» медленно огибала крутые лесистые берега Обеголя.

Аррен пробрался на корму и занялся своим спутником: устроил ему постель под навесом и дал напиться. Он делал все торопливо, стараясь не смотреть на пропитавшуюся кровью повязку, которую давно пора было сменить. Ястреб сильно ослабел и все время молчал; пил он жадно, но даже и тогда глаза его оставались закрытыми. Потом он снова погрузился в забытие, словно сейчас сон был для него важнее и сильнее жажды. Он так и лежал, тихий и недвижимый, и, когда с наступлением ночи ветер стих, паруса вновь повисли, и лодка лениво закачалась на зеркально-гладкой поверхности чуть вздыхающего моря: поднять волшебный ветер Ястреб не смог. Зато горы, которые еще недавно мрачно возвышались справа, совсем рядом с ними, отодвинулись и казались лишь черной изломанной линией на фоне звездного неба. Аррен долго смотрел на звезды. И рисунки южных созвездий показались

ему странно знакомыми, словно он уже раньше видел их, словно знал их с детства.

Спать он улегся, как всегда, лицом к югу: там, высоко в небе над монотонно-спокойной гладью моря горела звезда Гобардон. Чуть ниже — еще две, образующие с ней вместе как бы вершины треугольника, а еще ниже, в основании этого треугольника, выстроились по прямой еще три звезды. Потом, ближе к полуночи, выскользнули на свободу из блещущей серебром черноты моря и ярко зажглись в небесах еще две звезды. Эти были желтыми, как Гобардон, хоть и светили более слабо. Теперь, считая предыдущие звезды, на небе начал образовываться второй, более крупный треугольник: там горело восемь из девяти звезд созвездия, которое, очевидно, и должно было походить на бегущего человека или ардическую руну Агнен. Что касается Аррена, то он никакого человека в рисунке звезд не обнаружил; если только, как это часто случается с созвездиями, изображение его не было в значительной степени условным. Зато руна Агнен виделась ему совершенно ясно — с крючкообразной ручкой и поперечной чертой в середине, она отчетливо светилась в небе, дописанная почти до конца, ибо последняя звезда еще не возшла.

Ожидая ее появления, Аррен уснул.

Когда же на рассвете он проснулся, то оказалось, что «Зоркую» отнесло еще дальше от Обеголя. Туман совсем скрыл его берега, лишь едва виднелись вершины гор. Туманная дымка плыла над фиолетовыми водами Южного моря, и сквозь нее едва виднелись в небесах последние звезды.

Аррен взглянул на своего спутника. Ястреб дышал неровно, словно даже в забытии чувствовал сильную боль, не дававшую ему крепко уснуть. На лице его отчетливо проступили морщины, в холодном ровном утреннем свете оно выглядело неожиданно старым. Аррен вдруг увидел перед собой человека, который до конца израсходовал свои силы и теперь у него не осталось ни волшебства, ни могущества, ни даже молодости — ничего. Он не спас Попли, не отвернул от себя ранивший его дротик. Из-за него все они оказались в опасности, но он ничего не сделал для их спасения. Попли мертв. Ястреб умирает, и Аррен скоро тоже непременно умрет. И все — только из-за ошибки этого человека, просто так, совершенно бессмысленно.

Аррен смотрел на волшебника с полной безнадежностью, словно в пустоту.

Ни одно воспоминание о прошлом не шевельнулось в его душе: ни фонтан под ясенем, ни белый волшебный свет над рабовладельческим судном в тумане, ни обглоданные червями деревья близ дома красильщиков. Ни воля, ни упрямство, ни

гордость не проснувшись в его сердце. Он смотрел, как разливается восход над спокойным морем, над легкими бледно-сиренывыми волнами, и все вокруг казалось ему похожим на сон, на невнятное, неясное, безжизненное видение. И в глубинах этого сна, как и в глубинах сиреневого моря, не было ничего — провал, пропасть, пустота...

Лодка то застывала на месте, то медленно двигалась куда-то в зависимости от желаний налетающего ветерка. Вершины Обеголя, уплывая назад, становились все меньше, все чернее на фоне разгорающейся зари; ветер дул с востока, унося лодку прочь от этого острова, прочь от мира людей, все дальше и дальше в Открытое море.

Глава 8

ДЕТИ ОТКРЫТОГО МОРЯ

Где-то в полдень Ястреб шевельнулся и попросил воды. Напившись, он спросил: — Куда мы плывем? — Парус у него над головой был надут, и лодка ласточкой неслась по волнам.

— На запад или на северо-запад.

— Мне холодно, — сказал Ястреб.

Солнце светило вовсю, заливая лодку зноем, и Аррен промолчал.

— Постарайся держать курс на запад. На Уэллоджи — он расположен к юго-западу от Обеголя. И там причаль: нам необходима вода.

Взгляд юноши был устремлен вперед, куда-то поверх пустынных волн.

— В чем дело, Аррен?

Аррен не отвечал.

Ястреб попытался сесть, но это ему не удалось; тогда он попытался дотянуться до посоха, что лежал у рундука, и тоже не смог. Он хотел было снова что-то сказать, но слова застряли в пересохшем рту. Снова открылось кровотечение; из-под задубевшей повязки, которая вновь промокла, по темной коже поползли тонкие, как паутинки, полоски ярко-алого цвета. Волшебник со стоном вздохнул и закрыл глаза.

Аррен смотрел на него совершенно равнодушно и вскоре отвернулся. Прошел на нос и снова уселся там, скрючившись и глядя вперед. Во рту страшно пересохло. Восточный ветер, что теперь постоянно дул над Открытым морем, напоминал иссушающий ветер пустыни. В бочонке осталось не больше двух-трех кружек воды; Аррен считал, что эта вода — только Ястребу. Ему даже в голову не приходило отпить хоть глоток.

Он поставил удочки: за время их долгого путешествия он узнал, что сырая рыба утоляет не только голод, но и жажду. Но на крючок никогда ничего не попадалось. Впрочем, и это было неважно. Лодка плыла и плыла по бесконечной водной пустыне. В вышине медленно, хотя в конце концов всегда выигрывая эту гонку через пространство, плыло солнце — тоже с востока на запад.

Как-то раз Аррену показалось, что на юге он видит голубую вершину — вполне возможно, остров. А впрочем, может, и просто облако. Он даже не попытался сменить галс: просто позволил лодке плыть дальше, куда-то на северо-запад, куда она уже много-много часов неслась безостановочно. Остров то был или нет — все равно. Нет никакой надежды; Аррену теперь даже мощное великолепие ветра, солнца и моря казалось ненадежным и фальшивым.

Наступила ночь, потом снова день; тьма и свет казались медленными ударами барабана по туго натянутой ткани небес.

Аррен опустил руку в воду у борта. На мгновение он удивительно ясно увидел под живой водой зеленоватые очертания пальцев. Он наклонился и облизал их. Вода была горькой, больно жгла губы, но он снова обмакнул пальцы и облизал их. Потом его стошнило, он, скрючившись, свесился за борт; его выворачивало наизнанку, но сплюнуть удалось лишь немного чего-то жгучего. Напоить раненого ему было нечем, воды совсем не осталось, и Аррен боялся подходить к волшебнику. Он прилег: несмотря на жару, его бил озноб. Все вокруг было безмолвным, иссушающим и нестерпимо ярким. Спасаясь от яркого света, он прикрыл глаза рукой.

Они стояли рядом с ним в лодке; их было трое; худые, стройные, с горделивой осанкой, с удлинненными серыми глазами, они были похожи на диковинных темных цапель или журавлей. Языка их он не понимал. Голоса были тонкие, птичьи. Один наклонился к нему и поднес к пересохшему рту какой-то темный пузырь. Это была вода. Аррен пил жадно, задыхался, откашливался и снова пил, пока не выпил все до последней капли. Потом наконец осмотрелся и попробовал встать, тревожно спрашивая:

— Где, где он?

В лодке с ним рядом были только эти трое — странные хрупкие существа. Они непонимающе смотрели на него.

— Другой человек, — прокаркал он; воспаленное горло и распухшие, как олады, губы не повиновались ему, — мой друг...

Один из них понял его тревогу — даже если не понял самих слов — и, положив свою легкую руку Аррену на плечо, другой рукой указал куда-то.

— Там, — сказал он, пытаясь успокоить юношу.

Аррен посмотрел в указанном направлении и увидел: прямо по курсу и к северу лодку окружало множество плотов; одни собрались в плотную кучу, другие были раскиданы по морю довольно далеко друг от друга. Их было так много, что они казались осенними листьями на поверхности пруда. Плоты были невысокие, на каждом — одна или две хижины ближе к центру; на некоторых плотках были даже мачты. Подобно листьям, плоты кружились, поднимались и опускались вместе с волнами, несомые сильным западным течением. Полоски воды между ними сверкали серебром; в небесах курчавились пышные фиолетовые и золотистые дождевые облака, на западе сгушавшиеся в темные грозовые тучи.

— Там, — повторил человек, указывая на большой плот рядом с «Зоркой».

— Жив?

Все одновременно посмотрели на Аррена. Они не понимали. Наконец один догадался:

— Жив. Он жив.

И тут Аррен заплакал; сухие, без слез рыдания разрывали грудь. Тогда один из незнакомцев взял его за руку и повел на тот плот, к которому была пришвартована «Зоркая». Этот плот был так велик и прочен, что даже не качнулся под их общим весом. Аррена провели на другой его конец, и один из незнакомцев, перевесившись через край, тяжелой острогой с накопечником из зуба китовой акулы подцепил и подтащил ближе еще один, соседний плот. Они легко перебрались на него, и Аррен оказался перед навесом или примитивной хижинкой, сделанной из циновки, одна стена которой была поднята.

— Ложись, — сказали ему, и больше Аррен ничего не помнил.

Потом он лежал на спине, вытянувшись, и смотрел на грубо сплетенную зеленую крышу, пронизанную маленькими пятнышками света. Он решил было, что оказался в яблоневых садах Семермина, где обычно проводят лето принцы Энлада, в холмистой местности близ Берилы, и лежит в густой траве, глядя в небо сквозь просвечивающие солнцем ветви цветущих яблонь.

Потом вдруг услышал влажный шлепок и плеск воды где-то под плотом, над бездонной глубиной, и высокие голоса людей, что живут на этих плотках. Они пользовались ардическим языком, на котором говорят повсюду на Архипелаге, только произ-

ношение и интонации были у них часто совершенно иными, так что сразу понять было трудно. Теперь Аррен знал, что он очень далеко от Архипелага, дальше самых дальних Пределов, в безбрежном Открытом море. Но он почему-то и на это реагировал на удивление спокойно и лежал себе на мягком и удобном ложе, словно в садах своей далекой родины.

Потом он решил, что пора, пожалуй, встать, и встал, обнаружив при этом, что тело стало слишком худым и как будто подсушенным на солнце; впрочем, ноги хоть и дрожали, но вполне слушались. Он отвел в сторону циновку, изображавшую стену, и вышел наружу. Был полдень. Все время пока он спал, шли дожди. Крупные, гладкие, с квадратным сечением бревна, тесно пригнанные друг к другу и проконопаченные, были мокрыми и темными. Черные волосы хрупких полуобнаженных жителей плотов блестели после дождя. Грозовые тучи умчались уже далеко на северо-восток, тая в серебристой дымке.

Один из черноволосых людей осторожно приблизился к Аррену и остановился шагах в двух от него. Он был стройный и гибкий, небольшого роста — не выше двенадцатилетнего мальчишки. На Аррена внимательно смотрели продолговатые, большие и темные глаза. В руках незнакомец держал копье с зазубренным наконечником из кости.

— Я обязан тебе и твоему народу жизнью своей, — сказал Аррен.

Человек кивнул.

— Ты отведешь меня к моему товарищу?

Человек обернулся и крикнул что-то пронзительным, похожим на крик морской птицы голосом. Потом присел на корточки у края плота, словно чего-то ожидая; Аррен последовал его примеру.

На их плоту мачты не было, хотя на большей части плотов они имелись. К мачтам крепились паруса, довольно маленькие по сравнению с огромными плотами; паруса были изготовлены из какого-то коричневого материала — не парусины и не холста, — а скорее сплетенного или сотканного из каких-то странных волокон; причем волокна даже, пожалуй, и не ткали, а сбивали, как войлок. На одном из плотов, шагах в трехстах от них, спустили парус, и плот этот медленно двинулся к ним, лавируя между другими плотами. Когда до него оставалось не больше двух шагов, человек, сидевший рядом с Арреном, встал и, ни секунды не раздумывая, легко прыгнул. Аррен последовал за ним и весьма неуклюже приземлился на четвереньки, настолько ослабели и лишились былой упругости его ноги. Он поднялся и заметил, что маленький человечек

смотрит на него вовсе не насмешливо, а с одобрением и сочувствием.

Этот плот был больше и выше остальных; сделанный из толстых бревен — шагов тридцать в длину и семь-восемь в ширину, — он почернел от дождей и старости, дерево его как бы лоснилось. Загадочные резные деревянные фигуры возвышались рядом с хижинами в центре — то ли храмами, то ли просто жилищами; в каждом из четырех углов плота был укреплен высокий шест, увенчанный пучком перьев морских птиц. Провожатый подвел Аррена к самой маленькой из хижин, и там юноша наконец увидел Ястреба, погруженного в глубокий сон.

Аррен подошел и сел рядом с ним. Провожатый вернулся на свой плот; никто Аррена не беспокоил. Незнакомая женщина принесла ему поесть: что-то похожее на холодное рыбное рагу, в котором попадались кусочки чего-то зеленого и желеобразного, солоноватого, но вкусного; она дала ему также маленькую чашечку воды, несвежей, пахнувшей смолой. Аррен заметил — по тому, как она подносила ему воду, — что это здесь драгоценность, почитаемая превыше всего. Он принял и выпил ее с должным уважением и больше не попросил, хотя мог бы выпить раз в десять больше.

На плечо Ястреба была мастерски наложена повязка; он спал глубоким сном выздоравливающего человека. Когда же проснулся, глаза его глядели ясно. Увидев Аррена, он улыбнулся доброй счастливой улыбкой — улыбка всегда поразительно меняла его суровое лицо. Аррен вдруг снова почувствовал, что к глазам у него подступают слезы. Он накрыл рукой руку волшебника и молчал, не в состоянии вымолвить ни слова.

Тут в хижину вошел один из представителей «плавучего народа» и присел на корточки неподалеку. Большая соседняя хижина представляла собой нечто вроде храма с очень сложным рисунком, выложенным с помощью мозаики над входом. Резная дверная рама изображала двух больших китов, выпускающих фонтаны воды. Пришедший был таким же хрупким и невысоким, как все люди на плотах. Он был похож на мальчика с удивительно сильным волевым лицом зрелого мужчины. На нем была лишь набедренная повязка, но достоинство окутывало его подобно королевской мантии.

— Он должен спать, — сказал он, и Аррен, оставив Ястреба, подошел к незнакомцу.

— Ты вождь этого народа, — сказал юноша, как всегда узнавая великого правителя с первого взгляда.

— Да, — ответил человек, коротко кивнув. Аррен, выпрямившись, застыл перед ним. Темные глаза человека только

скользнули по его лицу. — Ты тоже вождь, — уверенно заключил он.

— Да, — ответил Аррен. Ему страшно хотелось узнать, как вождь «плавучего народа» об этом догадался, однако он и глазом не повел. — Но сейчас я служу своему господину.

Маленький вождь еще что-то проговорил, но уже совсем непонятное, столь странно звучали в устах этого народа слова ардического языка. А может быть, то были чьи-то имена, которые Аррен не знал. Потом вождь спросил:

— Зачем вы явились в Балатран?

— В поисках... — И Аррен запнулся, не зная, как выразить всю ту мешанину мыслей и чувств, что обуревала его, и неуверенный, можно ли сказать этому человеку правду. Все, что с ними произошло, как и сама суть их поисков, казалось, уплыли, затерялись в далеком прошлом. Все перепуталось в его памяти. Наконец он сказал: — Мы приплыли к острову Обеголь. Его жители напали на нас, когда мы хотели высадиться на берег. И мой господин был ранен.

— А ты?

— Я остался цел, — спокойно сказал Аррен: холодное самобладание, воспитанное в нем с детства королевскими слугами, и на этот раз сослужило ему хорошую службу. — Но потом что-то такое произошло со мной... с нами... что-то вроде помешательства. Наш спутник утонул... Во всем таился какой-то страх... — Он умолк и застыл.

Вождь наблюдал за ним своими темными непроницаемыми глазами. Потом сказал:

— Значит, вы попали сюда случайно?

— Да. А мы все еще в Южном Пределе?

— В Пределе? О нет. Острова... — вождь изящным взмахом тонкой темнокожей руки описал в воздухе полукруг с севера на восток, — острова находятся там. Все острова. — Потом таким же изящным жестом обвел закатное море перед ними по кругу — с севера через запад на юг — и сказал: — Это все море.

— А с какого острова вы сами, господин мой?

— Мы не с острова. Мы — Дети Открытого моря.

Аррен смотрел на его умное живое лицо, на огромный плот с храмом, окруженным высокими идолами, вырезанными из цельных стволов могучих деревьев... То были их боги — полудельфины, полурыбы, полулюд, полуптицы... Потом он обвел взглядом плоты, где люди были заняты самой обычной работой: плели корзины и циновки, вырезали что-то из дерева, ловили рыбу, готовили еду на возвышениях для очага, возились с детьми. Плотов было по меньшей мере десятков семь. Они порой были разбросаны на довольно большом расстоянии

друг от друга. Это был настоящий город: вдали над хижинами виднелись тонкие струйки дыма; ветер разносил звонкие голоса детей. Да, это был настоящий город, вот только под полом его жилищ была морская бездна.

— Неужели вы никогда не высаживаетесь на землю? — спросил юноша шепотом.

— Один раз в год. Тогда мы приплываем к Долгой Дюне. Там мы рубим лес и чиним плоты. Это бывает осенью. А потом мы уходим вслед за серыми китами к северу. Зимой мы расстаемся — каждый плот дрейфует сам по себе. Весной же все собираются в Балатране, в этих водах. Мы ходим друг к другу в гости, играем свадьбы, потом состоится Долгий Танец. Здесь пролегают Пути Балатрана; отсюда великие течения несут нас на юг. Все лето мы плывем по их воле, пока не увидим, как Великие — большие серые киты — поворачивают на север. Тогда мы и пускаемся следом за ними и в конце концов возвращаемся к селению Эмах, что на Долгой Дюне.

— Но это просто поразительно, господин мой! — сказал Аррен. — Никогда не слышал я о таких людях, как вы. Мой дом очень далеко отсюда. Но и там, на острове Энлад, мы тоже танцуем Долгий Танец в преддверии лета.

— Только вы утаптываете землю, делая ее более прочной, — сухо откликнулся вождь, — мы же танцуем над бездной морской. — Он помолчал немного и спросил: — Как зовут его, твоего господина?

— Ястреб, — ответил Аррен. Вождь правильно повторил это слово, однако смысла его явно не понимал. И одно это заставило Аррена безоговорочно поверить в правдивость рассказа вождя о том, как его народ всю свою жизнь, год за годом, проводит в Открытом море, где никаких островов нет и в помине, куда даже птицы сухопутные не долетают, — в этих неведомых жителям Земноморья водах.

— Смерть стояла с ним совсем рядом, — сказал вождь. — Он должен много спать. А ты пока возвращайся на плот Стара; я потом за тобой пошлю. — Он встал. Будучи полностью уверенным в себе, вождь не до конца понял, кто такой Аррен и как с ним должно ему обращаться: как с равным или как с обычным мальчишкой. Аррену в таком положении больше по душе было бы последнее, и он даже обрадовался, что его отсылают прочь, но тут возникла проблема совсем иного рода. Плоты разнесло далеко друг от друга, по крайней мере на добрую сотню шагов, и гладкая поверхность моря блестела меж ними под солнцем.

— Плыви же, — коротко бросил ему вождь.

Аррен бросился в воду. Ее прохладные ладони ласкали обожженную солнцем кожу. Он проплыл расстояние до ближайшего плота, где его поджидала компания из пяти-шести ребяташек и несколько молодых людей, наблюдавших за незнакомцем с доброжелательным интересом. Какая-то малышка сказала:

— Ты плывешь как рыба, попавшаяся на крючок.

— Как же мне нужно плавать? — вежливо спросил Аррен. Он, хоть и почувствовал некоторое унижение, все же ни за что не смог бы нагрубить такому невероятно крошечному челoveчку. Девочка была похожа на хрупкую изысканную статуэтку из полированного красного дерева.

— А вот как! — крикнула она и нырнула, словно маленький тюлень, в сверкающую воду. Только очень нескоро услышал он где-то вдали ее пронзительный голосок и увидел черную гладкую головку над поверхностью моря.

— Давай теперь ты, — сказал Аррену юноша примерно одних с ним лет, хотя ростом и телосложением больше походил на двенадцатилетнего. Лицо у него было довольно мрачное, а во всю спину татуировка: синий краб. Юноша нырнул, и все остальные тоже, даже трехлетний малыш, так что Аррену пришлось последовать их примеру. Он плыл, изо всех сил стараясь не поднимать брызг.

— Ты плыви как угорь, — сказал тот юноша с крабом на спине, выныривая возле его плеча.

— Или как дельфин, — предложила Аррену хорошенькая девушка с прелестной улыбкой и тут же исчезла в глубине.

— Или как я! — с удовольствием выкрикнул трехлетний малыш, бултыхаясь, как пустая бутылка.

В тот вечер до самой темноты и весь следующий золотой от солнца длинный день и еще много-много дней Аррен плавал, беседовал и работал вместе с молодежью, жившей на плоту Стара. И из всего, что произошло за время их путешествия, с того момента когда он в корне изменил свою жизнь, отплыв с Ястребом от берегов острова Рок, происходящее теперь казалось Аррену в известном смысле самым странным, ибо все это никак не было связано с тем, что случилось раньше — ни за время путешествия, ни за всю его жизнь; а еще меньше — с целью их поисков. Ночью, укладываясь спать вместе со всеми прямо под звездным небом, он думал: «Все так, словно я уже умер и это происходит со мной после смерти, в краю, где вечно светит солнце, за пределами нашего мира, среди сыновей и дочерей моря...» Прежде чем уснуть, он обязательно искал и всегда находил на юге желтую звезду Гобардон и Руну Конца, которую вместе с Гобардон составляли ее младшие сестры.

Однако теперь звезды восходили позже и он был не в состоянии бодрствовать до тех пор, пока все созвездие не покажется над горизонтом. Днем и ночью плоты плыли на юг, но в море никогда ничего не менялось, ибо то, что меняется постоянно, всегда выглядит неизменным. Майские дожди прекратились, по ночам небо было усыпано яркими звездами, а днем всюду светило солнце.

Аррен понимал, что жизнь на плотях не всегда так легка и беспечна, словно приятный сон. Он расспрашивал своих новых друзей о зиме, и они рассказывали о долгих дождях, о мощных водяных валах, об одиноких плотях, дрейфующих меж высоких волн под серым беспросветным небом над чернотой океана — неделю за неделей, месяц за месяцем. В прошлую зиму во время шторма, который длился дней тридцать, они видели такие огромные волны, которые, по их словам, были «словно грозовые тучи»: слова «гора» они не знали. С гребня одной такой волны можно было видеть следующую, невероятных размеров, за несколько тысяч шагов от первой, и эти громады одна за другой обрушивались на их плоты. «Выдерживают ли плоты такие бури?» — спрашивал Аррен, и они отвечали: «Да, но не всегда. Весной, когда они собираются на Путиях Балатрана, обычно не хватает двух, трех, шести плотов...»

Они вступали в брак совсем юными. Голубой Краб, тот самый юноша с татуировкой в честь собственного имени, и хорошенькая девушка по имени Альбатрос уже были мужем и женой, хотя ему исполнилось лишь семнадцать, а ей — на два года меньше; и подобных браков было множество. Бесчисленные младенцы ползали и спали прямо на бревнах, привязанные длинными веревками к угловым столбам хижины, стоявшей в центре; они сами заползали под навес, спасаясь от дневной жары, и спали там вповалку живыми шевелящимися грудями. Старшие дети присматривали за младшими, а мужчины и женщины любую работу делали вместе. Все без исключения по очереди занимались сбором крупных морских водорослей с коричневыми листьями, «нилгу Балатрана», немного похожих на папоротник, но очень длинных — от сорока до пятидесяти шагов в длину. Все вместе трудились, сбивая нилгу в ткань типа войлока или сплетая жесткие волокна в веревки или сети; все вместе занимались рыбной ловлей, сушили и вялили рыбу, изготавливали различные инструменты из китовой кости, и вообще — выполняли любую необходимую для жизни на плотях работу. Но всегда у них находилось время, чтобы поплавать или поговорить друг с другом, и никогда не назначался точный срок, к которому та или иная работа долж-

на была быть выполнена. Время там измерялось не часами, а днями и ночами — целиком. После нескольких таких дней и ночей Аррену уже казалось, что он прожил на плоту невероятно долго, а Обеголь просто дурной сон, за которым маячили еще более туманные сны и какой-то далекий, другой мир, в котором он когда-то жил — все время на суше — и был принцем Энлада.

Когда вождь наконец призвал Аррена на свой плот, Ястреб некоторое время изучал его, потом сказал:

— Ты выглядишь как тот Аррен, которого я видел во дворике у фонтана; гладкий, как золотистый тюлень. Видно, хорошо тебе здесь, сынок?

— О да, господин мой!

— Да, но где же мы теперь? Все острова остались позади. Мы заплыли в такие края, которые не указаны ни на одной карте... Давным-давно я слышал историю о народе, живущем на плотах, но решил тогда, что это всего лишь очередная сказка о Южном Пределе, выдумка, беспочвенная фантазия. Однако эта «фантазия» вовремя оказалась рядом и спасла нас от смерти.

Он говорил, улыбаясь, словно тоже вкусил безвременно летней, легкой, полной света жизни; но исхудалое лицо его было обтянуто кожей, а в глазах затаилась беспросветная тьма. Аррен, заметив это, решился сказать все.

— Я предал... — начал он и запнулся. — Я предал твое доверие, твою веру в меня.

— Это почему же, Аррен?

— Там... в Обеголе, когда в первый и единственный раз я оказался нужен тебе. Ты был ранен, тебе нужна была моя помощь... Но я не сделал ничего! Лодка дрейфовала сама по себе, и я позволил ей это, пустил по воле волн. Ты страдал от боли, но я ничем не облегчил твоих страданий. Я видел другой остров... да, я видел его, но даже не попытался повернуть лодку...

— Спокойно, парень, — сказал волшебник твердо, и Аррен подчинился. Ястреб спросил: — Скажи, о чем ты думал тогда?

— Ни о чем, господин мой... ни о чем! Я считал, что совершенно бессмысленно предпринимать что-либо. Я думал, что все твое могущество улетучилось без следа — нет, что его никогда и не было! Что ты давно уже обвел меня вокруг пальца... — На лбу у Аррена выступили капли пота: ему пришлось сделать над собой усилие, чтобы продолжать говорить, однако он превозмог себя: — Я боялся тебя. Я боялся смерти. Я так ее боялся, что мне не хотелось смотреть на тебя, потому что ты, возможно, уже умирал. Я ни о чем больше не мог думать, кроме того, что для меня существует... существует путь к

бессмертию, если я смогу найти его. Но жизнь все вытекала и вытекала из меня, словно во мне была большая кровоточащая рана — такая, как у тебя. И рана эта была как бы во всем. И я не делал ничего, ничего не предпринимал, только пытался спрятаться от ужаса медленной смерти.

Аррен замолчал, потому что говорить правду вот так, ему в лицо, вслух, было непереносимо стыдно. Хотя больше юноше мешал не стыд, а страх — все тот же страх. Он понял теперь, почему эта спокойная жизнь на море, пронизанном солнечными лучами, казалась ему нереальной, похожей на жизнь в раю или на сон: в глубине души он знал, что действительность пуста — в ней нет жизни, нет тепла, нет ярких красок, радостных звуков, нет смысла. И нет в ней ни высот, ни глубин. И вся эта прелестная игра в превращения, солнечные блики на поверхности воды и солнце в глазах людей — лишь иллюзии, забавы, выдумки. А внизу — бездна.

Но очарование миновало, и в душе остались пустота и холод. Больше ничего.

Ястреб по-прежнему внимательно смотрел на него, и юноша потупился, чтобы избежать этого взгляда. Но тут в нем неожиданно и несмело заговорил голос мужества или, возможно, самоиронии. Голос этот звучал высокомерно и безжалостно: «Трус! Трус! Неужели ты и друга своего сбросишь со счетов?»

С огромным трудом Аррен заставил себя поднять глаза и посмотреть Ястребу в лицо.

Тот потянулся к нему, крепко сжал его руку, и они снова встретились — не только взглядом, но и душами.

— Лебаннен, — сказал волшебник. Он никогда еще не произносил вслух подлинного имени Аррена, и Аррен никогда его ему не называл. — Да, Лебаннен. И это твоя сущность. Спасения нет, как и нет конца. Лишь в тишине можно услышать слово. Лишь в полной тьме — увидеть звезды. И великий танец всегда танцуют на краю пропасти, над страшной бездной.

Аррену больше всего хотелось удрать, но волшебник крепко держал его за руку: не пускал.

— Я не оправдал твоих надежд, — сказал юноша. — И это случится еще не раз. У меня не хватает сил!

— Сил у тебя вполне хватает. — Голос Ястреба звучал почти нежно, но в нем звенела твердость и легкая насмешка, родственная той, что заставила Аррена только что преодолеть свой внутренний страх. — Ты не перестанешь любить то, что любишь. И доведешь до конца начатое дело. На тебя можно положиться, Аррен. Ничего удивительного, если ты сам этого до сих пор еще не понял: у тебя в распоряжении было всего сем-

надцать лет. Но учти, Лебаннен: отказываться от смерти — значит отказываться от жизни.

— Но я же искал смерти! — Аррен поднял голову и непонимающе уставился на Ястреба. — Как Попли...

— Попли смерти не искал. Он хотел положить конец своему страху перед смертью.

— Но ведь существует какой-то путь... Тот путь, который искал Попли. И Харе. И другие тоже. Путь назад к жизни, к бесконечной жизни, к жизни без смерти... Ты... ты ведь лучше других... ты должен знать об этом пути...

— Я этого пути не знаю.

— Ну а другие волшебники?

— Мне известно, что некоторые его ищут. Но известно мне также и то, что все они умрут. Как умер Попли. Что умру я. Что умрешь и ты.

Твердая рука его по-прежнему сжимала руку Аррена.

— И я очень ценю это знание — великий дар. Дар понимания собственной сути. Ибо принадлежит нам только то, что мы боимся потерять. Самопознание — это наш крест, наше величие, наша человечность, но оно не вечно. Самовосприятие меняется, исчезает, уходит, словно волна в море. Хотел бы ты, чтобы море навсегда стало спокойным, застыло и приливы перестали вздымать волну за волной? Разве отдашь ты уменьше своих рук, страсть своей души, жажду познания ради полной безопасности?

— Безопасности? — эхом повторил Аррен.

— Да, — подтвердил волшебник. — Безопасности. — И выпустил руку юноши, и отвернулся от него, словно забыв вдруг о его существовании, хотя они по-прежнему сидели лицом к лицу.

— Не знаю, — сказал наконец Аррен. — Я не понимаю, что я ищу, куда иду, кто я такой.

— Зато я знаю, кто ты такой, — сказал Ястреб тем же тихим суровым голосом. — Ты мой проводник. Благодаря своей невинности и мужеству, своему неведению и верности ты стал моим проводником — дитя, которое я послал впереди себя во тьму. Это твой страх ведет меня. Ты думал, что я жесток по отношению к тебе, но никогда не подозревал, насколько жестоко я пользуюсь твоей любовью — как человек свечой, сжигая ее дотла, чтобы осветить перед собой путь. Но мы должны идти дальше. Должны. Мы должны пройти этот путь до конца. Должны добраться до пересохшего источника, до тех мест, куда влечет тебя страх смерти.

— Где же это, господин мой?

— Не знаю.

— Я не могу отвести тебя туда. Но я пойду с тобой.

Взгляд волшебника был мрачен и непостижим.

— Но если я снова подведу тебя и предам...

— Я сохраню веру в тебя, сын Морреда.

И оба погрузились в молчание.

Высокие резные идола чуть покачивались над ними на фоне синего южного неба — слитые воедино тела дельфинов, крылья чаек, лица людей с выпученными рачьими глазами...

Ястреб медленно, с трудом поднялся: он был еще далеко не здоров и рана его еще не зарубцевалась.

— Устал я от сидения, — сказал он. — От безделья я, пожалуй, еще растолстею. — И начал мерять плот медленными шагами. Аррен присоединился к нему. Они неспешно беседовали; Аррен рассказывал, как проводит время, с кем подружился. Однако даже неукротимая душа Ястреба вынуждена была уступить напору физической слабости: сил у него было пока маловато. Он остановился возле одной из девушек, ткавшей что-то из волокон нилгу на своем станке за Храмом Великих, и попросил ее разыскать вождя, а сам вернулся в хижину. Туда вскоре и прибыл вождь, приветствовав Ястреба с должным почтением, и волшебник ответил ему тем же. Втроем они уселись на пятнистой шкуре тюленя под навесом.

— Я долго думал, — медленно, с подобающей торжественностью сказал вождь, — о том, про что ты рассказал мне. Как люди надеются вернуться из царства смерти и стать такими же людьми во плоти и крови, как прежде; как они при этом забывают своих богов, потребности своей души и тела и сходят с ума. Это все очень дурно! Видимо, все они сошли с ума. Думал я и о том, имеет ли это отношение к нам. Мы не общаемся с другими народами, не бываем на островах, где они обитают; наши пути не пересекаются, мы не ведаем, как они создавали и теперь разрушают свой мир. Мы живем в море, и жизни наши принадлежат морю. Мы не надеемся спасти их, но и не спешим до времени их потерять. То ваше безумие нас не затронуло. Мы не высаживаемся на землю, и жители суши не бывают у нас. Когда я был молод, нам порой случалось беседовать с людьми, которые приплывали на лодках к Долгой Дюне. Мы рубим там бревна для плотов и починки зимних жилищ. Часто осенью мы видели паруса судов с Оголя и Уэлуи (так он произносил названия островов Обеголь и Уэллоджи); эти суда охотились на серых китов. Иногда они следовали за нашими плотами на дальние расстояния, потому что мы знаем пути и места встреч Великих. Но то были мои единственные встречи с сухопутными жителями, а теперь они больше не появляются

совсем. Возможно, они все уже сошли теперь с ума и вступили в войну друг с другом. Два года назад над северной оконечностью Долгой Дюны в течение трех дней был виден дым большого пожара. Но даже если это действительно был пожар, то что нам до того? Мы — Дети Открытого моря. Мы следуем его путями.

— И все-таки, заметив принадлежащую жителям островов лодку, попавшую в беду, вы приблизились к ней, — сказал Ястреб.

— Кое-кто из наших считал, что поступать так глупо; они предлагали не трогать лодку — пусть плывет хоть за край моря, — ответил вождь высоким бесстрастным голосом.

— Ты не был одним из тех.

— Нет. Я сказал, что, хоть это и люди с островов, мы все же им поможем. Так и было сделано. Но к вашим поискам мы не имеем ни малейшего отношения. Если среди жителей островов поселилось безумие, они сами должны с этим бороться. Мы же следуем путем Великих. Мы не можем помочь вам. Но вы можете оставаться с нами так долго, как сами того пожелаете: мы будем рады. Уже совсем скоро праздник Долгого Танца; после него мы поплывем назад, на север, и восточное течение, завершив круг, к концу лета принесет нас опять к Долгой Дюне. Если вы останетесь с нами и ты излечишься от своего недуга, это будет хорошо. Если же вы сядете в свою лодку и поплывете своим путем — то и это тоже будет для нас хорошо.

Волшебник поблагодарил его, вождь встал — тонкий, напряженный, словно цапля, — и снова оставил их наедине.

— У невинности не хватает сил, чтобы бороться со злом, — холодно сказал Ястреб, — однако для добра сил у нее хватает... Мы побудем с ними еще немного; я постараюсь поскорее избавиться от этой проклятой слабости.

— Это мудрое решение, господин мой, — сказал Аррен. Физическая хрупкость Ястреба поразила и тронула его; теперь он решил защитить этого неукротимого человека от него же самого, от горевшей в нем страсти, от мучившей его необходимости решить поставленную перед собой задачу. Юноша решил настоять, чтобы они не отправлялись в путь, по крайней мере до тех пор, пока у волшебника не прекратятся боли.

Ястреб смотрел на него, как бы пораженный похвалой.

— Они все тут очень добрые, — продолжал Аррен, не замечая удивления Ястреба. — Похоже, их душ вовсе не коснулась та болезнь, что точит жителей Хорта и других мест. Возможно, больше и не оставалось островов в Земноморье, где нам тогда

помогли бы и так хорошо приняли бы, как здесь, на этих затерянных в просторах океана плотах.

— Очень возможно, ты прав.

— И летом жизнь у них весьма приятна...

— Да, это так. Хотя есть выловленную в холодных глубинах рыбу всю свою жизнь и так ни разу и не увидеть персикового дерева в цвету, не попробовать живой воды из родника, в конце концов, наверное, здорово поднадоест!

После этого разговора Аррен снова вернулся на плот Стара, где работал, плавал и отдыхал вместе с остальными молодыми людьми, а прохладными вечерами беседовал с Ястребом и потом ложился спать под звездами. Так проходили дни, приближался праздник Долгого Танца, отмечающий середину лета, а огромные плоты по-прежнему медленно дрейфовали к югу, влекомые течением Открытого моря.

Глава 9

ОРМ ЭМБАР

Всю ночь, самую короткую ночь в году, горели факелы на плотках, образовывавших огромный круг под усыпанным звездами небом; кольцо огней отражалось в движущейся воде. Жители плотов танцевали без музыкального сопровождения, не звучали ни барабаны, ни флейты, лишь босые ноги отбивали ритм на огромных бревнах да раздавались высокие голоса певцов, словно жалобные крики чаек в безбрежном морском просторе, что был для них родным домом. Луна не появлялась, и тела танцоров мелькали, словно тени, в неярком свете звезд и факелов. То и дело кто-то нырял в волны, как рыбка, и вскоре появлялся на соседнем плоту; ныряльщики описывали в воздухе изящные высокие дуги, соревнуясь друг с другом и стремясь побывать на всех плотках по очереди, потанцевать на каждом из них и успеть до рассвета замкнуть круг.

Аррен танцевал со всеми вместе, ибо Долгий Танец празднуют на каждом из островов Земноморья, хотя фигуры танца и слова песен могут немного различаться. Постепенно в течение ночи многие танцоры начали выходить из круга; они садились в сторонке, чтобы отдохнуть и посмотреть на других, а когда голоса певцов несколько охрипли, Аррен с группой наиболее упорных юношей-ныряльщиков добрался до плота вождя и остался там, а его приятели двинулись дальше.

Ястреб сидел рядом с вождем и тремя его женами возле храма. В дверном проеме между резными изображениями китов устроился певец, чей высокий голос не умолкал в течение всей ночи. Неутомимый, он пел, отбивая руками ритм по бревнам плота, просто ради собственного удовольствия.

— О чем он поет? — спросил Аррен волшебника, потому что никак не мог разобрать слов, которые певец слишком растягивал то за счет трелей, то за счет странных пауз в середине.

— О серых китах и альбатросах; и о штормах... Им не ведомы песни о героях древности. Имени Эррет-Акбе они не знают. Чуть раньше он пел о Сегое, о том, как он создал земли среди моря; вот и все, что они помнят из нашего фольклора. Но все остальное в его песнях — о море.

Аррен слушал; и слышал свист дельфина, о котором слагал свою песню певец. Видел профиль Ястреба, выхваченный из темноты светом факела, темный и твердый, точно вырезанный из камня; видел влажный блеск глаз женщин, жен вождя, тихонько переговаривавшихся друг с другом. Он ощущал неторопливое спокойное покачивание плота на поверхности утихшего моря и, убаюканный, постепенно соскользнул в сон.

Пробуждение было резким из-за внезапно наступившей тишины. Певец умолк, и не только на их плоту; на всех плотах, дальних и ближних, затихли высокие голоса певцов, похожие на крики чаек, и веселье замерло.

Аррен глянул через плечо на восток, ожидая увидеть зарю. Однако ущербный месяц только еще вставал низко над горизонтом — золотистый серпик среди крупных летних звезд.

Потом, посмотрев на юг, Аррен увидел высоко-высоко в небе желтую звезду Гобардон и ниже — восемь ее спутниц, включая последнюю: Руна Конца ясно и страшновато светилась над морем. И обернувшись к Ястребу, юноша увидел, что темное лицо волшебника тоже повернуто к созвездию Гобардон.

— Почему ты перестал петь? — спросил вождь певца. — Еще не утро, зоря еще не занялась.

Тот, заикаясь, ответил:

— Не знаю.

— Пой дальше! Долгий Танец еще не окончен.

— Я не знаю слов, — сказал певец, и голос его зазвенел, словно от страха. — Я не могу петь. Я забыл песню.

— Тогда пой другую!

— Нет больше песен. Все кончено! — прокричал певец и пал ниц перед вождем.

Вождь изумленно воззрился на него.

Слышно было, как шипят и плюются факелы на покачивающихся плотах. Великая тишина океана как бы поглотила этот крошечный всплеск жизни и света на своей поверхности. Не двигался ни один танцор.

Аррену в этот миг показалось, что даже великолепие звезд померкло, однако и проблесков зари не было заметно на вос-

токе. Ужас охватил его, он подумал: «Не будет больше восхода И дня тоже не будет».

Волшебник встал. И тут же неяркий белый огонек быстро пробежал вверх по его посоху и ярко вспыхнул на Руне Мира, что была инкрустирована серебром на черном тисовом дереве.

— Долгий Танец еще не окончен, — сказал Ястреб, — и ночи еще далеко до конца. Пой, Аррен.

Аррену хотелось сказать: «Я не могу, господин мой!» — но вместо этого он еще раз посмотрел на девять звезд, ярко горевших на юге, набрал в грудь побольше воздуха и запел. Поначалу голос его был негромок и чуть хрипловат, но постепенно стал громче, а пел он одну из стариннейших в Земноморье песен о создании Эа, о том, как пришли в равновесие свет и тьма, о том, как были созданы зеленые острова Земноморья тем, кто сказал Первое Слово и был самым первым Повелителем людей — Сегоем.

Он не успел допеть до конца, а небо уже посветлело, стало серо-голубым, и видны теперь были только истонченный месяц да желтая звезда Гобардон; в порывах утреннего ветерка факелы шипели особенно яростно. Когда песнь была спета, Аррен умолк, и танцоры, что со всех сторон собрались послушать его, потихоньку стали возвращаться на свои плоты, а на востоке разгорался яркий свет зари.

— Это хорошая песня, — сказал вождь. Голос его звучал неуверенно, хотя он очень старался говорить прежним бесстрастным тоном. — Было бы нехорошо завершить Долгий Танец не по правилам. Я прикажу, чтобы ленивых моих певцов высекли плетью из волокон нилгу.

— Лучше успокой их, — посоветовал Ястреб. Он по-прежнему стоял во весь рост; голос его звучал сухо. — Ни один певец не предпочтет песне молчание. Пойдем-ка со мной, Аррен.

И он направился к своей хижине; Аррен последовал за ним. Однако необычность этого восхода, видно, еще не была исчерпана до конца: когда восточный край моря у горизонта стал белым, с севера к плотам стала приближаться какая-то огромная птица. Так высоко летела она, что крылья ее временами закрывали свет солнца, которое едва появилось над морем. Огромные крылья, золотистые в солнечных лучах, с шумом разрезали воздух прямо над плотами. Аррен изумленно вскрикнул, указывая вверх. Волшебник тоже удивленно поднял глаза. Лицо его вдруг загорелось яростью и торжеством, и во весь голос он крикнул:

— *Нам хьетха арв Гед аркваисса!* — что на Речи Созидания значило: «Если ты ищешь Геду, то найдешь его здесь».

И тут, подобно свинцовому грузу, широко распахнув золотистые крылья, гремящие в воздухе, и выпустив когти, что способны поднять в воздух вола, словно мышшь, с вырывающимся из продолговатых ноздрей завитком дымного пламени упал с неба дракон и, подобно ловчей птице, застыл совершенно неподвижно на покачивающемся плоту.

Кто-то пронзительно закричал, кто-то упал ничком, кто-то нырнул в море, а кто-то так и остался стоять неподвижно, потрясенный чудом, которое превосходило страх.

Дракон возвышался над плотом. Шагов пятьдесят по крайней мере было в размахе его кожистых крыльев, сверкавших в лучах народившегося солнца подобно золотистому дыму, да и длина тела его была не меньше; тело у дракона было гладкое, поджарое, как у серой гончей, когтистые лапы ящера, змеиная чешуя. Вдоль узкого хребта тянулся ряд крупных загнутых шипов, похожих по форме на колючки розы, только посередине туловища высота их достигала локтей четырех, а потом постепенно уменьшалась, так что последний, на кончике хвоста, был не длиннее лезвия перочинного ножа. Шипы эти были серого цвета, а чешуя, покрывавшая тело дракона, — стального, но в целом весь он слегка отливал золотом. Зеленые узкие глаза были полуприкрыты.

Страх за свой народ заставил вождя позабыть об опасности, грозящей ему самому, и он вышел из своего дома с гарпуном в руках; с такими обычно охотятся на китов. Гарпун был длиннее самого охотника, с большим и острым зазубренным наконечником из китовой кости. Уложив его на свое хрупкое, но довольно мускулистое плечо, вождь бросился было вперед, рассчитывая поразить дракона в наименее защищенную часть брюха, что нависала над плотом. Однако Аррен, очнувшись от столбняка, успел схватить вождя за руку и вместе с ним рухнул на плот, уронив и гарпун, приготовленный для броска.

— Ты что, хочешь разозлить его этой дурацкой булавкой? — выдохнул Аррен. — Пусть сперва свое слово скажет Повелитель Драконов!

Вождь, отчасти утративший спесь и оглушенный падением, тупо переводил взгляд с Аррена на волшебника и с волшебника на дракона. Но ничего не говорил. И тут заговорил сам дракон.

Никто на плотях, кроме Геда, к которому, собственно, он и обращался, не мог понять его, ибо драконы пользуются только Истинной Речью — родным для них языком. Голос дракона был негромок и походил на шипение разъяренного кота, только кота огромного, мощного: в нем слышалась какая-то ужас-

ная музыка. Каждый, услышав подобный голос, застыл бы на месте, превратившись в слух.

Волшебник ответил ему одним лишь словом: *Мемеас*, что значит «Приду», и поднял свой посох из тисового дерева. Дракон чуть приоткрыл челюсти, и из пасти его вырвалось изящное кольцо дыма. Золотистые крылья грохотнули словно гром, поднялся сильный ветер, пахнувший пожаром, и огромный дракон поднялся и полетел на север.

На плотях было очень тихо, лишь порой слышались тоненькие голоса малышей, плач младенцев и бормотание успокаивающих их женщин. Мужчины с несколько пристыженными лицами взирались обратно на плоты, а забытые факелы так и горели в ярких лучах утреннего солнца.

Волшебник повернулся к Аррену. Лицо его как-то странно светилось — то ли от радости, то ли от сильного гнева. Но говорил он спокойно:

— Теперь нам пора в путь, парень. Прощайся с друзьями и приходи.

И Ястреб повернулся к вождю «плавучего народа», чтобы поблагодарить его за все и попрощаться с ним. Потом быстро прошел по большому плоту и трем меньшим, которые были причалены к нему, туда, где крепко привязана была его «Зоркая». Лодка вместе с плотами совершила длинное неспешное путешествие на юг; пустая и легкая, покачивалась она на слабой волне. Однако Дети Открытого моря успели наполнить пустой бочонок драгоценной дождевой водой и весьма значительно пополнили запасы продовольствия, выражая тем самым свое уважение нежданым гостям; многие из них считали волшебника одним из Великих, который на этот раз предстал перед ними в обличье человека, а не серого кита. Когда Аррен присоединился к Ястребу, тот уже поднял парус. Аррен отвязал веревку от колышка на плоту и прыгнул в лодку. В ту же секунду «Зоркую» отнесло в сторону, парус ее надулся как при сильном ветре, хотя веял лишь слабый утренний ветерок. Лодка резво развернулась и понеслась на север вслед за улетевшим драконом, легкая, словно сорванный ветром листок.

Оглянувшись, Аррен увидел вдали город Детей Моря, который казался теперь всего лишь скоплением кусков плавника; отсюда не видны были ни хижины, ни столбы для факелов по углам плотов. А вскоре и все остальное тоже скрылось в спящей утренней дымке, пронизанной солнцем. «Зоркая» мчалась вперед. Когда ее нос рассекал волны, назад отлетали легкие прозрачные брызги, а ветер — так быстро шла лодка — свистел в ушах, отметая назад волосы и заставляя щуриться.

Ни один из дующих на земле ветров не мог бы заставить эту лодку двигаться с такой скоростью, разве что штормовой. Однако при штормовом ветре «Зоркую» скорее всего захлестнули бы волны. Нет, вперед гнал ее не земной ветер, но слово волшебника и его замечательная сила.

Ястреб долгое время стоял у мачты и внимательно смотрел вперед. Потом наконец уселся на свое прежнее место у румпеля и, положив на него одну руку, взглянул на Аррена.

— Это был Орм Эмбар, — сказал он, — великий дракон с Селидора, потомок того Великого Орма, что смертельно ранил Эррет-Акбе и сам был убит им.

— Он охотился, господин мой? — спросил Аррен, ибо не был уверен, разговаривал ли волшебник с драконом, приветствуя его или угрожая.

— Охотился. За мной. Если драконы за чем-то охотятся, они всегда настигают свою жертву. Он прилетел просить меня о помощи. — Ястреб коротко рассмеялся. — И это как раз такой случай, в возможность которого я бы никогда не поверил. Нет, я не поверил бы рассказам о том, как дракон обратился к человеку за помощью. И уж из всех драконов — этот в последнюю очередь! Он не самый старый из них, хотя и он, конечно же, очень стар, но в своем племени самый могущественный. Он не скрывает своего настоящего имени, как обычно должны поступать драконы и люди. Он не боится, что кто-то окажется сильнее его. Но он и не совершает предательств, как это свойственно драконам. Когда-то давно на Селидоре он не только оставил меня в живых, но и сообщил мне великую истину: рассказал, как найти Королевскую Руну, Утраченную Руну. Ему я обязан Кольцом Эррет-Акбе. Но я никогда не думал, что сумею как-то отплатить своему благодетелю за эту услугу. Такому благодетелю!

— Чего же он просит?

— Он хочет показать мне тот путь, который я ишу, — сказал волшебник, мрачней. И, помолчав, добавил: — Он сказал: «На западных островах есть еще один Повелитель Драконов; он разрушает наш мир, он сильнее нас». Я спросил: «Даже сильнее тебя, Орм Эмбар?» — и дракон ответил: «Даже сильнее меня. Ты мне нужен; следуй за мной, не мешкай». И я подчинился.

— И больше ничего ты пока не знаешь?

— Потом узнаю больше.

Аррен свернул в кольцо швартовочный конец, положил его на место, немного прибрал в лодке, и все это время в нем пело напряженное возбуждение, словно натянутая тетива лука, и

это же веселое напряжение пело в его голосе, когда он наконец заговорил.

— Вот это настоящий проводник, — сказал он. — Уж лучше предыдущих.

Ястреб посмотрел на него и засмеялся.

— О да! — сказал он. — Уж теперь-то, надеюсь, мы не заблудимся.

Так волшебник и юноша начали свою великую гонку через весь океан. Много дней пути было от пустынных южных морей до острова Селидора — самого западного из всех островов Земноморья. День за днем занималась ясная заря над горизонтом; вечерами солнце тонуло в красных закатных водах; и под золотой дугой солнечного света, и под серебристым сияньем, льющимся с неба звездными ночами, летела лодочка к северу, одна-одинешенька во всем бескрайнем море.

Порой где-то в стороне собирались могучие грозовые тучи, столь частые в середине лета, они отбрасывали на воду красноватые тени. Тогда Аррен глаз не мог отвести от волшебника: выпрямившись в полный рост, голосом и рукой Ястреб повелевал тучам приблизиться и облегчиться дождем над их лодкой. Сверкали молнии, колокольными раскатами гудел гром, а волшебник стоял с воздетой рукой, пока дождь не проливался именно там, где он приказывал, прямо над их головами, наполняя все сосуды, которые они заранее выставляли наружу, и как бы сглаживая поверхность моря своими мощными потоками. Промокшие насквозь, волшебник и Аррен только радостно улыбались: еды у них, в общем-то, было достаточно, хоть и не в избытке, а вот воды постоянно не хватало. И яростное великолепие бури, подчинившейся слову волшебника, приносило им великую радость.

Аррена поражало то невероятное могущество, которым волшебник теперь пользовался с необычайной легкостью. Однажды юноша заметил:

— Когда мы начали свое путешествие, ты, господин мой, никаких заклятий не произносил!..

— Первая и последняя заповедь Школы Волшебников гласит: *Делай только то, что необходимо. Но не больше!*

— Значит, между первой и последней заповедью учатся как раз этому необходимому?

— Именно так. Нужно во всем соблюдать равновесие. Но если равновесие нарушено, то приходится учитывать и другие вещи. И прежде всего — поторапливаться.

— Но как же так: все волшебники Южного Предела — да теперь, наверно, и везде в Земноморье, — даже те певцы на

плотах, все как один утратили свое мастерство, и только ты сохранил свою силу?

— Потому что мне, кроме моего мастерства, больше ничего не нужно, — отвечал Ястреб. И, помолчав, добавил: — И если уж мне тоже вскоре суждено утратить свою силу, то я хоть напоследок попользуюсь ею всласть.

И он действительно с удовольствием и беспечно пользовался своим искусством. Аррен, видевший его всегда столь осторожным и сдержанным, даже не подозревал, что Верховный Маг может быть таким веселым и свободным. Любой чародей получает удовольствие от хорошо сработанного трюка: волшебники — прирожденные трюкачи. Когда Ястреб столь сильно изменил свою внешность в городе Хорте — что очень раздражало Аррена, — то и это тоже было в некотором роде игрой, не слишком сложным фокусом для того, кто в силах изменить не только лицо и голос, но даже и сущность свою, превратившись, скажем, в рыбу или в дельфина, а может быть, и в настоящего ястреба. А однажды волшебник сказал:

— Смотри, Аррен, я покажу тебе Гонт, — и велел смотреть на поверхность воды в котелке, налитом до краев.

Многие колдуны могут вызвать изображение на поверхности водного зеркала, но здесь было нечто большее: сперва появилась вершина высокой горы, окутанная облаками, у ее подножия плескалось серое море. Потом картина стала иной, Аррен отчетливо увидел на этом острове-горе утес, притом сам он как бы парил в воздухе над этим утесом, превратившись в какую-то птицу — чайку или сокола. Утес, словно башня, возвышался над волнами, а на одном из его выступов приютился маленький домик.

— Это Ре Альби, — сказал Ястреб. — Там живет мой Учитель, Огион. Давным-давно он остановил ужасное землетрясение. А теперь пасет своих коз, собирает травы и хранит молчание. Хотелось бы мне знать, бродит ли он все так же в полном одиночестве по горам? Он теперь, должно быть, очень стар. Но я, конечно же, сразу узнаю, если он умрет... — В голосе его не было уверенности, и на мгновение изображение покрылось волнами, словно гигантский утес начал падать в море. Потом картина снова прояснилась, а голос волшебника зазвучал более твердо: — Он обычно уходит высоко в горы, в дальние леса к концу лета и проводит там часть осени. Так и я с ним впервые встретился; я тогда был сопливым мальчишкой из горной деревни. Он дал мне мое подлинное имя. И вместе с именем — настоящую жизнь. — Изображение теперь изменилось: Аррену казалось, что он, по-прежнему будучи птицей, залетел в лес и уселся среди ветвей, глядя на залитые солнцем луга ниже по

склону. А над его головой возвышалась покрытая снегом вершина, и к ней вела дорога, очень крутая, тенистая, и золотые солнечные зайчики пробиваются сквозь листву... — Нет в мире лучшей тишины, чем тишина этих лесов, — с тоской сказал Ястреб.

Изображение затуманилось и исчезло, только слепящий диск полуденного солнца отражался в воде, налитой в котелок.

— Туда, — сказал Ястреб, глядя на Аррена со странной, чуть насмешливой улыбкой, — туда — если я и сам еще смогу когда-либо вернуться — за мной не сможешь последовать даже ты.

Впереди открылся остров с низкими берегами. В полуденном мареве он казался голубым, словно облако тумана.

— Это Селидор? — спросил Аррен, и сердце его бешено забилося, но волшебник ответил:

— Обб, я думаю, или Джеседж. Мы еще и половины пути не прошли, парень.

За ночь они проплыли от одного острова до другого, но огней на берегу не видели, зато в воздухе висел запах дыма, настолько сильный, что раздражал легкие, вызывая кашель. Когда рассвело, они посмотрели на оставшийся за кормой восточный из островов, Джеседж, и ужаснулись: остров был буквально сожжен дотла, до черноты; неясная синяя дымка висела над ним.

— Они сожгли свои поля, — прошептал Аррен.

— Да. И деревни. Я уже слышал когда-то такой запах.

— Разве в Западном Пределе живут дикари?

Ястреб покачал головой:

— Обычные люди. Крестьяне, горожане.

Аррен не мог оторвать глаз от черной изуродованной земли, страшных обугленных деревьев в садах — зловещих на фоне небес. Лицо юноши посуровело.

— Какое зло причинили людям эти деревья? — гневно проговорил он. — Неужели за свои ошибки человек должен наказывать траву? Нет, это дикари, раз они жгут свои поля и сады, вступив в войну с другими людьми.

— Никто не руководит ими, — сказал Ястреб. — У них нет настоящего короля; а все, кто мог бы стать королем, все мудрецы и волшебники отстранены от власти, все заняты копанием в собственных душах: ищут дверцу, которая поможет им пройти невредимыми через царство смерти и обрести бессмертие. Так было в Южном Пределе, так, по-моему, обстоят дела и здесь.

— Неужели все это плоды деятельности одного лишь человека — того, о котором говорил дракон? Но это просто невероятно!

— Почему же нет? Если бы в Земноморье правил настоящий король, то ведь и он был бы единственным. Он один правил бы всеми землями. Один человек может столь же легко совершать разрушения, как и править миром: быть либо Великим Королем, либо Великим Разрушителем.

И снова в его голосе послышалась не то насмешка, не то вызов; почему-то Аррен рассердился:

— У любого короля есть слуги, армия, послы, советники и всякие другие помощники. Он правит благодаря им. Но где же помощники этого... Антикороля?

— В наших душах, парень. В наших душах. Это там таится предатель. Это твое «я» кричит: «Я хочу жить! Пусть мир страдает, пусть даже разлагается заживо, лишь бы я оставался живым!» Маленький этот предатель — наша жалкая душонка — живет внутри нас, прячась во тьме, словно паук в углу сундука. Все мы слышим его голос. Но лишь немногие понимают его. Мудрецы, певцы — все, кто созидает душой. И еще герои. Те, кто стремится всегда быть самим собой. А всегда оставаться собой — вещь редкостная, великий дар. Но быть самим собой вечно — это ли не подлинное величие?

Аррен посмотрел Ястребу прямо в глаза:

— Ты хочешь сказать, что вечная жизнь вовсе не важна. Но ответь мне почему? Я был совсем ребенком, когда мы отправились в это путешествие. Я не верил в смерть. Кое-чему я за это время научился; может быть, не столь уж многому, но все же. Так я научился верить в смерть. Но радоваться ей я так и не научился! Я не буду рад ни своей смерти, ни твоей. Если я по-настоящему люблю жизнь, то, наверно, естественно, что я ненавижу, когда она кончается?

Учителем фехтования у Аррена был в Бериле человек лет шестидесяти, невысокий, лысый и строгий. Аррен много лет с трудом терпел его, понимая, впрочем, что мастер это непревзойденный. И вот, в один прекрасный день на уроке Аррен выбрал момент, когда учитель его отвлекся, и выбил шпагу у него из рук. С тех пор он навсегда запомнил, какой невероятной, непостижимой радостью вспыхнуло вдруг лицо его холодного наставника. Искренняя надежда, счастье — вот он, соперник, наконец-то равный ему! С того дня учитель гонял его совершенно безжалостно, и, когда они сходились по-настоящему, на лице старого мастера появлялась та же упрямая, безжалостная улыбка, которая все светлела, по мере того как

Аррен сильнее теснил его. Похожая улыбка освещала сейчас лицо Ястреба.

— Жизнь без конца, — сказал волшебник. — Жизнь без смерти. Бессмертие. Каждая живая душа жаждет этого, и чем эта душа здоровее, тем сильнее жажда жизни. Но будь осторожен, Аррен. Ты из тех, кто может осуществить свое желание.

— И что тогда?

— А тогда — то, что уже происходит сейчас: полный упадок. Позабывшие искусства. Утратившие голос певцы. Невидящие глаза. А дальше? Король-обманщик на троне Земноморья. Навечно. И навечно земли его пребудут в разрухе. Не будет рождений, не будет детей. Не начнутся новые жизни. Только те, что смертны, способны нести в себе жизнь, Аррен. Только в смерти — залог возрождения. Великое Равновесие не равно спокойствию или застою. Это вечное движение, вечное становление нового.

— Но какую опасность представляет для Великого Равновесия один лишь человек, какое значение имеет для него единственная человеческая жизнь? Нет, это невозможно, это, конечно, нельзя допустить... — Он внезапно умолк.

— Нельзя? Но кто наложит запрет? Кто позволит?

— Не знаю.

— Я тоже.

Почти смирившись, Аррен покорно спросил:

— Но тогда почему ты так уверен в своей правоте?

Просто я хорошо знаю, сколько зла может сотворить единственный человек, — сказал Ястреб, и его покрытое шрамами лицо помрачнело. — Я знаю это, ибо сам некогда совершил зло. Почти такое же. И тоже движимый гордыней. Я приоткрыл проход между нашими двумя мирами — жизни и смерти, света и тьмы. Всего лишь щель, маленькую и узкую, с единственной целью: доказать, что я сильнее, чем сама смерть. Я был молод и со смертью еще не встречался — как и ты пока... Потребовалось все могущество Верховного Мага Неммерля, все его мастерство и — вся его жизнь, чтобы края этой щели сомкнулись. Можешь полюбоваться, какую отметину оставила на моем лице та ночь. Такая же — в моей душе. Но его эта ночь убила. О да, дверь между царством света и царством тьмы можно открыть, Аррен! Для этого нужны немалые силы, но это вполне возможно. Однако закрыть ее снова — совсем, совсем не так просто; другое нужно для этого...

— Но то, что тогда сделал ты, конечно же, не равносильно...

— Почему же? Потому что я хороший человек? — Он холодно глянул на Аррена, и тот словно снова почувствовал укол шпаги старого мастера фехтования. — А что такое «хороший

человек», Аррен? Может быть, это тот, кто ни за что не сотворит зла, кто никогда не впустит в этот мир тьму, тот, в чьей душе тьмы нет? Давай-ка сначала, парень. Заглянем теперь чуть дальше. То, что ты узнаешь сейчас, понадобится тебе для того, чтобы пойти туда, куда ты пойти должен. Загляни себе в душу! Разве ты не слышал голоса, зовущего: «Пойдем!» Разве не последовал ты этому зову ни разу?

— Последовал... Но... я думал, что это Его голос.

— Это и был его голос. Но и твой тоже. Как еще мог он заговорить с тобой и со всеми остальными, кто может его услышать, как не вашими собственными голосами?

— Но тогда почему же его не слышишь ты?

— Потому что не желаю слушать! — яростно ответил Ястреб. — Я был рожден, чтобы властвовать, точно так же, как и ты. Но ты еще молод. Ты только подошел к границе своих возможностей, а потому в стране теней, в царстве снов и мечтаний ты и слышишь его зов: «Пойдем!» Как и я когда-то слышал. Но теперь я стар. Я уже совершил свой выбор, я сделал то, что должен был сделать. И при свете дня я не отворачиваюсь перед лицом собственной смерти. Я знаю: лишь одна сила достойна того, чтобы ею обладал человек. Это — умение не брать ничего силой, но принимать как должное. Не иметь, а давать.

Джеседж остался далеко позади — голубое пятно на поверхности моря.

— В таком случае я тоже его слуга? — спросил Аррен.

— Да. А я твой.

— Но кто же он? Что он такое?

— По-моему, человек.

— Не тот ли человек, о котором ты мне как-то рассказывал, — колдун из Хавнора, который вызывал души умерших? Может быть, это он?

— Вполне возможно.

— Но ведь, по твоим словам, он уже был стар, когда вы встречались, много лет тому назад... Разве он уже не должен был бы умереть?

— Может быть, и умер, — согласился Ястреб.

И больше они не сказали друг другу ни слова.

В ту ночь море было полно огня. Островерхие волны, рассекаемые носом «Зоркой», движение каждой рыбы у поверхности воды были ясно видны и как бы одушевлены светом. Аррен сидел, положив руку на румпель, а голову на руку и смотрел на бесконечные изгибы и извивы серебристых светящихся линий. Потом опустил в воду руку, а когда вытащил ее, то жидкий свет медленно стек по его пальцам.

— Смотри, — сказал он Ястребу, — я теперь тоже волшебник.

— Нет, этим даром ты не обладаешь, — ответил его товарищ.

— Много же от меня будет тебе пользы без него, — сказал Аррен, не сводя глаз с беспокойно переливающейся воды, — когда мы встретимся с врагом.

Ибо он все-таки надеялся — с самого начала надеялся! — что Верховный Маг выбрал для этого путешествия его, одного из многих, благодаря какой-то волшебной силе, полученной им в наследство от Морреда, его великого предка, и сила эта в самый трудный час, при самой черной нужде непременно проявится, и тогда он, Аррен, спасет и себя, и своего господина, и весь белый свет от страшного врага. Потом он не раз думал об этом, словно разглядывая себя издалека, со стороны; и мечта эта показалась ему похожей на то, как он совсем еще маленьким тоже мечтал — померить отцовскую корону; и как горько он плакал, когда ему это запретили. Надежда на унаследованную волшебную силу тоже оказалась совершенно детской. Не было в нем никакой волшебной силы. И никогда не будет.

Однако действительно может наступить такое время, когда он сможет и должен будет по праву надеть отцовскую корону и станет править Энладом. Но все это теперь казалось ему малозначащим, а родной дом — крошечным и очень далеким островом. Нет, он остался верен родине, только верность эта стала шире, сильнее и покоилась на иной, серьезной основе, связанной с многообещающими надеждами. Он понял теперь, в чем его слабость, и, поняв это, научился рассчитывать свои силы. А сила в нем есть — это он знал точно. Но что толку в обычной силе, если кроме нее у него нет ни особого таланта, ни волшебного могущества — ничего, что мог бы он предложить своему господину? Разве что верную службу и преданность? Но будет ли этого достаточно там, куда они направляются?

Ястреб как-то сказал: «Чтобы свет свечи казался ярким, нужно, чтобы вокруг было темно». Этими словами Аррен пытался утешить себя, однако слишком утешительными их не находил.

На следующее утро, когда они проснулись, все вокруг — и воздух, и вода — было серым. Только высоко над мачтой слегка просвечивала голубизна: низко над водой стелился густой туман. Для северян Аррена и Ястреба туман этот был даже приятен, словно старый друг, заглянувший в гости с Энлада или Гонта. Он мягко обволакивал лодку со всех сторон, так что они ничего не видели впереди, и обоим казалось, что они вдруг попали в давно знакомую комнату после долгих недель плаванья по слишком ярко освещенному и слишком безлюдному,

продуваемому всеми ветрами морю. Они возвращались в родные широты и были теперь, по всей вероятности, уже на широте острова Рок.

Где-то днях в трех пути отсюда к востоку ясный солнечный свет играл на золотистой листве Имманентной Роши, освещал зеленую вершину Холма Рок и высокую черепичную крышу Большого Дома.

Мастерская чародеев помещалась в Южной Башне; это была большая комната, вся заставленная ретортами и перегонными кубами, пузатыми бутылками с изогнутым горлом, толстостенными тиглями и крошечными горелками; на столах лежало множество шипцов: ручные мехи, разнообразные штативы, плоскогубцы, напильники, трубочки и трубки: везде стояли сундучки, пузырьки и кувшины, заткнутые пробками и помеченные как ардическими, так и более древними рунами; имелся здесь и прочий алхимический инструмент: стеклодувные трубки, приборы для получения драгоценных металлов высокой пробы, медицинские приборы и так далее. Среди всех этих загроможденных столов и скамей стояли Мастер Метаморфоз и Мастер Заклинатель.

Седовласый Метаморфоз держал в руках большой камень, издали похожий на необработанный алмаз. Камень был очень твердый, прозрачный, как бы изнутри светящийся аметисторозовым светом, а на самом деле бесцветный, как вода. И все же в этой прозрачности глаз вскоре замечал как бы нечто замутненное; поверхность камня не отражала абсолютно ничего из окружающего, и человеческий глаз как бы проникал в бесконечные глубины кристалла, одна плоскость сменяла другую, человек видел все глубже и глубже, пока не погружался в сон, из которого не было пути назад. То был знаменитый Камень Шелитха. Он издавна хранился у правителей острова Уэй и служил то просто украшением их сокровищницы, то снотворным средством, а иногда использовался и для куда более опасных целей: теми, кто слишком долго и без определенной цели смотрел в бесконечные глубины кристалла, могло овладеть безумие. Но Верховный Маг Геншер был родом с острова Уэй и, прибыв на Рок, привез Камень Шелитха с собой, ибо в руках мага камень этот изрекал истину.

Однако истина эта оказалась изменчивой: она зависела от того, в чьих руках находился Камень Шелитха.

А потому Метаморфоз, держа в руках волшебный кристалл и глядя в бесконечное бледно-сиреневое глубинное колышание граней, говорил громко и отчетливо, описывая то, что видел:

— Я вижу нашу землю как бесконечную равнину, словно нахожусь на самой горе Онн в центре мироздания и все расстилается у ног моих... вижу Земноморье вплоть до самого дальнего островка самого дальнего Предела и даже дальше. И все видно очень отчетливо. Вижу также корабли в водах Илиена, вижу дым очагов над крышами Торхевена, вижу даже крышу той башни, где мы сейчас стоим. Но дальше острова Рок теперь не видно ничего. Никаких островов на юге. Никаких островов на западе. Я не могу разглядеть Уотхорт там, где он должен быть; не вижу ни одного из островов Западного Предела, даже самого близкого к нам — Пендора. А где же Оскил и Эбоскил? Над Энладом висит туман, плотный и серый, очень похожий на паутину. Едва я пытаюсь разглядеть что-то получше, как исчезает еще несколько островов. и море в тех местах, где эти острова когда-то были, девственно и пусто, словно еще до Века Созидания... — он споткнулся на последнем слове и выговорил его с трудом.

После чего Метаморфоз поставил Камень обратно на резную подставку из слоновой кости и отошел подальше от него. Его доброе лицо казалось совершенно измученным.

— А теперь рассказывай, что видишь ты, — сказал он.

Мастер Заклинатель взял Камень в руки и медленно повернул его, словно отыскивая на сверкающей поверхности такую грань, сквозь которую ему было бы лучше видно. Долгое время с напряженным лицом он крутил Камень и так и сяк. Потом поставил на место и сказал:

— Метаморфоз, я слишком мало вижу. Какие-то фрагменты, что-то мелькает, но целостной картины нет.

Седовласый Метаморфоз в волнении стиснул руки:

— Разве само по себе это уже не странно?

— Отчего бы?

— У тебя что, так часто слепнут глаза? — гневно закричал Метаморфоз. — Неужели ты не видишь, что... что... — он запнулся и только с трудом, заикаясь, смог продолжить, — там... там словно чья-то рука прикрывает твои глаза — точно так же, как и мой рот?

— Ты, видно, перетрудился и устал, господин мой, — успокаивающе сказал Заклинатель.

— Вызови заклятием душу Камня, — потребовал Метаморфоз. Сейчас он говорил довольно спокойно, но все равно как бы с трудом.

— Зачем?

— Зачем? Ну хотя бы потому, что я прошу тебя об этом.

— Успокойся, Метаморфоз. Зачем ты подзадориваешь меня как мальчишку перед медвежьим логовом. Разве мы с тобой дети?

— Да! Перед тем, что показал мне Камень Шелитха, я всего лишь испуганное дитя. Вызови душу Камня! Неужели я должен умолять тебя, господин мой?

— Нет, конечно, что ты, — ответил долговязый Заклинатель, однако весь напрягся и поспешно отвернулся от старшего товарища. Потом высоко и широко воздев руки в том жесте, с которого начинается Великое Заклятие, вызывающее души, он поднял голову и начал произносить слова заклинания. И по мере того как одно за другим падали эти торжественные слова, внутри Камня Шелитха как бы разгорался свет. В мастерской вдруг стало темнеть; темные тени сгустились, стали совсем черными, зато Камень сиял, как звезда. Мастер Заклинатель соединил руки и поднял волшебный кристалл ближе к глазам, уставившись в ту точку, откуда исходило яркое свечение. Некоторое время он молчал, потом тихо заговорил:

— Я вижу фонтаны Шелитха. Озера, пруды, искусственные водоемы, водопады и пещеры, занавешенные стеной падающей воды; там по замшелым берегам растут папоротники; я вижу белые пески на берегах озер; я вижу, как сочится капля за каплей вода, вижу, как струится она в родниках, берущих начало в потаенных недрах земли, чувствую сладость этих струй, вижу их источник... — Он внезапно снова умолк и некоторое время стоял, не говоря ни слова; лицо его было настолько бледным, что светилось как серебро в свете, излучаемом Камнем. Потом Заклинатель громко вскрикнул, ничего так и не рассказав, с грохотом уронил кристалл, упал на колени и спрятал лицо в ладони.

Черные тени исчезли. Летнее солнце светило в окна небуканной мастерской. Волшебный Камень лежал под столом в пыли, но был совершенно цел.

Мастер Заклинатель, шаря руками, словно слепой, ухватился за руку своего товарища. Он напоминал испуганного ребенка. Прошло несколько минут, прежде чем он глубоко вздохнул и с трудом встал, опираясь о плечо Метаморфоза.

— Я больше никогда не приму твоего вызова, господин мой, — выговорил он прыгающими губами, тщетно пытаясь улыбнуться.

— Что же ты видел, Торион?

— Я видел фонтаны Шелитха. И видел, как они вдруг опали, как высохли ручьи, как сомкнулись уста родников и вода из них ушла назад, в землю. И земля вокруг была черной, сухой. Ты видел в Камне пустынное море, каким оно было до

Созидания, но я увидел... то, что придет после... Великое Разрушение. — Заклинатель облизнул пересохшие губы. — Мне очень хотелось бы, чтобы Верховный Маг оказался сейчас здесь, — сказал он.

— А я бы хотел, чтобы мы оказались там, с ним.

— Вот только где? Разве его теперь найдешь... — Заклинатель посмотрел вверх, на окна, за которыми сияло голубое безмятежное небо. — И весточку ему теперь не пошлешь, и ни одно заклинание не сможет вызвать его сюда. Он сейчас там, где ты видел пустое море. Он приближается к тем местам, где иссыхают источники. И там, где он сейчас, мастерство наше никуда не годится... И все-таки даже теперь можно еще отыскать заклятия, что смогли бы призвать его, — некоторые из тех, что звали на острове Пальн...

— Но этими заклятиями вызывают в мир живых души мертвых.

— А некоторыми отправляют живые души в мир мертвых.

— Но ты же не думаешь, что он умер?

— Я думаю, что он идет к смерти, что его влечет туда некая сила. Как и всех нас. Мы теряем свое могущество, свои надежды, свое счастье. Все источники постепенно пересыхают.

Метаморфоз некоторое время смотрел на него, очень встревоженный.

— Так не пытайся послать ему весть, Торион, — сказал он наконец. — Он знал, чего ищет — задолго до того как это узнали мы. Для него этот мир словно Камень Шелитха: он заглядывает в его глубины и видит, что есть и что непременно должно случиться... Мы не в силах помочь ему. Великие Заклятия стали очень опасны, но наибольшая опасность таится в тех, о которых ты упоминал только что. Мы должны стоять твердо, как он завещал нам, и охранять стены Рока, и помнить Имена.

— О да, — сказал Заклинатель. — Но мне еще нужно все это обдумать. — И он покинул мастерскую в Южной Башне, неловко переставляя длинные ноги, но высоко подняв свою благородную темноволосую голову.

Утром Метаморфоз долго искал его. Войдя в комнату Мастера Заклинателя после тщетных попыток постучаться, он нашел его лежащим на каменном полу с раскинутыми руками, словно какой-то тяжелый удар в грудь отбросил его. Руки застыли в том самом жесте, с помощью которого он произносил Великое Заклинание, и были холодны как лед, а открытые глаза ничего не видели. И хотя Метаморфоз, опустившись перед ним на колени, три раза призвал его подлинным именем, Заклинатель по-прежнему лежал неподвижно. Он еще не умер, но в нем осталось так мало жизни, что лишь едва билось

сердце да слабое дыхание ощущалось на устах. Метаморфоз взял его руки в свои и прошептал:

— Ах, Торион! Это я заставил тебя заглянуть в глубины Камня. Это я во всем виноват!

Потом он быстро вышел из комнаты и громко сказал собравшимся у ее дверей Учителям и ученикам:

— Враг добрался сюда, на наш остров, преодолев все стены. Враг нанес удар в самое сердце наше! — Метаморфоз был добрый и мягкий человек, но сейчас он был так мрачен и суров, что окружающим стало страшно. — Позаботьтесь о Мастере Заклинателя, — сказал он. — Хотя кто позовет обратно его душу, если сам он, Мастер своего искусства, покинул ее?

И Метаморфоз направился к себе, и, давая ему пройти, все расступились перед ним.

Явился Мастер Травник, который велел немедленно уложить Заклинателя в постель, укрыть потеплее, но варить целебного отвара не стал, как не стал петь и тех песен, что помогают излечиться больному телу или встревоженной душе. При нем был один из его учеников, совсем юный, еще не ставший даже колдуном, но весьма способный в искусстве врачевания; и мальчик этот спросил:

— Учитель, неужели ему ничем нельзя помочь?

— По эту сторону стены — нет! — ответил Мастер Травник. Потом, вспомнив, с кем говорит, пояснил: — Это не болезнь, сынок. Но даже если бы это была лихорадка или иной физический недуг, я не уверен, что наша наука смогла бы теперь помочь ему. Кажется, травы мои утратили свои лечебные свойства, а в заклинаниях, что я произношу, не осталось былой целительной силы.

— Ты говоришь совсем как Мастер Регент. Вчера он вдруг остановился посреди песни, которую разучивал с нами, и сказал: «Я не понимаю значения этой песни». И вышел из комнаты. Кое-кто из мальчиков засмеялся, но мне показалось, что пол уходит у меня из-под ног.

Травник посмотрел на открытое смышенное лицо своего ученика, потом на лицо Мастера Заклинателя, холодное и застывшее.

— Он еще вернется к нам, — сказал он. — И песни наши не будут забыты.

В ту же ночь Метаморфоз покинул остров Рок. Никто не знал, как именно он это сделал. Он лег спать в своей комнате, окна которой выходили в сад. Утром окна оказались открытыми, а Мастера нигде не было. В итоге все решили, что он, совершив превращение — уж он-то хорошо умел это делать! — в новом обличье отправился на поиски Верховного Мага. В метаморфозах для него не было ничего невозможного: он мог

превратиться во что угодно — в птицу, зверя, в туман или ветер. Однако более опытные из Мастеров, хорошо зная, как во время таких превращений можно оказаться во власти собственного заклятия, если допустить хоть малейший промах или чуть ослабить волю, тревожились о нем, но никому ничего о своих страхах не говорили.

Итак, с острова Рок исчезли уже трое Мастеров, входивших в знаменитый Совет Мудрецов. Дни проходили за днями, но не было никаких известий ни от Верховного Мага, ни от Метаморфоза, а Мастер Заклинатель по-прежнему лежал, словно мертвый. Холод и мрак все больше заполняли залы Большого Дома. Мальчики перешептывались между собой, и кое-кто уже поговаривал о том, чтобы покинуть Школу, потому что искусства, ради которых они приехали сюда, больше им почти не преподавались.

— Возможно, — говорил один, — все это с самого начала были враки — насчет всяких тайных искусств, магии и волшебных сил. Из всех здешних Мастеров только Мастер Ловкая Рука все еще на что-то способен. Да только всем известно, что это фокусы, иллюзии. А все остальные попрятались и носа не кажут: поняли, что их на чистую воду вывели!

— Вот именно, — откликнулся другой, — да и что такое на самом деле это волшебство? Разве это «магическое искусство» на что-то, кроме фокусов, способно? Спасло ли оно хоть раз человека от смерти? Или хоть жизнь кому-то продлило? Ведь если бы маги обладали той силой, которой похваляются, все они, конечно же, жили бы вечно!

И мальчики наперебой принимались рассказывать о том, как умирали великие маги; как Морред погиб на поле боя; как Серым Магом был убит волшебник Негерер; как дракон смертельно ранил Эррет-Акбе; как Геншер, предпоследний Верховный Маг Земноморья, заболел самой обычной болезнью и умер в своей постели. Обладавшие завистливыми сердцами слушали с удовольствием; остальные же из учеников страдали, слушая это.

Мастер Путеводитель все время проводил в Имманентной Роше и никого туда не пускал.

Однако Мастер Привратник, хоть его видели и не так часто, совсем не изменился. Печаль не таилась мрачной тенью у него в глазах. Он по-прежнему улыбался и держал двери Большого Дома крепко закрытыми до возвращения его хозяина.

Глава 10

ДРАКОНЬИ БЕГА

В морях близ внешних границ Западного Предела хозяин Большого Дома и Хранитель острова Мудрых холодным и ясным утром проснулся в своей лодчонке, скрюченный и закочневший за ночь. Он сел, во весь рот зевнул и тут же, указывая на север, сказал своему тоже зевающему спутнику:

— Вот они! Два острова, видишь? Это самые южные из тех, что относятся к гряде под названием Драконьи Бега.

— У тебя поистине глаза ястреба, господин мой, — сказал Аррен, сонно глядяваясь в морскую даль и не видя ровным счетом ничего.

— Потому у меня и прозвище такое, — откликнулся волшебник; он по-прежнему пребывал в прекрасном настроении и, похоже, старался не думать ни о грядущих планах, ни о грядущих действиях. — А ты что же, совсем ничего не видишь?

— Я вижу чаек, — тупо проговорил Аррен, протирая глаза и изо всех сил пытаясь хоть что-нибудь разглядеть в бескрайнем серо-голубом пространстве.

Волшебник засмеялся:

— Ну знаешь, даже ястребу не под силу высмотреть чаек на расстоянии двух часов пути!

По мере того как солнце пробивалось сквозь туман, маленькие кружащие в воздухе пятнышки, которые Аррен принял за чаек, начали как-то странно посверкивать, словно брызги на гребне морской волны или пылинки в золотистых солнечных лучах. И тут юноша наконец понял, что это драконы.

Чем ближе «Зоркая» подходила к островам, тем отчетливее было видно, как драконы высоко парят и кружат в потоках утреннего бриза, и сердце Аррена тоже как бы воспарило ввысь

вслед за ними, исполненное счастья, пронзительного, как боль. Все величие жизни и смерти было в этом полете. Красоту этих существ составляла невероятная сила и необузданная дикость в сочетании с благодатью разума. Ибо то были мыслящие твари, обладающие речью и древнейшей на земле мудростью. Рисунок их полета свидетельствовал о согласованности действий и неукротимой воле.

Аррен молчал и думал: теперь мне все равно, что бы ни случилось потом, ведь я видел драконов, кружащих в порывах утреннего ветра!

Порой четкий рисунок полета сбивался, круги как бы распадались, и тогда то один, то другой дракон извергал длинную струю пламени, которая, извиваясь, повисала в воздухе, на какое-то мгновение повторяя изгибы и яркий блеск стройного, изогнутого дугой драконьего тела. Заметив это, волшебник сказал:

— Они разгневаны. И танцем на ветру выражают свой гнев. — Потом прибавил: — Ну вот, теперь мы в самом осином гнезде.

И был прав, потому что драконы, заметив маленький парус «Зоркой», начали один за другим выпадать из вихревого кружения, потом вытянулись вереницей и полетели прямо к лодке, взмахивая гигантскими крыльями.

Волшебник посмотрел на Аррена, который не выпускал руля из рук, потому что волнение было довольно сильным. Юноша правил ровно и спокойно, хотя глаз не сводил с огромных, гремящих в воздухе крыльев. Удовлетворенный, Ястреб отвернулся и, встав у мачты, велел волшебному ветру улечься. Потом поднял свой посох и громко заговорил на Языке Созидания.

При звуке его голоса одни из драконов вдруг на полной скорости остановились и как бы зависли в воздухе, другие — развернулись и помчались обратно к островам. Когти оставшихся драконов, похожие на мечи, были грозно выставлены, однако нападать они как будто бы не собирались. Один из них, спустившись совсем низко, медленно двинулся над самой водой к лодке; два взмаха крыльев, и он повис прямо над ними. Покрытое чешуей брюхо его почти касалось верхушки мачты. Аррен видел морщинистую, не защищенную чешуей кожу под мышками — подмышками, а также глаза дракона считаются самыми уязвимыми его местами, если не считать тех случаев, когда копьё противника обладает особой силой, полученной благодаря могучему заклятию. Юноша едва не задохнулся от дыма, который клубами вырывался из длинной зубастой пасти, и чудовищного, нестерпимого запаха падали, какой

обычно сопровождает стервятников. Вонь была такой сильной, что Аррена стошнило.

Дракон, закрывая небо, проплыл над ними и снова вернулся, летя так же низко, только на этот раз Аррен почувствовал еще и страшный жар, исходивший из его пасти вместе с клубами дыма. Потом юноша ясно услышал голос Ястреба, который что-то говорил драконам громко и гневно. Дракон снова проплыл в воздухе над лодкой, и вдруг все вместе огромные ящеры полетели назад, на острова, испуская клубы дыма и языки пламени — словно недогоревшие еще угли вспыхнули, раздуваемые порывами ветра.

Аррен перевел дыхание и вытер со лба обильный холодный пот. Посмотрев на своего спутника, он заметил, что волосы Ястреба совсем побелели, так сильно опалило их огненное дыхание дракона. И плотное полотнище паруса с одной стороны стало темно-коричневым, почти превратившись в трут.

— Э, да у тебя голова, похоже, пеплом посыпана, парень?

— Как и у тебя, господин мой.

Ястреб изумленно провел рукой по волосам:

— А ведь и правда!.. Ну, это уже наглость! Однако ссориться с ними я не стану: мне кажется, они утратили разум или просто страшно растеряны. Они так и не заговорили со мной. Никогда не встречал я дракона, который не поговорил бы, прежде чем нанести удар — хотя бы только для того, чтобы помучить свою жертву... Теперь мы должны плыть только вперед. Не смотри им в глаза, Аррен. Отворачивайся, если придется столкнуться с ними лицом к лицу. Пока что ветер у нас попутный, он дует точно с юга, а силы мои нам, возможно, еще потребуются для других целей. Так что держи лодку по ветру.

«Зоркая» легко поплыла вперед и вскоре слева от нее показались берега какого-то далекого острова; справа проплыли те два острова-близнеца, что они видели раньше. Острова эти оказались скорее нагромождением невысоких, но мощных утесов, которые сверху донизу были испещрены белым драконьим пометом и черными пятнами мхов, что бесстрашно росли на отвесных склонах.

Драконы кружили очень высоко в небе, словно стервятники, высматривающие добычу. Ни один больше не спускался к лодке. Порой они что-то кричали, будто разговаривая друг с другом пронзительными хриплыми голосами, но если это и были какие-то слова, то Аррен их различить не мог.

Лодка обогнула небольшой мыс, и юноша увидел на берегу то, что сначала принял за старую разрушенную крепость. Но это тоже оказался дракон. Одно черное крыло его было нелов-

ко подвернуто и придавлено тушей, а второе широко распласталось по песчаному берегу до самой воды, так что набегавшие волны слегка шевелили его, и крыло, покачиваясь на них, как бы в насмешку совершало слабые взмахи. Длинное змеевидное тело во всю длину вытянулось на камнях. Одна передняя лапа отсутствовала, а бронированная чешуя вместе с плотью была сорвана с костей, и наружу торчали гигантские ребра. Брюхо было распорото сверху донизу, и песок кругом весь пропитался черной ядовитой драконьей кровью. И все же чудовищное создание было еще живо. В драконах столь велика сила жизни, что лишь равная ей сила волшебства способна уничтожить ее достаточно быстро. Золотисто-зеленые глаза ящера были открыты, и, когда лодка проплывала мимо, узкая огромная голова его чуть шевельнулась и пар, смешанный с кровью, с шипением вырвался из его ноздрей.

Полоска берега между умирающим драконом и кромкой воды была вся ископана, разворочена лапами и тяжелыми телами его сородичей, а внутренности его были втоптаны в песок.

Ни юноша, ни волшебник не промолвили ни слова, пока этот остров не остался далеко позади. Лодка продолжала свой бег по бурным беспокойным проливам меж островами Драконьи Бега, где полно было рифов и отмелей, держа курс к северному концу этой двойной цепи островов. Немало времени прошло, когда Ястреб наконец промолвил:

— Страшное зрелище. — Голос его звучал холодно и казался бесцветным.

— А разве они... пожирают своих сородичей?

— Нет. Не чаще, чем люди. Они словно от чего-то обезумели. У них отняли речь! Те, кому речь была дана раньше, чем кому-либо иному на земле, подлинные дети Сегоя, теперь отброшены в немой ужас существования диких тварей! Ах, Калессин! Где носят тебя твои крылья? Неужели ты дожид до того, чтобы увидеть позор своего племени?

Голос его гремел железом, как молот по наковальне; он неотрывно смотрел в небо, словно что-то искал там. Но драконы остались позади, низко кружа над тем залитым черной кровью берегом и окровавленными скалами; а над головой у путешественников было только голубое небо да полуденное солнце.

В те времена никто, кроме Верховного Мага, не бывал на этих островах и даже не видел их издали. Более двадцати лет назад проплыл он вдоль двойной гряды их с востока на запад и обратно. Для моряка это был и драгоценный опыт, и тяжелое испытание. ибо проливы меж островами Драконьи Бега

представляли собой настоящий голубой лабиринт, полный зеленоватых отмелей. Сейчас с помощью твердой руки и нужного слова волшебник с Арреном с величайшей осторожностью пробирались среди разбросанных повсюду скал и рифов. Некоторые из них были почти совсем скрыты плещущимися волнами или едва заметны; покрытые анемонами, морскими уточками и ребристым морским папоротником, скалы эти напоминали водяных чудовищ, спрятавшихся в раковину или извивающихся в воде. Утесы возвышались над морем, как крепостные стены с островерхими башенками, отгораживая острова от набегающих волн; «стены» эти были украшены резными фигурами фантастических животных: отчетливо выделялись спины чудовищных кабанов и головы гигантских змей — все, однако, какое-то деформированное, искаженное, словно и в этих скалах жизнь наполовину утратила разум. Волны бились о них со звуком, напоминающим тяжкое дыхание, и блестящая корка морской соли от многочисленных брызг ярко сверкала на солнце. Одна из скал, если смотреть на нее с юга, явственно напоминала согнутые, немного сутулые плечи и благородную голову мужчины, как бы остановившегося в глубоком раздумье над морем: однако, миновав этот утес и глядя на него с севера, уже весьма трудно было предположить, что он только что походил на человека: теперь это была самая обыкновенная скала. Зато внутри ее открылась пещера, где бурно вздымались и опадали волны с приглушенным ропотом и звонкими шлепками; в этих звуках будто слышалось вполне определенное, состоящее из нескольких слогов знакомое слово. Они проплыли чуть дальше, и гулкое эхо ослабело, зато само слово стало слышаться более отчетливо, так что Аррен даже спросил:

— Там, в пещере, слышится чей-то голос?

— Голос моря.

— Но оно произносит какое-то слово!

Ястреб прислушался, потом взглянул на Аррена, потом снова посмотрел в сторону пещеры:

— Что именно ты услышал?

— Оно говорило: *Ахм*.

— В Истинной Речи это слово означает «начало» или «давным-давно». Но мне сейчас слышится скорее *Охб*, что значит «конец»... Эй, посмотри-ка вперед, что это там? — неожиданно оборвал свои пояснения Ястреб.

И в тот же миг Аррен закричал предупреждающе:

— Отмель!

И хотя «Зоркая» пробиралась среди бесконечных опасных мест осторожно как кошка, оба они настолько оказались заня-

ты, управляя своим судном, что вскоре и пещера, и загадочное слово, звучавшее в громоподобных вздохах моря, остались далеко позади.

Наконец в проливе стало глубже, они вышли на простор из фантасмагорического нагромождения скал. Прямо по курсу возвышался, подобно гигантской сторожевой башне, остров. Утесы вокруг него были черны и казались слепленными из многочисленных цилиндров или столбов, подогнанных плотно, как мозаика; все цилиндры были правильной геометрической формы, с ровными краями и ровными поверхностями. Эта невообразимая черная стена поднималась над морем почти до небес.

— Замок Калессина, — пояснил волшебник. — Так называли его драконы, когда я много лет тому назад встречался с ними на этих островах.

— Кто такой Калессин?

— Старейший...

— Он построил этот замок?

— Не знаю. Не знаю, было ли это кем-то построено... Не знаю даже, сколько Калессину лет. Я говорю «ему», но не уверен, что это самец... По сравнению с Калессином Орм Эмбар — годовалый младенец. А ты да я — просто весенние мошки. — Он пристально оглядывал черные поражающие воображение стены, и Аррен тоже с тревогой поднял голову, думая о том, что будет, если с такой высоты, из-за этой вот черной кромки внезапно упадет им на голову огромный дракон и достигнет их прежде собственной тени. Однако дракона не было. Они медленно проплыли по замершей воде в тени черных скал, так ничего и не услышав. Разве что волны шептались и шлепали по уходящим в глубину базальтовым колоннам Замка Калессина. Здесь было очень глубоко; прибрежные рифы кончились. Аррен правил лодкой, а Ястреб стоял на носу, внимательно осматривая утесы и ясное небо впереди.

Наконец лодка вышла из густой тени, отбрасываемой Замком Калессина, на солнечный полуденный простор моря. Они проплыли вдоль всей цепи островов под названием Драконьи Бега. Волшебник вскинул голову так, словно наконец увидел то, что искал: через бескрайнее залитое светом пространство небес мчался к ним на своих золотых крыльях дракон Орм Эмбар.

Аррен услышал, как Ястреб крикнул: *Аро Калессин?* — и догадался, что это значит, только не понял, что ответил волшебнику дракон. Аррен, как всегда, чувствовал, что почти понимает Истинную Речь, вот-вот поймет, словно когда-то знал все эти слова, но потом забыл. Не так, как бывает с совсем неизвестным

тебе языком. Когда волшебник произносил слова Истинной Речи, голос его звучал гораздо звонче и отчетливей, чем когда он говорил на ардическом, и каждое отдельное слово было как бы окружено тишиной — подобно тому как долго звучит отдельный, даже совсем слабый удар большого колокола. Зато голос дракона был скорее похож на гонг: звучный и одновременно какой-то пронзительный. Или на чуть шипящий звон цимбал.

Аррен смотрел, как его товарищ, стоя в неглубокой лодчонке, разговаривает с повисшим над ними чудовищем, которое закрывало половину неба. И счастливая гордость наполняла сердце юноши: сейчас он видел, как мал человек, как он хрупок и как ужасен в своем могуществе. Ибо дракон легко мог бы отсечь волшебнику голову одним ударом своей когтистой лапы; мог бы сокрушить и потопить лодку, как упавший сверху камень топит лист дерева на поверхности воды, уходя вместе с ним на дно. Однако величина не имела значения: Ястреб был настолько же опасен, как и дракон Орм Эмбар, и дракон это понимал.

Волшебник повернулся к Аррену.

— Лебаннен, — позвал он, и юноша встал и пошел к нему, хотя не имел ни малейшего желания не только делать эти три-четыре шага, но и вообще шевелиться. Слишком близко были чудовищные узкие челюсти длиной почти в три человеческих роста, а продолговатые со щелевидным зрачком желто-зеленые внимательные глаза горели прямо над его головой.

Ястреб ничего больше ему не сказал, только слегка обнял за плечи одной рукой и снова коротко обратился к дракону.

— Лебаннен, — прогудел страшный голос, лишенный какого бы то ни было чувства. — Агни Лебаннен!

Юноша поднял голову, и волшебник тут же сжал его плечо, напоминая, чтобы он не смотрел в желто-зеленые кошачьи глаза.

Аррен не знал слов Истинной Речи, но молчать не стал:

— Я приветствую тебя, Орм Эмбар, Величайший из Драконов, — сказал он отчетливо и громко, как подобает одному принцу приветствовать другого.

И тут наступила полная тишина. Сердце Аррена забилося сильно и тяжело. Но Ястреб, стоя с ним рядом, почему-то улыбался.

Потом дракон снова заговорил, а Ястреб что-то ему отвечал; разговор этот показался Аррену невыносимо длинным. Наконец их беседа закончилась, причем совершенно внезапно. Дракон только раз взмахнул крыльями, при этом чуть не перевернул лодку, и тут же исчез из виду. Аррен, взглянув на солнце, понял, что времени на самом деле прошло совсем

немного. Однако он удивленно отметил, что лицо волшебника стало пепельным от покрывавшей его бледности, а глаза возбужденно сверкают. Обернувшись к Аррену, он устало плюхнулся там же, где стоял.

— Молодец, парень, — сказал он хрипло. — Нелегкое это дело — беседовать с драконами.

Аррен приготовил поесть, потому что, как оказалось, не ели они целый день. До конца трапезы волшебник не произнес ни слова. К тому времени солнце уже начало сползать к горизонту, хотя в этих северных широтах да еще в середине лета ночь обычно наступает поздно и медленно.

— Ну что ж, — заговорил наконец Ястреб, — дракон Орм Эмбар сказал мне достаточно много. С его точки зрения, разумеется. Так он сказал, что тот, кого мы ищем, находится на Селидоре, хотя в то же время его вроде бы там и нет. Драконам очень трудно выражать свои мысли просто и ясно. У них не бывает простых мыслей. И даже если кто-то из них говорит человеку чистую правду — что, впрочем, случается редко, — то все равно он не уверен в том, какой эта правда представляется данному человеку. А потому я спросил его: «Он находится на Селидоре так же, как твой отец, Орм?» Ибо, как ты знаешь, и Орм, и Эррет-Акбе погибли на Селидоре в поединке друг с другом. И он ответил: «Да и нет. Ты найдешь его на Селидоре, но он не на Селидоре...» — Волшебник помолчал, задумчиво собирая и отправляя в рот хлебные крошки. — Возможно, он имел в виду вот что: хоть в настоящее время этого человека и нет на Селидоре, все же я должен плыть туда, чтобы до него добраться. Возможно, это и так... Я спросил его затем, что случилось с другими драконами. Он ответил, что тот человек бывал среди них, совершенно их не боялся — ибо даже убитый, он всегда восстает из мертвых во плоти и крови, — поэтому драконы теперь боятся его, считая, что он создан неживой природой. И страх их дает ему власть над ними. Это он отнял у них речь, оставив им лишь их дикое естество. Так что теперь они пожирают друг друга или убивают сами себя, бросаясь в море — самая ненавистная и лютая смерть для огнедышащего змея, порожденного ветром и огнем. Тогда я спросил: «Где же правитель драконов Калессин?» — и все, что он пожелал мне ответить, — это: «На западе», что, по всей видимости, означало следующее: Калессин улетел на далекие острова, которые, по словам драконов, лежат в тех морях, куда не заплывал еще ни один корабль. Впрочем, это могло значить и нечто совсем иное. Так что я перестал задавать вопросы, и тогда он задал свой. Он сказал: «Возвращаясь на север, я пролетал над островами Картуэлл и Торингейт. Там я видел, как местные жители

приносили в жертву младенца: его убили на жертвенном камне. А на острове Ингат жители одного из селений до смерти забили камнями своего колдуна. Как ты думаешь, Гед, они теперь съедят этого младенца? А может быть, тот колдун вернется из царства мертвых и станет бросать камни в своих соотечественников?» Я подумал было, что он надо мной смеется, и хотел уже гневно ему ответить, но нет, он не смеялся. Он сказал: «Вещи утратили свой смысл. В мире образовалась брешь, сквозь нее в пустоту уходит море. Уходит и свет. Мы скоро останемся в мертвой пустыне. Там Истинная Речь не прозвучит больше; там больше не будет смерти». Так что в конце концов я понял, что именно он хотел мне сказать.

Аррен этого как раз не понял; и, кроме того, был мучительно взволнован. Потому что Ястреб, пересказывая ему беседу с драконом, назвал свое подлинное имя; сомнений в этом не было. Аррену стало страшно: он вспомнил ту измученную женщину с острова Лорбанери, что выкрикивала: «Мое имя Акарен!» Если силы волшебства и музыки, если даже речь и доверие друг к другу слабеют, если безумие страха надвигается на людей столь неотвратимо, что они, как и драконы, начинают убивать друг друга, если все это действительно так, то смог ли его господин уберечься? Так ли он силен, чтобы противостоять этому злу?

Сильным он никогда не выглядел; особенно сейчас, когда сидел, скрючившись, над жалким ужином, состоявшим из хлеба и вяленой рыбы. Он сильно поседел за последнее время, к тому же голова его была покрыта пеплом после встречи с драконом. У него были слабые руки и усталое лицо. И все же дракон боялся его.

— Что-то гложет твою душу, сынок?

С этим человеком Аррен мог говорить только честно.

— Господин мой, ты назвал свое подлинное имя...

— Ах да. Я и забыл, что не назвал его тебе раньше. Тебе понадобится мое подлинное имя там, куда мы должны идти. — Продолжая что-то жевать, он спокойно посмотрел на Аррена. — Ты что ж, решил, что и я из ума выжил? И теперь буду бормотать собственное имя вслух, как полоумные старики, утратившие и разум, и стыд? Пока еще рановато, парень, а?

— Да, конечно, — сказал Аррен, настолько смущенный, что больше ничего выговорить не смог. Он вдруг почувствовал себя страшно усталым: слишком долгим был день и слишком много вокруг было драконов. И путь впереди был темен.

— Аррен, — сказал волшебник, — нет, Лебаннен! Там, куда мы плывем, скрыться некуда и нечего скрывать. Там все зовутся своими подлинными именами.

— Мертвым не больно, — мрачно сказал Аррен.

— Но ведь не только там, не только в царстве смерти люди называют друг друга лишь подлинными именами. Так поступают, скажем, те, кто наиболее уязвим, кого больнее всех можно ударить: те, кто отдали свою любовь безвозвратно; у них друг для друга существуют только истинные имена. Те, у кого верные сердца: те, кто дает другим жизнь... Э, да ты совсем с ног валишься, парень. Ложись-ка спать. Делать теперь нечего, только всю ночь держать прежний курс. И к утру мы увидим последний остров Земноморья.

В голосе его звучала невыразимая нежность, и Аррен, свернувшись калачиком на носу лодки, тут же начал проваливаться в сон. Он еще слышал, как волшебник тихонько, почти шепотом запел что-то на Языке Созидания, и вдруг начал понимать слова Истинной Речи, вспоминать их значения, но, прежде чем успел как следует во всем разобраться, крепко уснул.

В полном молчании волшебник убрал оставшуюся после ужина еду, осмотрел снасти, разложил все в лодке по своим местам, а затем, взяв в руки гайдроп, поднял парус и надул его волшебным ветром. Неутомимая «Зоркая» стрелой понеслась по волнам морским к северу.

Гед, сидя на корме, смотрел на своего юного спутника. На лице Аррена играл золотисто-красный отблеск заката; сильно отросшие волосы юноши спутал ветер. Куда делся тот нежный и легкомысленный юный принц, что сидел на краю волшебного фонтана в Большом Доме всего несколько месяцев назад? У спящего молодого человека лицо было более худым и четко очерченным, да и сам он выглядел значительно сильнее. Впрочем, от этого Аррен не стал менее красив.

— Я так и не смог найти никого, кто пошел бы моим путем, — вслух сказал Верховный Маг Гед то ли спящему юноше, то ли просто ветру морскому. — Никого, кроме тебя. А ты должен идти своим путем — не моим. И все же твое славное воцарение отчасти станет и мне наградой. Ибо я первым распознал тебя. Первым! За это впоследствии меня станут прославлять куда больше, чем за все мои магические деяния... Если это «впоследствии» наступит. Ибо сперва мы вдвоем с тобой должны найти точку равновесия Вселенной, самый центр мироздания. И если в пропасть упаду я, то упадешь и ты, и все остальные люди... Но не навсегда, нет! Тьма никогда не длится вечно. Даже там, в царстве тьмы есть звезды... Ах, как мне хотелось бы увидеть твое коронование в Хавноре! Увидеть, как играет луч солнца на мече Эррет-Акбе и на том

Кольце, что мы привезли для тебя из темных Гробниц Атуана — Тенар и я, до того еще как ты появился на свет!

Тут он засмеялся и, повернувшись лицом к северу, сказал:

— Значит, козлопас посадит-таки на законный трон наследника Морреда! Неужели я никогда не привыкну?..

Текли мгновения. Гед сидел в прежней позе и держал в руке гайдроп, глядя, как надутый ветром парус багровеет в последних лучах тонущего в море солнца. Потом снова тихонько проговорил:

— Нет, больше я не вернусь ни в Хавнор, ни на Рок. Пора кончать эти игры в могущество. Пора бросить старые игрушки и идти дальше. Пора возвращаться домой. Я хотел бы увидеть Тенар. И Огиона. И успеть наговориться с ним всласть, пока он жив. И пожить в его домике на утесе Ре Альби. Я мечтаю вновь подняться на вершину горы Гонт, войти в ее осенние леса, когда листья сияют многоцветьем. Нет иного царства, что было бы равно царству лесов. Пора мне отправляться туда. В молчании. В одиночестве. И там, может быть, я смогу наконец постигнуть то, что так и не сумел постичь ценой своих подвигов и могущества, чему так и не сумел за всю свою жизнь научиться.

Теперь весь запад пылал яростным великолепием красных тонов, так что даже море казалось алым, а парус над лодкой — багровым, как кровь. Потом потихоньку спустилась ночь. И всю эту ночь юноша крепко спал, а его старший друг бодрствовал, внимательно вглядываясь во тьму впереди. Звезд на небе не было.

Глава 11

СЕЛИДОР

Проснувшись утром, Аррен увидел вдали прямо по курсу на фоне синего западного неба затянутые дымкой низкие берега Селидора. В Бериле, в княжеском дворце были старинные карты, сделанные еще во времена Великих Королей, когда путешественники и торговцы заплывали с Внутренних Островов очень далеко и Пределы были исследованы куда лучше, чем сегодня. Огромная карта Севера и Запада Земноморья была выложена мозаикой на двух стенах тронного зала, и точно над самим троном был остров Энлад, выполненный в золотых и серых тонах; Аррен совершенно отчетливо помнил эту карту, потому что мальчишкой тысячи раз рассматривал ее. К северу от Энлада находился остров Осскил, а к западу — Эбосскил, к югу же от этих островов были Симел и Пальн. Дальше Внутренние Острова кончались и начиналось море, выложенное бледной голубовато-зеленой мозаикой; в море то там то тут встречались маленькие дельфины и киты. Затем наконец почти в углу, там, где северная стена встречалась с западной, был остров Нарведен, а за ним еще три островка поменьше. Затем снова голубое море, море без конца и края, и только у самого края западной стены — и края карты — вновь появлялись острова и среди них Селидор. А за Селидором — больше ничего.

Аррен легко и живо мог представить себе его округлые очертания, большой залив почти посредине береговой линии, нешироким входом своим обращенный к востоку. До этого залива нужно было еще порядочно проплыть вдоль берега на север, так что направлялись они сейчас к узкой бухте на самой южной оконечности острова. Здесь, еще до того как солнце

успело выбраться из затянувшей горизонт утренней дымки, они высадились на берег.

Так закончилось их стремительное плавание от далеких Путей Балатрана до самого западного из островов Земноморья. Покой земной тверди с непривычки показался им странным — слишком долго побыли они в море.

Гед взобрался на невысокую дюну, поросшую по гребню травой; гребень ее нависал над крутым склоном подобно карнизу, скрепленный цепкими корнями. Оттуда Гед внимательно осмотрел западную и северную части моря. Аррен немного задержался в лодке, во-первых, чтобы обуть башмаки, которые не надевал уже много-много дней, и, во-вторых, чтобы вынуть из рундука свой меч. На этот раз он надел перевязь, даже не задумываясь. Потом он тоже взобрался на дюну и встал рядом с Гедом, оглядывая окрестности.

Дюны уходили довольно далеко от берега, невысокие, покрытые травой — по крайней мере шагов на тысячу; за ними виднелись лагуны, густо заросшие тростником и камышом, а дальше — низкие желто-коричневые холмы, совершенно пустынные, уходящие за горизонт. Прекрасным и безлюдным был остров Селидор. Нигде не было на нем ни следа, ни жилья человека. Нигде не было ни единого животного, а в заросших тростником озерах не гнездились ни чайки, ни дикие гуси, ни какие-либо другие птицы.

Они спустились по внутреннему склону дюны, и эта песчаная стена как бы отсекала их от шума прибоя и воя ветра; вокруг стало совсем тихо.

Между этой дюной и следующей было ровное пространство, усыпанное чистым песком: тихое убежище, над которым вставало теплое утреннее солнце, освещая западный склон дюны.

— Лебаннен, — сказал волшебник, ибо теперь звал Аррена только его истинным именем, — вчера ночью я спать не мог, а теперь мне непременно нужно поспать. Останься со мной, постереги.

Гед улегся на солнышке, потому что в тени было еще холодно, прикрыл рукой глаза, вздохнул и заснул. Аррен сел на землю с ним рядом. Ему ничего не было видно, кроме белых склонов дюны, травы на ее вершине, качающейся на фоне все еще затянутого легкой дымкой голубого неба, да еще желтого солнца. Вокруг стояла тишина, лишь едва слышно шептал прибой да порой ветер ворошил песчинки и они ссыпались вниз по склону со слабым шорохом.

И тут Аррен заметил в небе существо, которое вполне могло бы показаться очень высоко летящим орлом. Только это был

не орел. Дракон сделал над ними круг, завис в воздухе, а потом с грохотом и пронзительным свистом ринулся вниз, сложив золотистые крылья. Он приземлился на вершину дюны, вцепившись в нее когтистыми лапами. Против солнца огромная голова его казалась черной; по ней пробегали свирепые огненные сполохи.

Дракон спустился чуть ниже по склону дюны и заговорил.

— Агни Лебаннен, — сказал он.

Стоя между ним и Гедом с обнаженным мечом в руках, Аррен ответил:

— Орм Эмбар.

Меч больше не казался ему тяжелым. Гладкая, чуть потертая рукоять была очень удобной и прекрасно подходила к руке. Клинок легко, как бы по собственной воле вынулся из ножен. Древняя сила, заключенная в мече, стала теперь союзницей Аррена, ибо он понял, как использовать это оружие во благо. Это был *его* меч.

Дракон снова заговорил, но Аррен понять его не смог. Он оглянулся на своего спящего товарища, которого не разбудил ни страшный грохот, ни возня дракона на дюне, и ответил:

— Хозяин мой устал. Он теперь спит.

Услышав это, Орм Эмбар сполз еще ниже и свернулся кольцом у подножия дюны. На земле он казался очень тяжелым, громоздким, вовсе не таким гибким и свободным, как в воздухе, но была какая-то дьявольская красота и даже изящество в том, как неторопливо умащивал он свои огромные когтистые лапы и извив колючего рогатого хвоста. Устроившись, он вытянул передние лапы перед собой, поднял огромную голову и замер: именно такими изображали драконов на шлемах воинов. Аррен все время ощущал на себе взгляд его желтых глаз — страшные глаза эти были совсем близко, прямо у него над головой — и слабый запах гари, что неотступно висел в воздухе. Падалью от этого дракона не пахло вовсе; его запах, сухой запах горячего металла, хорошо сочетался с более слабыми запахами моря, водорослей и просоленного песка; это был чистый, дикий, естественный запах.

Солнце, поднявшись выше, осветило бока Орм Эмбара, и дракон весь засверкал, словно был сделан из полированной стали и золота.

А Гед по-прежнему спал, обращая на дракона не больше внимания, чем спящий крестьянин на своего гончего пса.

Так прошел час; и вдруг Аррен, вздрогнув, обнаружил, что волшебник сидит рядом с ним, и, видно, довольно давно.

— Ты что ж, настолько привык к драконам, что засыпаешь прямо между их лапами? — спросил Гед, рассмеялся и сам зевнул. Потом, поднявшись на ноги, заговорил с драконом.

Прежде чем ответить, Орм Эмбар тоже зевнул — возможно, потому что и сам задремал, а возможно, из тщеславия, чтобы произвести должное впечатление. Впечатление, надо сказать, было сильным; вряд ли кому-то из людей доводилось видеть подобную картину: ряды бело-желтых зубов, длинных и острых, как мечи, страшный раздвоенный язык и дымящаяся пропасть глотки.

Орм Эмбар что-то сказал, и Гед уже хотел ему ответить, как вдруг оба они обернулись и посмотрели на Аррена. Они услышали отчетливый в тишине, негромкий шелест стали вынимаемого из ножен меча. Аррен с мечом наготове неотрывно смотрел куда-то на вершину дюны.

Там стоял ярко освещенный солнцем человек, и ветер слабо шелестел в складках его одежды. Человек стоял неподвижно, словно резное изваяние, только чуть шевелилась кромка его легкого плаща да откинутый на спину капюшон. Длинные черные волосы его ниспадали на плечи густыми спутанными локонами; это был широкоплечий, высокий, сильный и довольно красивый человек. Его глаза, казалось, глядят куда-то вдаль, мимо них, в море. Человек улыбнулся.

— Орм Эмбар мне известен, — сказал он. — И ты тоже, хоть ты и постарел с тех пор, как мы с тобой виделись, Ястребок. Я слышал, ты теперь Верховный Маг? Да, ты стал великим волшебником, хоть и постарел. А это твой юный слуга? Ученик Школы, конечно, один из тех, что учатся волшебству на острове Мудрых. Что же делаете здесь вы оба, столь далеко от Рока, от его неуязвимых стен, так хорошо защищающих Мастеров от любого зла?

— Кто-то нарушил стены, что поважнее стен Школы, — сказал Гед, плотно сжимая обеими руками посох и глядя вверх, на незнакомца. — Но разве ты не сойдешь к нам во плоти, чтобы мы смогли должным образом поприветствовать того, кого так долго искали?

— Во плоти? — сказал человек и снова улыбнулся. — Разве вульгарная плоть, человеческое тело, пушечное мясо что-нибудь значит при встрече двух магов? Нет, пусть лучше встретятся наши души, Верховный Маг.

— Вот это, по-моему, вряд ли возможно... Парень, убери-ка свой меч и не волнуйся: это всего лишь его посланник, призрак, но не настоящий человек. С тем же успехом можно рубить мечом воздух... В Хавноре, когда твои волосы уже были седы, тебя прозвали Коб-паук. Но это всего лишь прозвище. Как же

нам называть тебя, когда мы наконец встретимся по-настоящему?

— Вы будете называть меня своим Господином, — сказал высокий человек с вершины дюны.

— О да, а еще как?

— Королем и Великим Мастером.

И тут Орм Эмбар издал страшное шипение; его огромные глаза опасно сверкнули; однако он лишь отвернулся от высокого человека, и лапы его тяжело погрузились в песок под осевшим телом, словно дракон не мог сдвинуться с места.

— А куда мы должны прийти, чтобы свидеться с тобой, и когда?

— В мое царство и тогда, когда это будет удобно мне.

— Прекрасно, — сказал Гед и, подняв свой посох, слегка повел им в сторону высокого человека, и тот исчез, словно пламя свечи, погашенное порывом ветра.

Аррен смотрел во все глаза. Дракон мощным рывком вдруг приподнялся на всех своих четырех кривых лапах; чешуя его позванивала, а сморщенные в гневе губы обнажили ряды страшных зубов. Но тут волшебник снова опустил свой посох и оперся о него.

— Это всего лишь его посланник. Так сказать, своеобразный способ представиться. Бесплотный призрак собственного хозяина. Он способен говорить и слышать, но силы в нем нет, разве что наши собственные страхи могут сообщить ему какую-то силу. Он даже и внешне-то не слишком похож на своего хозяина. Но может стать похожим, если тот сам захочет этого. Так что мы пока не видели, каков теперь его настоящий облик.

— Как ты думаешь, а сам он близко?

— Такие посланники не могут пересекать водные пространства. Так что он на Селидоре. Но Селидор — огромный остров: гораздо больше, чем Рок или Гонт, и почти такой же, как Энлад. Мы можем еще очень долго искать его.

И тут заговорил дракон. Гед выслушал его и повернулся к Аррену:

— Вот что говорит истинный Хозяин Селидора: «Я вернулся сюда, на родной остров, и не покину его. Я найду Разрушителя, отведу к нему вас, и вместе мы сможем уничтожить его». А ведь я говорил тебе, Аррен, что если дракон начинает охоту, то непременно настигает свою жертву.

И Гед преклонил колено пред огромным драконом, подобно тому как вассал преклоняет колено пред своим королем, и произнес слова благодарности на Языке Созидания. Дыхание

дракона, стоявшего слишком близко, жарко опаляло его склоненную голову.

Потом Орм Эмбар снова втащил свое чешуйчатое тело на вершину дюны, взмахнул крыльями и улетел.

Гед отряхнул с одежды песок и сказал Аррену:

— Теперь ты видел меня коленопреклоненным. Возможно, до конца ты успеешь еще раз увидеть это.

Аррен не спросил, что именно волшебник имеет в виду: за время их длительного знакомства он успел усвоить, что в каждом туманном слове Геда таится истина. Но на этот раз слова эти показались ему дурным пророчеством.

Они еще раз сходили к берегу и убедились, что лодка лежит достаточно далеко от полосы прилива и недосягаема даже для штормовых валов. Из лодки они прихватили с собой теплые плащи на случай ночевки под открытым небом и всю оставшуюся еду. Гед на мгновение задержался возле своей «Зоркой», что столько лет носила его по далеким, неведомым морям, ласково погладил ее, но никакого заклятия не наложил; он вообще не произнес ни слова. Потом вместе с Арреном они двинулись через дюны к возвышающимся на севере холмам.

Они шли весь день, а вечером остановились на ночлег у ручья, струившегося между двумя полузадушенными тростником, заболоченными озерами. Несмотря на середину лета, с запада из бесконечных просторов Открытого моря дул холодный пронзительный ветер. Небо было затянуто туманной дымкой, и ни единой звезды не зажглось над холмами, которые не выдвали ни теплого огня домашнего очага, ни света в окне человеческого жилища.

Среди ночи Аррен проснулся. Их крошечный костерок погас, однако взошедшая на западе луна заливала землю жемчужно-серым призрачным светом. В долине у ручья и на склонах холмов вокруг собралось великое множество людей; они стояли неподвижно, молча, и все как один глядели на них с Гедом. Но ни разу лунный свет не блеснул в чьих-либо очах.

Аррен не осмелился заговорить с ними, лишь коснулся рукой плеча Геда. Волшебник вздрогнул и тут же сел.

— В чем дело? — спросил он.

Потом проследил за взглядом Аррена и увидел молчащих людей.

Все они были в темных одеждах, одинаковых у мужчин и женщин. Их лица в неясном свете были едва различимы, но Аррену показалось, что среди тех, кто стоял к ним ближе, он узнал несколько человек, хоть и не мог назвать их имен.

Гед встал; плащ упал с его плеч на землю. Лицо, волосы и рубашка его слабо светились, словно лунное серебро излива-

лось на него одного. В широком жесте он протянул руки к стоящим вокруг людям и громко сказал:

— О вы, кто уже отжил свое! Ступайте с миром и будьте свободными! Отныне я разрываю те связи, что не дают вам уйти. *Аневсса мане харе пеннодатхе!*

Еще несколько мгновений молчаливая толпа стояла, не двигаясь. Потом люди медленно повернулись, побрели куда-то в серую мглу и растворились в ней.

Гед сел. Глубоко вздохнул. Потом посмотрел на Аррена и положил руку ему на плечо. Рука была теплой и твердой.

— Их не стоит бояться, Лебаннен, — мягко сказал он, хотя в голосе его слышалась едва заметная насмешка. — Это всего лишь мертвые.

Аррен кивнул, хотя зубы у него стучали и озноб пробирал до костей.

— Как же... — начал он, но губы не слушались.

Гед понял его вопрос.

— Это он вызвал их из царства мертвых. Это и есть та вечная жизнь, которую он всем обещает. Вернуться в Темное царство они могут лишь по его приказанию. И, вызванные им оттуда, обречены бродить по холмам живого мира, но даже стебелек травы не согнется под их ногами.

— Тогда... тогда он, наверно, тоже мертвый?

Гед покачал головой и нахмурился:

— Мертвые не способны вызывать души мертвых в мир живых. Нет, он обладает силой и могуществом живого человека; и даже больше... Но если кто-то из них и хотел последовать его примеру, то все они были им обмануты. Он бережет свое могущество для себя одного. Воображает себя Королем Мертвых; и не только мертвых... Но подданные его — лишь тени.

— Не знаю, почему я боюсь их, — со стыдом признался Аррен.

— Ты боишься их потому, что боишься смерти. И это вполне естественно: смерть ужасна, и ее должно бояться, — сказал волшебник. Потом подложил в костер еще дров, подул на угольки, подернутые пеплом, и яркие огоньки побежали по хворосту. Аррен с благодарностью смотрел на этот живой свет. — Жизнь ведь тоже страшная штука, сынок, — сказал Гед, — ее тоже должно бояться — и восхвалять.

Оба уселись у костра, плотно закутавшись в плащи. Некоторое время стояла тишина. Потом Гед вдруг заговорил странно мрачным тоном:

— Я не знаю, Лебаннен, как долго еще он будет дразнить нас своими посланниками и призраками на этом острове. Но ты знаешь, куда он непременно отправится в конце концов?

— В Темную Страну?

— О да. К ним.

— Теперь я их видел. Я пойду с тобой туда.

— Что движет тобой? Вера в меня? Ты можешь верить моей любви, но не верь моей силе. Ибо, по-моему, я наконец встретил равного себе.

— Я пойду с тобой.

— Но если он победит меня, если я израсходую до конца свою силу и жизнь, то не смогу отвести тебя назад; а один ты вернуться не сможешь.

— Я вернусь с тобой.

На это Гед сказал лишь:

— Мальчик, ты становишься мужчиной у самых ворот смерти. — И потом тихо-тихо прибавил еще какое-то слово или имя, которым дракон Орм Эмбар дважды назвал Аррена: — Агни... Агни Лебаннен.

Больше они ни о чем не говорили и вскоре снова уснули, устроившись поближе к маленькому, быстро догорающему костерку.

На следующее утро Аррен и Гед двинулись дальше, на северо-запад; так решил Аррен, потому что Гед сказал ему:

— Выбирай, куда нам теперь идти, парень; мне все равно.

Они не спешили, ибо конкретной цели не видели и ждали хоть какого-нибудь знака от дракона. Шли специально по вершинам невысоких дюн вблизи от берега, чтобы их легче было заметить с воздуха. Дюны поросли травой, сухой, короткой, которая колыхалась и шуршала на ветру. Справа от них ввысь уходили золотистые склоны холмов, а слева были соленые болота и западный берег моря. Однажды они видели летящих лебедей — далеко на юге. Но больше ни одного живого существа за весь тот день они не увидели. Какая-то странная усталость, ожидание чего-то ужасного не отпускали Аррена. И вместе с тем в нем росло нетерпение и глухой гнев. После длительного молчания он заговорил первым:

— Эта земля так же мертва, как в царстве мертвых.

— Не смей так говорить! — резко оборвал его волшебник и прибавил шаг. Потом изменившимся голосом пояснил: — Посмотри на эту землю; внимательно посмотри вокруг. Ведь все это — твое царство, царство жизни. Это — твое бессмертие. Посмотри на эти холмы: они ведь тоже смертны, не вечны. Склоны их покрыты живой травой, в ручьях звенит живая вода... Во всей Вселенной, во множестве миров и невероятной бездне времен нет и не было других, точно таких же ручьев, чьи холодные струи исходят из земных глубин, оттуда, где никто не видит их истоков. А потом родники, сливаясь в ручьи

и реки, бегут под солнцем и под звездным ночным небом к морю. Глубоки источники бытия, глубже, чем жизнь, глубже, чем смерть...

Гед остановился, и в глазах его, когда он смотрел на Аррена и на залитые солнцем холмы, была лишь великая, невыразимая словами, всепоглощающая любовь. И Аррен понял это. А поняв, впервые увидел и самого волшебника как бы целиком, таким, какой он есть.

— Я не могу лучше объяснить все это, — сказал Гед с несчастным видом.

Но Аррен подумал о том первом своем часе на острове Рок, когда во дворике у фонтана он увидел этого человека стоящим на коленях перед играющей струей воды; и радость, чистая, как та, вдруг вспомнившаяся струя, забурлила в нем. Он посмотрел на своего друга и сказал:

— Я уже отдал свою любовь тому, что достойно любви. Разве это не мое царство, разве не в нем заключена вечная весна?

— О да, сынок, — сказал Гед с болью и нежностью.

И они двинулись дальше в молчании. Однако теперь Аррен видел мир как бы глазами своего друга, видел его живое очарование, что вдруг открылось ему в этой пустынной стране и, словно благодаря волшебству, превзошло все остальные, виденные до сих пор красоты, — очарование каждой исхлестанной ветром травинки, каждой тени, каждого камня. Так человек в последний раз смотрит на нежно любимые места, отправляясь в путешествие, из которого нет возврата. Он видит все вокруг как бы целиком, одновременно, и все кажется ему таким настоящим, таким дорогим и родным, каким никогда не казалось раньше, каким он больше никогда его не увидит.

К вечеру сильный ветер отогнал плотную грядку облаков, закрывавшую западный край неба, и закат яростно горел над морем, разливая по волнам пурпур и багрянец, пока солнце в очередной раз не нырнуло в далекие воды на горизонте. Собирая топливо для костра, Аррен вдруг увидел на берегу ручья, где они расположились на ночлег, залитого пурпурным сиянием человека, стоявшего не более чем в пяти шагах, но видимого неясно. Лицо незнакомца было каким-то странным, однако Аррен узнал его: это был красильщик Попли с острова Лорбани, который давно умер.

За Попли стояли другие люди. У всех были печальные лица; глаза их внимательно смотрели на Аррена. Они, казалось, даже что-то говорили, но Аррен не мог расслышать слов — только невнятный шепот или шелест, тут же уносимый порывами западного ветра. Потом некоторые из людей стали медленно приближаться к нему.

Аррен распрямился и смотрел то на этих людей, то на Попли; потом повернулся к ним спиной, постоял немного и подобрал с земли еще одну валежину, хотя руки у него тряслись. Он положил валежину в общую кучу и подобрал еще одну и еще. Потом выпрямился и оглянулся. У ручья никого не было; на холмах догорал красный отблеск заката. Юноша вернулся к Геду и бросил на землю возле костра целую охапку топлива, однако ничего не сказал о своей встрече.

Всю ночь в туманной мгле острова Селидор, где никогда не жили люди, он просыпался и слышал вокруг шепот мертвых. Тогда усилием воли он заставил себя не слушать. И вскоре снова уснул.

Оба, и он и Гед, проснулись поздно, когда солнце уже на целую ширину ладони поднялось над вершинами холмов и, вырвавшись из объятий утреннего тумана, ярко освещало эту холодную землю. Пока они поглощали свой жалкий завтрак, прилетел Орм Эмбар и стал кружить над ними в воздухе. Из пасти дракона вырывалось пламя, и из красных ноздрей — искры и дым; в клубах огня и дыма зубы его сверкали, словно бритвы из слоновой кости. Однако дракон ничего не говорил, хотя Гед и окликнул его, назвав по имени:

— Ты нашел его, Орм Эмбар?

В ответ дракон резко повернул голову и немыслимым образом изогнулся, как бы отталкиваясь от ветра своими когтистыми страшными лапами. Потом вдруг быстро развернулся и устремился на запад, все время оглядываясь на них с Гедом.

Гед крепко сжал свой посох и гневно ударил им о землю.

— Он больше не может говорить! — воскликнул он. — Он — и не может говорить!!! У него отняли эту способность, отняли Речь, и теперь он все равно что обыкновенная гадюка или безязыкий червяк, и мудрость его лишилась языка. Однако он еще может вести нас! И мы последуем за ним.

Подхватив свои легкие заплетные мешки, они быстро пошли через холмы на запад, туда, куда улетел Орм Эмбар.

Они шли не менее двух часов одинаково ровным быстрым шагом. Теперь море окружало их с обеих сторон: они спускались вниз по длинной пологой каменистой гряде меж сухих тростников и продуваемых всеми ветрами прогалин по берегам ручьев к изогнувшемуся широкой дугой песчаному берегу цвета слоновой кости. Это был самый северный мыс Селидора, конец последнего острова Земноморья, конец земли.

Орм Эмбар стоял на светлом песке, выгнув спину дугой и опустив голову, словно разъяренный кот; дыхание его было прерывистым, изо рта вырывались языки пламени. В некотором отдалении, между ним и полосой несильного прибоя,

виднелось нечто вроде хижины или шалаша, построенного из чего-то белого, похожего на очень старый, обесцвеченный плавник. Вот только плавника на этом берегу быть не могло: дальше не было островов, только Открытое море. Когда они подошли ближе, Аррен увидел, что ветхие стены хижины сделаны из огромных костей; сначала он подумал, что это кости кита, и только потом, заметив треугольные, острые, как нож, выступы вдоль хребта, понял, что это кости дракона.

Они наконец достигли цели. Солнечные блики играли на волнах, просвечивавших сквозь щели жилища из костей. Дверь заменял кусок гигантской бедренной кости. Над дверью был укреплен человеческий череп, уставившийся пустыми глазами на холмы Селидора.

Они застыли как вкопанные, глядя на этот череп, и тут дверь под ним отворилась и вышел человек в старинных доспехах из позолоченной бронзы. Доспехи были во многих местах пробиты то ли кинжалом, то ли боевым топором. В руках он держал сломанный меч: осталась только рукоять и гарда, сам же клинок отсутствовал. Лицо человека казалось суровым: черные дуги бровей, тонкий красивый нос, темные глаза, живые и печальные. Его тело было буквально покрыто ранами — руки, горло, бок; кровь больше не шла, но любая из этих ран казалась смертельной. Человек стоял прямо и неподвижно, глядя на них.

Гед сделал шаг к нему. Они были как-то странно похожи — вот так, лицом к лицу.

— Ты — Эррет-Акбе, — сказал Гед.

Человек, продолжая пристально смотреть на него, один раз молча кивнул.

— Даже тебя, даже тебя вынуждает он исполнять свои приказания? — В голосе Гед слышалась ярость. — О, господин мой, самый лучший, самый храбрый из людей, покойся же во славе своей — в царстве смерти! — И, широким жестом подняв обе руки, Гед разом опустил их, повторив те же слова, которые произносил ночью перед толпой мертвецов. После магического жеста в воздухе на мгновение остался широкий светящийся след. Когда этот след исчез, исчез и израненный человек в латах; лишь солнце ярко освещало песок там, где он только что стоял.

Гед ударил посохом по хижине из костей дракона, и та тоже исчезла. Теперь на песке не осталось ничего — только одно гигантское ребро еще торчало вверх.

Волшебник обернулся к дракону:

— Это здесь, Орм Эмбар? Это то самое место?

Из приоткрытой пасти донеслось мощное прерывистое шипение.

— Значит, это здесь. На последнем берегу нашей земли! Что ж, хорошо. — И, держа свой черный тисовый посох в левой руке, Гед широким жестом развел руки, готовясь произнести заклятие, и заговорил на Языке Созидания. Аррен тоже понял наконец слова Истинной Речи: все, кто слышит Великое Заклятие, должны его понимать, ибо оно имеет власть надо всем. — Теперь я заклинаю тебя, враг мой! Явись и предстань передо мной во плоти. Я связываю тебя тем словом, что не будет произнесено до конца времен. Явись!

Однако вместо имени заклинаемого Гед сказал лишь: *враг мой*.

Наступила такая тишина, что не слышалось даже плеска волн. Аррену на какой-то миг показалось, что солнце скрылось в загадочной дымке, хотя оно по-прежнему стояло в ясном небе прямо у него над головой. Непонятная дымка сгустилась, и тьма окутала песчаный берег, видимый теперь словно сквозь закопченное стекло; прямо перед Гедом тьма была совершенно непроницаемой. Во всяком случае, Аррен не мог рассмотреть в ней никакой ясно очерченной фигуры — так, черная пустота, бесформенность.

И вдруг из этого сгустка тьмы возник человек. Тот самый, которого они видели на вершине дюны, — высокий, темно-волосый, длиннорукий и стройный. Теперь в руках он держал нечто вроде хлыста или стального узкого и длинного лезвия, по всей длине которого были вырезаны старинные руны. Словно готовясь к атаке, он направил свое оружие в сторону Гед. Но что-то странное было в его взгляде: похоже, что глаза его, будто ослепленные солнцем, не способны были видеть как следует.

— Я прихожу, — проговорил он, — только по собственному желанию и тогда, когда захочу. Ты не можешь вызвать меня своим заклятием. Верховный Маг, я не мертвая тень. Я живой человек. И один лишь я по-настоящему жив! Ты вот считаешь себя тоже живым, но ведь ты умираешь, медленно, постепенно. Знаешь, что держу я в руках? Посох Серого Мага; того, что заставил навсегда умолкнуть Негерера; того, кто считался лучшим мастером искусства, которым овладел и я. Впрочем, теперь я и сам Мастер не хуже. И мне надоели бесконечные игры с тобой. — С этими словами он неожиданно резко выбросил вперед руку со стальным стержнем и дотронулся им до Гед, который стоял так, словно утратил способность двигаться и говорить. Аррен всю свою волю сосредоточил на том, чтобы сделать хоть шаг, однако не смог даже пошевелиться, даже коснуться рукояти меча, и голос тоже застрял у него в глотке.

Но тут над Гедом и Арреном, прямо над их головами, взметнул свое огромное тело разъяренный дракон и одним конвульсивным рывком, всей своей тяжестью обрушился на против-

ника, так что колдовское стальное лезвие полностью погрузилось в его покрытую чешуей грудь; но и черноволосый человек был смят чудовищным весом дракона, сокрушен и сожжен его дыханием.

С трудом приподнявшись над песчаным берегом, изогнув спину дугой и хлопая крыльями, Орм Эмбар выдохнул или скорее вытошнил сгусток жуткого пламени и закричал. Потом попытался взлететь, но не смог. Холодная, отравленная злым колдовством сталь попала прямо ему в сердце. Дракон забился в судорогах, и кровь, черная ядовитая драконья кровь, дымясь, хлынула у него из пасти; пламя замерло в ноздрях, и они стали похожи на подернутые пеплом угольные ямы. Огромная голова его бессильно склонилась на песок.

Так умер Орм Эмбар. Умер на том же берегу, что и его предок Орм; умер на его могиле, на зарытых в песок костях великого дракона.

Там, где Орм Эмбар, обрушившись на своего врага, пытался вбить его в землю, лежало теперь нечто безобразное и скрюченное, похожее на тело огромного паука, запутавшегося и засохшего в собственной паутине. Существо это было сожжено огненным дыханием дракона и изломано его когтистыми лапами. Но все же — и Аррен заметил это — существо двигалось и уже немножко отползло подальше от поверженного дракона.

Существо подняло голову и повернулось к ним с Гедом лицом. Ничего от былой привлекательности не осталось в этом лице — тлен, старость, пережившая самое себя. Рот провалился. Глазницы были пусты. Наконец Гед и Аррен увидели подлинный лик своего врага.

Существо отвернулось и распростерло обожженные почерневшие руки. Висевшая вокруг темная дымка как бы собралась и втянулась в круг, образованный его руками, и вновь возникла та бесформенная тьма, что вспухала тогда перед Гедом, закрывая свет солнца. Теперь тьма изогнулась, образовав нечто вроде арки ворот, очертания которых были весьма расплывчаты, и за этими воротами не было ни светлого песка, ни океана: только длинный темный склон неведомой горы, уходящий куда-то вниз.

По этому склону и устремилось на четвереньках изуродованное драконом существо и, едва оказавшись во тьме, сразу набралось сил, встало на ноги, начало двигаться быстрее и скрылось из виду.

— Пошли, Лебаннен, — сказал Гед и положил правую руку на плечо юноши. Вместе двинулись они вперед, в глубь пустынной Страны Мертвых.

В МЕРТВОЙ ПУСТЫНЕ

Тисовый посох в руке волшебника светился серебряным светом в мрачных сумерках, окутывавших ведущий во тьму склон горы. Потом Аррен, приглядевшись, заметил еще какое-то слабое свечение: огоньки пробегали по лезвию обнаженного меча, который он крепко сжимал в руке. Еще там, на берегу острова Селидор, когда дракон ценой своей жизни разрушил страшное Связующее Заклятие, Аррен первым делом вытащил меч из ножен. И здесь, где и сам юноша казался всего лишь тенью, но все же тенью *живой*, он нес с собой *живую* тень своего старинного меча.

Больше нигде не было ни огонька, ни просвета. Их окружали как бы поздние сумерки пасмурного ноябрьского вечера — мрачная, холодная, непрозрачная, серая мгла, в которой предметы хоть и были в целом различимы, но недостаточно ясно и только вблизи. Аррен узнал это место: пустынные скалы из его прежних, лишенных надежды на спасение снов; но ему казалось, что теперь он зашел куда дальше, невероятно далеко, значительно дальше, чем когда-либо в своих снах. Он почти ничего не мог как следует разглядеть вокруг, но было ясно, что они с Гедом стоят на склоне горы, а перед ними невысокая каменная стена.

Правая рука Геда по-прежнему лежала на плече Аррена. Он первым шагнул вперед, и юноша последовал за ним; вместе они перебрались через стену из камней.

Бесконечный склон расстилался перед ними, уходя куда-то вниз, во тьму.

Но над головой, где, как Аррену казалось раньше, должны были быть тяжелые серые тучи, небо было абсолютно черным

и на нем светились звезды. Он внимательно посмотрел на них, и сердце у него в груди болезненно сжалось, пронзенное смертным холодом и ужасом. Это были совсем не те звезды, какие он привык видеть на небе. Они неподвижно застыли и даже не мигали. Это были те самые звезды, что никогда не зажигаются и никогда не исчезают с небес. Никогда не скрывают их облака; никогда ни один восход солнца не затмевает их свет. Неподвижные, крошечные, неустанно светят они над мертвой пустыней.

Гед начал свой спуск по обратной стороне Горы Мироздания, и шаг за шагом Аррен спускался с ним вместе. В глубине души он чувствовал страх, но сердце его все же было полно решимости, и воля его была крепка, а потому страх этот не мог одолеть его. Юноша почти не замечал, как порой сжимается сердце — будто в нем беспокойно ворочается и тихонько воет маленький зверек, запертый и посаженный на цепь.

Казалось, что спуск их продолжается уже очень долго, но на самом деле, может быть, и нет: время было неощутимо в этой стране — там не дули ветры, не двигались в небе звезды, не восходило солнце. Вскоре они пришли в один из городов царства мертвых, и Аррен увидел дома, в окнах которых никогда не зажигали свет. В открытых дверях некоторых домов стояли со спокойными лицами и пустыми руками души мертвых людей.

Рыночные площади были пусты. Здесь никто ничего не продавал и не покупал, никто не торговался и не тратил деньги. Ничем здесь не пользовались, ничего не создавали. Гед и Аррен в одиночестве прошли по узким улочкам, хотя несколько раз впереди мелькала знакомая фигура и тут же скрывалась за поворотом, едва различимая в густых сумерках. Увидев ее в первый раз, Аррен бросился было вперед с поднятым мечом, указывая им на нее, но Гед только покачал головой и спокойно продолжал свой путь. Аррен только тогда разглядел, что это фигура женщины, и движется эта женщина медленно, а вовсе не бежит от них.

Все те, кого они видели — а видели они немногих, ибо при всем великом множестве умерших страна их поистине бескрайняя, — стояли неподвижно или двигались очень медленно, без какой-либо цели. Ни на ком не было заметно ни ран, в отличие от призрака Эррет-Акбе, вызванного злой волей в солнечный мир к месту своей гибели, ни следов какой-либо болезни. Их тела казались здоровыми и крепкими. Они были избавлены от страданий, избавлены от боли и — от жизни. И они отнюдь не выглядели страшными, отвратительными мертвецами, как того раньше боялся Аррен. Спокойны были

их лица; они освободились от гнева и желаний, и в затененных их глазах не светилась надежда.

И тогда на смену страху безграничная жалость родилась в душе Аррена; если в основе этой жалости и лежал страх, то это был страх не за самого себя, но за всех смертных. Ибо увидел он мать и дитя, умерших одновременно; они оказались в Темной Стране вместе, но дитя не резло и не кричало, а мать не прижимала малыша к себе и даже не смотрела в его сторону. А те, что умерли из-за любви друг к другу, здесь, встречаясь на улице, проходили мимо, даже не повернув головы.

Неподвижно застыл гончарный круг, молчал ткацкий станок, холодна была печь хлебопека. Здесь никто никогда не пел.

Темные улицы среди темных домов вели их все дальше и дальше. Единственным живым звуком здесь был шорох их шагов. Становилось все холоднее. Сначала Аррен как-то не заметил этого холода, но постепенно тот проник, кажется, в самую его душу, которая здесь стала как бы одновременно и его плотью. Юноша страшно устал. Они, должно быть, зашли уже очень далеко. Зачем идти дальше? — думал он, понемногу замедляя шаг.

Вдруг Гед резко остановился, заглядывая в лицо какому-то человеку, что стоял на перекрестке. Человек был худ, высок, и лицо его показалось Аррену знакомым, только он не мог вспомнить, где его видел. Гед заговорил с ним. И впервые живой голос нарушил эту тишину с тех пор, как они перешагнули через каменную стену.

— О Торион, друг мой, как же ты-то здесь оказался?

И Гед протянул руки к Мастеру Заклинателю из Школы Волшебников, что на острове Рок.

Торион не ответил даже жестом. Он стоял неподвижно, и неподвижным было его лицо. Но серебристый свет посоха Гед глубоко проник в его затененные глаза и не то зажег в них слабенький ответный огонек, не то просто отразился в темных зрачках. Гед сам взял Ториона за безжизненную руку и снова спросил:

— Что ты делаешь здесь, Торион? Это царство еще не властно над тобой. Ступай назад!

— Я последовал за бессмертным. И потерял путь. Не смог вернуться назад. — Голос Заклинателя звучал тихо и ровно, как у человека, который говорит во сне.

— Вверх: по направлению к стене, — сказал Гед, указывая туда, откуда они с Арреном только что пришли, вдоль длинной темной улицы. При этих словах лицо Ториона дрогнуло, слов-

но в нем пробудилась слабая надежда — словно болезненный укол шпаги вошел в его плоть.

— Я не могу отыскать пути назад, — сказал он. — О, господин мой, я не могу его отыскать.

— Возможно, все-таки найдешь, — ответил Гед и крепко обнял его. Потом пошел дальше, а Торион остался стоять неподвижно на перекрестке.

Они шли и шли. Аррену уже стало казаться, что в этом темном безвременье сумерек нет таких естественных понятий, как «позади» или «вперед», как нет ни востока, ни запада, как нет цели у их пути. Существует ли выход отсюда? Он стал думать о том, как они тогда спустились по склону горы, все вниз и вниз, вне зависимости от того, куда сворачивали; и все улицы в темном мертвом городе тоже вели вниз. Так что для того, чтобы теперь вернуться к каменной стене, пришлось бы все время подниматься вверх, и тогда на вершине холма они непременно ее обнаружат. Но они так и не повернули назад. Бок о бок уходили они все дальше и дальше. Следовал ли он послушно за Гедом? Или, может быть, сам вел его?

Они вышли из города. Страна, населенная множеством мертвецов, выглядела пустой. Ни деревца, ни колючего кустарника, ни травинки не было на каменистой земле под неподвижными звездами.

Здесь не было горизонта, ибо глаз не способен видеть так далеко во мраке; но впереди маленькие неподвижные звезды как бы скрывались за чем-то огромным, обладавшим извилистым, неровным краем, подобно горной гряде. Когда они подошли ближе, горы стали видны более отчетливо: высокие вершины, которых никогда не касались ни ветер, ни дождь. На вершинах этих не лежали снега, способные блестеть в свете звезд. Вершины были совершенно черны. При виде их отчаяние одиночества вдруг охватило Аррена. Он отвернулся. Он их узнал. Вспомнил, и теперь они притягивали его взор. Каждый раз как он смотрел на эти вершины, тяжкий холод сковывал его сердце, убивая в душе упрямство и мужество. Но они продолжали идти — по-прежнему все вниз и вниз, ибо земля как бы сама несла их, уходила из-под ног. Спуск стал круче. Наконец Аррен не выдержал.

— Господин мой, что это за... — и он указал на горы: договорить он не смог: горло совсем пересохло.

— Они стоят на самой границе мира света, — ответил Гед, — как и та каменная стена. У них нет имени; к ним подходят слова «боль, горе, страдание». Это Горы Горя. Через них ведет путь, запретный для мертвых. Это недолгий путь, но он исполнен горечи.

— Я хочу пить, — с трудом выговорил Аррен. И товарищ его ответил:

— Здесь пьют пыль.

И они пошли дальше.

Аррену стало казаться, что Гед идет уже не столь быстро и как-то порой не совсем уверенно. Зато сам он больше не испытывал сомнений, хотя усталость все накапливалась в его душе и теле. Они должны идти вниз, они должны идти дальше. И они шли дальше.

Порой им встречались другие мертвые города, где темные островерхие крыши домов вырисовывались на фоне звездного неба. Звезды по-прежнему не двигались. После городов вновь начиналась пустынная земля, где не росло ни былинки. Едва они успевали выйти за пределы города, как он проваливался во тьму, и уже ничего нельзя было разглядеть ни позади, ни впереди, кроме гор, которые все приближались, стеной вырастая перед путниками. Справа бесконечный склон вел вниз, как и раньше. Сколько времени тому назад начался их спуск по нему, после того как они перебрались через каменную стену?

— Что находится в той стороне? — прошептал Аррен. Его пугал звук собственного голоса.

— Не знаю. Это, возможно, путь, не имеющий конца, — покачал головой волшебник.

В том направлении, куда они шли, склон, похоже, становился все более пологим. Земля отвратительно скрипела под ногами, словно они шли по осколкам окаменевшей лавы. Но они по-прежнему шли только вперед, и теперь уже Аррен не думал ни о возвращении, ни о том, каким путем они могли бы вернуться. Не думал он и о том, чтобы остановиться и отдохнуть, хотя страшно устал. Один раз он попытался чуточку развеять тупую тьму, ослабить усталость и таившийся в душе ужас воспоминаниями о доме; но не смог вспомнить даже лица матери, не смог вспомнить, как выглядит солнечный зайчик. Ничего иного не оставалось, как идти вперед. И он шел вперед.

Он почувствовал, что поверхность под ногами стала почти ровной. Рядом с ним остановился Гед, как бы погруженный в сомнения. Тогда Аррен тоже остановился. Спуск прекратился: это был конец, дальше пути не было, как не было и необходимости продолжать идти.

Они находились в долине у самого подножия Гор Горя. Под ногами скрипели осколки камней, над головой нависали скалы с грубой шершавой поверхностью, похожей на шлак. Видно, когда-то давным-давно по этой узкой горловине бежала живая река, а может быть, то была река огненной лавы, что изливалась некогда из остывшего теперь жерла вулкана — од-

ной из тех черных безжалостных вершин, что вздымались над ними.

Аррен не двигался, не шевелился, и Гед тоже стоял рядом с ним совершенно неподвижно. Они были похожи сейчас на утративших цель существования мертвецов, которые даже не пытались что-либо разглядеть вокруг и тупо молчали. Аррен подумал с невнятным страхом: все-таки мы слишком далеко зашли. Хотя и это теперь не имело особого значения.

Как бы вторя его мыслям, Гед сказал вслух:

— Мы зашли слишком далеко, чтобы повернуть назад. — Голос его звучал тихо, однако величественная мрачная пустота вокруг не могла полностью заглушить его, и этого живого звука оказалось достаточно, чтобы Аррен приободрился. Разве не для того они пришли сюда, чтобы встретить врага, которого искали?

Чей-то голос проговорил из темноты:

— Вы зашли слишком далеко.

Аррен громко ответил:

— Только слишком далеко и есть для нас достаточно далеко.

— Вы добрались до Сухой Реки, — сказал голос, — и теперь не сможете вернуться назад, к каменной стене. Не сможете вернуться к жизни.

— Назад — нет, — сказал волшебник куда-то во тьму.

Аррен едва различал его, хотя они почти касались друг друга: гора, в густой тени которой они стояли, закрывала по крайней мере половину звездного неба, и казалось, что по руслу Сухой Реки течет сама Тьма.

— Но мы найдем другой путь в мир света. Твой! — твердо закончил свою мысль Гед.

Ответа не последовало.

— Здесь мы встречаемся как равные. Если ты слеп, Коб-паук, то и мы пока еще только во тьме.

Ответа не последовало.

— Мы ничем не можем навредить тебе здесь; мы даже убить тебя не можем. Чего же тебе бояться?

— Я не боюсь ничего, — раздался голос во тьме. Затем медленно, слегка светясь волшебным светом, похожим на тот, что зажигался порой на конце посоха Геда, из тьмы появился человек; он стоял чуть выше Геда и Аррена, на самом берегу Сухой Реки, среди огромных, неясной формы валунов. Он был такой же высокий, широкоплечий и длиннорукий, как и тот, кто являлся им на вершине поросшей травой дюны и на песчаном берегу острова Селидор, только старше; длинные волосы его над высоким лбом были седыми и всклокоченными. Такой предстала пред ними его душа в царстве смерти; он не был

сожжен огненным дыханием дракона и не был им искалечен, но и настоящим человеком он все-таки не был: глазницы его были пусты.

— Я не боюсь ничего, — повторил он. — Да и чего может бояться мертвый? — Он засмеялся, и смех этот прозвучал так неестественно и жутко здесь, в узкой каменистой долине, стесненной горами, что Аррен на мгновение почувствовал удушье. Однако только крепче сжал рукоять меча и стал слушать.

— Я не знаю, чего может бояться мертвый, — ответил ему Гед. — Полагаю, что не смерти. И все-таки, кажется, ты ее боишься. Потому что нашел лазейку, через которую можешь удрать от нее.

— Нашел. Я живу! Тело мое живет!

— Ну, оно-то живет не слишком хорошо, — сухо откликнулся волшебник. — С помощью иллюзии можно скрыть возраст; но Орм Эмбар не слишком бережно обошелся с твоей драгоценной плотью.

— Ничего, это можно поправить. Мне известны секреты искусного врачевания и вечной молодости, а это не просто иллюзии. За кого ты меня принимаешь? Только потому, что сам стал Верховным Магом, ты считаешь меня простым деревенским колдуном? Меня, единственного среди магов, кто нашел Путь Бессмертия, до сих пор никем больше не найденный!

— Возможно, мы его и не искали, — сказал Гед.

— Вы искали его. Все вы. Ты искал его и не мог найти, а потому выдумал всякие заумные слова по поводу «принятия неизбежного», «сохранения равновесия и восстановления миропорядка», при котором жизнь якобы уравнивает смерть. Но это всего лишь слова — ложь, прикрывающая твою позорную неудачу, твой страх перед смертью! Разве откажется человек жить вечно, если получит такую возможность? А я это могу! Я бессмертен. Я совершил то, чего вы совершить не смогли, а потому теперь я ваш хозяин — и ты это понимаешь. Хочешь узнать, как я этого добился, Верховный Маг?

— Хочу.

Коб подошел чуть ближе. Аррен заметил, что, хотя у него и нет глаз, движения его не похожи на движения слепого; он, видимо, абсолютно точно представлял себе, где стоят Гед и Аррен, и остерегался их, хотя в сторону Аррена головы ни разу не повернул. Должно быть, он пользовался каким-то особым колдовским зрением, каким обладали, например, его посланники, способные видеть и слышать; во всяком случае, он прекрасно ориентировался, хотя настоящим зрением не обладал.

— Я жил на Пальне, — начал он, обращаясь к Геду, — после того как ты, гордец, счел, что, унизив меня, заставил молчать. О да, ты действительно дал мне урок, но совсем не тот, на какой рассчитывал! Я тогда сказал себе: теперь я видел смерть и я ее не хочу. Пусть вся эта глупая природа идет своим глупым путем, но я, человек, лучшее, что есть в природе, и я выше ее. Я этим путем не пойду и себе не изменю! И таким образом, окончательно решившись, я снова прятался штурдировать труды мудрецов Пальна, но находил в книгах только поверхностные намеки да разрозненные сообщения о том, что мне требовалось. Так что я по сути дела расплел весь пальнский фольклор по ниточке и заново сплел, создав наконец заветное. О, это было величайшее из заветных, когда-либо существовавших на свете! Величайшее и последнее!

— Произнося это заветное, ты и умер.

— Да! Я умер! У меня тогда хватило мужества умереть и найти то, что вы, трусы, никогда так найти и не смогли: путь из страны мертвых в мир живых. Я открыл ту дверь, что была крепко заперта с начала времен. И теперь я свободно прихожу в Темную Страну и свободно возвращаюсь в мир света. Я, единственный из людей, когда-либо существовавших на земле, стал Властелином Двух Миров. И найденная мной дверь открывается не только отсюда; она открывается там, в душах живых людей, в самых потаенных уголках бытия, в таких глубинах, где все мы равны перед Великой Тьмой. Люди понимают это и приходят ко мне. И души мертвых — все до одной! — обязаны являться на мой зов, ибо я ничуть не утратил волшебной силы живого мага: если я прикажу, они все начинают карабкаться через каменную стену — все, души великих правителей, и магов, и гордых женщин!.. Из смерти — в жизнь; и обратно: из жизни — в смерть. По моей команде. Все обязаны подчиняться мне, живые и мертвые, мне, который умер, но остался жив!

— Где же они встречаются с тобой, Коб? Где они могут найти тебя?

— Меж двух миров.

— Но ведь это не жизнь и не смерть. Что такое жизнь, Коб?

— Власть.

— А что такое любовь?

— Власть, — вновь тяжело уронил слепой, чуть пожав плечами.

— Что такое свет?

— Тьма!

— Как твоё имя?

— У меня его нет.

— Все в этой стране называются своими подлинными именами.

— Тогда назови свое!

— Мое имя Гед. А твое?

Слепой поколебался и сказал:

— Коб. Паук.

— Это только твои прозвища, а где же твое имя? Твое подлинное имя? Сама твоя суть? И в чем истина, в которую ты веришь? Не осталась ли она в Пальне, когда ты умер? Ты слишком многое забыл, Властелин Двух Миров. Ты позабыл, что такое свет, любовь, подлинное имя.

— Зато теперь я знаю твое имя, а стало быть, обладаю над тобой властью, Верховный Маг Гед! Вернее, который был Верховным Магом — пока был жив!

— Имя мое тебе не поможет, — спокойно промолвил Гед. — И нет у тебя никакой власти надо мной. Я живой человек; тело мое лежит на берегу Селидора под солнцем, на живой земле, которая по-прежнему вращается вокруг своей оси. И только когда умрет это тело, я окажусь здесь: но то будет уже одно лишь имя мое, всего лишь тень настоящего Геда. Разве ты этого не знаешь? Неужели ты никогда не понимал этого? Ты, который вызвал из царства мертвых столько душ; который заклятием своим принудил явиться на землю тех, кто ушел от нас навсегда; который вызвал на свет даже душу повелителя моего Эррет-Акбе, мудрейшего из людей? Разве не понял ты, что он, даже он — теперь всего лишь тень, бесплотное имя? Его смерть не умалила Жизни. Как не умалила она и славу его имени, и значение его великих деяний. Сейчас он там — там, не здесь! Здесь нет ничего, только пыль да тени. А там он стал землей и солнечным светом, листьями деревьев и полетом орла. Он жив. И все, кто умирают, тоже живут; они возрождаются, и нет у жизни конца и никогда не будет! Все человеческие жизни продолжаются вечно, кроме твоей. Ибо ты не желаешь собственной смерти. Ты утратил смерть, чтобы спасти себя, но ты утратил и жизнь. О да, ты спас себя! Свое бессмертное «я»! Но что оно такое? Кто такой ты сам?

— Я это я. Моя плоть никогда не подвергнется тлению, никогда не умрет...

— Живая плоть ощущает боль, Коб; живое тело стареет и умирает. Смерть — вот та цена, которую мы платим за жизнь свою. И за Жизнь вообще.

— Я никому ни за что не плачу! Я могу умереть и в тот же миг ожить снова! Меня нельзя убить, я бессмертен, я единственный сохраняю свое «я», свою сущность вечно!

— Тогда кто же ты?

— Единственный бессмертный человек в мире. Я — бессмертный.

— Назови свое имя.

— Я — Великий Король.

— Назови мое имя. Я сказал его тебе не более минуты назад. Назови мое имя!

— Ты не настоящий. У тебя никакого имени нет. Существую один лишь я.

— Да, ты существуешь — без имени, без плоти. Не можешь видеть свет дня; не можешь видеть тьму. Ты предал нашу зеленую землю и ясное солнце, и звезды, чтобы спасти себя, свое «я». Ты даром отдал все и получил ничто. Так что теперь ты стремишься затянуть в свои сети весь мир, всю ту жизнь и тот свет, которые ты навсегда утратил; ты хочешь заполнить это ничто — свою собственную пустоту. Но ничто заполнить нельзя, Коб. Все песни земли и все звезды небес не заполняют твоей пустоты.

Голос Геда звенел металлом в холодном узком ущелье среди нависших гор, и слепой в ужасе отшатнулся. Он поднял голову, и слабый свет звезд упал на его искаженное лицо. Казалось, он плакал: но слез не было, ведь не было и глаз. Он то открывал, то закрывал рот — темный провал на лице, — но слов не было, лишь слабое мычание и стон. Наконец с трудом он выговорил одно лишь слово своими скривившимися губами: «жизнь».

— Я бы дал тебе жизнь, Коб, если б мог. Но я не могу. Ты мертв. Но я могу дать тебе смерть.

— Нет! — громко вскрикнул слепой и повторил: — Нет, нет! — Рыдания сотрясли его, но щеки остались так же сухи, как каменистое русло реки, по которой текла одна лишь ночная тьма. — Ты не можешь. Никто никогда не сможет освободить меня. Я отворил дверь между мирами и не могу закрыть ее. Никто не сможет ее закрыть. Она никогда больше не будет закрыта. И она тянет меня к себе, тянет... Я должен снова и снова возвращаться к ней. Я должен проходить в нее и снова возвращаться сюда — в пыль, холод, тишину. Она высасывает мои силы. Я не могу ни уйти от нее, ни закрыть ее. И она всосет в себя весь свет мира. Все реки станут такими, как эта Сухая Река. И нет такой силы, что могла бы закрыть ту дверь, которую отворил я!

Очень странно звучала эта смесь отчаяния и собственной вины, ужаса и тщеславия. Гед сказал лишь:

— Где она, эта дверь?

— Вон там. Недалеко. Ты можешь туда пойти. Но сделать ничего не сможешь. Не сможешь закрыть ее. Если даже все

свои силы ты истратишь только на это, их все равно не хватит. Ни у кого никогда не хватит на это сил.

— Возможно, — ответил Гед. — Но хоть ты и предпочитаешь попусту предаваться отчаянию, запомни: мы пока до этого не дошли и будем действовать. Веди нас туда.

Слепой вскинул голову; на лице его отчетливо боролись страх и ненависть. Ненависть победила.

— Не поведу, — сказал он.

И тут вперед вышел Аррен и сказал:

— Поведешь.

Слепой словно окаменел. Леденящая тишина и тьма царства мертвых плотно обступала их; слова словно повисали в ней.

— Кто ты такой?

— Мое имя Лебаннен.

— Разве ты, называющий себя Великим Королем, не знаешь, кто это такой? — спросил насмешливо Гед.

И снова Коб застыл как изваяние. Потом сказал, чуть задыхаясь:

— Но он умер... И вы мертвы. Вы не можете вернуться назад. Отсюда нет выхода. Вы попали в ловушку! — Легкое свечение, которое он испускал раньше, постепенно меркло; потом он поспешно отступил назад, и тьма тут же поглотила его.

— Дай мне свет, о господин мой! — вскричал Аррен, и Гед, высоко над головой воздев свой посох, позволил яркому белому свету вспороть эту древнюю слепящую тьму, полную теней. Среди скал, спотыкаясь, спешил прочь высокий слепой человек, он падал, полз на четвереньках и вновь поднимался; не видя ничего, он тем не менее уверенно убегал от них вдоль русла Сухой Реки. Аррен с мечом в руках бросился за ним; следом поспешил Гед.

Вскоре Гед довольно сильно отстал, и свет его посоха уже не так хорошо освещал Аррену путь, к тому же мешали бесконечные валуны; однако Аррен хорошо слышал шаги Коба впереди и шел по его следу как гончая. Постепенно он стал нагонять врага, особенно когда путь стал круче. Теперь они карабкались вверх по узкой горловине бывшей реки, задыхнувшейся от камней. Они поднимались к истокам Сухой Реки, русло которой напоминало здесь рану, прорубленную в каменной породе. Камни с грохотом скатывались из-под ног, руки то и дело соскальзывали, так что приходилось почти ползти на четвереньках. Аррен, почувствовав, что русло реки снова сужается, в последнем решительном броске нагнал Коба и, схватив его за руку, заставил остановиться. Здесь было что-то вроде пустого каменного бассейна в три-четыре шага шириной,

который, если когда-то здесь бежала вода, мог, вполне возможно, быть озерцом. Выше громоздились валуны и неподвижные скалы. И в этом каменном хаосе виднелась черная дыра: исток Сухой Реки.

Коб не пытался вырваться. Он стоял вполне спокойно, даже когда Гед, нагнав их, осветил его безглазое лицо. И это лицо теперь повернулось к Аррену.

— Вот это место, — выговорил Коб, и некое подобие улыбки исказило его губы. — То самое, что вы ищете. Видишь? Войдя туда, ты сможешь возродиться снова. Тебе нужно только последовать за мной, и ты будешь жить вечно. Мы будем королями оба.

Аррен смотрел на сухую темную пасть — исток Сухой Реки, пыльный зев страшной горы, то самое место, где эта мертвая душа, зарываясь в землю, во тьму, вновь рождалась на свет мертвой. Чудовищным показалось это ему, и он сказал хрипло, борясь с удушающей дурнотой:

— Пусть эта дыра закроется!

— Она непременно закроется! — откликнулся Гед. Подошел и встал с ним рядом. Свет, исходящий от его рук и лица, потоками хлынул на землю, словно звезда упала в эту бесконечную ночь. Прямо перед ним был сухой источник — страшный, широко разверстый зев. Там не было видно ничего, кроме пустоты, и невозможно было определить, насколько велика его глубина. Там не было ничего, что мог бы выхватить из темноты свет, что мог бы увидеть человеческий глаз. Это была черная бездна, сама пустота, где не было ничего — ни света ни тьмы, ни жизни ни смерти. Это был путь в ничто.

Гед, вскинув в торжественном магическом жесте руки, заговорил словами Истинной Речи.

Аррен по-прежнему держал Коба за руку; слепой своей свободной рукой оперся о камень. Оба застыли в неподвижности, очарованные силой Великого Заключения.

Все мастерство, обретенное за долгую жизнь, всю силу своей неистовой души вкладывал Гед в это Заключение, пытаясь закрыть брешь в ткани мироздания. И, повинаясь голосу его и жестам, скалы мучительно содрогнулись и начали сдвигаться, пытаясь вновь стать единым целым. Это почти произошло, когда исходящий от Геда свет начал вдруг меркнуть, умирать, затухать на лице его и руках, и даже посох почти перестал светиться: осталось лишь слабое мерцание волшебного огонька на самом его конце. При свете этого огонька Аррен увидел, что края страшной пасти почти сомкнулись.

Слепой руками ощутил движение камней и скал, почувствовал, что края двери смыкаются, и понял, что искусство его и

силта сдают свои позиции, что он уже почти побежден... И громко вскрикнув: «Нет!» — он вырвался из рук Аррена, рванулся вперед и сжал Геда в слепых своих могучих объятиях. Повалив его на землю, Коб стиснул пальцы у него на горле.

Аррен взмахнул мечом Серриадха и сильным точным ударом отсек покрытую всклокоченными седыми волосами голову Коба.

Как живая душа обладает весом своего тела в мире мертвых, так и тень меча Серриадха обладала остротой своего клинка. Огромная рана открылась на шее врага: меч рассек ему шейные позвонки. Хлынула черная кровь, и слабый свет, исходивший от меча, поблескивал на ее маслянистой поверхности.

Но разве можно убить мертвого? Коб давно уже, долгие годы был мертв. И рана сомкнулась, как чудовищная пасть, проглотив исходивший из нее поток крови. Слепец встал. Он показался Аррену вдруг очень высоким; он шарил вокруг своими длинными руками в поисках юноши, и лицо его подергивалось от злобы и ненависти: он как будто только сейчас понял, кто его настоящий враг и соперник.

И так страшно было видеть его живым после нанесенной ему смертельной раны — видеть эту неспособность умереть, которая оказалась ужаснее любой агонии, — что ярость, смешанная с отвращением, вскипела в Аррене, и, в неукротимом гневѣ вскинув меч, он снова ударил им в полную силу, нанеся врагу еще одну, чудовищную рану. Коб упал с расколотым черепом, с залитым кровью лицом, но Аррен продолжал наносить удар за ударом, чтобы смертельная рана не успела закрыться, чтобы наконец добить противника до конца...

Гед, с трудом встав на колени, произнес где-то у него за спиной одно лишь слово.

При звуке голоса Геда Аррен застыл, словно чья-то рука перехватила в воздухе его руку с воздетым мечом. Слепой, который уже начал было снова подниматься на ноги, тоже застыл в абсолютной неподвижности. Гед выпрямился во весь рост; его слегка шатало, но он собрался с силами, повернулся лицом к черной дыре и ясным твердым голосом сказал:

— Да восстановится твоя целостность!

И посохом своим начертал светящимися линиями на каменных воротах в иной мир Руну Агнен — Великую Руну Конца, что закрывает все пути. Эту руну изображают и на крышке гроба. И каменный бездонный зев среди скал сомкнулся. Дверь была заперта.

Мертвая пустыня содрогнулась у них под ногами, и по неизменно безоблачному небу прокатился долгий раскат грома, замерший вдали.

— Тем Словом, что не будет произнесено до конца времен, вызвал я твою душу. И тем Словом, что произнесено было в миг Созидания, я освобождаю тебя. Иди и будь свободным! — И, склонившись над слепым, что скрючился, стоя на коленях, Гед шепнул что-то ему в ухо, скрытое седыми спутанными волосами.

Коб встал. Медленно огляделся зрячими теперь глазами. Посмотрел на Аррена, потом — на Геду. Он не сказал ни слова — только посмотрел на них своими темными глазами. В лице его больше не было ни гнева, ни ненависти, ни печали. Медленно повернулся он и пошел куда-то вниз, вдоль русла Сухой Реки, а вскоре совсем исчез из виду.

Огонек на конце тисового посоха Геды погас, погасло и лицо волшебника. Он стоял совершенно неподвижно в полной темноте. Когда Аррен подошел к нему, он ухватился за плечо юноши, чтобы удержаться на ногах. На какой-то миг сухое рыдание сотрясло его тело.

— Дело сделано, — сказал он. — И все позади.

— Дело сделано, дорогой мой господин. Мы должны идти.

— О да. Мы должны идти домой.

Гед казался то ли страшно растерянным, то ли совершенно обессиленным. Он послушно двинулся следом за Арреном обратно, вдоль русла Сухой Реки, с трудом переставляя ноги и все время спотыкаясь о камни и валуны. Аррен не отходил от него ни на шаг. Когда берега реки стали более пологими, а земля — более ровной, Аррен свернул было на тот путь, по которому они пришли сюда. Путь этот по бесконечно длинному склону горы уходил куда-то вверх, во тьму. Аррен посмотрел туда и отвернулся.

Гед не сказал ни слова. Едва они остановились, он бессильно рухнул на первый же крупный камень и, измученный до предела, свесил голову на грудь.

Аррен понимал, что тот путь, по которому они пришли, для них закрыт. Они могли теперь идти только вперед. И пройти весь путь до конца. Иногда и «слишком далеко» на самом деле не так уж далеко, думал он. Он посмотрел вверх, на черные пики гор, холодные и молчаливые под вечно недвижимыми звездами, и снова тот же насмешливый голос в его душе — голос его собственной воли — безжалостно спросил: «Неужели остановишься на полпути, Лебаннен?»

Он подошел к Геду и очень нежно окликнул его:

— Мы должны идти дальше, господин мой.

Гед не ответил, однако поднялся на ноги.

— Я думаю, нам надо идти через горы.

— Веди ты, парень, — проговорил Гед хриплым шепотом. — Помоги-ка мне.

Обнявшись, они двинулись в путь — вверх по горному склону, покрытому пеплом и застывшей лавой, — поднимаясь все выше и выше в горы. Аррен помогал старшему другу, как мог. В пропастях и ущельях царила непроницаемая тьма, так что юноше порой приходилось на ощупь определять путь, чтобы не свалиться в бездну. Все время поддерживать Геда было трудновато; они оба без конца спотыкались. Но скоро стало еще труднее: склоны вздымались все круче, и приходилось карабкаться на четвереньках, а шершавые камни обжигали ладони, словно раскаленное железо. Однако сами камни были холодными, и чем выше они поднимались, тем вокруг становилось холоднее. Но каждое прикосновение к самой земле превращалось в пытку. Земля жгла, как пылающие угли: внутри этих гор бушевало пламя. Но воздух оставался ледяным, а тьма вокруг ничуть не рассеивалась. В мертвой тишине ни разу не вздохнул ветерок. Только слышался хруст острых обломков под ногами. Черные крутые выступы и мрачные провалы внезапно возникали совсем рядом и тут же снова исчезали во тьме. Где-то внизу, далеко позади осталось царство мертвых. Впереди, в вышине чернели закрывавшие звездное небо вершины гор. И ничто на их мертвых склонах не шевелилось, не двигалось, лишь ползли по ним вверх две смертные души.

Гед начал особенно часто спотыкаться, ноги у него подкашивались. Он задыхался и, без конца ушибая руки о камни, стонал от боли. Слышать эти жалобные стоны Аррену было невыносимо тяжело. Он пытался как-то поддерживать Геда, оберегать его, но путь слишком часто оказывался для двоих узок или Аррену приходилось идти первым, чтобы нащупать дорогу. И наконец на крутом обрыве, который, казалось, уходил прямо к звездам, волшебник поскользнулся, упал ничком и больше не поднялся.

— Господин мой, — позвал его Аррен, опускаясь на колени. Потом выговорил его настоящее имя. — Гед!

Но тот не пошевелился и не ответил.

Аррен поднял его на руки и понес, с трудом поднимаясь на крутизну. Потом подъем вдруг кончился, и они оказались на довольно ровной площадке в несколько шагов шириной. Здесь Аррен положил Геда на землю и сам рухнул рядом, страдая от невероятной усталости и острой, как боль, безнадежности. Это была самая верхняя точка между двумя черными вершинами; это к ней он стремился, начав страшный подъем. Здесь был конец пути: ровная площадка обрывалась в вечность, во тьму.

А в черном океане неба по-прежнему недвижимо висели маленькие звезды.

Однако стойкость и терпение порой оказываются сильнее безнадежности. Аррен все-таки пополз вперед, осторожно, как собака. Он заглянул за край темного обрыва и внизу, совсем недалеко, увидел вдруг песчаный берег цвета слоновой кости, белые барашки янтарных волн на закате, а за морем — солнце в золотистой вечерней дымке.

Аррен повернулся лицом к Темной Стране и пошел назад. Он очень бережно и нежно поднял Геда и из последних сил понес его вперед; он шел, пока силы его не иссякли совсем. И тут все разом кончилось, все исчезло: жажда, боль, тьма, свет солнца и шум морского прибоя.

КАМЕНЬ С ГОР ГОРЯ

Когда Аррен очнулся, серый туман окутывал море, дюны и холмы острова Селидор. Волны мурлыкали что-то, набегая на берег; из тумана доносился приглушенный грохот невысокого прибоя и снова сменялся нежным мурлыканьем. Был час прилива, и полоса сухого песка на берегу была сейчас значительно уже, чем когда они были здесь впервые. Волны в последнем усилии дотягивались пенными языками до откинутой в сторону руки Геда, лежавшего ничком на песке. Одежда и волосы волшебника были мокры, а свою одежду Аррен ощущал как ледяную корку, присохшую к телу. Видно, морю все-таки хоть раз да удалось обрушиться на них со всей силой. От мертвого тела Коба не было и следа. Возможно, волны уже утащили его в море. Зато у себя за спиной Аррен увидел возвышающееся, подобно разрушенной башне, огромное и наполовину скрытое туманом серое чешуйчатое тело дракона. То был мертвый Орм Эмбар.

Аррен встал, дрожа от пронизывающей сырости и холода; он едва держался на ногах — очень замерз, все тело затекло и от слабости страшно кружилась голова. Видимо, он слишком долго лежал без движения и теперь пошатывался как пьяный. Но едва руки и ноги стали более послушными, он первым делом подошел к Геду и постарался оттащить его как можно дальше от воды. К сожалению, это было все, что Аррен мог для него сделать. Гед показался ему очень холодным и очень тяжелым. С превеликим трудом Аррен перетащил его через ту границу, что отделяет смерть от жизни, но, вполне возможно, напрасно. Он приложил ухо к груди Геда, но все никак не мог унять собственную дрожь и стук зубов, чтобы как следует послу-

шать, бьется ли у волшебника сердце. Потом снова встал и попытался немного походить, чтобы согреться или хоть ноги размять; потом, весь дрожа и шаркая ногами, как глубокий старик, принялся разыскивать их вещевые мешки. Они бросили их тогда у небольшого горного ручейка, сбегавшего на берег. Это случилось в тот день, когда они увидели хижину, построенную из костей дракона: давным-давно. Больше всего Аррена интересовал именно тот ручей, потому что он уже не мог думать ни о чем, кроме воды, свежей холодной воды.

Он вышел к ручью скорее, чем рассчитывал, в том месте, где он разливался на несколько рукавов, похожих на лабиринт или на серебристое деревце со множеством веток. Аррен упал на колени и стал пить, опустив лицо в воду, опустил в воду и руки, жадно насыщаясь водой, впитывая ее всей своей истрадавшейся от жажды душой.

Наконец он сел, и тут на другой стороне ручья увидел нечто невероятно огромное: то был дракон.

Его голова цвета железной окалины, красновато-ржавая вокруг ноздрей, глазниц и вдоль челюстей, висела в тумане прямо перед Арреном, почти над самой его головой. Когти ушли глубоко в мягкий влажный песок у ручья. Перепончатые крылья, сложенные за спиной, были немного похожи на паруса в тумане, но остальное немисливо длинное тело терялось в туманной мгле.

Дракон не шевелился. Он просидел, нахохлившись, согнувшись, здесь, у ручья, может быть, много часов, а может быть, и лет или веков. Он был словно выплавлен из металла, а по форме напоминал скалу — однако его глаза, те самые, в которые Аррен смотреть не осмеливался, немного похожие на разноцветные пятна нефти на воде или на желтый дым за оконным стеклом, эти непрозрачные, глубокие желтые глаза внимательно следили за Арреном.

Он все равно ничего не смог бы сделать, а потому встал на ноги. Если дракону будет угодно убить его, он его убьет; а если нет, то Аррен все же попытается помочь Геду — если тому еще можно как-то помочь. И юноша двинулся вдоль по берегу ручья, разыскивая свои пожитки.

Дракон так ничего и не сделал. Он, не шевелясь, сидел в той же скрюченной позе и наблюдал. Аррен нашел мешки и наполнил обе кожаные фляги водой из ручья, а потом пошел обратно по песку к Геду. Едва он сделал несколько шагов, дракон тут же исчез за плотной завесой тумана.

Аррен напоил Геду, но поднять его не смог. Волшебник лежал недвижимый и холодный; голова его тяжело давила на подложенную под нее руку Аррена. Темнокожее лицо посерело,

нос и скулы заострились, старые шрамы резко выступили на щеке. Даже тело его казалось очень худым, каким-то обугленным, как бы наполовину высохшим.

Аррен сидел на мокром песке, положив голову друга к себе на колени. Туман образовывал вокруг них некое замкнутое пространство с мягкими стенами, чуть более светлое над головой. Где-то рядом, в тумане лежал мертвый дракон Орм Эмбар, а у ручья поджидал их живой дракон. И еще где-то на противоположном конце острова Селидор ждала их лодка по имени «Зоркая» — пустая и одинокая. А дальше на востоке было море. И там, за морем, в нескольких днях пути — ближайшие острова Западного Предела — но это если повезет; а оттуда недели две пути до Внутреннего моря. Очень, очень далеко. «Далеко, как до Селидора» — так говаривали у них на Энладе. Старинные легенды, которые рассказывали детям, и всякие сказки всегда начинались одинаково: «Давным-давно, неведомо в каком году и так далеко, как отсюда до Селидора, жил-был один принц...»

Он сам был тем принцем. Только в старинных легендах было начало его истории, а теперь, похоже, наступил конец.

Аррен вовсе не отчаивался. Он, хотя и очень устал и горько оплакивал своего друга, не испытывал все же ни малейших сожалений. Вот только не осталось ничего такого, что он мог бы в этих обстоятельствах сделать. Все уже было сделано.

Когда силы вернулись к нему, он решил, что стоит, наверно, попробовать поймать рыбу в приливной волне с помощью имевшейся в мешке лесы, ибо, утолив жажду, он почувствовал страшные муки голода. Но сухари он хотел сохранить, потому что размоченным в воде сухарем можно было попытаться покормить Геда.

Пожалуй, ничего больше он сделать и не мог. А дальше решил не заглядывать. Туман по-прежнему окружал их со всех сторон.

Аррен пошарил в карманах в поисках чего-нибудь полезного и в кармане жилета обнаружил что-то тяжелое и острое. Он очень удивился, вытащив на свет небольшой камень, черный, пористый, но довольно тяжелый. Он уже хотел отшвырнуть его, но, ощупав острые края рукой, узнал в нем осколок валуна с тех черных гор — Гор Горя. Видно, камень завалился ему в карман, когда они карабкались на кручу или когда он полз к краю пропасти с Гедом. Аррен подержал камень на ладони — вечный, неизменный камень из Страны Горя. Потом сжал пальцы и спрятал его в кулаке. И тут же улыбнулся — мрачной и одновременно радостной улыбкой: он был совсем один, и ни-

кто не сказал ему ни слова похвалы, и он был затерян на самом краю света, но он совершил настоящую победу впервые в своей жизни — и понимал это.

Туман поредел и чуть приподнялся. Вдали за проплывавшими клочьями тумана и облаками он видел на волнах Открытого моря солнечные блики. Дюны и холмы Селидора то появлялись, то снова пропадали, почти бесцветные и как бы увеличенные благодаря туманному покрывалу. Солнечные лучи играли на чешуе мертвого Орм Эмбара, величественного даже в своей смерти.

Черно-стальной дракон на той стороне ручья так и сидел, нахолившись и неподвижно.

После полудня солнце вырвалось наконец из тумана и поплыло по небу, ясное и теплое; постепенно оно растопило последние клочки серой дымки над островом. Аррен, сбросив мокрую одежду, разложил ее на просушку, а сам бродил нагишом, оставив при себе только меч. Он высушил на солнце и одежду Геда; но хоть мощный поток целительного тепла и солнечного света изливался прямо на распростертое тело волшебника, он по-прежнему не приходил в себя и оставался недвижим.

Сначала Аррен услышал скрежет — словно железо терлось о железо, — потом — будто свистящий шепот скрестившихся клинков. Стальной темно-серый дракон приподнялся на своих кривоватых лапах и двинулся вперед, через ручей; легкий шипящий звук исходил от его длинного, волочащегося по песку чешуйчатого тела. Аррен видел морщинистую кожу у него под мышками и стальную чешую на боках. Чешуя во многих местах была продырявлена, как доспехи у Эррет-Акбе. Видел юноша и зубы дракона, желтые и стесанные. Во всем — в его уверенной торжественной поступи, в глубочайшем и пугающем спокойствии — Аррен видел признаки старости: это было очень древнее существо, прожившее невероятно, немыслимо долго. Когда дракон остановился в нескольких шагах от Аррена и лежащего на песке Геда, юноша встал между ним и своим господином и другом и спросил на ардическом языке Архипелага, поскольку не знал Истинной Речи:

— Ты Калессин?

Дракон ничего не ответил, но что-то похожее на улыбку промелькнуло в его глазах. Затем, опустив громадную голову и вытянув шею, он посмотрел вниз, на Геда, и позвал его по имени.

Голос его поистине был огромен и притом нежен; вокруг разлился запах кузницы.

И снова дракон позвал волшебника, и еще раз; и на третий раз Гед открыл глаза. Он попытался было сесть, но не смог. Тогда Аррен опустился возле него на колени, поддерживая за плечи, и Гед наконец заговорил:

— *Калессин*, — сказал он, — *сенваниссаи'н ар Рок!*

Слова эти отняли у него остаток сил, и в изнеможении он склонил голову Аррену на плечо, закрыв глаза.

Дракон не ответил. Он снова сгорбился, как раньше, и не шевелился. Снова все окутывал туман, закрывая клонившееся к западу солнце.

Аррен оделся и закутал Геда в плащ. Снова начинался прилив; далеко отошедшее за день море снова приближалось, и Аррен подумал, что пора оттащить Геда еще дальше, на сухой песок. Силы постепенно возвращались к нему.

Но когда он уже наклонился, чтобы взять Геда на руки, дракон вытянул свою огромную когтистую лапу и почти коснулся юноши. Лапа была украшена четырьмя когтями, а сзади торчало подобие шпоры, как у петуха, только когти и шпоры эти были из стали и длиной с лезвие косы.

— *Собриост*, — сказал дракон: будто зимний ветер просвистел в замерзших тростниках.

— Оставь жизнь моему господину. Он спас нас всех и ради этого отдал свои силы, а может быть, и жизнь. Не убивай его!

Так говорил дракону Аррен — говорил яростно и повелительно. Он был слишком потрясен и напуган, буквально переполнен страхом, и страх начинал ему надоедать, он больше не желал бояться кого бы то ни было. Он был зол на дракона, такого сильного, такого чудовищно большого и несправедливо могущественного. Аррен уже видел смерть; он попробовал ее на вкус, и никакая угроза больше не имела над ним силы.

Старый дракон Калессин искоса посмотрел на юношу одним своим длинным ужасным и прекрасным золотистым глазом. В глубине этих глаз таились века, сотни веков, а на самом дне глубоко была спрятана память об утре этого мира. И хоть Аррен дракону в глаза не смотрел, но все равно чувствовал, что тот смотрит на него с глубоко спрятанной успешкой.

— *Аре собриост*, — сказал дракон и раздул свои ржаво-красные ноздри так, что в ямах этих стал виден безопасный до времени усмиренный огонь.

Аррен поддерживал Геда за плечи и вдруг почувствовал, как голова волшебника чуть повернулась и слабый его голос сказал:

— Это значит: залезай сюда.

Какое-то время Аррен не в силах был пошевелиться. Это было уже полное безумие. Но огромная когтистая лапа была

подставлена как лестница — перед ними ступня, чуть выше изгиб локтя, потом круглилось плечо и мощные мышцы крыла там, где оно соединялось с лопаткой: четыре ступеньки, настоящая лестница! А там, между крыльями и перед первым огромным стальным рогом на хребте, в углублении шеи было местечко для одного-двух человек, словно специально созданное, чтобы ехать на драконе верхом. Если, конечно, они с Гедом совсем сошли с ума, утратили всякую надежду и безумие овладело ими.

— Залезай! — снова повторил Калессин на Языке Созидания.

И Аррен встал, помог товарищу своему подняться, и Гед, держа голову прямо и опираясь на плечо Аррена, стал взбираться по этим четырем невиданным ступеням. Потом оба уселись на покрытую чешуей шею дракона, прямо в углубление между крыльями — Аррен сзади, чтобы поддерживать Геда, если понадобится. И оба почувствовали вдруг, как в их истерзанные тела проникает тепло, долгожданное тепло, похожее на жар солнца. Тепло исходило от дракона, на котором они собирались ехать верхом; жизнь буквально кипела огнем под его бронированной оболочкой.

Вдруг Аррен заметил, что они забыли тисовый посох волшебника. Посох лежал, полужасыпанный песком, и море тихонько подкрадывалось к нему, словно желая его украсть. Юноша уже собрался было за ним, но Гед остановил его:

— Оставь это. Я израсходовал все свое волшебство у Сухой Реки, Лебаннен. Теперь я больше уже не маг.

Калессин обернулся и искоса глянул на них; в узких глазах его плескался древний смех. Был ли Калессин мужского или женского пола, совершенно неизвестно, а что думал Калессин, узнать невозможно. Медленно поднялись и развернулись огромные крылья. Они были не золотистыми, как у Орм Эмбара, но красными, темно-красными, с чуть ржавым оттенком, подобные цвету крови или алым шелкам Лорбанери. Дракон поднял крылья бережно, стараясь не задеть своих крошечных наездников. Потом осторожно подобрался и прыгнул на своих громадных лапах в воздух, как кошка; крылья захлопали и понесли их над туманом, что своим покрывалом вновь окутывал остров Селидор.

Распластав алые свои крылья на вечернем ветру, Калессин кругами взмыл над Открытым морем и повернул на восток.

В середине лета жители острова Улли заметили огромного низко летящего дракона; потом его видели на островах Усидеро и над северной частью острова Онтуэго. Хотя в Западном Пределе драконов смертельно боятся, потому что люди здесь

знакомы с ними слишком хорошо, но все же после того, как этот дракон спокойно пролетел себе мимо, жители повылезали из своих убежищ, и видевшие великолепный полет сказали:

— Не все, видно, драконы поумирали. Зря мы так считали. А может, и кое-кто из волшебников еще жив. Ну и красиво он летел, этот дракон! Может, это сам Старейший?

Где приземлялся Калессин, не видел никто. Среди дальних островов много таких, что богаты лесами и дикими горами; люди редко бывают в этих местах; здесь даже огромный дракон может приземлиться незамеченным.

Зато на Девяноста Островах среди людей царило настоящее безумие. Мужчины поплыли на веслах к западу, лавируя среди мелких островков с криками: «Прячьтесь! Прячьтесь! Дракон с Пендора нарушил свое слово! Верховный Маг погиб, и дракон летит сюда, чтобы пожрать нас всех!»

Не приземляясь и даже не поглядев вниз, огромный стальной змей пролетел над этими островами, над городками и фермами, не выдохнув ни единой искорки пламени для устрашения столь жалких людишек. Так пролетел он и над Гитом, и над Сердом, потом пересек просторы Внутреннего моря, и вскоре вдаль показался остров Рок.

Никогда на памяти людей — и даже легенды не сохранили памяти об этом — ни один дракон не осмеливался штурмовать как зримые, так и невидимые стены этого острова-крепости. Но дракон Калессин, не колеблясь, тяжело полетел на своих могучих крыльях прямо над западным берегом Рока, над его деревьями и полями к зеленому волшебному Холму, что возвышается над городом Твил, и здесь наконец мягко опустился на землю. Еще раз взмахнул своими красными крыльями и сложил их за спиной, а потом привычно сгорбился, нахохлился и застыл.

Из Большого Дома к нему бегом устремились ученики Школы. Ничто на свете не могло бы сейчас остановить их. Но при всей силе и молодости бежали они куда медленнее своих Учителей и явились на Холм вторыми: там был уже и Мастер Путеводитель, вышедший ради такого случая из своей Рощи, светлые волосы его ярко блестели на солнце; был там и Мастер Метаморфоз, который всего две ночи назад вернулся на Рок в обличье морской скопы — с подбитым рылом и совершенно измученный. Метаморфоз слишком долго оставался во власти собственного заклятия и не сразу обрел свою настоящую форму; лишь в Имманентной Роще в ту ночь, когда Великое Равновесие было восстановлено Гедом и нарушенное вновь стало целым. Метаморфоз снова стал человеком. Мастер Заклинатель, тощий и хрупкий, всего лишь день назад вставший с

постели, тоже успел прийти раньше своих учеников, а за его спиной стоял Мастер Привратник. И все остальные Мастера тоже были там.

Они все смотрели, как слезают со спины дракона «наездники» и один помогает другому. Они видели, как люди эти оглядываются вокруг с выражением странного мрачного удовлетворения и изумления. Дракон, сторбившись и застыв как каменное изваяние, ожидал, пока «наездники» сползут с его спины и встанут рядом. Калессин чуть повернул голову, когда Верховный Маг заговорил с ним, и коротко ответил ему. Те, кто наблюдал эту сцену, заметили, как дракон будто исподтишка глянул на Верховного Мага своим желтым холодным глазом, отчего-то полным смеха. Те, кто понимал Истинную Речь, слышали, как Калессин сказал:

— Я принес молодого Короля в его королевство, а старого человека — домой.

— Мне нужно немножко дальше, Калессин, — сказал ему Гед. — Я еще не добрался туда, куда стремлюсь всей душой. — И он окинул взглядом крыши и башни Большого Дома, залитые солнцем, и легкая, едва заметная улыбка тронула его губы. Потом он обернулся к Аррену, что стоял с ним рядом, высокий и стройный, в поношенной одежде, еще не слишком уверенно держась на ногах от усталости после всего, что с ним произошло. В присутствии всех Гед опустил перед юношей на оба колена и преклонил пред ним свою седую голову.

Потом поднялся, поцеловал своего юного друга и сказал:

— Когда взойдешь на трон в Хавноре, господин мой и дорогой друг, правь долго и справедливо.

Верховный Маг еще раз посмотрел на всех Мастеров и молодых волшебников, на юных учеников и простых жителей города, собравшихся на склонах и у подножия Холма Рок. Лицо его было спокойно, а в глазах плясал огонек улыбки, подобной той, что таилась в очах дракона Калессина. Потом, сразу отвернувшись ото всех, Гед снова взобрался по ноге дракона и по его плечу, усевшись на прежнее место. Алые крылья раскрылись с барабанным стуком, и Калессин, Старейший, как бы прыгнул в воздух. Пламя вырвалось из его пасти, дым, грохот и мгновенный вихрь, вызванный взмахами могучих крыльев, пронесли над Холмом. Дракон совершил над Роком один лишь круг и полетел прочь, на северо-восток, в ту часть Земноморья, где возвышается над морем одинокий остров-гора под названием Гонт.

Мастер Привратник сказал, улыбаясь:

— Он покончил с делами. И теперь идет домой.

И все смотрели вслед летящему между ясным небом и синим морем дракону, пока тот не скрылся из виду.

В «Подвиге Геда» говорится, что бывший Верховный Маг Земноморья посетил церемонию коронавания Короля Всех Островов, состоявшуюся в Башне Меча на острове Хавнор, что лежит в самом сердце Земноморья. Там говорится также, что, когда церемония была завершена и начался веселый праздник, Гед покинул своих друзей и один тихо спустился по улицам в порт. Там на воде покачивалась его верная лодка, старая, исхлестанная всеми штормами, испытанная временем; парус ее не был поднят, и в лодке никого не было, но Гед окликнул ее по имени: «Зоркая», и без помощи ветра, паруса или весел лодка двинулась с места, выплыла из гавани и взяла курс на запад. Так на запад плыла и плыла «Зоркая», и с тех пор ничего больше не было известно о волшебнике по имени Гед.

Однако на острове Гонт рассказывают эту историю иначе. Молодой король Лебаннен якобы сам приплывал на Гонт в поисках Геда, надеясь пригласить его на свою коронацию. Однако король не нашел волшебника ни в порту, ни в Ре Альби. Никто не мог сказать, где он; все знали только, что Гед, как всегда, ушел далеко в леса. Говорят, он часто уходил туда и не возвращался порой долгие месяцы, и никому не было известно, по каким путям бродит он в своем уединении. Кое-кто, правда, предложил его поискать, однако король запретил им это, говоря: «Он правит куда большим королевством, чем я». И с этими словами он покинул Гонт и вернулся в Хавнор, где и был коронован.

**ТЕХАНУ:
ПОСЛЕДНЯЯ КНИГА
ЗЕМНОМОРЬЯ**

Глава 1

ЗЛОДЕЯНИЕ

После того как Флинт из Срединной Долины умер, вдова его осталась жить на Дубовой Ферме совсем одна: их сын стал моряком, а дочь вышла замуж за купца из Вальмута. По слухам, вдова Флинта была у себя на родине весьма знатной особой, да оно и верно: Маг Огион, бывая в их краях, всегда останавливался на Дубовой Ферме. Впрочем, что касается Огиона, то он мог с тем же успехом остановиться и в любом, самом бедном доме.

Имя у нее было нездешнее, но Флинт звал ее Гоха — так на острове Гонт зовут белого паучка, замечательного ткача. Прозвище это очень ей подходило, потому что она была невысокая, белокожая и отлично умела прясть козью и овечью шерсть. И вот теперь Гоха стала вдовой Флинта — хозяйкой большого стада овец и достаточно просторных пастбищ, а еще — четырех возделанных полей, грушевого сада, двух небольших домов, где жили арендаторы, старинной каменной усадьбы, укрывшейся в тени старых дубов, и фамильного кладбища, где покоился теперь и Флинт, ставший землей в земле.

— Всю жизнь рядом со мной чьи-то могилы, — сказала она как-то своей дочери Эппл по прозвищу Яблочко.

— Мама, ну перебирайся к нам в город! — упрашивала ее дочка, но вдова почему-то не решалась покинуть уединенную свою ферму.

— Может быть, позже, когда у вас будут детки и тебе понадобится моя помощь, — сказала она, с удовольствием глядя на свою сероглазую дочку. — Но не сейчас. Сейчас я тебе не нужна. И потом, мне здесь нравится.

Отослав Яблочко к молодому мужу, вдова вошла в дом, закрыла дверь и остановилась посреди кухни, где пол был выложен из плитняка. Сгушались сумерки, но она все не зажигала огня, думая о том, как эту лампу зажигал ее муж: ловкие руки, легкая искра, сосредоточенное темнокожее лицо, освещенное вспыхнувшим огоньком... Дом был погружен в молчание. «Я ведь с детства привыкла жить в тихом доме, одна, — подумала она. — Ну и теперь проживу». И зажгла лампу.

Однажды, в самом начале жаркого лета, где-то после обеда ко вдове неожиданно заявила Ларк, ее старинная подруга. Она жила в деревне и теперь чуть ли не бегом спешила к Дубовой Ферме по пыльной дороге.

— Гоха, — задыхаясь, сказала она вдове, занятой прополкой бобов, — ох, Гоха, случилось нечто ужасное! Ужасное! Может, сходишь со мной в деревню, а?

— Конечно, схожу, — сказала вдова. — Но что такого ужасного там могло случиться?

Ларк наконец перевела дыхание. Она была простой тучной деревенской женщиной лет сорока, и детское прозвище — Жаворонок — совсем ей не подходило. Впрочем, когда-то она была стройной и легкой и очень хорошенькой. Именно Жаворонок стала подругой юной Гохе, плюнув на мнение односельчан, которые вовсе сплетничали по поводу белокожей уроженки Каргада, которую Флинт привел в свой дом; с тех пор они и остались лучшими подругами.

— Ребенка чуть не до смерти сожгли, — выговорила наконец Ларк.

— Господи, да чьего же?

— Да этих бродяг.

Гоха быстренько заперла дверь, и они бросились в деревню. На ходу Ларк рассказывала, все время задыхаясь и обильно потая. Крошечные семена могучих трав, что росли на обочине дороги, липли к ее щекам и ко лбу, и она нетерпеливо смахивала их, но не умолкала.

— Они весь этот месяц прожили в палатке — в лугах у реки. Мужчина-то все за медника себя выдавал, да только вор он, а не медник, ну и женщина эта — при нем. А второй мужчина, помоложе, тоже с ними вместе по здешним деревням слонялся. И непохоже, чтобы кто из них работал. Воровали понемножку да попрошайничали, а женщина эта телом своим торговала. Гонцы из нижних деревень приносили ей кой-что из еды, чтобы с ней позабавиться. Знаешь небось, как это нынче делается! Да и кругом все не так — на дорогах бандиты, дома тоже грабят... На твоём месте я бы покрепче двери запирала. Ну так вот, значит, приходит тот парень, что помоложе,

в деревню и говорит: «Ребенок у нас заболел». Я-то не слишком и разглядела, что у них там еще и ребенок есть — словно хорек какой-то, мигом спрятался, я и рассмотреть толком не успела. Прямо зверек лесной. А парень мне: «Она обожглась, когда костер разжигала». И не успела я взять что нужно, как он наутек пустился. Да и исчез. А уж на лугу-то я и увидела, что и парочки той след простыл, только костер все еще дымится... И прямо в костре... на земле... — утратив дар речи, Ларк некоторое время шла молча. Смотрела она прямо перед собой — на Гоху и не взглянула. — Они ее даже одеялом не прикрыли, — выговорила она наконец и прибавила шагу. — Прямо в горящий костер девочку толкнули! — Ларк судорожно сглотнула и принялась яростно смахивать прилипшие к потному лицу семена трав. — Можно, конечно, подумать, что она сама туда упала, да только если б так, то уж выскочить-то постаралась бы, это уж точно. Нет, они, видно, избили ее чуть не до смерти да и решили следы замести... — Ларк снова умолкла и решительно зашагала дальше. — Может, это и не он, — снова заговорила она. — Может, он-то как раз ее и вытащил. Ведь, в конце концов, именно он за помощью пришел... Это, верно, сам отец. Не знаю. Да и какая разница? Кто их там разберет? Кому какое дело до этой малышки? И почему все мы делаем то, что делаем?

Гоха тихонько спросила:

— А жить она будет?

— Может быть, — ответила Ларк. — Очень даже может быть. — И через некоторое время, когда они уже шли по деревенской улице, прибавила: — Не знаю, но мне почему-то непременно нужно было пойти за тобой... Там ведь сейчас Айви... да и девочке ничем, наверно, не поможешь уже.

— Я могла бы сходить в Вальмут, за Буком.

— Так тут и он ничего поделать не сможет. Это не... этому нельзя помочь! Я ее укрыла потеплее. Айви целебный отвар сварила и сонный заговор сказала. Она сейчас дома у меня. Ей лет, может, шесть или семь, да только весит она не больше двухлетней. Она так ни разу и не пришла в себя по-настоящему. И как-то так странно задыхается... Я знаю, что и ты ничего сделать не сможешь. Но мне очень хотелось, чтобы ты пришла.

— А я рада, что ты меня позвала, — откликнулась Гоха. Но, прежде чем переступить порог дома Ларк, на минутку закрыла глаза и затаила дыхание: ей было очень страшно.

Детей давно уже отослали на улицу, и в доме царила тишина. Девочка без сознания лежала на постели Ларк. Местная ведьма Айви по прозвищу Плющ смазала менее страшные

ожоги мазью из волшебных орехов и иных целебных плодов и растений, но даже не прикоснулась ни к правой щеке девочки, ни к ее правой руке: здесь обуглившаяся плоть была сожжена до кости. Над кроватью Айви начертала руну Пирр — вот и все, что было в ее силах.

— Можешь ты что-нибудь с ней сделать? — шепотом спросила Ларк.

Гоха, застыв и стиснув руки, смотрела на обожженного ребенка. Потом покачала головой.

— Ты ведь училась людей лечить, там, в Ре Альби? — В го-лосе Ларк слышались боль и стыд, а еще — гнев: вся ее душа, казалось, молила облегчить страдания невинного ребенка.

— Даже Огион не смог бы вылечить такое, — промолвила вдова.

Ларк, закусив губу, отвернулась и заплакала. Гоха обняла ее, поглаживая по седеющей голове. Так они и стояли, обнявшись, поддерживая друг друга.

Из кухни пришла ведьма Айви, нахмурившись при виде Гохи. Хотя вдова никогда не пользовалась ни заклятиями, ни иным волшебством, ходили слухи, что сразу после прибытия на Гонт она поселилась в Ре Альби и стала ученицей Мага Огиона; а еще говорили, что она хорошо знакома с самим Верховным Магом Земноморья, что родом с острова Гонт, а значит, наверняка обладает каким-то нездешним и непрым колдовским могуществом. Сгорая от ревности, ведьма подошла к кровати и занялась девочкой, потом смешала на плоской тарелке какие-то порошки, поднесла смесь к огню, и комната наполнилась вонючим дымом, ведьма же стала шептать исцеляющие заклятия, вновь и вновь повторяя их. Дым вызвал у девочки удушливый кашель; она приподнялась в постели, хватая ртом воздух и вся дрожа. Потом стала делать какие-то короткие странные вдохи, будто захлебывалась. Ее уцелевший глаз смотрел, казалось, прямо на Гоху.

Гоха шагнула к девочке и сжала ее левую ручонку в своих руках. Потом проговорила по-каргадски:

— Я служила им, но я их покинула. И я не отдам им тебя.

Девочка смотрела на нее, а может, и просто в никуда, пытаясь вздохнуть, потом еще раз и еще — вздохнула и задышала...

Глава 2

ПУТЬ, ВЕДУЩИЙ К ГНЕЗДУ ЯСТРЕБА

Прошло более года. Стояли жаркие солнечные дни — недавно был праздник Долгого Танца. По северной дороге в Срединную Долину пришел сверху, с гор, человек, который разыскивал вдову Гоху. Жители деревни вывели его на нужную тропу, и он объявился на Дубовой Ферме к вечеру того же дня. У него были словно ножом вырезанные черты лица, быстрые цепкие глаза. Он глянул на Гоху, на овец в загоне у нее за спиной и сказал:

— Отличный молодняк. Великий Маг из Ре Альби шлет тебе привет.

— Так ты от него? — удивилась Гоха. Огион, когда она была ему нужна, пользовался иными посыльными, куда лучше и быстрее: в таких случаях она слышала либо клекот орла из поднебесья, либо голос самого Огиона, который, тихонько назвав ее Подлинное Имя, спрашивал: *Придешь?*

Человек кивнул и пояснил:

— Он болен. А ты не собираешься случайно продавать приплод этого года?

— Может, и продам. Поговори с пастухом. Он там, в загоне. А может, хочешь сперва поужинать? И, если хочешь, прямо здесь и ночуй, только я уж задерживаться не стану: сразу пойду.

— Прямо сегодня?

На этот раз в ее взгляде благодушного любопытства не было и в помине — только насмешка.

— Ну а чего же мне ждать? — удивилась она. Что-то сказала старому пастуху по прозвищу Чистый Ручей и решительно

двинулась к дому, построенному на склоне холма, среди дубов. Мужчина пошел за ней следом.

В кухне с полом из плитняка девочка, на которую он только раз взглянул и сразу же отвернулся, подала ему молоко, хлеб, сыр и зеленый лук, а потом вышла, не сказав ни единого слова. Потом она появилась снова вместе с Гохой; обе уже собрались в дорогу, за плечами — легкие кожаные мешки. Посыльный вызвался проводить их немного, и вдова заперла дверь дома. Все трое они вышли на дорогу; у посыльного были еще свои, весьма важные дела — покупка племенных баранов для Лорда Ре Альби, а восточку от Огиона он передал просто так, по пути, оказав старому Магу добрую услугу. Женщина и девочка с ужасным обгоревшим лицом попрощались с ним там, где дорога сворачивала к деревне, и двинулись туда, откуда он сам только что пришел: в горы, к северу и потом — снова вниз, к западным предгорьям.

Они шли по неширокой тропе, пока долгие летние сумерки не начали густеть. На ночьлег расположились в ложине у ручья, быстрого и бесшумного, в воде которого отражалось бледное вечернее небо, просвечивавшее сквозь ветви низко склонившихся ив. В самой гуще зарослей Гоха приготовила им постель из сухой травы и ивовых листьев; было очень похоже на логово зайца. Она закутала девочку в одеяло и уложила спать.

— Ну вот, — сказала она, — теперь ты у нас кокон. А утром превратишься в бабочку и снова вылетишь на простор.

Она не стала разводить костер, а просто легла рядом с девочкой, глядя на звезды и слушая то, о чем тихонько рассказывал ручей, пока не заснула.

Их разбудил предрассветный холод; женщина разожгла небольшой костерок и вскипятила в котелке воды, чтобы сварить овсяную кашу для девочки и для себя. Маленькая, изувеченная огнем «бабочка» дрожа выбралась из своего кокона, и Гоха быстренько остудила горячий котелок в покрытой росой траве, чтобы девочка могла взять его в руки и есть прямо оттуда. На востоке небо уже посветлело; когда они вышли в путь, из-за высокого темного плеча горы виднелась полоса разгорающейся зари.

Они шли весь день, но очень медленно: девочка легко уставала. Душа женщины рвалась вперед, но она сдерживала себя. Долго нести девочку на руках у нее не хватало сил, поэтому, чтобы повеселить малышку и отвлечь ее от тягот пути, она рассказывала разные истории.

— Мы идем проведать одного человека, очень старого, его зовут Огион, — рассказывала она девочке, пока они плелись

по узкой тропинке, подобно шраму перерезавшей поросший густым лесом склон горы. — Он настоящий мудрец и великий волшебник. Ты знаешь, что такое «волшебник», Терру?

Если у девочки когда-либо и было другое имя, она его не помнила или просто не желала сказать. Так что Гоха звала ее Терру.

Девочка покачала головой.

— Что ж, я ведь в общем-то тоже не знаю, — сказала женщина. — Зато я знаю, что волшебники умеют делать. Когда я была совсем молодой — постарше тебя, но все-таки очень юной, — Огион стал мне приемным отцом, так же как я тебе — приемной матерью. Он заботился обо мне и пытался учить меня всяким нужным вещам. Он тогда оставался со мной даже осенью, хотя осенью всегда предпочитал бродить по лесам в полном одиночестве. Он любил путешествовать в этих местах, где мы с тобой сейчас идем, и забирался порой очень далеко в лес, в самые глухие уголки. И везде ко всему присматривался, все и всех слушал. Он всегда всех слушал очень внимательно, потому его и прозвали Молчаливым. Но со мной он часто разговаривал. Рассказывал мне всякие истории. Не только о великих подвигах древних, которые всем известны — истории о Героях и Королях и о том, что произошло невесть когда и где, — но и такие, которые знал лишь он один. — Гоха немного помолчала. — А теперь я расскажу одну из них тебе.

Все волшебники очень хорошо умеют превращаться во что-нибудь, изменяя свое обличье. Это волшебство так и называется — Превращение. Обычный колдун тоже может стать на кого-то похожим, даже на зверя какого-нибудь — во всяком случае, некоторое время и не разберешь, кто же это перед тобой на самом деле, как если бы человек вдруг надел маску. Но настоящие волшебники и маги способны на большее. Они умеют не только маски надевать, но и по-настоящему превращаться в иное существо. Например, если волшебнику нужно переплыть море, а лодки у него нет, то он может обернуться чайкой и легко пересечь морской простор. Но ему следует быть очень осторожным. Пока он остается в обличье птицы, то и думает только о том, что важно птицам, забывая то, о чем должны думать люди. Так может он лететь и лететь, оставаясь чайкой, и никогда больше не стать человеком. Говорят, что когда-то один великий волшебник, который очень любил превращаться в медведя, делал это слишком часто, так что в конце концов насовсем в него превратился и убил своего маленького сынишку; тогда люди были вынуждены начать на него законную охоту и убить. Только Огион часто над этим подшучивал.

Однажды, когда в его кладовую забрались мыши и перепортили ему весь сыр, он поймал одну мышку с помощью маленького заклятия, взял ее вот так, посмотрел ей в глаза и сказал: «Я же предупреждал тебя: не притворяйся мышью!» И знаешь, даже я почти поверила, что это он всерьез...

Ну хорошо, начнем. История эта немного связана с Великими Превращениями, но Огион считал, что все в ней значительно сложнее: там говорится о том, как можно одновременно быть как бы двумя разными существами и обладать двумя разными душами при одном лишь обличье. А еще он считал, что на такое не способен ни один волшебник. Однако с человеком, обладавшим этой способностью, он встретился в маленькой деревушке на северо-западном побережье Гонта; местечко это называется Кимей. Там жила тогда одна женщина, старая рыбачка, никакая не ведьма и совсем ничему не обученная; зато она слагала прекрасные песни. Благодаря песням Огион и узнал о ней. Он в тот раз бродил, как водится, без всякой особой цели вдоль северо-западного побережья и услышал чье-то пение — так поют, занимаясь, например, починкой сети или шпаклюя лодку. Вот что пели эти люди:

*На самом далеком западе,
Там, где кончаются земли,
Народ мой танцует, танцует,
Подхваченный ветром иным...*

Огион хорошо расслышал и мелодию, и слова, вот только никогда раньше не знал их, а потому спросил, откуда взялась эта песня. Ему отвечали все разное, и наконец кто-то сказал: «А, так ведь это песня той Женщины из Кимея...» Так что Огион отправился прямо в Кимей, небольшой портовый городок на самом берегу моря, где живут в основном рыбаки; там жила тогда и та женщина. Огион отыскал ее дом и постучал в дверь своим волшебным посохом. Какая-то старуха открыла дверь и вышла на порог.

Теперь ты уже знаешь, Терру, — помнишь, мы говорили с тобой об этом? — что у детей должны быть разные детские имена и прозвища, как и у каждого человека есть ненастоящее имя или тоже какое-нибудь прозвище. Разные люди могут называть тебя по-разному. Для меня вот ты — Терру, но это каргадское слово, и, может быть, когда ты подрастешь, у тебя будет другое прозвище, ардическое, которым тебя будут называть все вокруг. Но в любом случае, когда ты станешь взрослой, то, если все пойдет как надо, непременно обретишь свое Подлинное Имя. Его дает человек, обладающий магической

силой, — настоящий волшебник или Маг, ибо в знании Истинных Имен и заключено их могущество. Истинного, Подлинного Имени своего ты, возможно, никогда никому другому не скажешь, потому что в нем заключена будет сама твоя душа, твоя суть, вся твоя сила; ведь для кого-то другого знание чужого имени может оказаться тяжким бременем, серьезной опасностью, и подвергать человека и себя такому риску можно, только полностью ему доверяя и сознавая необходимость назвать ему свое Имя. Однако Великий Маг, которому ведомы все имена, может узнать твое имя, даже если ты ему его и не скажешь.

Итак, я остановилась на том, что Огион — а он настоящий Великий Маг — встретился на пороге маленького домишка со старой женщиной. И тут он вдруг, отступив немного назад, высоко поднял свой дубовый посох и левую руку, словно желая защитить себя от всепожирающего огня, и, глубоко потрясенный, в страхе очень громко произнес Подлинное Имя старой женщины:

— Дракон!

И сразу, как он сам рассказывал, женщина исчезла, зато в дыму и великолепии пламени, блестя золотистой чешуей и длинными когтями, перед ним явился дракон, глядевший на него своими огромными глазами. Говорят, что ни в коем случае нельзя смотреть дракону прямо в глаза...

Потом видение исчезло, и вместо дракона он увидел перед собой женщину, стоявшую на пороге ветхого домишка, — немного сутулую высокую старую рыбачку с крупными натруженными руками. Она смотрела на него, он на нее. И вдруг она сказала:

— Входи же, Лорд Огион.

Ну он и вошел. Она угостила его ухой, они пообедали вместе, а потом стали беседовать у камина. Он думал, что старуха непременно владеет искусством Великих Превращений, однако, видишь ли, никак не мог понять, то ли это женщина, умеющая превращаться в дракона, то ли дракон, который может превращаться в женщину. Так что в конце концов он спросил ее: «Ты женщина или дракон?», и она на этот вопрос не ответила, только сказала:

— Я спою тебе одну старую песнь...

В башмак Терру попал камешек. Они остановились, вытряхнули его, а потом, очень медленно, пошли дальше, потому что дорога круто ползла вверх, зажатая темными каменными

стенами, с которых свешивались ветви густых кустов; в кустах и нагретой траве пели цикады.

— Ну так вот, послушай же историю, которую поведала та женщина Огиону.

Когда в самом начале времен Сегой поднял острова Земноморья из глубин морских, то драконы первыми рождены были землей и ветром, что дул над островами. Так говорится в песни о Создании. А в песни той женщины говорилось еще и о том, что тогда дракон и человек были едины, принадлежали к одному народу, одной расе и пользовались одним языком — Истинной Речью.

И были они прекрасны и сильны, мудры и свободны.

Но с течением времени все меняется. Вот и в племени драконов-людей некоторые все больше стремились к полету под небесами и дикой вольности и все меньше времени уделяли Созиданию и Познанию, все меньше времени проводили в домах и городах. Им хотелось лишь лететь и лететь на просторе, охотиться, поедать добычу, не ведая ни забот, ни излишней премудрости, оставаясь вольными и дикими, стремясь к одной лишь свободе.

Другая часть этого племени, наоборот, все реже поднималась в поднебесье, но занята была сбором сокровищ, укреплением своего благополучия, созиданием и накоплением знаний. Они строили дома, замки и крепости, где хранили накопленные сокровища, чтобы потом передать все это своим потомкам, и стремились всемерно увеличить свое наследство. Постепенно они стали побаиваться диких своих собратьев, которые способны были внезапно прилететь и — часто просто по небрежности или в пылу яростной схватки — уничтожить, сжечь все созданное ими с таким трудом и столь дорогое их сердцу.

Дикие же драконы не ведали страха. Они так ничему и не научились, а потому не умели спастись, когда те, что уже не летали, ловили их в ловушки, словно обычных диких зверей, и убивали. Но тогда другие дикие драконы прилетали и мстили, сжигая прекрасные здания, все уничтожая и круша на своем пути... В этих схватках в первую очередь гибли наиболее сильные и бесстрашные.

Боязливые же стремились избегать подобных сражений, прятались, а если прятаться было негде, то спасались бегством. Они пользовались обретенным мастерством и умением и строили корабли, на которых уплывали все дальше и дальше к востоку, все дальше и дальше от западных островов, где огром-

ные крылатые их собратья вели нескончаемую войну друг с другом среди разрушенных дворцов и замков.

И вот единое ранее племя драконов-людей разделилось на два — одно из них, племя драконов, становилось все малочисленнее, и его представители все больше дичали, мучимые собственной бесконечной, бессмысленной алчностью и злобой, на дальних островах Западного Предела; племя людей, напротив, все более умножалось и процветало в своих богатых городах и селениях; люди жили уже на всех Внутренних Островах Земноморья, заселяя также восточные и южные. Но среди них сохранились еще и такие, кто сберег древнюю мудрость племени драконов — Великий Язык Созидания. Именно они потом стали волшебниками.

Но еще, говорилось в той песни, есть среди людей и такие, кто понимает, что когда-то был драконом. Как и среди драконов некоторые помнят о своем родстве с людьми. И понимающие это говорят, что в те времена, когда единое племя разделилось надвое, некоторые его представители, по-прежнему оставшиеся полудраконами и полулюдьми, улетели, но не на восток, а на запад, и летели все дальше и дальше над просторами Открытого моря, пока не достигли обратной стороны нашего мира. И там пребывают они в ладу и покое — огромные крылатые существа, дикие и мудрые одновременно, обладая человеческим умом и сердцем дракона. Вот потому-то и были в той песни слова:

*На самом далеком западе,
Там, где кончаются земли,
Народ мой танцует, танцует,
Подхваченный ветром иным...*

Такова прекрасная песнь, которую спела Огиону та старая рыбачка из Кимея.

Выслушав ее, Огион сказал: «Едва увидев тебя, понял я твою подлинную сущность. Та женщина, которую я вижу сейчас, не более чем обличье, платье, которое на ней надето».

Но она лишь покачала головой, засмеялась и проговорила: «Ах, если бы это было так просто!»

Спустя какое-то время Огион вернулся в Ре Альби. А потом, когда он рассказывал эту историю мне, сказал вдруг вот что: «С того дня у меня из головы не выходит: бывал ли когда-нибудь человек или дракон так далеко на западе, как о том говорится в ее песни, и кто мы такие, в чем заключается наша сущность и наша целостность?..»

Ты не проголодалась, Терру? Вот здесь как раз очень хорошее местечко. Давай-ка посидим там, над обрывом. Оттуда

мы, наверное, сможем увидеть и Порт Гонт, что расположен у самой подошвы горы. Это очень большой город, больше даже, чем Вальмут. Вот дойдем до поворота и немножко отдохнем.

Дорога, которая, петляя, шла вверх, на самом верхнем своем витке действительно открывала прекрасный вид на дальние склоны горы, покрытые лесом, и каменистые пастбища, спускавшиеся почти до самой кромки залива; отсюда были видны различные суда на темной воде, издали похожие на светлые легкие древесные стружки или на темных водяных жуков. Вдали, прямо над дорогой и склоном горы, высился обрывистый утес, где и находилось селение Ре Альби, что значит Гнездо Ястреба.

Терру ни разу не пожаловалась, но, когда, немного отдохнув, Гоха спросила: «Ну как, пойдем дальше?», девочка, пристроившаяся на краешке скалы, как бы между синью небесной и синью морской, отрицательно покачала головой. Солнце грело горячо, и они проделали слишком долгий путь с тех пор, как завтракали в лощине у ручья.

Гоха вытащила фляжку с водой, и они вдоволь напились, а потом она дала девочке мешочек с изюмом и орехами.

— Отсюда уже видно то место, куда мы с тобой идем, — сказала она, — и мне бы очень хотелось добраться туда до темноты. Здоровье Огиона сильно тревожит меня. Тебе, конечно, будет трудновато, но быстро мы не пойдем. Зато уже сегодня будем ночевать в тепле, уюте и безопасности. Привяжи-ка этот мешочек к поясу. Изюм прибавит твоим ножкам сил. Хочешь, я сделаю тебе посох — как у волшебников, — чтобы легче было идти?

Терру кивнула, не переставая жевать. Гоха вытащила нож и срезала толстую ветку орешника для девочки, потом, заметив чуть выше по дороге рухнувшую ольху, отломилла одну из ее веток, очистила ее от мелких веточек и сучков и сделала себе крепкий и легкий посох.

Они снова двинулись в путь, и девочка держалась вполне бодро — видимо, изюм помог ей. Гоха запела, чтобы веселей было шагать; она пела любовные песни, пастушьи песенки и старинные баллады, которые выучила в Срединной Долине; но вдруг, резко оборвав мелодию, умолкла и остановилась, сделав предостерегающий жест.

Впрочем, четверо мужчин на дороге уже успели ее заметить, так что прятаться не имело смысла. Следовало либо идти дальше, либо свернуть на боковую тропу.

— Это просто странники, — шепнула она Терру, покрепче сжала свой ольховый посох и пошла вперед.

То, что говорила Ларк насчет засилья всяких бандитов и воров, было не просто пустой жалобой, свойственной каждому старшему поколению: дескать, все-то теперь не так, как надо, и мир проваливается в тартарары. За последние годы мирная и спокойная жизнь в городах и деревнях Гонта действительно претерпела серьезные изменения. Молодые люди вели себя среди собственных сородичей как чужие, злоупотребляли гостеприимством, воровали, продавали краденое. Нищенство пышным цветом расцвело там, где прежде попрошайничали очень редко, а если милостыня приходилась нищему не по вкусу, он еще и пускал в ход угрозы.

Женщины опасались передвигаться по дорогам в одиночку, хотя и очень страдали от этого. Зато некоторые девушки, наоборот, убегали из дома и присоединялись к бандам воров и браконьеров. И весьма часто уже через несколько месяцев возвращались — мрачные, покрытые синяками и ссадинами и к тому же беременные. А среди деревенских колдунов и ведьм ходили слухи, что колдовству их стало чего-то не хватать: заклятия, что раньше исцеляли всегда, больше не помогали; необычайно трудно стало отыскать потерянный предмет, и порой отыскивалась совсем не та вещь, хотя все слова заклинания были произнесены правильно; любовные зелья вместо страстной любви вызывали кровожадную ревность. Но что хуже всего, те люди, которые и понятия не имели об искусстве магии, о его законах и способах применения, а также об опасности нарушения этих законов, стали называть себя могущественными волшебниками и обещали невысказанное богатство и даже бессмертие своим сторонникам.

Айви, ведьма из той деревни, где жила Гоха, весьма мрачно и непонятно говорила что-то о разрушении магических сил. То же самое говорил и Бук, колдун из Вальмута. Это был замкнутый, скромный человек, который специально пришел тогда, чтобы помочь Айви, старавшейся по мере сил облегчить страдания страшно изуродованной огнем Терру. И вот что он сказал Гохе:

— Мне кажется, что раз такое происходит в нашем мире, то наступает конец света, конец времен. Сколько уж столетий прошло с тех пор, как в Хавноре на престоле был настоящий король? Так оно продолжаться не может. Мы либо снова станем единым государством, либо просто погибнем все, когда острова пойдут войной друг на друга, сосед ополчится на соседа, отец — на сына... — Бук как-то застенчиво поднял на нее глаза, которые, однако, смотрели твердо и ясно. — Кольцо Эррет-Акбе возвращено в королевскую башню, — продолжал он. — Я знаю, кто его туда привез... То был знак... да, конечно,

то был знак наступления новых времен! Но мы не вняли поданному знаку. Короля у нас по-прежнему нет. И мы по-прежнему разъединены. Мы должны найти сердце Земноморья, обрести должную силу. Может быть, наконец свое слово скажет наш Верховный Маг. — И колдун прибавил доверительно: — Он ведь и сам с Гонта.

Однако Верховный Маг так ничего и не предпринял, как не появился и законный претендент на королевский престол. А жизнь меж тем становилась все хуже и страшнее.

И теперь со страхом и сдерживаемым гневом смотрела мрачная Гоха на четверых мужчин на дороге. Они стояли по двое с каждой стороны, так что им с девочкой неизбежно пришлось бы пройти меж ними.

Гоха спокойно продолжала свой путь, хотя Терру буквально наступала ей на пятки, прижавшись сзади к ее юбке и совсем низко опустив голову. И все-таки за руку ее девочка не взяла.

Один из встречных, парень с широкой грудью и жесткими черными вислыми усами, заговорил было, чуть ухмыляясь:

— Эй, вы...

Однако Гоха тут же прервала его яростно и громко:

— Прочь с дороги! — И подняла свой ольховый посох так, словно он был волшебный. — У меня дело к Огиону!

И гордо прошла мимо растерявшихся мужчин, за ней трусой поспешала Терру. Мужчины, видимо приняв ее гнев за колдовство, так и застыли. Возможно, впрочем, на них просто подействовало само имя Огиона. А может быть, какие-то волшебные чары все-таки были в ней самой или девочке? Во всяком случае, когда обе скрылись из виду, один из мужчин сказал:

— Нет, вы видели? — И сплюнул, а потом особым жестом отогнал скверну.

— Настоящая ведьма со своим ведьминским отродьем! — потрясенно сказал второй. — Пусть себе идут своей дорогой!

Третий, человек в кожаной шапке и короткой кожаной куртке, даже немного задержался, молча глядя им вслед. На лице его были написаны ужас и отвращение, но все же он хотел было уже последовать за женщиной и девочкой, когда тот, с длинными черными усами, окликнул его:

— Идем, что ли, Ловкач! — И человек в кожаной куртке и шапке пошел следом за приятелями.

За поворотом, когда мужчины скрылись из виду, Гоха подхватила Терру на руки и бросилась бежать; она бежала до тех пор, пока не была вынуждена остановиться и посадить девочку прямо на землю, долго-долго хватая ртом воздух. Терру никаких вопросов не задавала, все понимала без слов. Едва Гоха

отдышалась и смогла идти дальше, Терру, ни секунды не медля, двинулась за ней, не отставая ни на шаг и все время держа ее за руку.

— Ты вся красная, — сказала она. — Как огонь.

Она редко что-нибудь говорила, да и слова произносила невнятно, хриплым голосом, но Гоха хорошо ее понимала.

— Я очень злая, — проговорила Гоха с каким-то странным смешком. — А когда я злюсь, то становлюсь красной. Такой же краснокожей, как варвары с Западных островов... Посмотри-ка, вон там впереди селение — это, должно быть, Дубовые Ручьи и есть. Ничего другого на этой дороге быть не может. Там мы с тобой немного передохнем. Может быть, удастся даже раздобыть молока. А потом постараемся — это, конечно, от тебя зависит — добраться до Гнезда Ястреба; мы могли бы там оказаться еще до наступления темноты.

Девочка молча кивнула, достала из своего мешочка немножко изюма и орехов и съела. Потом они пошли дальше.

Солнце давно уже село, когда они наконец миновали деревню и побрели к уединенному жилищу Огиона на самой вершине Большого Утеса. В небесах, над мощным валом облаков, над высоко вздымающимися волнами морскими, засверкали первые звезды. Вечерний бриз гнул к земле короткую траву. Где-то за невысоким домиком заблела на выгоне коза. Единственное окно светилось тусклым желтоватым светом.

Гоха прислонила оба их посоха к дверному косяку, взяла Терру за руку и один раз постучала.

Ответа не последовало.

Она резко распахнула дверь и вошла. Огонь в очаге давно погас, угли подернулись сизым пеплом, но крошечный масляный светильник на столе отбрасывал слабое пятнышко света, а с тюфяка, лежавшего на полу в дальнем углу комнаты, слышался голос Огиона:

— Входи, Тенар.

Глава 3

ОГИОН

Она уложила девочку спать в алькове у западной стены. Разожгла огонь в очаге. Потом подошла и уселась прямо на пол возле Огиона.

— И никто за тобой даже не ухаживает!

— Я их всех отослал прочь, — прошептал он.

Его темнокожее, с резкими чертами лицо было таким же, как и всегда, только волосы поредели и стали совсем белыми, а неяркий свет не вызывал ответного блеска в его глазах.

— Ты ведь так и умереть мог в одиночестве, — сердито сказала Тенар.

— Умереть мне pomoжешь ты, ладно? — попросил старик.

— Подожди еще немножко, пожалуйста, — сказала она и, наклонившись, прижалась лбом к его ладони.

— Хорошо. Не сегодня, — согласился он. — Завтра.

И один лишь раз нежно коснулся ее волос — только на это у него сил и хватило.

Она снова выпрямилась. Огонь в очаге разгорелся. Пламя пляшущими языками освещало стены и низкий потолок домика, разгоняя мрак и заставляя темные тени прятаться по углам единственной комнаты.

— Если бы только Гед объявился... — прошептал Огион.

— А ты послал ему весточку?

— Он пропал, — сказал старик. — Пропал. Словно облако густого тумана накрыло землю. И он ушел прямо в этот туман — к западу. И унес с собой ветку ясеня. Исчез в темноте облака. Пропал, пропал мой ястреб...

— Нет, нет, нет, — шептала она. — Он вернется!

Они долго молчали. Тепло от очага начинало окутывать обоих сонной пеленой, и Огион немного успокоился, то задремывал, то снова просыпался, так что Тенар смогла наконец немного передохнуть после целого дня пути. Она растерла ноющие ступни и плечи. Часть пути, особенно когда дорога в последний раз круто пошла вверх, ей пришлось нести Терру на руках, потому что девочка стала задыхаться — она совсем выбилась из сил, пытаясь поспеть за Тенар.

Потом она встала, согрела воды и тщательно смыла с себя дорожную пыль. Потом согрела молока и съела с ним кусок черствого хлеба, найденного у Огиона в кладовой. Потом снова подошла к старику и уселась рядом. Пока он спал, она сидела, задумчиво разглядывая при свете очага его лицо и тени на стенах.

И думала она о том, что когда-то давным-давно одна девушка часто сидела точно так же ночью в лишенном окон доме, в далекой-далекой стране. С раннего детства девушка эта считала себя «Поглощенной». Единственной жрицей и служанкой Темных Сил Земли. А потом, и это тоже было давно, жила-была на свете женщина, и она тоже любила посидеть в мирной тиши деревенского дома и подумать, пока спят муж и дети, пока можно просто побыть часок наедине с самой собой... И когда эта женщина овдовела, с ней в том доме стала жить одна страшно изуродованная огнем девочка, ее воспитанница. Теперь же вдова эта сидела возле постели умирающего старика и очень ждала одного мужчину, надеясь, что он вернется. Как ждут все женщины в мире; как ждет любая из них. В полном соответствии со своей женской долей. Но волшебник Огион призвал ее к себе не тем именем, которое носила жрица Темных Сил, и не тем, которое носила жена, а потом и вдова фермера Флинта. Иным именем называл ее Огион, как и Гед когда-то — во тьме Гробниц Атуана; как и ее мать — страшно давно, очень далеко отсюда, — давшая ей это имя и помнившаяся ей лишь теплым прикосновением и золотистым, словно львиная шкура, светом огня в очаге...

— Я — Тенар, — прошептала она. Огонь, вспыхнув, обвинил сухую сосновую ветку ярким желтым своим языком.

Огион вдруг начал задыхаться. Она старалась ему помочь, поддерживая за плечи. Потом он немного успокоился и снова уснул; задремала и Тенар, сквозь сон чувствуя, слушая странное, будто осязаемое молчание Огиона, прерываемое порой какими-то загадочными словами. Уже глубокой ночью он вдруг воскликнул, словно встретившись на дороге с хорошим другом: «Так, значит, и ты здесь! А его ты видел?» Еще как-то раз он начал говорить чистым детским голоском, когда Тенар

встала, чтобы подбросить дров в очаг, и говорил с кем-то из давнего своего прошлого: «Я пробовал помочь ей, да крыша обвалилась и всех накрыла. Землетрясение же!» Тенар слушала. Она тоже когда-то видела землетрясение. «Я так хотел помочь!» — сказал старик голосом мальчика, и в голосе этом слышались страдание и боль. Потом Огион снова начал задыхаться.

С первыми проблесками зари Тенар проснулась от звуков, которые сперва приняла за удары волн о берег. Но то хлопали крыльями птицы — множество птиц, чудовищная стая, пролетавшая прямо над домом. Казалось, поднялась буря, даже свет в окнах померк из-за непрерывного мелькания черных теней. Стая в полном молчании совершила над домом круг и унеслась прочь. Тенар так и не поняла, что это были за птицы.

Домик Огиона, как бы сторонясь людей, примостился к северу от селения Ре Альби. Утром из Ре Альби пришла девушка-пастушка, чтобы подоить коз Огиона, с ней — какая-то женщина и еще люди; все спрашивали, не нужна ли их помощь. Тетушка Мох, деревенская ведьма, ощупав ольховый посох Тенар и ореховую палочку, служившую посохом Терру, сунула было нос в дом, однако войти не осмелилась, тем более что Огион прорычал, не вставая:

— Отошли их всех прочь! Пусть уходят! Все!

Он выглядел так, словно сил у него значительно прибавилось. Когда проснулась маленькая Терру, он немного поговорил с ней — в точности так, как когда-то с Тенар: чуть сухова-то, но очень добрым и тихим голосом. Потом девочка убежала играть на солнышке, и Огион сказал Тенар:

— Что означает то имя, которым ты ее называешь?

Он хорошо понимал Истинную Речь, но никогда не знал ни слова по-каргадски.

— «Терру» значит «горящий, пылающий», — ответила она.

— Так-так, — промолвил Огион, и глаза его заблестели. Потом он нахмурился, словно пытаясь найти нужные слова. — Этой девочке... — начал он и умолк. — Эту девочку... будут бояться.

— Ее и так уже боятся, — горько сказала Тенар.

Великий Маг покачал головой.

— Ты научи ее, Тенар, — прошептал он. — Научи ее всему!.. Нет, не на Роке. Боятся... Ах, зачем я отпустил тебя? Почему ты тогда ушла? Чтобы привести сюда ее? Слишком поздно...

— Лежи, лежи спокойно, — нежно уговаривала его Тенар, потому что Огион все пытался сказать что-то еще, найти какие-то важные слова, ему не хватало воздуха, он снова начал

задышаться. В конце концов, тряхнув головой, он выговорил с трудом:

— Научи ее! — и умолк надолго.

Есть он отказывался и только понемножку пил воду. Где-то около полудня заснул, а проснувшись — ближе к вечеру, — сказал:

— Пора, дочка, — и сел.

Тенар, улыбаясь, взяла его за руку.

— Помоги-ка мне встать, — сказал ей Огион.

— Нет-нет, что ты!

— Да, — сказал он. — На волю. Я не могу умереть взаперти.

— Куда же ты хочешь пойти?

— Все равно. Но лучше бы на лесную тропу, — сказал он. — К тому буку, что растет на холме, над лугом.

Увидев, что у Огиона хватило сил самостоятельно встать и он полон решимости непременно выйти из дома, Тенар бросилась ему помогать. Вместе они добрались до двери, и он, обернувшись на пороге, окинул прощальным взглядом свое жилище. В темном углу справа от двери стоял, чуть-чуть светясь, его высокий посох. Тенар потянулась было за ним, но Огион только покачал головой.

— Нет, — сказал он, — не нужно. — И осмотрелся, словно пытаясь что-то вспомнить. — Пошли.

Когда на заливом солнцем крыльце в лицо ему ударил свежий западный ветер, он посмотрел куда-то вдаль и промолвил:

— Хорошо!

— Разреши мне позвать кого-нибудь из деревни, и мы отнесем тебя на носилках, — попросила его Тенар. — Все только и ждут случая, чтобы хоть что-нибудь для тебя сделать.

— Я хочу дойти на собственных ногах, — сказал старик.

Из-за дома выбежала Терру и с серьезным видом смотрела, как медленно, останавливаясь через каждые пять-шесть шагов, чтобы Огион мог отдышаться, идут они через поросший травами луг к лесу, снизу доверху покрывавшему крутые склоны Большого Утеса. Солнце пекло немилосердно, а ветер был почти ледяным. Им понадобилось очень много времени, чтобы пересечь луг. Лицо Огиона стало серым, ноги подгибались, словно трава под ветром, когда они наконец добрались до рослого молодого бука почти на самой опушке, в нескольких шагах от начала тропы, круто поднимающейся в гору. Там старый Маг рухнул на землю между корнями дерева, прислонившись спиной к стволу. Довольно долго он не мог ни говорить, ни двигаться, а сердце его билось такими отчаянными неровными толчками, что казалось — грудная клетка вот-вот

разорвется. Наконец он успокаивающе кивнул Тенар и шепнул:

— Все в порядке.

Терру все время шла за ними следом на некотором расстоянии. Тенар подошла к девочке, обняла ее и что-то сказала. Потом вернулась к Огиону.

— Она сейчас принесет одеяло, — сказала она.

— Мне не холодно.

— Зато мне холодно, — чуть улыбнувшись, возразила Тенар.

Терру, нагруженная одеялом из козьей шерсти, вернулась очень быстро. Она что-то шепнула Тенар и снова убежала.

— Вереск позволила ей подоить козу. Заодно и присмотрит за девочкой, — сказала Тенар Огиону. — Так что я могу остаться здесь, с тобой.

— Вечные заботы и никогда ничего для себя, — сказал он хриплым свистящим шепотом: больше голоса у него не осталось.

— Да, почему-то всегда не меньше двух дел сразу, — согласилась она. — Но сейчас-то я здесь.

Он кивнул.

Довольно долго Огион молчал — просто сидел, опершись спиной о могучий ствол дерева и закрыв глаза. Глядя на его лицо, Тенар видела, как оно гаснет — так же медленно, как небо на закате.

Потом он открыл глаза, всматриваясь в видневшееся сквозь густые ветви небо. Казалось, он наблюдает, как там, в дальних далях, залитых золотистым светом, свершается нечто великое. Один раз он даже прошептал, неуверенно, словно сомневаясь:

— Дракон?..

Солнце село, улегся ветер. Огион перевел свой взгляд на Тенар.

— Кончено! — прошептал он возбужденно. — Теперь все переменялось!.. Все переменялось, Тенар! Ты жди... Жди здесь, потому что... — Тело Огиона сотрясла сильная дрожь, он, задышавшись, затрепетал, словно ветка дерева на сильном ветру. Веки его то приподнимались, то опускались, взгляд был устремлен куда-то вдаль, поверх головы Тенар. Он накрыл ее руку своей рукой; она склонилась к нему, и он назвал ей свое Подлинное Имя, чтобы после смерти остаться в памяти людей в истинном обличье.

Потом Огион сжал руку Тенар и, плотно зажмурив глаза, снова начал мучительную схватку со смертью, пытаясь вдохнуть хотя бы глоток воздуха, пока не затих совсем. И тогда

распростертый на земле Огион стал похож на один из корней могучего бука. На небе загорались первые звезды, и свет их падал сквозь листву и ветви деревьев.

Тенар сидела рядом с умершим в сгущающихся сумерках, в наступившей потом темноте... Вдруг на лугу огненной мухой мелькнул свет фонаря. Она укрыла теплым шерстяным одеялом и себя, и покойного, но рука ее, что крепко сжимала его руку, совершенно очоленела, как если бы она держала в ней ледышку. Она еще раз коснулась лбом ладони Огиона и с трудом встала. Голова у нее кружилась, тело не слушалось и казалось чужим. Тенар пошла навстречу тому, кто шел сюда по лугу сквозь ночь.

И до рассвета соседи Огиона сидели с ним рядом, и он никого не отослал прочь.

Дворец властелина Ре Альби возвышался на голой скале прямо над Большим Утесом. Рано утром, задолго до того, как солнце добралось до западного склона горы Гонт, волшебник, что служил у Лорда, спустился по дороге, ведущей из поместья через деревню к дому Огиона. Вскоре явился и еще один волшебник, преодолевший трудный крутой подъем от Портa Гонт до Ре Альби, да еще в темноте. То ли они получили известие о скорой кончине Огиона, то ли узнали о смерти Великого Мага благодаря собственной волшебной силе — неизвестно.

В Ре Альби не было своего волшебника или колдуна — рядом жил сам Огион, да еще кое-какую помощь людям оказывала местная ведьма, тетушка Мох; она могла отыскать потерянную вещь, вылечить от хвори, вправить кости — ради таких мелочей никто не стал бы беспокоить старого Мага. Тетушка Мох обладала весьма суровым нравом, никогда не была замужем и, похоже, никогда не мылась. Ее седые волосы являли собой чудовищное переплетение замысловатых магических узелков, а веки покраснели от бесконечных курений волшебных трав. Это она первой пришла тогда с фонарем через луг, а потом вместе с Тенар и остальными всю ночь просидела у тела покойного Огиона. Во время этого бдения именно она зажгла восковую свечу под стеклянным колпаком и воскурила сладкие масла на глиняном блюде; она произнесла все необходимые в таких случаях слова и вообще сделала все, что нужно было сделать. Перед обмыванием тела она только разглянула на Тенар, как бы испрашивая разрешения, и сразу же занялась привычным делом. Ведь именно деревенские ведьмы не только обряжают покойников, но часто и хоронят их.

Когда же в лес явился волшебник Лорда Ре Альби, высокий молодой человек с сосновым посохом, украшенным серебряным набалдашником, а потом пришел и второй, из Порты Гонт (это был полный мужчина средних лет с коротким тисовым посохом), тетушка Мох даже не подняла своих налитых кровью глаз, а продолжала кланяться и пришепetyвать и снова кланяться, собирая воедино все свои небогатые запасы волшебства.

Когда же наконец она уложила покойного так, как ему должно лежать в могиле — на левом боку, с согнутыми коленями, — то напоследок вложила в его раскрытую левую ладонь крошечный амулет, плотно завернутый в кусок мягкой козьей шкуры и перевязанный крашеной тесемкой. Волшебник из Ре Альби небрежно отшвырнул сверточек концом своего посоха.

— Выкопана ли могила? — спросил волшебник из Порты Гонт.

— Да, — ответил ему волшебник Лорда. — Она вырыта во дворе моего господина, — и он показал в сторону поместья.

— Понятно, — сказал волшебник из Порты Гонт. — Я-то думал, что Великий Маг будет похоронен в центре нашего города, который когда-то спас от землетрясения.

— Мой господин пожелал сам удостоиться чести похоронить Лорда Огиона, — заявил тот, что из поместья Ре Альби.

— Но тогда получится... — начал было тот, что из Порты Гонт, и умолк, не желая спорить, но не смирившись со столь легковесными доводами. Потом глянул на покойного. — Придется его похоронить безымянным, — проговорил он с сожалением и горечью. — Я шел всю ночь, но все-таки опоздал. Из-за этого невосполнимая наша утрата становится еще горше.

Молодой волшебник промолчал.

— Его Подлинное Имя было Айхал, — сказала Тенар. — И согласно его воле он должен покоиться здесь, где лежит сейчас.

Оба волшебника устали на нее одновременно. Молодой увидел всего лишь пожилую деревенскую женщину и молча отвернулся. Тот же, что пришел из Порты Гонт, долго не сводил с нее глаз, а потом спросил:

— Кто ты?

— Меня зовут Гоха, я вдова фермера Флинта, — отвечала она. — А уж кто я на самом деле — вам, по-моему, лучше знать. Да и с какой стати мне говорить вам это?

При этих словах волшебник Лорда сподобился удостоить ее взглядом.

— Эй, женщина, попридержи-ка язык! Как ты смеешь говорить так в присутствии двух волшебников! — бросил он.

— Постой, — добродушно попытался утихомирить его тот, что пришел из Порта Гонт. Он по-прежнему внимательно смотрел на Тенар. — Ты ведь была... когда-то его ученицей?

— И другом, — отрезала Тенар. Потом резко отвернулась и замерла: она слышала гнев в собственном голосе, произносящем слово «друг». И стала смотреть на своего старого друга, лежащего на земле, готового уйти в эту землю, навеки утраченного, недвижимого... А эти люди толпились вокруг, живые, полные сил, не испытывающие ни капли дружеского сочувствия — одну лишь зависть да удовлетворение при виде поверженного соперника и злобу.

— Простите, — сказала она. — Слишком долго тянется ночь. Я была с ним рядом, когда он умер.

— Но это не... — начал было молодой волшебник, но тут неожиданно его прервала тетушка Мох, яростно бросившаяся на защиту Тенар:

— Да, была! Была! Никого не было, кроме нее. Он за ней и послал. Молодого Таунсенда, торговца овцами, — чтоб точку ей передал. И дожидался, все не умирал, пока она не пришла. И это она была с ним все время, и она знает, где он должен быть похоронен. Здесь вот!

— И он, — спросил тот волшебник, что был постарше, — он назвал тебе?..

— Назвал свое Имя. — Тенар посмотрела на них: недоверие написано было на лице старшего, удовлетворение, нескрываемое удовлетворение светилось на лице более молодого. И она не стала скрывать своего презрения. — Я ведь уже один раз произнесла его вслух. Неужели я должна повторять?

К ужасу своему, по выражению их лиц она поняла, что волшебники эти действительно не расслышали Подлинного Имени Огиона: они тогда просто не обратили на нее внимания.

— О! — воскликнула она. — Что за ужасные времена настали: даже такое имя остается неслышанным и произнесенное в тишине звучит не громче упавшего на землю камушка! Разве умение слушать других — не великое мастерство? Что ж, слушайте снова: Имя его было Айхал. И после смерти будет — Айхал. И в песнях, что сложат о нем, он будет Айхалом с острова Гонт. Если в теперешние времена кто-то может еще слагать настоящие песни. Он был очень молчаливым человеком. А теперь умолк совсем. И, может быть, никаких песен больше не будет, одно лишь молчание. Не знаю. Устала я

очень. Я потеряла отца и дорогого друга... — голос ее предательски дрогнул, горло сдавили рыдания. Она отвернулась и хотела уйти. Но тут заметила на тропе, ведущей в лес, тот крошечный узелок, что приготовила для покойного тетушка Мох. Она подняла узелок, опустилась возле Огиона на колени, поцеловала открытую ладонь его левой руки и вложила туда амулет. Потом, не поднимаясь с колен, еще раз взглянула на возвышавшихся над ней двух мужчин. И тихо промолвила:

— Вы позаботитесь о том, чтобы могилу ему вырыли там, где он хотел?

Первым кивнул тот, что был постарше, следом за ним — молодой.

Она встала, отряхнула юбку и пошла прочь, через луг, залитый яркими лучами утреннего солнца.

КАЛЕССИН

<<Ж

ди, — сказал ей Огион, который теперь стал Айхалом, за мгновение до того, как ветер смерти оторвал его от жизни. — Кончено... Теперь все переменялось!.. — так прошептал он и прибавил: — Жди, Тенар...» Но не сказал, чего же она должна ждать. Может, тех перемен, которые он предвидел или ощущал? Но каковы эти перемены? Может быть, он имел в виду собственную смерть? То, что будет, когда окончится его жизнь? Впрочем, он говорил почти радостно, возбужденно. И как бы возложил на нее ответственность за это ожидание.

«Ну что ж, как же иначе? — сказала она себе, подметая пол в его домике. — Разве в моей жизни было еще что-то, кроме ожидания?» — А потом, словно разговаривая с незабвенным Айхалом, спросила вслух:

— Мне ждать здесь, в твоём доме?

«Да», — чуть улыбнувшись, ответил ей Айхал Молчаливый.

Так что Тенар прибрала дом, вычистила очаг, проветрила тюфяки и матрасы. Выбросила всякие завалившиеся черепки и худую сковородку, однако и с этим старьем обращалась очень бережно. Даже прижалась на минутку щекой к безнадежно треснувшей тарелке, прежде чем вынесла ее на помойку: старая тарелка видела, каким тяжким был прошедший год для старого, больного Мага. Суровый к себе, он жил столь же просто, как самые бедные крестьяне, однако, когда зрение его было ясным, а могущество в расцвете, он никогда бы не позволил себе пользоваться треснувшей тарелкой или дырявой

сковородой, не починив их. Ей было больно видеть эти признаки слабости Огиона, и она горько жалела о том, что в трудное время ее не было с ним рядом. «Мне было бы очень приятно заботиться о тебе», — сказала она тому Огиону, каким помнила его, но он не ответил. Он никогда не позволил бы кому-то утруждать себя заботами о нем. Неужели он и ей бы сказал: «У тебя найдутся дела поинтереснее». Она не знала. А он молчал. Но то, что теперь она живет в его доме, было совершенно правильным, это она прекрасно понимала и была в этом уверена.

Шанди и ее муж Чистый Ручей, что прожили на Дубовой Ферме дольше, чем Тенар, прекрасно могут присмотреть за овцами и за садом; а другие арендаторы, Тифф и Сис, вовремя уберут урожай с поля. Остальное же пусть пока что само о себе заботится. Ее малину оборвут соседские ребятишки. Это жаль: малину Тенар очень любила. Здесь, на Большом Утесе, где всегда дули сильные морские ветры, было слишком холодно для малины. И все-таки на маленьком персиковом деревце, которое посадил Огион в защищенном от ветра уголке, у южной стены дома, зрели восемнадцать персиков. Терру следила за ними, как кошка за мышью, с самого первого дня. И наконец заявила своим хрипловатым тихим голоском:

— Два персика совсем желтые. И с красным бочком.

— Отлично, — сказала Тенар, и они вместе с Терру сорвали два первых созревших плода и съели их прямо под деревом. Сок стекал у них по подбородкам. Они с наслаждением обливали пальцы.

— Можно я ее посажу? — спросила Терру, разглядывая морщинистую твердую поверхность косточки.

— Конечно. Вон хорошее местечко рядом со старым деревом. Только не сажай слишком близко, чтобы второму деревцу тоже хватило места для корней.

Девочка выбрала место, выкопала крошечную могилку, опустила туда косточку и засыпала землей. Тенар наблюдала за ней. За те недолгие дни, что они прожили здесь, Терру очень переменялась. Она по-прежнему отвечала с трудом, не проявляя ни гнева, ни радости, но, с тех пор как они поселились в доме Огиона, ее болезненная настороженность и неподвижность стали незаметно исчезать. Вот только что, например, ей очень захотелось съесть персик. И даже посадить косточку, чтобы персиков в этом мире стало больше. На Дубовой Ферме она не боялась только двоих: Тенар и Жаворонка; но здесь ее подружкой сразу же стала Вереск, пастушка из Ре Альби, добросердечная простушка огромного роста, басовитая и глуповатая, лет двадцати; Вереск обращалась с девочкой почти так же,

как с одной из коз, которых пасла, или скорее как с хромым, беспомощным козленком. Что было в общем-то справедливо. Тетушка Мох тоже явно пришлась ко двору, и Терру было безразлично, какие от старой ведьмы исходили ароматы.

Когда двадцать пять лет назад Тенар впервые попала в Ре Альби, тетушка Мох была еще совсем молодой. Она с ужимками и гримасами кланялась и улыбалась «Белой Даме», ученице и приемной дочери Огиона, но никогда с ней не заговаривала первой и разговор всегда вела подчеркнуто уважительно. Тенар сразу тогда почувствовала, что за фальшивыми уважительными словами спрятаны ревность, неприязнь и недоверие, слишком хорошо знакомые ей по тем временам, когда она была вознесена на пьедестал Единственной, Верховной Жрицы Гробниц теми женщинами, которые считали себя столь же обычными, сколь необычной — ее, пользовавшуюся немислимыми привилегиями по сравнению с ними. Жрица Гробниц Атуана, приемная дочь Великого Мага, она вечно оказывалась как бы поодаль от остальных, как бы над ними. Это преимущество, разделяя свое могущество с нею, предоставляли ей мужчины. А женщинам оставалось лишь взирать на нее с почтением, с ревностью, а порой с забавным смущением.

Она рассталась с той Тенар, что вечно оказывалась в стороне ото всех, захлопнула дверь в ту свою жизнь; бежала от тех Древних Сил, что обитали в Гробницах Атуана, отвернулась и от того могущества, что было даровано ей Знанием, уроками ее приемного отца и учителя Огиона, и пошла совсем иной дорогой, в иной мир, мир женщин, желая стать одной из них, такой же, как они: женой фермера, крестьянкой, матерью, хозяйкой дома, — и пользоваться лишь теми силами, которые даны женщинам от рождения, и ощущать лишь то уважение, с каким относятся к женщине-матери с начала времен.

И там, в Срединной Долине, жена Флинта Гоха была принята в общем-то очень хорошо всеми женщинами; да, конечно, она осталась «иностранкой», она была белокожей да и говорила как-то странно, однако стала отменной хозяйкой, умела отлично прясть, вырастила здоровых и вежливых детей, и ферма ее процветала — во всех отношениях женщина достойная. Мужчины тоже воспринимали ее как жену Флинта, которая делает то, что и положено каждой женщине: постель, готовка, выпечка хлеба, уборка, шитье... Хорошая женщина, одним словом. Им она нравилась. В конце-то концов, этому Флинту здорово повезло, говаривали они. Только интересно было бы узнать, кожа-то у нее везде такая белая? И они смотрели на нее жадными глазами, пока молодость ее не прошла. И тогда они просто перестали ее замечать.

А теперь, здесь, в один миг все переменялось, ничего от прежней жизни и в помине не осталось. После совместного ночного бдения у тела покойного Огиона тетушка Мох ясно дала понять, что зачислила Тенар в друзья и станет теперь ее другом, последовательницей, служанкой — кем только ни пожелает сделать ее ученица Огиона. Тенар вовсе не была уверена, что ей так уж хочется видеть тетушку Мох среди своих близких друзей — ведьма была слишком непредсказуема, ненадежна, невежественна, обладала замкнутой и в то же время слишком страстной душой, к тому же была чересчур хитра и... грязна. Но зато старуха прекрасно ладила с девочкой. Может быть, именно благодаря ей свершилось и едва заметное пока раскрепощение души Терру. В присутствии тетушки Мох Терру была, как всегда, равнодушна, неразговорчива, послушна — точно кукла, неодушевленный предмет, камень. Но старуха неустанно делала ей разнообразные мелкие подарки — сладости, игрушки и прочие «сокровища», — подкупала ее, задабривала, льстила. «А теперь пойдём-ка с тетушкой Мох, милая моя! И тетушка Мох покажет тебе самую красивую на свете картинку...»

Нос тетушки Мох нависал над беззубым провалившимся ртом; на щеке красовалась бородавка размером с красную фасолину; некогда черные, а теперь с сильной проседью волосы представляли собой чудовищную путаницу из бесконечных волшебных узелков; кроме того, от нее исходил столь могучий, сложный, сшибающий с ног запах, какой исходит разве что от лисьего логова. «Пойдем-ка со мной на прогулку в лесок, милая! — так заманивали детей в сказках все ведьмы. — Я там покажу тебе одну красивенькую вещицу!» А потом, естественно, ведьма засовывала малыша в печь, славно поджаривала его до хрустящей корочки и съедала на ужин или бросала ребенка в колодец, где бедняжка мог сколько угодно карабкаться по стенам и звать на помощь. Или, например, укладывала какую-нибудь девочку спать лет на сто внутри большого камня, пока королевский сын, волшебный Принц, не раскрывал камень одним лишь волшебным словом, а потом он, конечно же, будил спящую в нём девушку поцелуем и убивал злую ведьму...

«Пойдем-ка со мной, милая!» — И тетушка Мох уводила Терру в поля, чтобы показать ей гнездо жаворонка, сплетенное из зеленых былинки, или тащила с собой на болота, собирать белую всесвятку, дикую мяту и голубику. Ей совершенно не нужно было ни совать девочку в огонь, ни превращать ее в чудовище, ни запира́ть внутри чего-нибудь: все это с Терру уже проделали.

Старая ведьма была очень добра к девочке, но доброта ее была все-таки какой-то льстивой. Вечно она первой заговаривала с Терру, что-то ей предлагала... Тенар не знала, что именно она рассказывает Терру, чему ее учит, и сомневалась, стоит ли позволять старухе морочить ребенку голову. *Слабый, как женские чары, опасный, как женские чары*, — это она слышала тысячу раз. И действительно не раз убеждалась, что колдовство таких ведьм, как Айви или тетушка Мох, часто бывало слабым с точки зрения волшебной силы, однако весьма зловредным — намеренно или просто из-за невежества. Деревенские ведьмы хоть и могли порой знать довольно много заклятий, различных способов ведовства и даже некоторые из Великих Сказаний, никогда не учились Высшему Искусству или хотя бы азам Магии. Волшебство всегда было чисто мужским делом, мужским мастерством; сама магическая наука была создана мужчинами. Никогда не существовало ни единой женщины-мага. И хоть некоторые и называли себя волшебницами или чаровницами, волшебная сила их была стихийной, необузданной, полудикой; то была сила без знаний, без мастерства, а потому — весьма опасная.

Обычно деревенская колдунья, какой была и тетушка Мох, существовала за счет знания нескольких слов Истинной Речи, которые бережно передавались в ее роду из поколения в поколение, словно великие сокровища, или за высокую плату покупались у колдунов. Им хорошо служили и самые простые заклятия, помогающие найти потерянный предмет или починить сломавшуюся вещь, а также — огромное количество совершенно бессмысленных, однако весьма загадочных ритуалов. Кроме того, все они, благодаря старинным традициям, обладали многочисленными навыками: могли принять роды, вправить сустав, вылечить сломанную ногу, прекрасно разбирались в болезнях домашних животных и скота, знали почти все о полезных злаках и диких травах. Колдовство же их было круто замешано на суевериях, к тому же нужно было учитывать, сколь мал или велик у этих женщин тот врожденный дар, что дает возможность лечить, пользоваться заклинаниями, изменять облик людей и предметов. Все это вместе давало как хорошие, так и весьма дурные результаты. Некоторые из ведьм, например, отличались яростным, желчным нравом и всегда готовы были навредить, сами порой не зная, зачем им это. Чаще всего в деревнях они занимались тем, что принимали роды, лечили от разных хворей, готовили любовные зелья и составляли заговоры, помогавшие женщинам родить ребенка и дававшие любовную силу мужчинам. К этому, впрочем, они относились с достаточным бесстыдством. Наиболее же

мудрые, даже не обладая Высшим Знанием, употребляли свою врожденную волшебную силу только во имя добра, хотя и не способны были объяснить — а это могут даже младшие из учеников Школы Волшебников, — почему они так поступают, и несли всякую чушь по поводу Равновесия и Великого Пути, чтобы хоть как-то оправдать собственные поступки и устремления. «Да делаю, как сердце велит, — сказала Тенар одна из них, когда та была еще ученицей Огиона и жила у него в доме. — Лорд Огион — Великий Маг. Большая честь для тебя у него учиться, однако, детка, будь осторожной и осмотрительной, особенно ежели то, чему он учит тебя, окажется тебе не по душе».

Тенар даже тогда догадалась, что мудрая женщина, по всей вероятности, права; но все-таки что-то явно оставалось за пределами ее понимания. Впрочем, она и теперь думала по-прежнему.

Наблюдая за тетушкой Мох и Терру, она сказала себе: вот тетушка Мох как раз и поступает, как сердце велит, хотя, может быть, сердце у нее необузданное, дикое, подозрительное, да и вообще она похожа на хитрую ворону, которая упрямо добивается желанной цели. И еще ей подумалось, что тетушка Мох возится с Терру не из одних лишь добрых побуждений: ее притягивает к девочке то несчастье, что с ней случилось, то насилие, тот страшный костер...

Ничто, однако, ни в словах Терру, ни в ее поведении не свидетельствовало о том, что тетушка Мох чему-то учит ее — разве что отыскивать гнезда жаворонков да собирать чернику; а еще она научила девочку играть в «путанку» одной рукой. Правую руку Терру хищный огонь превратил в некое подобие большого когтя, и с помощью изуродованного большого пальца этой руки можно было лишь ухватить что-то, как крабьей клешней. Но тетушка Мох знала великое множество замечательных способов сплести «путанку». Для некоторых было вполне достаточно четырех пальцев одной руки и большого пальца другой; и каждый раз, переплетая травинку или нитку, можно было сказать какой-нибудь «волшебный» стишок, вроде:

*Путай, путай, цвет вишневый!
Жги, жги — пойдут дожди,
А ты дракона подожди!*

...И тогда непременно получалось сразу четыре треугольника, которые легко, стоило только дернуть за конец, превращались в квадрат... Терру никогда громко не пела, но Тенар слышала, как она себе под нос нашептывает слова этой песенки,

сидя в одиночестве на крылечке Огионова дома и трудясь над очередной «путанкой».

А еще Тенар думала о том, что же это за силы такие — куда более могучие, чем жалость, чем простая обязанность помочь беспомощному, — заставили ее так привязаться к этому ребенку? Девочка, конечно, осталась бы в доме Жаворонка, если бы Тенар тогда ее не забрала. Но Тенар забрала ее, даже ни на секунду не задумавшись, почему, собственно, так поступает. Следовала ли она зову своего сердца? Огион тоже ведь ничего не спросил у нее о Терру и все-таки сказал: «Ее будут бояться». А Тенар ему ответила: «Ее уже бояться», и это было действительно так. Может быть, и сама она боялась этой девочки, как боялась жестокости, насилия, пожара? Не этой ли силой — силой страха! — была она привязана к Терру?

— Гоха, — спросила Терру, сидя на корточках под персиковым деревцем и рассматривая то место, где жарким летним днем она посадила персиковую косточку, — а что такое дракон?

— Драконы — это огромные существа, похожие на ящериц, но только длиннее самого большого корабля и выше, чем дом. У них есть крылья, как у птиц. И они выдыхают пламя.

— А сюда они прилетают?

— Нет.

Больше Терру ни о чем спрашивать не стала.

— Это тетушка Мох рассказывала тебе о драконах?

Терру покачала головой:

— Нет, ты.

— Ах вот как! — удивилась Тенар. И, немножко помолчав, прибавила: — Тому персику, что ты посадила, чтобы расти, нужна вода. Обязательно поливай его хотя бы раз в день, пока дожди не начнутся.

Терру вскочила и бегом бросилась за угол дома, к колодцу. Ее прелестные стройные ножки огонь пощадил. Тенар очень любила смотреть, как она ходит или бежит, как ступают ее смуглые, изящные ступни по этой земле. Девочка вскоре вернулась, с трудом волоча за собой тот кувшин, с которым всегда ходил за водой Огион, и устроила вокруг своего саженца небольшой потоп.

— Значит, ты запомнила ту историю, когда люди и драконы считали себя одним народом... Про то, как на островах Земноморья поселились люди, в первую очередь здесь, на востоке... а драконы остались далеко-далеко на западе.

Терру кивнула. Она, казалось, не придавала своему вопросу значения, однако, когда Тенар произнесла «далеко-далеко на западе», показав куда-то в морскую даль, Терру вдруг вскинула

лицо к высокому ясному небу, кусок которого виднелся между побегами фасоли и углом загона для коз.

На крыше загона показалась коза и повернулась к ним боком, надменно задрав голову. Судя по ее гордому виду, в данный момент она явно считала себя настоящей горной козой.

— Ну конечно, эта Сиппи снова удрала, — сказала Тенар.

— Эй, пошла, пошла! — закричала Терру, подражая деревенской пастушке, которая и сама вскоре появилась из-за угла и стала кричать на упрямую козу, но та не обращала на нее ни малейшего внимания, задумчиво созерцая растущую внизу фасоль.

Тенар предоставила им возможность поиграть в привычную игру под названием «поймай Сиппи» и побрела мимо грядок с фасолью к самому краю Большого Утеса и дальше, дальше над обрывом. Дом Огиона стоял в стороне от деревни, совсем близко от того места, где крутой склон горы переходил с одной стороны в каменистые, поросшие травой террасы, пригодные для выпаса коз, а с другой — стеной нависал над морем. По самой кромке обрыва шла тропа; на ней отчетливо видна была верхняя часть рудной жилы. А примерно в миле от деревни склоны Большого Утеса становились более пологими, превращаясь в некое подобие козырька из красного песчаника, нависавшего над морем, которое уже значительно подмыло его основание.

Здесь, на самом дальнем краю Большого Утеса, не росло ничего, кроме мхов и лишайников, лишь кое-где мелькала голубая ромашка, потрепанная ветром и прибитая к земле, похожая на случайно оброненную пуговицу. Если же встать спиной к морю, а лицом — к северу и востоку, то почти сразу за узкой полоской заболоченной земли круто поднимался к небесам, скрывая горизонт, склон самой огромной горы, покрытый лесом почти до самой вершины. Большой Утес так далеко выступал над водами залива, что с его края можно было разглядеть часть береговой линии и долины Эссари вдаль, тонувшие в дымке. А дальше на юг и на запад — только небо да синее море.

Тенар часто ходила к обрыву, когда жила в Ре Альби. Огион любил леса. А она столько времени прожила в пустыне, где на расстоянии многих дней пути не было ни единого деревца, разве что в саду при храмах росли яблони и персики; садовые деревья в течение всего долгого лета приходилось поливать вручную. Вокруг же не было ничего влажного, свежего, даже зеленой травы — только округлый холм, пустынная долина да небо над ней. И Тенар очень любила стоять на самом краю утеса, где столько воздуха и простора, где леса не обступают

тебя со всех сторон, где над головой нет ничего, кроме бескрайнего неба. Это было замечательно!

Мхи, серые лишайники, приземистые некрупные ромашки тоже очень нравились ей: то были ее друзья. Она уселась на выступе скалы, у самой кромки обрыва, как всегда глядя в морскую даль. Солнце пригревало сильно, но вечный здесь ветер смягчал жар его лучей, осушал разгоряченное лицо и обнаженные руки. Она, запрокинув голову, оперлась руками о землю; солнце, ветер, синь небес целиком заполнили ее душу, она как бы вся была просвечена окружающим ее простором моря и неба. Неожиданно укол в ладонку левой руки напомнил Тенар о собственной живой плоти, и она, очнувшись, посмотрела на землю. Это оказался крошечный, едва видимый стебель чертополоха, торчавший из трещины в камне; он жадно протягивал свои бесцветные колючки навстречу солнцу, упрямо сопротивлялся порывам ветра и крепко держался корнями за скалу. Тенар долго смотрела на крохотное растение.

Когда же она вновь подняла глаза, то увидела в далекой голубой дымке на горизонте синеватые очертания острова: Оранья, самый восточный из Внутренних Островов.

Она смотрела туда, на это призрачное видение, и о чем-то грезил, пока внимание ее не привлекла какая-то необычная птица, летевшая над морем с запада к острову Гонт. То явно была не чайка, ибо летела она слишком медленно, однако и для пеликана она летела слишком высоко... Может, это дикий гусь? Или альбатрос, редкий гость, великий скиталец Открытого моря, залетел на эти острова? Она смотрела, как медленно и плавно поднимаются и опускаются широкие крылья — где-то высоко над землей, в чуть дрожащем от жары мареве. Потом вдруг вскочила, отбежала подальше от края обрыва и застыла у скалы без движения; сердце билось так, словно вот-вот выскочит из груди, ей стало трудно дышать, ибо теперь ясно видны стали и изогнутое темно-стальное тело, и могучие перепончатые крылья, полыхающие красным заревом, и выставленные вперед когти, и вырывающиеся из чудовищной пасти клубы дыма.

Дракон летел прямо к Большому Утесу, прямо к тому месту, где стояла она. Тенар видела, как поблескивает ржаво-черная чешуя, как горят продолговатые страшные глаза. Красный язык пламени вырвался из пасти вместе с запахом гари, когда с шипением и ревом дракон развернулся и приземлился на скалистом обрыве над морем.

Когти его с металлическим скрежетом царапнули камни. Украшенный шипами хвост гремел, извиваясь, а крылья, совершенно алые там, где сквозь них просвечивало солнце,

бурно хлопали и тоже гремели, пока дракон не успокоился и не сложил их за спиной. Тогда, медленно повернув голову, он посмотрел на женщину, что застыла в опасной близости от его когтей, похожих на лезвия косы. Женщина тоже посмотрела на дракона. От тела чудовища исходил нестерпимый жар.

Тенар давно знала, что нельзя смотреть дракону прямо в глаза, но сейчас ей почему-то все было нипочем. Дракон глянул из-под бронированных щитков, напоминавших черепашины и прикрывавших широко расставленные по обе стороны плоской морды глаза, прямо на нее, а в глубине его ноздрей бушевало пламя, клубился дым. Однако она тоже не отвернулась, а смело встретила его взгляд своими темными глазами.

Никто не произнес ни слова.

Дракон чуть отвернул голову, видимо, чтобы не сжечь ее, когда раскроет пасть, — а может, ему вдруг стало смешно? — и выдохнул вместе с языком оранжевого пламени нечто вроде громopodobного «Ха!». И, почему-то совсем ссутулившись, проговорил почти нежно, но явно обращаясь не к ней:

— *Абивараубе, Гед.*

И тут же его окутали клубы дыма, в котором порой мелькал и тонкий язык пламени. Потом пламя и дым исчезли, дракон опустил голову, и Тенар впервые за все это время заметила, что на спине чудовища сидит человек, примостившись у самой шеи, у самых корней гигантских крыльев, в углублении между двумя похожими на огромные мечи шипами. Шипы эти спускались вдоль хребта дракона до самого кончика хвоста. Руки человека судорожно вцепились в ржаво-черную чешую, а голова была запрокинута и упиралась в основание мощного шипа; человек этот, похоже, спал.

— *Аби эбераубе, Гед,* — сказал дракон чуть громче, и Тенар показалось, что он все время улыбается своей длинной пастью, показывая зубы длиной с человеческую руку, желтоватые, с белыми острыми концами.

Человек у него на спине даже не пошевелился.

Дракон снова повернул голову на длинной шее и посмотрел на Тенар.

— *Собриост,* — сказал он — словно сталь прошелестела по стали.

Это слово Истинной Речи она знала. Огион называл ей все слова Истинной Речи, которые она хотела узнать. Дракон велел ей подняться наверх? И она вдруг отчетливо увидела ступени, ведущие к нему на спину: когтистая лапа, кривоватый локоть, плечевой сустав, мощное основание крыла — четыре ступени.

Она почему-то тоже выдохнула:

— Ха!

Но то был не смех — она просто пыталась перевести дыхание, исторгнуть то, что комом застряло у нее в горле. Потом на мгновение опустила голову, чтобы преодолеть дурноту — ах, как близко были огромные когти, и длинная безгубая пасть, и желтый продолговатый глаз! — и уверенно поднялась на спину дракона. Коснулась руки сидевшего там человека, но он не пошевелился. Впрочем, мертв он не был, иначе дракон не стал бы разговаривать с ним.

— Ну же! — сказала Тенар, наконец разглядев его лицо и разжав впившиеся в драконову чешую пальцы. — Ну же, Гед! Пойдем!..

Он едва заметно приподнял голову. Открытые глаза его, однако, оставались как бы незрячими. Тенар пришлось обойти его, царапая ноги о горячую чешую дракона, и долго отцеплять пальцы правой руки, которыми он продолжал крепко сжимать шипастый выступ на шее чудовища. Она позволила Геду с той же силой вцепиться в ее собственную руку и благодаря этому сумела протащить его вниз по всем четырем «ступеням».

Он изо всех сил старался держаться за нее, однако силы совсем оставили его, и он мешком рухнул на каменистую землю.

Дракон склонил гигантскую голову и совершенно по-звериному обнюхал тело человека.

Потом встрепнулся, глухо пророкотали приподнявшиеся мощные крылья, и он чуть попятился от Геда к краю утеса. Там, повернув голову на шипастой шее, он снова посмотрел Тенар прямо в глаза и сказал — словно пламя заревело в огромном горне:

— *Тбессе Калессин.*

Морской ветер шуршал в его полураскрытых кожистых крыльях.

— *Тбессе Тенар,* — звонко ответила ему женщина, хотя голос ее чуть дрожал.

Дракон некоторое время смотрел вдаль, куда-то на запад, за море. Потом вдруг содрогнулся всем своим длинным телом, страшные когти лязгнули по камням, гигантские крылья с шелестом раскрылись, дракон подпрыгнул и будто свалился с утеса, подхваченный ветром. Только длинный хвост еще какое-то время волочился по земле. Несколько раз поднялись и опустились красные крылья, и Калессин сразу оказался очень далеко от острова, направляясь прямо на запад.

Тенар смотрела ему вслед, пока он не стал казаться диким гусем или чайкой. Сразу похолодало. Рядом с драконом ей было жарко, словно все вокруг согрел он пламенем, бушевавшим

у него внутри. Тенар поежилась от холода. Потом опустилась на землю возле Гед и в полный голос заплакала, закрыв лицо руками.

— Но что же я могу сделать? — шептала она. — Что же я могу сделать теперь?

Однако плакала она недолго и вскоре вытерла глаза и нос рукавом, обеими руками откинула назад волосы и перевернула лежащего рядом Гед лицом вверх. Теперь он лежал на этих голых скалах так спокойно и естественно, что казалось, улегся там навеки.

Тенар вздохнула. Ничего поделать с этим она не могла, но всегда ведь найдется, что можно сделать еще...

У нее не хватает сил отнести его домой. Нужна помощь. Значит, придется оставить его на какое-то время одного. Ей казалось, что он лежит слишком близко к краю и если попытается встать, то вполне может упасть вниз. Он слишком слаб и вряд ли сможет удержаться на ногах. Как бы ей его передвинуть? Он даже головы не поднял, когда она попыталась с ним заговорить, коснулась его. Тогда Тенар подхватила его под мышки и попробовала оттащить подальше от края. К ее удивлению, он оказался очень легким, несмотря на то что лежал словно мертвый. Вдохновленная успехом, она оттащила его шагов на семь или восемь от обрыва и уложила не на голые камни, как раньше, а на тонкий слой земли, поросший пучками дикой травы, — это тоже давало ощущение безопасности. Там она его и оставила. Бежать Тенар была не в состоянии: ноги дрожали, дыхание со стоном вырывалось из груди; однако она старалась идти как можно скорее и, приближаясь к дому Огиона, громко звала на ходу тетушку Мох, Терру и пастушку Вереск.

Девочка первой выбежала на зов из-за козьего загона и, как всегда, послушно остановилась, однако навстречу Тенар не бросилась, не выразила ни малейшей радости сама и не искала встречной радости на лице своей приемной матери.

— Терру, сбегай в деревню и попроси кого-нибудь прийти сюда... кого угодно, только посильнее... Там у обрыва раненый человек...

Терру так и застыла. Она никогда еще не ходила в деревню одна. И теперь в душе ее боролись привычное послушание и страх. Заметив это, Тенар спросила:

— А тетушки Мох здесь нет? А Вереск где? Мы бы вдвоем и сами смогли его отнести. Скорей, скорей, Терру, позови их! — Ей представилось, что если Гед, совершенно беззащитный, еще пробудет там, на краю обрыва, то непременно умрет. А она просто не успеет вернуться. Умрет, упадет или его унесут

драконы. С ним-то уж все что угодно может случиться. Скорее, скорее туда! Флинт умер в одиночестве. Пастух случайно нашел его у ворот. Огион тоже умер, и она не сумела, не смогла удержать его. Гед тоже вернулся домой умирать, и наступил конец всему, ничего больше у нее не оставалось, нечего ей было делать в этом мире... Но все-таки приходилось действовать. — Скорей, Терру! Приведи же кого-нибудь!

Она сама побрела было, пошатываясь, к деревне, но тут увидела, как старая ведьма спешит к ней через пастбище, опираясь на толстую палку из ствола боярышника.

— Ты звала меня, милая?

Тенар сразу же стало легче на душе. Она обрела способность вновь нормально дышать и думать. Тетушка Мох не стала тратить время на расспросы и, лишь узнав, что какой-то человек ранен и его нужно перенести сюда, прихватила плотную циновку, которую развесила на изгороди Тенар, и поспешила на край обрыва. Вместе с Тенар они уложили Геда на эту циновку и уже тащили домой, хотя и с большим трудом, когда на помощь подоспела Вереск вместе с Терру и козой Сиппи. Девушка была молодой и сильной, и теперь они сумели поднять циновку за четыре угла и быстро перенести Геда в дом.

Тенар и Терру спали вместе — в алькове у западной стены. У противоположной стены была лежанка Огиона, теперь застланная плотной льняной простыней. На нее они и положили раненого. Тенар укрыла его одеялом, пока тетушка Мох суежилась вокруг постели и шептала всякие заклятия, а Вереск и Терру просто стояли и смотрели.

— Ну а теперь дайте ему отдохнуть, — сказала Тенар и вывела всех на крыльцо.

— А он кто? — спросила Вереск.

— И что у обрыва делал? — спросила тетушка Мох.

— Ты же его знаешь, тетушка Мох. Когда-то он был учеником Огиона... Айхала.

Ведьма покачала головой.

— То был парень родом из Десяти Ольховин, милая, — сказала она. — Он потом стал Верховным Магом на острове Рок.

Тенар согласно кивнула.

— Нет, милая, это не тот, — сказала старуха. — Он только похож на того. Но это не он. Этот человек никакой не маг. Даже и не колдун.

Вереск с любопытством поглядывала то на Тенар, то на тетушку Мох. Она мало что понимала из людских разговоров, но очень любила слушать, когда люди говорили друг с другом.

— Но я же узнала его, тетушка Мох! Это Ястребок. — Произнесенное ею старое, привычное прозвище Геда вдруг

пробудило в ней прежнюю нежность, и она впервые действительно поняла, почувствовала, что это Гед, что все эти долгие годы, с того дня как тогда, давным-давно, она увидела его, связь между ними оставалась неразрывной. Тогда она увидела свет в глубоком подземелье, звезды в темной ночи и в этом свете — его лицо... — Я знаю его, тетушка Мох. — Она слабо улынулась, потом улыбка ее стала шире. — Он первый мужчина, которого я увидела в жизни.

Тетушка Мох что-то забормотала; она явно колебалась. Ей не хотелось перечить «госпоже Гохе», однако слова той казались ведьме совершенно неубедительными.

— Бывают всякие трюки, ловушки, превращения, подмены... — проговорила она. — Ты бы лучше поостереглась, милая. Как он попал-то туда, на самый край обрыва? Вроде бы никто не видел, как он через деревню шел?

— А разве никто... не заметил?..

Они дружно уставились на Тенар. Она попыталась выговорить «того дракона» и не смогла. Губы и язык не слушались, слово «дракон» не выговаривалось. Зато само сложилось дружное слово и заставило Тенар выдохнуть:

— ...Калессина...

Терру смотрела на нее во все глаза. Казалось, от девочки волнами исходит тепло, жар, словно она горит в лихорадке. Она ничего не сказала вслух, лишь губы ее слегка шевельнулись — она про себя повторила имя дракона, и жар вокруг нее стал еще ощутимее.

— Фокусы, — заявила тетушка Мох. — Сейчас, когда наш старый маг умер, непременно сбегутся всякие трюкачи да шутики.

— Мы вдвоем с Ястребом на маленькой открытой лодке приплыли через море с Атуана на Хавнор, а потом — на Гонт, — сухо сказала Тенар. — Ты же видела его, когда он привез меня сюда, тетушка Мох. Тогда он еще не был Верховным Магом Земноморья, но выглядел точно так же. Разве у кого-нибудь еще есть такие шрамы?

Оскорбленная старуха так и застыла, пытаясь совладать с собой. Потом глянула на Терру.

— Нет, — сказала она. — Но...

— Неужели ты думаешь, что я бы его не узнала?

Тетушка Мох поджала губы, вся напряглась и, опустив глаза, потеряла друг о друга большие пальцы рук.

— В этом мире много зла, госпожа, — сказала она. — Есть такие существа, что способны отнять у человека его тело, его обличье... даже его душу...

— Ты думаешь, он оборотень?

Тетушка Мох вздрогнула оттого, что страшное слово было произнесено вслух. И кивнула:

— Ведь и правда говорят, что однажды маг Ястреб явился сюда — это было давным-давно, еще до того, как он привез тебя, — и его преследовало одно из порождений Тьмы. Может быть, та тень по-прежнему ходит за ним по пятам. А может...

— Тот дракон, что принес Ястреба сюда, — сказала Тенар, — называл его Истинным Именем. И мне это имя известно! — В голосе ее зазвенел гнев, вызванный упрямой подозрительностью ведьмы.

Тетушка Мох стояла, не говоря ни слова. И это ее молчание было куда красноречивее любых слов.

— Возможно, тень, что витает над ним, — это тень его смерти. Возможно, он просто умирает сейчас. Не знаю. Если бы Огион...

Вспомнив Огиона, Тенар залилась слезами: Гед опоздал, дракон принес его сюда слишком поздно. Проглотив горький комок в горле, она подошла к камину и стала разжигать огонь с помощью кремня и огнива. Потом протянула Терру пустой чайник, чуть коснувшись при этом губами ее щеки. Чудовищные уродливые шрамы были горячи на ощупь, но жара у девочки не было. Тенар опустилась перед камином на колени. Кто-то в их распрекрасном доме должен все-таки заниматься делами насущными — ведьма ли, вдова, девочка-калека или полубезумная пастушка! И нечего пугать ребенка всякими там слезами! Но тот дракон улетел, и неужели нечего больше ждать, кроме смерти?

Глава 5

ПЕРЕМЕНЫ К ЛУЧШЕМУ

Он лежал как мертвый, однако мертвым не был. Где же бродил он? Сквозь какие испытания прошел? Вечером при свете очага Тенар сняла с него грязную, изношенную, заскорузлую от пота одежду, вымыла его и уложила обнаженным на чистые льняные простыни, укрыв толстым теплым одеялом из козьей шерсти. Он всегда был невысоким и на вид довольно хрупким, хотя и очень стройным, однако всегда как бы источал неиссякающую жизненную силу; теперь же он так исхудал, словно вся его сила ушла, а плоть истрачена без остатка; даже шрамы, бороздившие его левое плечо и левую щеку от виска до подбородка, как бы уменьшились, подернулись патиной времени. И совсем серебряной стала его голова.

«Я безумно устала — устала хоронить, — думала Тенар. — Меня тошнит от похорон, тошнит от горя утрат. Нет уж, его мне хоронить не придется: ведь он явился ко мне верхом на драконе!»

«А когда-то я хотела убить его, — вспомнила она. — Но теперь заставлю жить — если смогу». И она посмотрела на Геда с вызовом, а не с жалостью.

Так кто же из нас кого спас тогда, в Лабиринте, Гед?

Он спал и ничего не слышал, даже не шевельнулся ни разу. Тенар чувствовала чудовищную усталость. Она вымылась остатками теплой воды и забралась в постель рядом со свернувшейся тихим теплым клубочком Терру. Тенар уснула сразу, и сон неожиданно перенес ее в непонятное, открытое всем

ветрам пространство, совершенно бескрайнее и окутанное розовато-золотистой дымкой. Она летела. И звала: «Калессин!» И чей-то голос летел ей навстречу в потоках света.

Когда она проснулась, в полях и под застрехой уже всюду щебетали птицы. Сев в постели, Тенар увидела утренний свет сквозь толстое дешёвое стекло в низеньком окошке, выходящем на запад. Что-то таилось в ее душе, крохотное семя, отблеск неведомого, слишком далекого, чтобы можно было понять, что же это такое, но вся душа ее была охвачена совершенно новым чувством. Терру все еще спала. Тенар сидела с ней рядом, глядя в маленькое окошко на облака, просвеченные солнцем, и вспоминая свою дочку по прозвищу Яблочко — какой та была в детстве. Мимолетный образ тут же исчез, едва она попыталась присмотреться повнимательнее — крохотное тельце, пухлые, вздрагивающие от смеха щеки, рассыпающиеся кудряшки... А второй ее ребенок в шутку прозван был Искоркой — искру эту как бы высек Флинт Кремень. Она, мать, не знала его Подлинного Имени. Сын был в детстве настолько слабым и болезненным, насколько была здоровенькой Яблочко. Он родился до срока, совсем крошечным, да еще спустя два месяца чуть не умер от крупа, и первых два года ей все казалось, что она выхаживает едва живого воробышка — когда сегодня не знаешь, будет ли малыш жив завтра. Но ребенок выжил, крохотная искорка не потухла. И, подрастая, мальчик становился все более крепким и жилистым, совершенно неутомным, даже настырным; проку от него на ферме не было никакого: у него не хватало терпения на животных, на растения, на людей; он и словами-то пользовался исключительно для удовлетворения собственных потребностей, но никогда — ради удовольствия беседы, для объяснения в любви, для обмена знаниями...

Однажды, как обычно скитаясь по лесам, к ним заглянул Огион — Яблочку тогда было тринадцать, а Искорке — одиннадцать. И Огион дал дочери Тенар ее Подлинное Имя, совершив обряд у истоков реки Кахеды. Она была очень красива — полуженщина-полудитя, — когда шла по зеленоватой воде. Огион назвал ее Хейохе. Он тогда прожил на Дубовой Ферме еще день или два и однажды спросил Искорку, не хочет ли тот отправиться в путешествие с ним вместе. Мальчик только головой помотал. «А чем бы ты занялся, будь твоя воля?» — спросил его Огион, и Искорка сказал Великому Магу то, чего до сих пор не решался сказать ни отцу, ни матери: «Ушел бы в море». Так что после того, как колдун по прозвищу Бук дал ему Подлинное Имя — это случилось через три года после разговора с Огионом, — сын Тенар нанялся моряком на торговое

судно, ходившее из Вальмута до острова Ораней и северных берегов Хавнора. Время от времени Искорка появлялся на ферме, но не часто и никогда не задерживался надолго, хотя после смерти отца ферма переходила к нему. Белокожий, как Тенар, он вырос высоким, жилистым и уколицим, как Флинт. Он так и не назвал родителям своего Подлинного Имени. Похоже, он никому на свете его не назвал. Тенар не видела сына уже три года. Может быть, он уже узнал о смерти отца, может быть, нет. А может быть, его и самого уже не было на свете — умер, утонул... Но она считала, что этого не могло случиться. Он просто обязан был пронести ту искру, что зажгла в нем жизнь, через все моря, сквозь любые шторма.

Вот и в ней сейчас словно зажглась какая-то искра, точно все ее существо уверовало в неизбежность перемен, во что-то новое, неведомое. Что же это? Она, пожалуй, и спросить не решилась бы. О таком не спрашивают. Как не спрашивают у человека, каково его Подлинное Имя, есть оно у него или нет.

Тенар встала, оделась. Несмотря на раннее утро, было уже совсем тепло, так что огня она разжигать не стала. Просто выпила кружку молока, сидя на крыльце и глядя, как тень горы Гонт, падавшая на море, втягивается постепенно внутрь острова. Здесь, на продуваемом всеми ветрами скалистом мысу, сейчас царило почти полное безветрие, и слабое дыхание, все-таки ощущавшееся в воздухе, пахло летом, дивными ароматами луговых трав. И что-то еще удивительно благостное разливалось вокруг — что-то непривычное, какая-то радость.

«Все переменялось!» — прошептал старый Огион, умирая, но тоже явно чувствуя радость. И накрыл ее руку своей. Он тогда принес ей в дар бесценную вещь — свое Подлинное Имя, словно отдавая его навсегда.

— Айхал! — прошептала она. Он не ответил, только проблеяли козы в загоне: они ждали, когда Вереск придет их доить. «Бе-е», — сказала одна, а другая более низким, металлическим голосом откликнулась: «Бла-а! Бла-а!» Поверь козе, говаривал Флинт, если хочешь все испортить. Флинт, хотя и сам когда-то был пастухом, коз недолюбливал. А Ястреб в детстве был как раз козопасом — здесь, на Гонте, только с другой стороны горы.

Тенар вошла в дом и обнаружила, что Терру стоит у постели Геда и внимательно смотрит на спящего. Она обняла девочку, и, хотя Терру обычно слегка отстранялась при любом, даже самом ласковом прикосновении или по крайней мере проявляла полное равнодушие, на этот раз она ласку не только приняла с благодарностью, но даже, пожалуй, сама немного прижалась к Тенар.

Гед, обессиленно распростертый на постели, был погружен все в тот же непробудный сон. Четыре страшных шрама-отметины на левой щеке были отчетливо видны.

— Это огнем? — спросила шепотом Терру.

Тенар ответила не сразу. Она и сама толком не знала, что это за шрамы. Когда-то она спрашивала его об этом — давно, в Расписной Комнате Лабиринта, на острове Атуан. «Это, наверно, дракон?» — спросила она тогда насмешливо. А он совершенно серьезно ответил: «Нет, это не дракон. Это отметины одного из Безымянных. Впрочем, имя этой твари я в конце концов узнал...» Вот и все, что ей было известно. Но она понимала, что для Терру значит слово «огонь».

— Да, — сказала она.

Терру продолжала смотреть на Геда. Она так наклонила головку, чтобы единственный ее зрячий глаз смотрел прямо на него, и от этого стала похожа на маленькую нахохлившуюся птичку — воробышка или зяблика.

— Пойдем-ка, птенчик, зяблик ты мой! Ему сейчас особенно нужно крепко спать, а тебе пора съесть персик. Интересно, созрел ли у нас там сегодня хоть один?

Терру тут же помчалась смотреть. Тенар пошла следом.

Поглощая персик, девочка внимательно изучала то место, где вчера посадила персиковую косточку. Она явно была разочарована тем, что там до сих пор ничего не выросло, однако ничего не сказала.

— Полей получше, — посоветовала ей Тенар.

После завтрака явилась тетушка Мох. Она замечательно умела плести корзины из тростника, росшего на болотах близ Большого Утеса, и Тенар как-то попросилась к ней в ученицы. С раннего детства, проведенного на острове Атуан, она любила учиться. А оказавшись на чужом для нее острове Гонт, обнаружила, что люди страшно любят кого-нибудь учить. Она научилась с благодарностью принимать любые знания и уроки, и благодаря этому ей быстро простили, что она чужестранка.

Когда-то свои знания ей передал Огион, потом — Флинт. Для нее естественно было всю жизнь чему-то учиться. И ей казалось, что еще столь многому на свете поучиться стоит, хотя раньше, слушая наставления жриц или будучи ученицей волшебника, она так не думала.

Тростник был замочен загодя, и сегодня с утра они собирались его расщеплять — занятие, требующее известного внимания, однако в общем несложное, так что вполне можно было и думать, и говорить о чем угодно.

— Тетушка, — спросила Тенар, сидя на крыльце перед ко-
рытцем с замоченным тростником и кучкой готовой щепы на
циновке, — а как ты можешь угадать, волшебник человек или
нет?

— То, что скрыто в глубине, ведомо лишь тем, кто глубоко
видит, — сказала тетушка Мох прочувствованно и прибавила: —
То, что рождено на этот свет, непременно заговорит. — И рас-
сказала Тенар историю о муравье, который подобрал на полу
во дворце один крошечный волосок и поспешил отнести его в
свой муравейник, а ночью весь подземный муравейник засия-
л, точно туда упала звезда, ибо волосок тот был с головы
Великого Мага Броста. Но лишь мудрые могли увидеть тот
свет в муравейнике. Обычным людям он казался погружен-
ным во тьму.

— Значит, просто нужны знания, просто нужно учиться? —
спросила Тенар.

— Может быть, нужно, а может быть, и нет, — такова была
суть весьма туманного ответа ведьмы. — Этот дар бывает по-
рой врожденным, — пояснила она. — Даже если человек о нем и
не знает, дар все равно остается при нем. И непременно засия-
ет когда-нибудь, как тот волосок Великого Мага, что попал в
муравейник.

— Да, — сказала Тенар, — такое и я видела. — Она акку-
ратно расщепляла стебли тростника и складывала щепу на
циновку. — Тогда как же ты узнаешь, что кто-то вовсе не вол-
шебник?

— Так ведь сразу видно! — воскликнула тетушка Мох. —
У такого ничего особенного за душой нет, милая. Нет у него
волшебной силы, и все. Вот посмотри. Если у меня есть глаза,
так ими я могу увидеть, что и у тебя глаза тоже есть, так ведь?
А если ты слепа, так я и это сразу увижу. Или если у тебя, к
примеру, только один глаз зрячий, как у нашей малышки, или,
скажем, три глаза — это ведь тоже сразу заметно, разве не так?
Но если у меня самой ни одного зрячего глаза нет, так я ни за
что не узнаю, зрячая ли ты, если ты сама мне об этом не
скажешь! Но у меня-то глаза есть! Я знаю, что вижу прекрасно.
Третий глаз! — Она коснулась собственного лба и разразилась
смехом — громким сухим кудахтаньем, словно торжествующая
наседка, которая только что снесла яйцо. Она была довольна,
что отыскала нужные слова и сумела выразить именно то,
что хотела. По большей части ее невнятная и довольно-таки
двусмысленная манера выражать собственные мысли, как Те-
нар давно уже начала подозревать, была связана именно с
неумением управлять словами. Никто никогда не учил ее

выражать свои мысли последовательно. Никто никогда не прислушивался к тому, что она говорит. Все ждали от нее, ведьмы, именно этого невнятного, загадочного, волшебного бормотания. Она как бы не должна была иметь ничего общего с ясными значениями слов.

— Понимаю, — сказала Тенар. — Тогда... но, может быть, ты на этот вопрос и не захочешь отвечать? Скажи, вот если ты смотришь на кого-то этим своим «третьим глазом», то есть видишь его волшебным зрением, сразу ли ты понимаешь, какова его волшебная сила?

— Это скорее от знаний зависит, — сказала тетушка Мох. — Увидеть человека — это все равно что сказать: *Я его увидел*. Узнать и увидеть — не одно и то же. Я вот вижу тебя, вижу этот тростник, вижу эту гору. А с людьми знание нужно. Я, например, знаю, что есть в нашей милой малышке и нету в том мужчине... который у тебя в доме лежит. Что есть в тебе и нет в нашей пустоголовой пастушке Хетер. Я знаю... — Но дальше сопоставлять ей оказалось не под силу. Она что-то пробормотала и сплюнула. — Каждая хоть сколько-нибудь стоящая ведьма тут же другую ведьму признает! — выпалила она наконец.

— Значит, вы друг друга легко узнаете?

Тетушка Мох кивнула:

— Да, точно. Так оно и есть. Узнаем.

— И любая волшебница сразу узнает и поймет, что в тебе есть волшебная сила, что ты колдунья?..

Но тут тетушка Мох как-то странно ухмыльнулась — открылась черная пещера беззубого рта в паутине бесчисленных морщин — и посмотрела прямо на Тенар.

— Милая ты моя, ты, верно, хотела сказать «волшебник», а не «волшебница»? Разве можем мы сравниться с мужчинами-волшебниками?

— Но Огион...

— Лорд Огион был добр, — очень серьезно сказала тетушка Мох.

Некоторое время обе молчали, упорно продолжая расщеплять стебли тростника.

— Смотри не поранься, не занози руку, дорогая, — предупредила тетушка Мох.

— Но Огион же учил меня! Как если бы я вовсе не была девушкой. Как если бы я была его настоящей ученицей — как Ястреба. Он учил меня Языку Созидания. Что бы я у него ни спросила, обо всем он рассказывал мне.

— Другого такого человека на свете не было и нет.

— Это же я сама не захотела, чтобы он меня учил дальше. Я сама ушла от него. Зачем мне были бы его книги в деревне? Что хорошего они бы мне дали? Я тогда хотела жить как все, хотела иметь мужа, детей; я хотела прожить *свою собственную* жизнь.

Она аккуратно и ловко расщепляла ногтем стебли тростника.

— И все это у меня получилось, — прибавила она.

— Ты бери стебель правой рукой, а щепу откладывай левой, — посоветовала ведьма. — Что ж, дорогая моя госпожа, кто может знать заранее? Кто? Желание иметь своего мужчину не единожды приносило мне ужасные неприятности. А вот желания выйти замуж у меня особого не было. Нет-нет! Все это не для меня!

— Почему же? — спросила Тенар.

Удивленная тетушка Мох ответила просто:

— Как же, да разве мужчина станет жениться на ведьме? — И, как-то странно шевельнув челюстями, словно овца, жующая жвачку, прибавила: — Да и какая ведьма выйдет за обыкновенного мужчину?

Опять обе помолчали.

— А что плохого в обыкновенных мужчинах? — осторожно спросила Тенар.

И тетушка Мох тоже осторожно, почти шепотом, ответила:

— Не знаю, милая. Я об этом частенько думала. Да, частенько. И самое большее, что я могу о них сказать... видишь ли, мужчина заполняет собственную шкуру, словно ядрышко ореха скорлупку. — Она вытянула свои длинные крючковатые влажные пальцы так, словно обхватила ими орех. — И скорлупа эта плотная и твердая; и вся она изнутри заполнена им самим. Вся заполнена великолепной мужской плотью, мужским духом. И больше там не помещается ничего! Только он сам — и больше ничего!

Тенар немного подумала и наконец спросила:

— Ну а если это волшебник?

— Тогда там, внутри скорлупы, одна лишь его волшебная сила, видишь ли. Его могущество — это и есть он сам. Так-то оно с мужчинами. Так что коли уж его волшебная сила уходит, то и сам он исчезает вместе с ней. Только пустая скорлупа остается! — Она как бы расколола орешек и выбросила осколки скорлупы. — И ничего больше.

— Ну а что же ты о женщинах скажешь в таком случае?

— О, милая, женщина — это совсем другой разговор. Кто знает, где начинается и где кончается женщина? Послушайка, госпожа, вот у меня, например, есть корни — глубже, чем у этого острова. Глубже моря они и старше самых первых из

островов Земноморья. Далеко во тьму уходят они. — Глаза тетушки Мох сверкнули странным огнем меж покрасневших век, а голос вдруг обрел неслыханную мелодичность. — Во тьму! Я появилась на свет раньше, чем луна. Никто, никто не знает, никто не может сказать, что я такое, что такое женщина и в чем ее могущество, и уж тем более — волшебное могущество женщины; женские корни глубже, чем корни деревьев, глубже, чем корни островов; женщина старше, чем наш Создатель Сегой, старше, чем луна в небе. Кто осмелится задавать вопросы Тьме? Кто спросит Тьму, каково ее Подлинное Имя?

Старуха говорила вдохновенно, почти пела, забыв обо всем на свете; но Тенар сидела по-прежнему прямо, упорно и спокойно расщепляя один стебель за другим.

— Я спрошу ее, — сказала она. И расщепила еще один стебель. — Я достаточно долго прожила во тьме.

Время от времени она заглядывала в дом и видела, что Ястреб по-прежнему спит. Вот и сейчас она встала и пошла посмотреть на него. Когда же она снова уселась рядом с тетушкой Мох, то ей совершенно расхотелось продолжать этот разговор, потому что вид у старухи был кислый, даже сердитый, и Тенар сменила тему.

— Сегодня утром, проснувшись, я почувствовала... ну как если бы ветер новый подул. Какую-то перемену. Может быть, просто погода переменялась? А ты ничего такого не почувствовала?

Тетушка Мох не сказала ни да ни нет.

— У нас тут, на Большом Утесе, каких только ветров нет — и добрые, и злые... Одни ненастье приносят, другие ясную погоду, а некоторые приносят тем, кто, конечно, их услышать может, разные вести, да только тот, кто ветры слушать не желает, тот их и услышать не может. Ну а что я о ветрах знаю — старуха, которую и магии-то не учили, которая и книг-то великих не читала? Все мои знания — из земли, из темной земли. Той, что у них под ногами, у этих гордецов. У всех этих заносчивых Лордов и Великих Магов. Разве они станут с высоты своих знаний вниз смотреть? Да и что, в конце концов, может знать какая-то старая ведьма?

«Она была бы отличным противником, — подумала Тенар, — но дружить с ней трудно».

— Тетушка, — сказала она, снова беря в руки тростник, — я выросла среди женщин. Там, в стране каргов, далеко на востоке, на острове Атуан, меня окружали только женщины. Маленькой девочкой меня взяли из семьи и вырастили в

пустыне, чтобы затем сделать Великой Жрицей. Не знаю, как по-настоящему называется та пустыня, мы ее называли просто Священным Местом. И это было единственное место, которое я знала. Храмы охраняли воины, но им было запрещено входить на территорию, ограниченную Стеной. А мы не смели покидать ее. Мы выходили за ее пределы только толпой — сплошь женщины и девочки, сопровождаемые охраной, состоявшей из евнухов, которые держали всех мужчин на недосягаемом для глаза расстоянии.

— Кто это такие — те, кого ты только что назвала?

— Евнухи? — Тенар машинально употребила каргадское слово. — Оскопленные мужчины.

Ведьма уставилась на нее, проговорила: «Тсекб!» — и особым жестом отогнала зло. Потом нервно облизала губы. Она была чрезвычайно озадачена.

— Один из них, — продолжала Тенар, — практически заменил мне мать... Но согласишься ли, тетушка, я ни разу не видела настоящего мужчины, пока не стала совсем взрослой. Одних только девочек и женщин. И все-таки я не понимала как следует, что же женщины представляют из себя, именно потому, что женщины были единственными людьми, которых я знала. Это, наверно, как у тех мужчин, что подолгу лишены женского общества, — у моряков, солдат и еще Магов с острова Рок; разве понимают они по-настоящему, что такое мужчины? Как они могут знать это, если даже никогда не говорили с женщиной?

— Они что же, поступают с ними как с баранами да козлами? — занятая своими мыслями, спросила Мох. — Просто берут ножик и — чик?

Сейчас, вся охваченная ужасом и мрачной жадной мести, которая сильнее даже гнева, она просто не способна была рассуждать здраво и говорить на какую-либо иную тему, кроме как о евнухах.

Тенар немного могла ей рассказать. Она поняла, что никогда даже не задумывалась об этом. На Атуане было много евнухов, а один из них, Манан, нежно любил ее, и она его любила; но убила его во имя собственного спасения... А потом она попала на острова Архипелага, где никаких евнухов не было, и совсем позабыла о том, что где-то они еще существуют — они для нее словно навеки канули во тьму вместе с Мананом.

— По-моему, — сказала она, стараясь удовлетворить жадное любопытство тетушки Мох, — они выбирают маленьких мальчиков и... — Она вдруг умолкла. Даже руки перестали двигаться.

— Так было и с Терру, — снова заговорила она после долгого молчания. — Для чего еще нужен ребенок? Какой от малыша прок? Вот им и пользуются. Насилуют, уродуют... Послушай, тетушка Мох. Когда я жила в тех местах, где поклоняются Тьме, там жрицы прямо-таки горели жаждой насилия. А попав сюда, я решила, что вышла из тьмы на свет. Я научилась понимать нормальные значения слов. У меня был муж, я родила от него детей, я, в общем, жила хорошо. И света мне вполне хватало. Но и при свете с нашей Терру... сотворили такое... Там, на лугу, у реки. У той самой реки, где когда-то Огион дал Подлинное Имя моей родной дочери. И солнце светило... А я все пытаюсь понять теперь, где же я могла бы жить, тетушка Мох. Ты меня понимаешь? Ты понимаешь, что я хочу сказать?

— Что ж поделаешь? — вздохнула старуха и, помолчав, прибавила: — Милая ты моя, вокруг столько горя, что его и ис-кать-то не нужно — само придет. — И, заметив, как дрожат руки Тенар, пытающейся вновь приняться за работу, ласково предупредила ее: — Смотри не поранься, милая.

Лишь через сутки Гед пришел в себя. Тетушка Мох отлично умела выхаживать больных, несмотря на все свои причуды и грязноватую внешность. Она даже умудрилась влить раненому в рот несколько ложек мясного бульона.

— Долго голодал, — объявила она, — и прямо-таки высох от жажды. — И, внимательно осмотрев его, прибавила: — *Он слишком далеко зашел*, по-моему. После таких путешествий они обычно слабеют, милая, и потом не в состоянии даже пить, хотя вода — это единственное, что им совершенно необходимо. Я знавала одного волшебника, крупного и сильного мужчину, который после этого взял да и умер. В считанные дни тенью стал, знаешь ли.

Но благодаря неустанным и терпеливым заботам тетушки Мох больной все-таки понемногу пил крепкий бульон, сдобренный целебными травами.

— Ну теперь мы посмотрим! — сказала старая ведьма. — Хотя, по-моему, все-таки слишком поздно. Он от нас ускользает. — Она говорила об этом без горечи, пожалуй, даже с облегчением. Этот незнакомый мужчина был ей безразличен; просто еще одна смерть — обычное дело. Возможно, ей удастся похоронить хоть этого Мага. Ей же не позволили похоронить старого Огиона.

Тенар как раз обмывала Геду израненные руки. Он, должно быть, слишком долго ехал на спине Калессина и слишком яростно цеплялся за железную чешую дракона: с ладоней у

него была содрана вся кожа, а пальцы покрыты бесчисленными ссадинами и порезами. Даже во сне пальцы его оставались судорожно стиснутыми, словно он боялся разжать их и упасть со спины дракона. Тенар пришлось силой разжать ему руки, осторожно промыть и смазать целебной мазью раны. Однако он почти сразу же закричал и попытался покрепче ухватиться за что-то руками — во что бы то ни стало старался удержаться на Калессине. Потом глаза его вдруг открылись. Она тихонько окликнула его. Он посмотрел на нее и без улыбки сказал:

— Тенар... — всего лишь узнавая ее, но не проявляя никаких чувств. Но то, что он узнал ее, доставило ей несказанную радость — она словно увидела дивный цветок, вдохнула сладостный его аромат: остался все-таки на свете хотя бы один человек, знавший ее Подлинное Имя, и этим человеком был Гед.

Она наклонилась и поцеловала его в щеку.

— Лежи спокойно, — сказала она. — Дай мне закончить. — Он подчинился и, вновь откинувшись на подушку, погрузился в сон, однако теперь уже руки его немного расслабились и пальцы не были так судорожно сжаты.

Позже, уже ночью, засыпая рядом с Терру, она подумала: но ведь я никогда его раньше не целовала. И мысль эта потрясла ее до глубины души. Сначала она даже не поверила себе. Неужели за все эти годы?... Нет, не в Гробницах — потом, когда они вместе брели через горы... потом на «Зоркой» плыли в Хавнор... И позже, когда он привез ее сюда, на Гонт?..

Нет, Огион ведь тоже никогда не целовал ее, как и она — его. Огион называл ее дочкой, он очень любил ее, но, похоже, старался не прикасаться к ней; да и она, привыкшая к одиночеству, призванная исполнять роль Единственной Жрицы, святой и неприкосновенной, не искала возможности кого-то коснуться или просто не понимала, что ищет ее. Она обычно лишь на минутку прижималась лбом или щекой к руке Огиона, или же он сам мог погладить ее по голове — всего лишь разок легко коснуться ее волос.

А Гед никогда даже этого не делал.

«Неужели я никогда не задумывалась об этом?» — изумленно спрашивала она себя, испытывая нечто вроде смутного страха.

Она ничего не понимала. При мысли об этом какой-то ужас, ощущение совершаемого греха охватывали ее душу и медленно отступали, так и не найдя себе объяснения. Ее губы узнали теперь обветренную, суховатую, прохладную кожу его щеки у самого уголка рта, и одно лишь это теперь имело смысл, только это было важно для нее.

Она долго не могла уснуть. Но и во сне чей-то голос все звал ее: «Тенар! Тенар!», а она отвечала странными криками, словно морская птица, что летит над океаном в потоках света, вот только не понимала, чье имя выкрикивает в ответ.

Ястреб разочаровал тетушку Мох: он выжил. Через день-два она совсем сдалась и решила, что он чудом спасся от смерти, а потому упорнее, чем раньше, поила его бульоном из козлятины, разных корешков и целебных трав, бережно поддерживая при этом за плечи, окатывая могучим запахом своего давно не мытого тела, вливая в него жизнь ложку за ложкой и при этом постоянно бормоча что-то. Хотя и сам он узнал ее и называл, как все, тетушкой Мох и ей уже трудно было бы отрицать, что это именно Ястреб, ведьма все-таки была настоящей. Не нравился он ей, и точка! «Все в нем не так, как надо», — говорила она. Тенар всегда с большим уважением относилась к необычайной проницательности тетушки Мох, и подобные заявления весьма ее беспокоили, но в собственной душе она не ощущала ни малейших сомнений или подозрений — только радость от одного лишь его присутствия, от того, что он хоть и медленно, но возвращается к жизни.

— Когда он снова станет самим собой, ты увидишь! — говорила Тенар тетушке Мох.

— Самим собой! Как бы не так! — презрительно откликнулась та и снова показывала Тенар, как легко ломается в пальцах пустая ореховая скорлупка.

Довольно скоро Гед спросил об Огионе. Тенар ждала этого вопроса с ужасом. Ей уже почти удалось себя убедить, что он вообще этого вопроса не задаст, что он сам узнает об этом, как и все маги, как узнали даже самые обычные волшебники из Порта Гонт и Ре Альби. Однако на четвертое утро, проснувшись, когда Тенар подошла к нему, Гед внимательно посмотрел на нее и сказал:

— Это ведь дом Огиона.

— Да, это дом Айхала, — ответила она, стараясь казаться беззаботной; ей еще было трудно выговаривать вслух Подлинное Имя Великого Мага. Она не знала, известно ли оно Геду. Конечно же, известно. Может быть, от самого Огиона, а может быть, тому и говорить надобности не было.

— Значит, он умер.

— Десять дней назад.

Он снова умолк, глядя прямо перед собой, словно о чем-то размышляя, словно тщательно пытаясь вспомнить, отыскать что-то в своей памяти.

— Когда же я сюда попал? — еле слышно прошептал он, и ей пришлось нагнуться к нему совсем близко, чтобы разобрать, что он говорит.

— Четыре дня прошло.

— В тех горах больше никого не было, — проговорил он с трудом, и по телу его прошла судорога. Он зажмурился, словно от боли, весь напрягся и глубоко вздохнул.

Силы потихоньку возвращались к нему, однако напряжение из глаз не уходило; тяжкие вздохи, мучительно стиснутые руки — к этому Тенар почти привыкла. Силы возвращались к нему — но не душевный покой.

Как-то раз он сидел на пороге дома, греясь в лучах летнего полуденного солнца. Пока что он способен был дойти лишь от постели до крыльца. Сидя там, он любовался разгорающимся днем, и Тенар, полувшая сорняки на грядках фасоли за домом, выйдя из-за угла, не смогла оторвать от него глаз. Не только серебряные волосы, но и сама словно пеплом подернутая плоть его, казалось, принадлежат человеку с того света. В глазах Геды не было прежнего огня. И все-таки этот похожий на тень, словно обутленный человек был тем Гедом, чье лицо она впервые увидела в сиянии его собственного волшебного могущества — у него по-прежнему было сильное волевое лицо с ястребиным носом и тонко очерченным ртом; он по-прежнему был красив. Он был таким, как всегда: красивым и гордым.

Она подошла к нему ближе.

— Солнышко для тебя сейчас важнее всего, — сказала она, и он согласно кивнул, но сидел, по-прежнему обхватив себя стиснутыми руками, словно замерз, хотя солнце буквально заливало его жаркими лучами.

Он почему-то был настолько молчалив в ее присутствии, что она даже подумала, не в ней ли причина его беспокойства. Может быть, он просто не привык видеть ее здесь и потому чувствует себя не в своей тарелке? В конце концов, теперь он стал Верховным Магом Земноморья — она все время об этом забывала. И уже целых двадцать пять лет прошло с тех пор, как они вдвоем брели по горам Атуана, а потом плыли на «Зоркой» через Восточное море.

— А где сейчас «Зоркая»? — спросила она, сама удивившись этому вопросу, и тут же спохватилась: «Ах, какая я дура! Столько лет прошло, он теперь Верховный Маг, зачем ему та лодочка?»

— На Селидоре, — ответил он, и лицо его снова подернулось непроницаемой и необъяснимой пеленой печали.

Давным-давно, неведомо в каком году, и так далеко, как отсюда до Селидора...

— Это самый далекий из островов Земноморья? — зачем-то спросила она.

— Да, самый далекий — на западе, — откликнулся он.

После ужина, когда Терру убежала играть на улицу, они остались сидеть за столом.

— Так, значит, это с Селидора ты прилетел верхом на Калессине?

На этот раз имя дракона выговорилось как бы само собой; оно само заставило ее губы произнести нужные звуки, а в горле она почувствовала слабый привкус гари.

Он коротко, но остро глянул ей прямо в глаза, и только тут она поняла, что чаще всего он избегает смотреть прямо на нее. Он кивнул в ответ и, мучительно стараясь расставить все точки над «і», уточнил:

— С Селидора мы сперва прилетели на Рок. А потом уже на Гонт.

Сколько дней они были в пути? Десять, двадцать? Она понятия не имела. На Хавноре когда-то она видела огромные карты, но никто никогда не учил ее понимать то, что на них изображено и написано. *Так далеко, как отсюда до Селидора...* А как измерить скорость полета дракона?

— Гед, — сказала она, называя его Подлинным Именем, ибо сейчас они были одни, — я понимаю, что ты пережил ужасные страдания и опасности. Если не хочешь, не можешь или не имеешь права что-то рассказывать мне... Но если бы я знала хоть что-то! Может быть, тогда от меня тоже было бы больше толку. А мне бы очень хотелось стать тебе полезной. Наверное, с острова Рок за тобой скоро приедут или пошлют за тобой, Верховным Магом, корабль, а может быть — кто его знает! — даже дракона. Если ты снова надолго уедешь, мы так никогда как следует и не поговорим. — Она говорила и нервно ломала пальцы, чувствуя фальшь собственных интонаций и слов. Идиотская шутка насчет посланного за Гедом дракона показалась ей позаимствованной у сварливой крестьянской жены.

Он смотрел в стол — мрачный, усталый, словно крестьянин, весь день проработавший в поле и на закуску получивший дома скандал.

— По-моему, гостей с Рока здесь пока не будет, — напряженно выговорил он, некоторое время молчал и наконец закончил: — Погоди, дай мне время.

Тенар решила, что теперь он никогда уже больше говорить с ней не станет.

— Да, конечно, ты прости меня, — быстро сказала она и уже поднялась, чтобы убрать со стола и вымыть посуду, когда он вдруг тихо и по-прежнему глядя в стол заявил:

— Теперь этим буду заниматься я.

Потом встал, поставил свою тарелку в таз с грязной посудой, помог Тенар убрать со стола. Сам перемыл тарелки, пока Тенар возилась в кладовке. Интересно, думала она, все сравнивая его с Флинтотом, Флинт ни разу в жизни тарелки не вымыл. Еще бы, женская работа! Но Гед и Огион жили здесь холостяками, да и везде, где Гед жил подолгу, женщин в доме не было, так что ему доводилось делать и «женскую» работу, и он к этому относился спокойно. Было бы очень жаль, подумала она, если бы вдруг он стал относиться к такой работе иначе, испугался бы, что его достоинство повисло на конце посудного полотенца.

Никто за ним с острова Рок не приехал. В тот раз, когда они впервые заговорили об этом, было просто рановато: ни одно судно — разве что легкокрылая «Зоркая», подгоняемая волшебным ветром, — не смогло бы так быстро дойти до Гонта. Однако день шел за днем, но не было для Геда ни письма, ни гонца. Тенар казалось странным, что Верховного Мага Земноморья столь долго не решаются беспокоить. Он, должно быть, просто запретил посылать за ним корабль; а может быть, скрылся здесь ото всех с помощью своего волшебного мастерства так, чтобы никто не смог догадаться, кто он такой и откуда. Ведь и жители Ре Альби тоже почти не обращали на него внимания.

То, что никто из поместья Лорда Ре Альби так и не явился к домику Огиона, удивляло Тенар куда меньше. Здешные Лорды всегда были с Огионом в довольно прохладных отношениях. Жены здешных правителей, если верить сплетням, всегда отличались склонностью к черной магии. Дочь одного из хозяев Ре Альби, по слухам, вышла замуж за какого-то страшного и могущественного чародея с северных островов, который заживо похоронил ее под каким-то волшебным камнем. Другая женщина из этого рода долго колдовала над своим не рожденным еще ребенком, пытаясь превратить его в могущественного волшебника, и он действительно сразу заговорил, едва успев появиться на свет, однако в теле его как бы не было ни единой косточки. «Словно пустой кожаный бурдюк! — шептала деревенская акушерка. — Словно бурдючок с глазами и человеческим голосом. И грудь не брал, только все лопотал что-то странное, а потом умер...» Что бы там ни было на самом деле, только правители Ре Альби всегда жили замкнуто. Спутница мага Ястреба, приемная дочь Огиона, Белая Дама, что

доставила Кольцо Эррет-Акбе в Хавнор, возможно, со временем и удостоилась бы чести попасть в замок Ре Альби, однако такого не случилось. Тенар — к собственному большому удовольствию — предпочла поселиться в крошечном домике, принадлежавшем деревенскому ткачу Фану, жила там совершенно одна и крайне редко, да и то издали, видела людей из господского дома. Сейчас, как сказала бы тетушка Мох, дом этот лишился хозяйки: там жил один только старый Лорд, его внук да еще тот молодой волшебник Аспен, которого специально пригласили в поместье из Школы Волшебников.

После того как Огиона вместе с амулетом тетушки Мох похоронили под буком на лесной тропе, Тенар Аспена не видела ни разу. Она была поражена: неужели он не ведает о том, что Верховный Маг Земноморья живет по соседству? А если он знает об этом, то по какой причине держится в стороне? Да и волшебник из Порта Гонт тоже после похорон Огиона больше ни разу не появился. Даже если он еще не узнал, что Гед здесь, то, конечно же, должен знать, кто такая она, Белая Дама, что носила когда-то Кольцо Эррет-Акбе на своей руке и возвратила целостность Руне Мира... «А как давно это было, старая ты дура! — сердито сказала она себе. — Все пытаешься собственный затылок рассмотреть? Смотри, нос набок не сверни!»

А все-таки именно она назвала им Подлинное Имя Огиона! Это чего-то стоит!

Впрочем, разве станут эти волшебники, мужчины, проявлять к ней какое-то внимание? Они люди могущественные. И общаются только с себе подобными. А у нее-то какое могущество? Да и было ли оно у нее когда-нибудь? Девочкой, жрицей, она служила лишь сосудом, который Великая Тьма наполняла своим могуществом, заставляя ее, Ару, исполнять свои желания, а затем опустошала, оставляя без сил, без чувств, без стремлений... Потом, еще молодой, она училась Великому Знанию у могущественного Мага и сама отказалась от этих знаний, никогда больше о них не вспоминала. Она тогда сделала свой выбор и обрела истинное женское могущество, однако и это прошло: свою роль матери и жены она сыграла, и теперь в ней не осталось никакой силы, способной добиться признания.

Но ведь дракон первым заговорил с ней! «Я Калессин», — сказал он, а она ответила: «А я Тенар».

«Что такое Повелитель Драконов?» — спрашивала она когда-то Геда в Лабиринте, во владениях Тьмы; она все пыталась унижить его, заставить признать ее могущество, а он

ответил ей просто и честно (ее всегда обезоруживала эта его манера): «Это тот, с кем драконы станут разговаривать».

Значит, она та, с кем драконы разговаривать станут. Не это ли новое потаенное чувство, словно зернышко света, она ощутила в себе на следующее утро после встречи с Калессином, когда, проснувшись, глядела в маленькое окошко, выходящее на запад?

Через несколько дней после того разговора с Гедом Тенар полола сорняки вдоль дорожки, ведущей в сад и огород, спасая грядки от глушащей все на свете буйной травы. Гед, выйдя из загона для коз, тоже принялся за прополку, двигаясь ей навстречу. Некоторое время он работал споро, потом вдруг сел на землю и мрачно устался на свои руки.

— Дай им сперва зажить как следует, — мягко сказала Тенар.

Он кивнул.

Высокие побеги фасоли цвели, распространяя сладкий аромат. Гед сидел, сложив худые руки на коленях, и смотрел, как сплетаются цветущие растения с теми, на которых уже висят молодые стручки. Трава была вся просвечена солнцем. Не прерывая работы, Тенар сказала вдруг:

— Перед самой смертью Айхал сказал: «Все переменялось...», и, хотя я по-прежнему горько оплакиваю его, что-то не дает моему горю стать слишком сильным. Словно должно родиться что-то прекрасное, словно что-то прекрасное обрело наконец свободу... И еще, во сне и потом, едва проснувшись, я уже знала: что-то тогда действительно изменилось в мире.

— Да, — сказал он. — С одним злом покончено. А еще... — Он заговорил снова только после длительного молчания. На нее он не смотрел, но впервые голос его звучал так, как помнилось ей — он говорил тихо, спокойно, с легким суховатым гонгтским акцентом. — Помнишь, Тенар, как мы впервые приплыли в Хавнор?

«Разве могу я забыть?» — откликнулось ее сердце, но она промолчала, опасаясь, что звуками речи спутнет Геда.

— Мы вошли на «Зоркой» в гавань, причалили, поднялись по ступеням из мрамора... И кругом толпился народ... а ты подняла вверх руку, чтобы все видели Кольцо...

— Да, как подняла, так и забыла опустить: меня ужасно испугали все эти бесчисленные лица, голоса, множество цветов, башен, флагов, сверкание золота и серебра, громкая музыка — а ты был единственным, кого я знала... в целом мире единственным, и это ты вел меня по улицам Хавнора...

— Сквозь толпу королевские слуги провели нас к башне Эррет-Акбе. И вдвоем с тобой мы поднялись по высокой лестнице, помнишь?

Она кивнула. И оперлась ладонями о рыхлую землю, которую полола, ощущая ее зернистую прохладную поверхность.

— Я с трудом открыл тяжелую дверь — она сперва плохо подавалась. И мы вошли. Ты помнишь?

Он спрашивал и спрашивал, словно желая получить подтверждение каждому своему слову: это действительно случилось, я правильно рассказываю?

— Мы вошли в огромный высокий зал, — сказала она. — Он был похож на мой Тронный Храм, где я когда-то была поглощена силами Тьмы. Но только потому, что был очень высоким. И свет туда проникал из-под самой крыши. Солнечные лучи, подобно лезвиям мечей, пересекали пространство...

— А трон? — спросил он.

— Трон? Да, конечно! Весь золотой и алый. Но тоже пустой. Как и тот, в моем Храме на острове Атуан.

— Теперь трон уже не пустует, — сказал он. И посмотрел на нее поверх зеленых стрелок лука. Лицо его оставалось, однако, напряженным, задумчивым, словно, говоря о радостном событии, сам он радости не испытывал: не мог. — Теперь в Хавноре есть настоящий король, — сказал он. — То, что было предсказано, осуществилось. Утраченная Руна стала целой, и мир тоже обрел целостность. Он... — Гед умолк и уставился в землю, стиснув руки, — он вынес меня из царства смерти назад, к жизни. Аррен с Энлада. Лебаннен, которого непременно еще воспоют потомки. Он теперь носит свое Подлинное Имя, Лебаннен, и это он Король Земноморья.

— Так, значит, — спросила она, опускаясь на колени и пытаясь заглядывая ему в лицо, — это он принес в наш мир радость — словно люди вышли из тьмы на свет?

Гед не ответил.

«Значит, теперь в Хавноре есть Король», — подумала она и громко сказала:

— Настоящий Король в Хавноре!

Память об этом дивном городе хранилась в ее душе — она словно видела его сейчас: широкие улицы, мраморные башни, черепичные крыши, корабли с белыми парусами в гавани, поразительной красоты тронный зал, где солнечные лучи, падающие из окон, подобны лезвиям мечей; она помнила то ощущение благополучия, достоинства, гармонии и порядка, которое вызывал этот город. И сейчас ей казалось, что из этого светлого центра гармонии и порядка, словно круги по воде, расходятся во все стороны лучи мира.

— Как хорошо, что ты это сделал, друг мой дорогой! — сказала она.

Гед легким нетерпеливым жестом попытался остановить ее и вдруг отвернулся, прикрыв ладонью лицо. Ей невыносимо было видеть его слезы. Она склонилась над грядкой, выдернула один сорняк, второй, а третий оборвался у самого корня. Она рукой разгребла землю, пытаясь извлечь упрямый корень.

— Гоха, — голосок Терру, слабый, словно надтреснутый, донесся от ворот загона, и Тенар оглянулась. Девочка обоими своими глазами — зрячим и слепым — смотрела прямо на нее. Тенар подумала: может быть, я должна сказать ей, что в Хавноре теперь есть настоящий Король? Она выпрямилась и пошла к воротам загона, чтобы Терру зря не утруждала свое сожженное огнем горло. Когда девочка без сознания лежала близ горевших поленьев, то как бы вдохнула огонь. «Голос ее сгорел», — пояснил колдун Бук.

— Я все время смотрела за Сиппи, — прошептала Терру, — но она все равно удрала. И я никак не могу отыскать ее.

Это была, пожалуй, самая длинная фраза, когда-либо произнесенная ею. Девочка вся дрожала — она слишком долго бегала в поисках козы и теперь что было сил сдерживала слезы. «Ну вот, сейчас мы все тут плакать начнем, — подумала Тенар, — нет уж, глупости!»

— Ястреб! — окликнула она волшебника. — У нас тут коза сбежала.

Он сразу же распрямился и быстро подошел к ним.

— А в летнем загоне смотрели? — спросил он, глядя на Терру так, словно не замечал ни ее ужасных шрамов, ни ее самое — девочку, которая ищет сбежавшую козу. Такое ощущение, что на месте Терру он видел эту самую козу. — А в деревенском стаде?

Терру со всех ног бросилась к летнему загону.

— Она что, дочка твоя? — обернулся он к Тенар. До этого он ни разу ни слова не спросил о девочке, и Тенар даже стала думать, что мужчины все-таки очень странные существа.

— Нет, не дочка и не внучка. Она *мое дитя*, — сказала она. Зачем же она снова поддразнивает его, подшучивает над ним?

Он быстро отошел в сторону, и Сиппи, коза с бело-коричневой шерстью, ринулась мимо него в ворота; ее по пятам преследовала Терру.

— Стой! — крикнул вдруг Гед и одним прыжком преградил козе путь, направляя ее точнехонько в руки Тенар. Та ухватила Сиппи за пышный воротник из шерсти, и коза сразу замерла как вкопанная, поглядывая одним своим желтым глазом на Тенар, а другим — на грядки с молодым луком.

— А ну пошла! — крикнула Тенар, выпроваживая ее за ворота загона на каменистое пастбище, где вредной козе, собственно, и полагалось находиться.

Гед уселся на землю там, где стоял; он, казалось, запыхался не меньше Терру, во всяком случае, хватал ртом воздух и явно чувствовал себя неважно, однако слез видно не было. Поверь козе, если хочешь все испортить.

— Вереск не должна была оставлять Сиппи на тебя, — сказала Тенар. — За этой дрянью никто углядеть не может. Если Сиппи снова сбежит, ты просто сразу скажи кому-нибудь и не волнуйся. Хорошо?

Терру кивнула. Она смотрела на Геда. Она редко смотрела на людей и еще реже — на мужчин, разве что мельком. А на него она смотрела и смотрела, не отрываясь, наклонив голову, нахихлившись, словно воробышек. Господи, что же это?

Глава 6

УХУДШЕНИЕ

Со дня летнего Солнцеворота прошло уже больше месяца, но вечера еще были долгими, особенно на обращенном к западу Большом Утесе. Однажды Терру вернулась домой очень поздно; они с тетушкой Мох весь день бродили по горам в поисках целебных трав, и девочка настолько устала, что даже есть не могла. Тенар уложила ее в постель и села рядом, напевая песенку. Переутомившись, Терру как-то странно скрючивалась в кровати, словно парализованный зверек, и не мигая смотрела в пространство, пока у нее не начинались галлюцинации или кошмары; она и не спала, и не бодрствовала, но становилась как бы невменяемой. Тенар, правда, обнаружила, что таких приступов можно избежать, если сразу сесть рядом с девочкой, обнять ее и напевать что-нибудь негромко. Когда иссякал запас тех песен, которые Тенар выучила, будучи женой фермера Флинта из Срединной Долины, она принималась за нескончаемые каргадские гимны, оставшиеся в ее памяти со времен Гробниц Атуана, так что Терру засыпала под монотонные жалобные мольбы, обращенные к Безымянным и тому Незанятому Трону, что теперь, после землетрясения, был весь завален пылью и камнями. Она более не ощущала в этих ритуальных песнопениях никакой магической силы, лишь сама мелодия завораживала ее, да еще приятно было петь на родном языке; она, к сожалению, не знала тех песен, какие каргадские матери поют своим детям, какие пела и ей когда-то ее мать.

В конце концов Терру крепко заснула. Тенар осторожно разжала ее стиснутые пальцы, уложила девочку на подушку и

еще минутку подождала, пока окончательно не убедилась, что малышка спит. Потом, быстро оглядевшись, с какой-то, пожалуй, виноватой торопливостью и одновременно с торжествующей радостью, словно предвкушая огромное удовольствие, приложила свою узкую светлую ладонь к той щеке Терру, что была сожрана огнем и покрыта безобразными шрамами. Уродство сразу исчезало. Плоть как бы вновь становилась невредимой, щека — округлой и мягкой; теперь это было самое обычное лицо милого спокойного ребенка, словно ее прикосновение каждый раз восстанавливало истину.

Неохотно отняла она свою легкую ладонь от щеки девочки, и тут же снова взору ее явилась рана, которая не заживет никогда.

Тенар наклонилась, поцеловала эти страшные рубцы и тихонько вышла из дома.

Солнце садилось в раскинувшуюся на западе жемчужную дымку. Возле дома никого не было. Ястреб, наверное, все еще бродил по лесу. Он давно уже начал один ходить на могилу Огиона, проводя там долгие часы под сенью могучего бука, а еще немного окрепнув, стал бродить по тем заповедным лесным тропам, которые так любил Огион. Он явно был равнодушен к еде, мало того, Тенар приходилось упрасивать его съесть хоть что-нибудь, и он по-прежнему сторонился людей, всему на свете предпочитая одиночество. Терру с радостью пошла бы за Гедом куда угодно; будучи чрезвычайно молчаливой, она не раздражала его, однако скоро уставала, и Гед отсылал девочку домой, уже в одиночестве забираясь все дальше и дальше, в такие края, о которых Тенар даже не слышала. Он возвращался домой к ночи, сразу ложился спать и зачастую снова исчезал еще до того, как Тенар и Терру успевали проснуться. Так что Тенар обычно оставляла ему на столе хлеб и мясо еще с вечера, чтобы он взял еду с собой.

Вдруг она увидела, как Гед идет к дому через луг по той тропе, которая казалась ужасно длинной, когда она в последний раз вела по ней Огиона. Гед, пересекая полосы закатного света, раздвигая колышущиеся под ветром травы, размеренной походкой приближался к ней, упрямо замкнувшись в своем несчастье, словно в оболочке из камня.

— Ты возле дома будешь? — окликнула она его с порога. — Просто Терру уже спит, а мне хочется немного пройтись.

— Да-да, конечно, иди, — сказал он.

На ходу она горько думала, сколь равнодушны мужчины к тем заботам, что правят жизнью любой женщины: к тому, например, что кто-то непременно должен быть неподалеку,

если ребенок спит, что чья-то свобода непременно оборачивается чьей-то несвободой — ведь даже при ходьбе, чтобы сохранить равновесие, приходится опираться на одну ногу, пока второй делаешь шаг вперед... Однако мрачные мысли постепенно развеялись зрелищем гаснущего яркого заката и мягким, но довольно настойчивым ветерком. Теперь она просто шла и ни о чем не думала, пока не вышла на самый край обрыва над морем. Прямо перед нею в прозрачной розовой дымке тонуло солнце.

Тенар опустилась на колени и сперва взглядом, а потом на ощупь отыскала длинную неровную борозду в песчанике, ведущую прямо к краю утеса: след от шипастого хвоста Калессина. Она снова и снова проводила пальцами по его краю и словно плыла в потоках сумеречного света, мечтая о чем-то. Неожиданно губы ее сами произнесли вслух какое-то слово. На этот раз оно не жгло огнем, а медленно, с шипением выползало наружу: «Калес-с-с-син...»

Она посмотрела на восток. Склоны горы Гонт, покрытые лесом, были красны от заходящего солнца. Свет понемногу меркнул. Тенар опустила глаза, а когда снова, всего через несколько мгновений, посмотрела на гору, то склоны ее казались уже серыми, неясными, а лесистые участки были совсем черны.

Она дождалась первой звезды, вспыхнувшей над светлой дымкой заката, и медленно пошла домой.

Домой? Разве это ее дом? Почему она до сих пор здесь, в доме Огиона, а не в своем собственном? Почему она ухаживает за Огионовыми козами, за его луковыми грядками, а не за собственным стадом и садом? «Подожди», — сказал он ей тогда, она и ждала; и прилетел дракон; и теперь Гед уже почти здоров... Она свое дело сделала. До сих пор все хозяйство здесь было на ней. Но теперь она больше не нужна. И пора ей уходить отсюда.

Однако она никак не могла решиться оставить Большой Утес, это Гнездо Ястреба, и снова вернуться в долину, где жизнь на ферме куда легче, где нет таких ветров. Стоило ей подумать об этом, как сердце сразу холодело и душу заполнял мрак. А как же тот сон, что видела она здесь, под окном, выходящим на запад? И был ли дракон, прилетевший тогда именно к ней, к Тенар?

Дверь, как всегда, была распахнута настежь. Свежий вечерний воздух свободно вливался в дом. Ястреб сидел, не зажигая огня, на низенькой скамеечке у спящего очага. Это было его излюбленное место. Наверное, подумала Тенар, он и в детстве всегда сидел здесь. И сама она тоже придвигала эту скамеечку поближе к огню в ту зиму, когда жила у Огиона.

Он коротко глянул на нее, однако тут же снова уставился куда-то правее открытой двери, в темный угол. Там стоял тяжелый дубовый посох Огиона с отполированным временем набалдашником. Рядом Терру пристроила свой ореховый посошок и ольховую палку Тенар, сломанные по дороге в Ре Альби.

Тенар вдруг подумала: а где же его собственный посох, подарок Огиона? И почему я не вспомнила о нем до сих пор?

В доме было совсем темно и все-таки душно. На сердце давила странная тяжесть. Ей так хотелось, чтобы он как-нибудь остался дома и поговорил с ней обо всем, но теперь, когда он сидел в темноте у камина, она не находила нужных слов, как, наверное, и он.

— Я тут подумала, — сказала она наконец, поправляя тарелки на дубовом столе, — и решила: пора мне собираться назад, на ферму.

Он ничего не ответил. Может быть, кивнул, но она не видела — сразу повернулась к нему спиной.

Она вдруг почувствовала страшную усталость, ей хотелось спать; но он все сидел и сидел у камина, а темно было еще недостаточно, и не могла же она раздеваться прямо у него на глазах. Она даже рассердилась. И уже хотела попросить его выйти на минутку, когда он вдруг заговорил, сперва нерешительно покашляв:

— А книги? Книги Огиона? Книга Рун и еще две. Их ты заберешь с собой?

— Я?

— Ты же была его последней ученицей.

Она подошла и тоже присела у очага на трехногую табуретку Огиона.

— Я немного училась руническому письму, но почти все уже позабыла, конечно. Огион учил меня и Языку Созидания, на котором говорят драконы. Кое-какие слова я помню. Но мало. Я не пошла по его стопам, не стала волшебницей. Я просто вышла замуж, ты ведь знаешь. Разве оставил бы Огион свои мудрые Книги какой-то фермерше?

Помолчав, Гед сказал равнодушно:

— Кому же в таком случае он их оставил?

— Тебе, разумеется.

Он не ответил.

— Ты был его настоящим учеником, его гордостью, его другом. Он никогда об этом не говорил, но книги эти, конечно же, оставлены для тебя.

— Что же мне с ними делать?

Она уставилась на него в сгущающихся сумерках. На другом конце комнаты в окошке слабо светилось закатное небо. Горечь, тревога, необъяснимая ярость, звучавшие в голосе Геда, рассердили ее.

— Ты, Верховный Маг, спрашиваешь об этом меня? Зачем тебе делать из меня дуру, Гед?

Он вдруг вскочил. Голос его дрожал, словно натянутая струна.

— Но неужели ты... не видишь... что все кончено... ушло навсегда!

Тенар сидела и напряженно пыталась разглядеть во тьме его лицо.

— У меня нет больше никакой волшебной силы! Я отдал ее... истратил... всю, что была у меня. Чтобы закрыть... Так что... Так что с магией покончено, покончено.

Она попыталась возразить, но не смогла.

— Это как вылить воду из чашки, — сказал он, — выплеснуть ее в песок. На пересохшую землю. Я вынужден был это сделать. Мне нечем теперь напиться. Впрочем, что значит одна-единственная чашка воды в бескрайней пустыне? Разве сама пустыня исчезла?.. Послушай! Так когда-то звал меня некий голос оттуда, из-за стены: иди сюда, слушай, слушай! И я пошел в эту мертвую пустыню — совсем еще молодым. И встретил там Ее, и сам стал Ею, вступил в брак с собственной Смертью. Но это она дала мне жизнь. Воду, животворную воду. Я стал фонтаном живой воды, ручьем, быстрой рекой... Но *там* все ручьи пересыхают. И все, что у меня под конец осталось, — это одна-единственная чашка воды, и я непременно должен был вылить ее в песок, на дно пересохшей реки, на скалы, окутанные мглой. И живая вода ушла. И теперь все кончено. Дело сделано.

Она достаточно много знала от Огиона и от самого Геда, чтобы сразу понять, о какой пустынной стране идет речь и, хотя кому-то его слова могли показаться набором невнятных метафор, загадочными символами, скрывающими суть, ей было ясно, что это-то и есть правда, истина, которую он познал там. Она понимала также, что должна непременно возражать ему, опровергать все, что бы он ни сказал, даже если его слова — непреложная истина.

— Ты просто не успел еще прийти в себя, — сказала Тенар. — Возвращение от смерти к жизни — должно быть, слишком долгое путешествие. И трудное, даже если обратно прилететь на спине дракона. Чтобы вернуться окончательно, нужно время. Время, покой, молчание. Тебе нанесли тяжелую рану. Но ты поправишься.

Он продолжал молча стоять. Она подумала уже, что ей удалось немного его успокоить. Но тут он вдруг спросил:

— Как поправилась эта девочка?

Словно острое лезвие ножа вошло в ее тело, острое настолько, что она даже не успела заметить самого удара.

— Не знаю, — сказал он уже знакомым ей, тихим, каким-то иссушенным голосом, — почему ты взяла ее к себе, понимая, что она неизлечима. Понимая, какова будет ее жизнь, изменить которую уже невозможно. Наверное, та часть жизни, которую мы только что прожили, — тьма, разруха, конец всему — затронула и ее. По-моему, ты взяла девочку по той же причине, что и я сам пошел навстречу своему смертельному врагу, потому что иначе ты поступить не могла. А теперь мы должны как-то жить дальше, вступать в новые времена искалеченными в боях со злом, хотя и одержав над ним победу, — ты со своей опаленной огнем девочкой, а я с опустошенной душой.

На пределе отчаяния чаще всего говорят именно так — ровным спокойным голосом.

Тенар обернулась и посмотрела на волшебный посох Огиона, стоявший в темном углу справа от двери: никакого света от него не исходило. Он казался абсолютно черным. В дверном проеме виднелись две звезды. Одна из них, которой она и раньше часто любовалась по вечерам, светилась белым светом и была видна на небе в летние месяцы. На Атуане ее называли Техану.

Вторая звезда, сиявшая рядом с Техану, была ей неизвестна. Не знала она и того, как называют звезду Техану на Гонте, не знала и ее Истинного Имени — того, которым называют ее драконы. Она знала лишь то название, которое слышала от матери, — Техану. Техану. Тенар, Тенар...

— Гед, — сказала она, по-прежнему глядя в дверной проем, — кто тебя воспитывал в детстве?

Он подошел, встал с ней рядом и тоже стал глядеть в подернутую дымкой морскую даль, на звезды, на темную громаду горы.

— Да никто особенно не воспитывал, — ответил он. — Мать моя умерла, когда я совсем маленьким был. Были еще старшие братья, да только я их совсем не помню. А в общем, присматривали за мной отец мой, кузнец, и тетка, мать моя сестра. Тетка была у нас в деревне Десять Ольховин ведьмой.

— Как тетушка Мох, — сказала Тенар.

— Тетка моя была тогда помоложе. И от рождения имела волшебную силу.

— Как же ее звали?

Он помолчал.

— Не могу вспомнить, — медленно проговорил он.

Потом помолчал еще немного и сказал:

— Она учила меня Истинным Именам сокола, орла, скопы, тетереvyтника, перепелятника...

— А как у вас называется вон та звезда? Белая?

— Сердце Лебеда, — сказал он, глядя в небо. — А в Десяти Ольховинах ее называли еще Стрелой.

Однако он так и не назвал Подлинного Имени звезды, как не назвал и тех Имен, которым учила его тетка-ведьма, — Подлинных Имен сокола, ястреба-перепелятника, скопы...

— То, что я говорил... там, у камина... это все неверно, — мягко сказал он. — Мне вообще не следовало ничего говорить. Ты прости меня.

— Если ты вообще ничего говорить не будешь, то мне-то как быть? Останется только уйти отсюда. — Она повернулась к нему. — Почему ты всегда думаешь только о себе? Только о себе! Выйди на минутку, пожалуйста, — совсем рассердилась она. — Я хочу раздеться и лечь.

Растерянный, бормоча какие-то извинения, он вышел на улицу; а она, раздеваясь на ходу, сразу нырнула в постель и спрятала лицо у шелковистого плеча Терру.

Понимая, какова будет ее жизнь...

Ее гнев, ее упрямое отрицание очевидного, ее нежелание согласиться со справедливыми доводами Геда — все это было результатом испытанного ею разочарования. Несмотря на то что Ларк по крайней мере раз десять предупреждала ее, что ничего уже не поделаешь, даже и Ларк в глубине души все-таки надеялась, что Тенар сумеет вылечить эти страшные ожоги, несмотря на то что и сама Тенар всегда говорила, что такое даже Огиону не под силу, она все-таки надеялась: Терру сможет вылечить Гед. Просто положит руку на ужасные шрамы, и все тут же пройдет, кожа станет гладкой, в слепом глазу за-сверкает жизнь, скрюченная, сожженная рука оживет, а иска-леченная, поруганная жизнь как бы начнется с самого начала.

Понимая, какова будет ее жизнь...

Отвращение, плевыки через левое плечо, ужас, смешанный с любопытством, тошнотворная жалость и откровенные угрозы, ибо, как известно, беда притягивает беду... И никогда — муж-ской ласки. Никогда ни один мужчина не обнимет ее. Никогда и никто, только одна Тенар. Ах, конечно же, Гед прав, девочке тогда лучше было бы умереть. Им нужно было тогда отпустить ее душу на волю и не совать нос куда не следует — и ей самой, и Ларк, и Айви, старым теткам, чья сентиментальная доброта обернулась жестокостью. Он прав, он всегда прав. Но тогда, значит, те мужчины, что «позабавились» с Терру, и та женщи-

на, что заставляла девочку страдать и в итоге отдала мужчинам для забавы, действовали правильно, когда, избив малышку до полусмерти, бросили ее прямо в костер? Да, видно, зло не совсем еще пожрало их души. Не выдержали, оставили в ребенке искорку жизни. И, конечно же, оказались не правы. И она, Тенар, тоже всегда и во всем была не права. Ребенком ее отдали силам Тьмы: она была ими поглощена, ее заставили служить им. Неужели она рассчитывала, уплыв за моря, выучив чужой язык и став женой и матерью — всего лишь начать жить своей собственной жизнью, — стать кем-то иным? Перестать быть Их служанкой. Их Пищей, Их вещью, Их забавой? Сама покалеченная жизнью, она притягивала к себе таких же увечных, они как бы становились частью ее собственного горя, ее собственной беды — плоть от плоти заключенного в ней зла.

У Терру были прелестные, теплые, сладко пахнущие волосы. Она лежала, свернувшись клубочком в объятиях Тенар, и спала. Какое зло может принести эта девочка? Да, ее жизнь погублена и поправить уже ничего нельзя, однако душа ее не сломлена до конца. Терру еще не потеряна для жизни, нет-нет! Прижимая девочку к себе, Тенар лежала неподвижно, надеясь, что ей приснится тот светлый сон — струи прозрачного воздуха, звук имени дракона и той звезды — Сердце Лебедя, Стрела, Техану.

Частым гребнем из толстой проволоки она чесала шерсть у черной козы, вычесывая мягкий подшерсток, — собиралась прясть. Ей хотелось попросить ткача соткать ту замечательную, теплую и мягкую материю, которой издавна славится Гонт. Старую черную козу чесали уже по крайней мере тысячу раз, ей это было приятно, и она с удовольствием подставляла Тенар то один бок, то другой. Серо-черные пучки шерсти образовали уже целое облако, мягкое и грязноватое, которое Тенар в конце концов запихала в плетеную сумку; напоследок она заботливо вытащила из длинных козьих ушей несколько засевших там колючек, ласково шлепнула черную козу по шерстистому боку и отпустила. «Ба-а!» — сказала коза и трусцой побежала прочь. Тенар вышла из загона и, обойдя дом, поднялась на крыльцо, откуда можно было увидеть, играет ли еще на лугу Терру.

Тетушка Мох научила девочку плести корзинки из травы, и, несмотря на то что управляться изуродованной рукой Терру было неловко, она уже начала входить во вкус. Сейчас она

сидела посреди луга, положив на колени начатую корзинку, но как бы забыла о ней: наблюдала за Ястребом.

Он стоял довольно далеко от девочки, ближе к краю утеса, к ней спиной и не замечал, что кто-то на него смотрит: сам был поглощен наблюдением за птицей, молодой пустельгой. Пустельга же в свою очередь была поглощена охотой. Зависнув над самой травой и хлопая крыльями, она рассчитывала вспугнуть полевую мышь. Наблюдавший за хищницей Гед был напряжен и казался голодным, как и сама птица. Потом он медленно поднял свою правую руку, примерно до уровня плеча и вроде бы что-то сказал, хотя слышно не было: ветер отнес его слова в сторону. Пустельга резко метнулась, пронзительно крикнула и взмыла в небо, а потом скрылась в лесу на склоне горы.

Гед уронил руку да так и застыл, глядя вслед улетевшей птице. Девочка и женщина тоже застыли. И только птица осталась свободной.

«Однажды он явился ко мне в обличье сокола-сапсана, — рассказывал ей как-то зимним днем у камина Огион. В тот день они как раз говорили о Великих заклетьях и о маге Борджере, который стал медведем. — Он примчался с северо-запада и сразу сел ко мне на запястье. Я внес его в дом и посадил вот здесь, у огня. Говорить он не мог. Поскольку я узнал его, то смог и помочь ему сбросить обличье сокола и снова стать человеком. В нем ведь всегда было что-то ястребиное. У них в деревне его с малых лет прозвали Ястребком, потому что стоило ему слово произнести, как соколы и коршуны слетались к нему со всей округи. Кто мы вообще такие? Что значит быть человеком? Задолго до того, как Гед получил свое Подлинное Имя и какие-то магические знания, настоящий ястреб уже сосуществовал в нем с человеком и Великим Магом, больше того — он уже был тем, кем является теперь и кого мы даже назвать не в силах. И с каждым так».

И девушка, глядя в огонь и слушая Огиона, видела того ястреба, того человека, к которому сами подлетают вольные птицы, стоит ему произнести лишь слово, — подлетают, хлопая крыльями, садятся ему на руку, сжимая запястье человека страшными когтями... видела и себя в обличье ястреба, дикой и вольной птицы.

МЫШИ

Таунсенд, торговец овцами, тот самый, что принес ей тогда весточку от Огиона, однажды в полдень подошел к дому старого Мага.

— Овец продавать будешь? Ведь Лорд Огион умер.

— Возможно, и буду, — спокойно ответила Тенар. Она, кстати сказать, была весьма озабочена тем, как им прожить, если они с девочкой останутся в Ре Альби. Как и все волшебники на Гонте, Огион получал все необходимое для жизни от жителей деревни, которым верой и правдой служил с помощью своего мастерства. Ему достаточно было спросить, и все с благодарностью ему доставлялось, ибо сделка с искусным волшебником всегда выгодна; впрочем, ему и просить-то никогда ничего не приходилось. Он скорее отдавал обратно все, что считал лишним из еды, одежды и всего прочего, что ему дарили или просто оставляли у порога. «Что же мне со всем этим делать?» — частенько удивлялся он, стоя над лукошком, полным глупых пищущих цыплят, или над целой грудой тканей, или над горшками с маринованной свеклой.

Ну а Тенар давно уже покинула свою ферму в Срединной Долине, даже не подумав тогда, сколь долго задержится в доме Огиона. Она не взяла с собой даже денег — пластинки из слоновой кости, оставшиеся в наследство от Флинта. Впрочем, такие деньги в деревне были практически бесполезны: с их помощью в лучшем случае можно было бы купить землю или дом или заключить сделку на партию товара с торговцем из Порта Гонт — из тех, что продают мех пеллави или шелка Лорбанери гонтийским богатым фермерам и мелким князькам. Ферма Флинта вполне могла обеспечить их с Терру всем

необходимым — едой и одеждой; однако шесть коз Огиона и его огород — несколько грядок с фасолью и луком — служили скорее для удовольствия, чем для удовлетворения насущных потребностей. До последнего времени она жила благодаря старым запасам в кладовой волшебника, кое-что в память об Огионе ей дарили жители деревни, да тетушка Мох проявляла постоянную заботу и щедрость. Не далее как вчера ведьма, например, заявила: «Милая, а наседка-то моя, та, что с ожерельем вокруг шейки, цыпляток вывела, так я тебе двух-трех принесу, как только окрепнут. Огион-то всегда цыпляток держал, мелюзга бестолковая, так он говорил, да только что за дом без цыпляток?»

У самой тетушки Мох куры свободно ходили по всему дому, спали прямо на кровати и немало способствовали поддержанию той постоянной вони, которой отличалась ее избушка.

— Есть у меня одна годовалая козочка, бело-коричневая такая; отличная молочная коза будет, — сказала Тенар Таунсенду.

— Я вообще-то намеревался ежели покупать, так всех сразу, — ответил он. — Если ты согласишься, конечно. Их ведь и всего-то штук пять или шесть, верно?

— Шесть. Они сейчас на верхнем пастбище; можешь посмотреть, если хочешь.

— Непременно посмотрю. — Однако даже шага не сделал. Впрочем, Тенар тоже никакой радости по поводу возможной сделки не выразила. — Видела, как в гавань большой корабль входил? — вдруг спросил Таунсенд.

Из дома Огиона можно было видеть только скалы на северо-западном берегу залива и Сторожевые Утесы; зато из самой деревни Ре Альби хорошо была видна и извилистая крутая дорога в порт, и вся гавань с доками и причалами. Наблюдать за происходящим в гавани было основным развлечением деревенских жителей. На просторной скамье за кузней всегда сидело несколько стариков — отсюда гавань была видна лучше всего; зачастую старики эти ни разу в жизни не спускались в сам Порт Гонт, однако наблюдали за причаливающими и отплывающими судами с огромным интересом — словно представление смотрели, пусть довольно странное и давно знакомое, но как бы специально предназначенное для того, чтобы развлечь их.

— Сын кузнеца говорил: из Хавнора корабль-то. Он вчера в порт ходил, насчет слитков рядился. А к ночи вернулся и рассказал, что тот большой корабль приплыл из самой столицы Земноморья, — продолжал между тем Таунсенд.

Он, вполне вероятно, заговорил об этом, только чтобы отвлечь ее от мыслей о том, сколько можно запросить за коз Огиона. Хитроватые глаза его так и бегали — впрочем, может быть, так уж они у него были устроены. Однако столица Земноморья крайне мало торговала с Гонтом, островом бедным и далеким, известным лишь благодаря своим волшебникам, пиратам да козьей шерсти. И что-то еще в словах Таунсенда насчет «большого корабля» встревожило Тенар. Она и сама не знала, что именно.

— Парень тот говорит, будто, по слухам, в Хавноре теперь есть настоящий король, — сказал торговец, искоса на нее взглянув.

— Вот это было бы очень хорошо! — откликнулась она.

Таунсенд согласно кивнул:

— Теперь-то уж каргадские налетчики будут подальше держаться.

Тенар, хоть и была родом с Каргадских островов, охотно покивала.

— Но только в порту кое-кто будет не больно-то доволен. — Таунсенд имел в виду гонтийских пиратов, чьи суда держали в страхе почти все северо-восточные моря, из-за чего в последнее время многие старинные торговые связи Гонта с центральными островами Архипелага оказались либо прерваны, либо сильно ослаблены. От этого не было выгоды никому, кроме самих пиратов, тем не менее в глазах большей части гонтийцев они выглядели настоящими героями. Кроме того, и собственный сын Тенар тоже стал матросом пиратского корабля. Что было, пожалуй, даже безопаснее, чем служба на обычном торговом судне. Ведь недаром говорится, что лучше быть акулой, чем селедкой.

— Ну, недовольные-то всегда найдутся, — ответила Тенар, привычно следуя правилам беседы, однако уже начиная терять терпение, и заявила, вставая: — Ладно, покажу тебе коз. Сам гляди. Не знаю, правда, станем ли мы кого из них продавать. — Она проводила торговца к загону на верхнем пастбище и ушла. Таунсенд был ей неприятен. Не его вина, конечно, что однажды именно он принес ей плохие вести — впрочем, кажется, уже и не однажды. А все-таки глаза у него удивительно противно бегают! Не продаст она ему Огионовых коз! Даже вредную Сиппи не продаст.

Так ни о чем с ней и не договорившись, Таунсенд наконец ушел, и она вдруг ощутила смутную тревогу. Она ведь сказала: «Не знаю, станем ли мы кого из них продавать», что было

весьма глупо. Она сказала «мы», а не «я», хотя Таунсенд даже не спрашивал разрешения поговорить с Ястребом, даже не вспомнил о нем, хотя торговец, заключающий сделку с женщиной, прямо-таки обязан обратиться к кому-либо из живущих в доме мужчин, особенно если женщина ему отказывает. Она не знала, как в деревне сейчас относятся к Ястребу, к его внезапным появлениям и исчезновениям. Огион, замкнутый и молчаливый, внушавший им уважение и даже в какой-то степени страх, долгое время был здесь единственным магом. Жители Ре Альби, возможно, даже гордились Ястребом — точнее, его званием Верховного Мага Земноморья. Они знали, что он когда-то недолго прожил здесь, а потом уплыл в чужие края и совершил немало всяких чудес. Например, обманул дракона, будучи волшебником на Девяноста Островах; привез обратно в Хавнор Кольцо Эррет-Акбе и так далее. Однако его самого, человека и волшебника, они не знали, да и он их не знал. Он так ни разу и не сходил в деревню с тех пор, как снова объявился здесь — его манили леса, дикие горы. Раньше она как-то об этом не задумывалась, однако было совершенно очевидно, что Гед сторонится деревни, как и маленькая Терру.

Должно быть, сплетни о нем ходили. Ре Альби — самая обыкновенная деревня, и люди в ней, конечно, болтают всякое. Однако особенно болтать о волшебниках и магах как-то не принято. Слишком это серьезный предмет, да и кто ведает, каковы жизненные пути могущественных чародеев? У них ведь жизнь совсем иная, чем у простых смертных. «Да пусть его, — однажды услышала Тенар обрывок разговора крестьян из Срединной Долины не то насчет заезжего волшебника, не то насчет заклинателя погоды, не то по поводу действий их собственного колдуна Бука. — Не твое это дело. Вот и оставь его в покое. Они ведь живут по-своему, не так, как мы».

Что же касается того, что она по-прежнему живет здесь и ухаживает за могущественным волшебником, как нянька, то и это для них не являлось предметом обсуждения. «Да пусть ее», — снова сказали бы они. Она и сама-то не слишком часто появлялась в деревне; там по отношению к ней не выказывали ни особого дружелюбия, ни особой неприязни. Когда-то она даже жила в Ре Альби в домике старого ткача Фана; к тому же она считалась приемной дочерью Огиона, который перед смертью послал именно за ней торговца Таунсенда; так что в деревне к ней относились вполне нормально. Но когда она явилась сюда с девчонкой, на которую и смотреть-то было страшно, все сразу перестали появляться рядом с домом Огиона даже днем и даже ненароком. Да и то: разве ж с обычной женщиной такое может случиться? Сперва у одного волшебника учится,

потом другого на ноги поднимает... Нет, тут уж точно без колдовства не обошлось! Да она еще и чужестранка к тому же. С другой стороны, Гоха считалась женой богатого фермера из Срединной Долины, хотя теперь-то фермер умер, а она стала вдовой. Да разве ж поймешь их, ведьм этих? Пусть ее живет, лучше таких не трогать...

Она столкнулась с бывшим Верховным Магом Земноморья у садовой ограды и сообщила ему:

— Говорят, в порт прибыл корабль из Хавнора.

Он застыл как вкопанный. Дернулся было, но тут же взял себя в руки и попытался скрыть, что первым его желанием было немедленно убежать, скрыться, спрятаться, зарыться в траву — как мышь от коршуна.

— Гед, — спросила она, — в чем дело? Я ничего не понимаю.

— Я не могу... — проговорил он. — Не могу встречаться с ними.

— С кем?

— С людьми, которых прислал он. Король.

Смутное лицо его приобрело пепельный оттенок, как в тот день, когда дракон Калессин принес его сюда; он все время затравленно озирался, словно искал убежища.

Его ужас был настолько неподдельным и сам он казался таким беззащитным, что она не могла поступить иначе: нужно было пощадить его.

— Тебе и не нужно с ними встречаться. А если кто-нибудь сюда и заглянет, так я сразу прогоню. Пойдем-ка лучше в дом. У тебя ведь целый день крошки во рту не было.

— Сюда приходил кто-то? — спросил он.

— Это Таунсенд. Все к козам нашим приценивается. Ну уж от него-то я отделалась! Не стой, пойдём скорее!

Он поспешно пошел за ней следом, и она сразу заперла дверь изнутри.

— Не беспокойся, Гед, не могут они тебе ничего плохого сделать.

Он уселся за стол и тупо покачал головой:

— Им это не нужно, нет.

— А им известно, что ты здесь?

— Не знаю.

— Чего ж ты тогда боишься? — Она спрашивала спокойно и твердо, не проявляя ни малейшего нетерпения.

Он закрыл лицо руками, потом, глядя в пол, потер виски и лоб, словно вспоминая о чем-то.

— Я был... — начал он, — я не...

И умолк.

Она сама прекратила этот мучительный разговор:

— Ну ладно, неважно, хорошо, хорошо.

Она не решалась даже прикоснуться к нему, боясь, что испортит все, унизив его своей жалостью. И из-за этого сердилась на него и на всех тех, кто нанес ему такую тяжкую душевную рану.

— Никого не касается, — сердито говорила Тенар, — где ты теперь живешь и как, что ты намерен делать и чего не намерен! Если вздумают совать нос в чужие дела, то очень даже легко с носом и останутся! — Жаворонок частенько так говорила. Тенар внезапно охватило страстное желание увидеть ее, такую простую и благоразумную. — Да и вообще корабль этот, очень даже вероятно, не имеет к тебе никакого отношения. Может, они просто за пиратами охотятся — тут их не счесть. Тоже бы неплохо, коли у короля руки до этого наконец дошли... Слушай, я у Огиона в кладовой две бутылки вина отыскала — интересно, сколько времени он их там прятал? По-моему, нам обоим не повредило бы сейчас выпить по стаканчику. А вот и хлеб с сыром. Девочку-то я уже покормила, они с этой пастушкой, Вереск, пошли лягушек ловить. Так что на ужин, вполне возможно, будут лягушачьи окорочка. А пока что перекуси тем, что есть. И вина выпьем. Интересно, откуда оно, кто его Огиону привез и сколько лет назад?

Тенар, не умолкая, несла типично женскую чушь, не давая Геду времени на ответы, не позволяя ни на секунду задуматься, пока он не взял наконец себя в руки и не начал есть, запивая еду старым, не слишком крепким красным вином.

— Мне, наверное, все-таки лучше уйти отсюда, Тенар, — сказал он. — Мне нужно время, чтобы научиться быть таким, каким я теперь стал.

— Уйти? Но куда?

— Выше, в горы.

— Станешь бродить... как Огион? — Она посмотрела на него и вспомнила, как когда-то шла с ним рядом по дорогам Атуана и насмехалась: «А что, волшебники часто милостыню просят?» И он тогда ответил: «Да, но стараются дать что-нибудь взамен». Помолчав, она осторожно спросила: — А ты не мог бы какое-то время просто погоду заклинать или потерянные вещи отыскивать? — И снова до краев наполнила его стакан вином.

Он только головой покачал в ответ. Выпил вино и молча устался неведомо куда.

— Нет, — промолвил он. — Ничего из этого я не могу. Ничего.

Она не поверила. Ей хотелось возмущенно крикнуть ему в лицо: «Да как это может быть? Как ты можешь такое говорить? Что ж ты, забыл все, что знал, все, чему выучился у Огиона и на острове Рок, все, что постиг за время своих скитаний? Не мог же ты забыть все те имена, то мастерство, которым владел. Ты столько всего знал! Ты столько мог! Ты был таким сильным!» Однако она сдержала себя и ничего этого не сказала, только прошептала:

— Не понимаю. Как это может быть?..

— Из чашки всего лишь вылили воду, — сказал он, слегка наклоняя стакан с вином, словно намереваясь показать ей, как это делается. Потом, немного помолчав, снова заговорил: — Чего я не понимаю, так это зачем он вынес меня оттуда. Доброта молодых подчас оборачивается жестокостью... Ну вот, теперь я здесь и вынужден с этим мириться — пока не смогу вернуться назад.

Она не очень хорошо понимала, о чем он. Однако отчетливо расслышала в его словах не то обвинение, не то жалобу, и это — в нем! — особенно поразило и рассердило ее. Она сухо сказала:

— Сюда тебя принес Калессин!

При закрытых дверях в домике было почти совсем темно, лишь единственное маленькое, выходящее на запад окошко пропускало немного закатного света. Она не смогла разобрать, что выражало его лицо. Вдруг он поднял свой стакан, чокнулся с ней со странным подобием улыбки на губах и осушил стакан до дна.

— Это прекрасное вино, — сказал он. — Должно быть, Огиону его привез какой-то богатый купец или знаменитый пират. Никогда такого пить не доводилось. Даже в Хавноре. — Он все вертел в руках небольшой стакан, рассматривая его. — Я назовусь как-нибудь иначе и уйду на другую сторону горы, куда-нибудь в Армут, в Восточные Леса, откуда я родом. Там сейчас как раз сенокос начнется. Так что пока работа будет.

Она не знала, что ему ответить. Хрупкий, нездоровый на вид, такую работу он сможет получить только из жалости или, напротив, у человека равнодушного и жестокого; а если и получит, то вряд ли с ней справится.

— Дороги теперь не те, что раньше, — сказала она. — За последние годы столько воров и бандитов развелось! Да и иноземные налетчики, как их Таунсенд называет, попадают. В общем, ходить в одиночку опасно.

В полутьме она пристально всматривалась в его лицо, пытаясь понять, каково это — никогда в жизни никого не бояться и вдруг научиться страху.

— Огион же ходил... — начал было Гед и осекся: вспомнил, что Огион был Магом.

— В долинах, на юге, — сказала Тенар, — всегда полно работы. Пасти коз, овец, коров. Скот перегоняют на верхние пастбища незадолго до праздника Долгого Танца и пасут там до осенних дождей. В тех местах всегда пастухи нужны. — Она отпила большой глоток из своего стакана и словно снова произнесла имя дракона — так обожгло ей рот вино. — А почему бы тебе не остаться?

— В доме Огиона? Так сюда они в первую очередь заявятся.

— Ну и что? Даже если заявятся? Что им от тебя может быть нужно?

— Чтобы я снова стал тем, кем был раньше.

Ей стало холодно — так безнадежно звучал его голос.

Она молчала, пытаясь вспомнить, каково это — быть все-ильной Единственной Жрицей Гробниц Атуана, поглощенной силами Тьмы, а потом вдруг сразу все это потерять; самой отбросить власть и могущество, стать самой собой, стать просто Тенар, просто женщиной, занять мужа, детей и снова в один миг все потерять, превратиться в старуху, безмужную, бессильную... Но, даже вспомнив все это, она не была уверена, что понимает, насколько ему сейчас стыдно, тяжело, сколь сильна агония его теперешней униженности. Возможно, подобные переживания свойственны только мужчинам. Женщины, в общем-то, привыкли к унижениям.

А может быть, права тетушка Мох? Когда ядрышко ореха съедено, остается лишь пустая скорлупка.

Так я и сама на ведьму стану похожа, подумала Тенар. И чтобы перестать думать об этом и Геда тоже заставить думать о чем-нибудь ином, а еще потому, что вкусное, но все-таки довольно крепкое вино развязало ей язык, она снова заговорила:

— А я знаешь о чем подумала... вспомнила, как Огион учил меня, а я все не хотела учиться дальше, а потом взяла и ушла, нашла себе подходящего фермера, вышла замуж — так вот, я тогда все время думала, даже в день свадьбы, что Гед, конечно же, очень рассердится, когда услышит об этом! — Она засмеялась.

— Я и рассердился, — сказал он.

Она промолчала.

— Я был разочарован, — пояснил он.

— Рассержен, — сказала она уверенно.

— Рассержен, — согласился он.

И снова наполнил ее стакан до краев.

— Тогда я и сам обладал могуществом и способен был различить его в других, — сказал Гед. — А ты... ты вся светишься там, под землей, в этом ужасном Лабиринте, во тьме крошечной...

— Ну хорошо, тогда скажи: что мне было делать со своим могуществом, со всеми магическими знаниями, которые пытался вбить в мою голову Огион?

— Использовать их.

— Как?

— Как используется Великое Искусство Магии.

— Кем?

— Волшебниками, — ответил он с затаенной болью.

— Магия, значит, и есть всего лишь умение, мастерство магов?

— Что же еще?

— А разве это все?

Он задумался, изредка поглядывая на нее.

— Когда Огион учил меня, — сказала она, — вот здесь, у очага, словам Истинной Речи, я так же легко и твердо выговаривала их, как и он сам. Как если бы я вспомнила язык, который знала с рождения. Зато вся остальная мудрость — старинные руны, великие заклęcia и правила — казалась мне мертвой. Все это было мне совершенно чуждо. Я часто думала: все это похоже на то, как если бы меня одели в военные доспехи, дали меч и копье, шлем с перьями и все такое... насколько нелепо я бы во всем этом выглядела, разве не так? Ну зачем мне, например, меч? Что героического я могла бы совершить с его помощью? Я в этих доспехах даже и ходить-то нормально не могла бы — все равно осталась бы женщиной, осталась бы самой собой.

Она отпила немного вина.

— Так что я все эти волшебные доспехи с себя сбросила, — сказала она, — и надела привычную мне одежду.

— А что сказал Огион, когда ты собралась уходить?

— А что он мог сказать?

На его губах появилось подобие улыбки, но он промолчал.

Она утвердительно кивнула. И через некоторое время продолжала более спокойно:

— Я стала его ученицей только потому, что меня привез сюда ты. После тебя он больше учеников не брал и уж никогда не взял бы в ученицы девушку. Это ты упросил его. Зато он меня любил. И уважал. И я его тоже очень любила и уважала. Но он не сумел дать мне то, что мне было необходимо, а я не

умела взять у него то, что он должен был мне дать. Он понимал это. Ах, Гед, он ведь совсем иными глазами смотрел на Терру. Он увидел ее всего за день до смерти. Вы с тетушкой Мох говорите, что могущественные волшебники сразу узнают друг друга. Не знаю, что Огион увидел в Терру, но мне он сказал: «Научи ее всему!» А еще он сказал... — Она вдруг умолкла.

Гед терпеливо ждал.

— Он сказал: «Ее будут бояться». И повторил: «Научи ее всему! Не на Роке». Не знаю, что он имел в виду. Да и откуда мне знать? Если бы я тогда осталась с ним, то, возможно, и узнала бы, возможно, смогла бы чему-то научить девочку. Я считала, что, когда придет Гед, уж он-то, конечно, будет знать, чему ее учить, что ей необходимо знать, моей искалеченной малышке.

— Я этого не знаю, — проговорил Гед очень тихо. — Я увидел... В этом ребенке я увидел только одно! Ей причинили страшное зло. Зло.

Он залпом допил вино.

— Мне нечего ей дать. — И он умолк.

В дверь слегка постучали. Гед вскочил с уже знакомым Тенар выражением лица: искал, где бы спрятаться.

Она пошла к двери и не успела еще толком отворить ее, как тут же почувствовала знакомый запах тетушки Мох.

— Гости в деревне, — выразительно тараща глаза, зашептала старуха. — Похоже, добрые люди. Они, по слухам, с того большого корабля, что приплыл из Хавнора. Говорят, что ищут Верховного Мага.

— Он не хочет никого видеть, — слабым голосом сказала Тенар. Она понятия не имела, что теперь делать.

— Да уж, пожалуй, не хочет, — сказала ведьма. Помолчала немного, словно ждала чего-то, и спросила: — Где ж он сам-то?

— Здесь, — ответил Ястреб, подходя к двери и пошире открывая ее. Тетушка Мох только глянула на него и ничего не сказала. — А они знают, где я? — спросил он.

— Коли и знают, то не от меня, — ответила ведьма.

— Если они заявятся сюда, — сказала Тенар, — ты, в конце концов, всегда можешь отослать их прочь — как Верховный Маг!..

Ни Гед, ни тетушка Мох не обратили на ее слова никакого внимания.

— В мой-то дом они и заглядывать не станут, — сказала ведьма. — Если хочешь, пошли со мной.

Он, не раздумывая, пошел за ведьмой, мельком взглянув на Тенар, но не сказав ей ни слова.

- А мне-то как отвечать им? — спросила она растерянно.
— А никак, милая, — ответила ведьма.

Вереск и Терру вернулись с охоты на болоте с добычей — в веревочной сетке было целых семь крупных лягушек, и Тенар занялась приготовлением лягушачьих окорочков на ужин охотницам. Она уже почти закончила сдирать шкурки, когда снаружи послышались голоса, и, глянув в открытую дверь, она увидела, что на пороге стоят незнакомые мужчины в шляпах, в отделанных золотым шитьем костюмах...

— Госпожа Гоха? — послышался чей-то вежливый вопрос.

— Входите, — пригласила она.

Они вошли. Их было пятеро, но казалось — вдвое больше: в комнатке с низким потолком все они выглядели огромными и высокими. Гости изумленно озирались, и Тенар наконец догадалась, что именно их здесь так поразило.

У кухонного стола стояла женщина с длинным и острым ножом в руках, а перед ней, на разделочной доске, лежали зеленовато-белые лягушачьи лапки и рядом кучка окровавленных останков. В темном углу за дверью прятался ребенок, чудовищно изуродованный, как бы лишенный половины лица и с какой-то клешней вместо руки, похожей на коготь. В алькове под единственным окошком сидела на кровати высокая костистая девица, тупо уставившаяся на вошедших с разинутым ртом. Руки ее были все в грязи и крови, а мокрая юбка явно пахла болотом. Когда девица заметила, что гости смотрят на нее, то попыталась прикрыть лицо юбкой, совершенно неприлично ее задрав.

Мужчины сразу отвернулись; теперь им оставалось только смотреть на женщину у стола, заваленного дохлыми изрезанными лягушками.

— Госпожа Гоха? — повторил свой вопрос один из них.

— Да, так меня зовут, — сказала она.

— Мы прибыли из Хавнора, нас послал король, — вежливо пояснил тот же человек. Ей плохо было видно его лицо, ибо стоял он в тени и спиной к двери. — Мы ищем нашего Верховного Мага, Ястреба с Гонта. В день осеннего Солнцеворота состоится коронация короля Лебаннена, и он очень хотел бы, чтобы Верховный Маг, его друг и учитель, помог ему подготовиться к этой церемонии и сам короновал бы его, если пожелает.

Гость говорил ровным спокойным голосом, обращаясь к Тенар словно к придворной даме. Одет он был скромно: кожаные штаны, льняная рубашка, запылившаяся за время пути из

Порта Гонт, однако из очень тонкого, дорогого полотна и у ворота вышитая золотыми нитками.

— Его здесь нет, — ответила Тенар.

Парочка деревенских мальчишек сунула было носы в раскрытую дверь, тут же исчезла, снова появилась и снова исчезла. Их крики замерли в отдалении.

— А не могли бы вы сказать нам, где он, госпожа Гоха? — вежливо спросил мужчина.

— Не могу.

Она рассматривала их по очереди. Страх, который она испытала вначале и бывший результатом панического ужаса самого Ястреба или скорее просто глупой растерянностью при виде чужеземцев, постепенно уступал место уверенности. Она спокойно стояла у кухонного стола в доме Огиона и теперь прекрасно понимала, почему Огион никогда не боялся высокопоставленных людей.

— Вы, должно быть, устали после долгой дороги, — сказала она. — Не хотите ли присесть? Вино на столе. Сейчас, я только вымою и подам стаканы.

Она сдвинула разделочную доску на самый край, отнесла лягушачьи окорочка в кладовую, смела все отходы в мусорное ведро, чтобы Вереск потом отнесла их свиньям ткача Фана, тщательно вымыла руки до локтей и кухонный нож, потом налила в миску чистой воды и вымыла два стакана, из которых они с Ястребом только что пили. В шкафу был еще один чистый стакан, а на кухне — две глиняные чашки с отбитыми ручками. Все это она поставила на стол и налила гостям вина: оставшегося в бутылке как раз хватило всем. Мужчины переглянулись и садиться не стали. Извинением этому в какой-то степени служило отсутствие нужного количества стульев. Однако правила приличия требовали принять угощение хозяйки дома. Каждый из гостей принял стакан или чашку из ее рук, каждый что-то пробормотал в знак благодарности. Они дружно выпили в ее честь.

— Вот это да! — вырвалось у одного.

— Андрады. Урожай прошлого года, — сказал другой, вытаращив от изумления глаза.

Третий покачал головой и торжественно определил:

— Точно, Андрады. Но только Год Дракона.

Четвертый молча кивнул, соглашаясь с этим, и с почтением пригубил драгоценный напиток.

Пятый же, тот, что первым заговорил с Тенар, поднял глиняную чашку, поклонился хозяйке дома и промолвил:

— Это большая честь, госпожа, пить настоящее королевское вино.

— Это вино Огиона, — сказала она. — И дом тоже Огиона. Теперь, правда, он стал домом Айхала. Вы знали об этом?

— Знали, госпожа. Король послал нас на Гонт, будучи уверенным, что Верховный Маг непременно придет именно в этот дом; когда же известие о смерти хозяина этого дома достигло островов Рок и Хавнор, уверенность короля еще более укрепилась. После того как Верховный Маг покинул остров Рок верхом на драконе, ни единой весточки не получили от него ни в Школе Волшебников, ни в королевском дворце. А король прямо-таки мечтает узнать — да и все мы тоже, — где же Верховный Маг, здоров ли он. Так его здесь не было, госпожа?

— Не могу сказать, — ответила она, тщетно пытаясь увернуться от прямого ответа; она заметила, что и гости это понимают, встала и обошла стол с другой стороны. — То есть я вам этого не скажу. По-моему, если Верховному Магу захочется повидать вас, он это сделает. Если же ему захочется, напротив, укрыться от всех, вы его никогда не найдете. Вы ведь, разумеется, не станете противиться его воле?

Самый старший и самый высокий из гостей сказал:

— Для нас закон — воля короля.

А тот, что заговорил с нею первым, примирительно пояснил:

— Мы ведь только посланники. А тайные дела короля и Верховного Мага ведомы только им одним. Нам бы лишь передать ему послание короля да ответ получить.

— Я постараюсь позаботиться о том, чтобы он получил послание короля.

— А как быть с ответом? — спросил самый старший.

Она промолчала, а тот, что заговорил с нею первым, сказал:

— Мы еще несколько дней погостим в доме Лорда Ре Альби, который, услышав о прибытии нашего корабля, великодушно пригласил нас к себе.

Она вдруг почувствовала, что вот-вот попадет в ловушку, что петля вот-вот затянется вокруг ее шеи. Хотя и не понимала, откуда это ощущение возникло. Уязвимость и слабость Ястреба и то, что он это признавал, действовали, видимо, и на нее. Растерявшись, она решила притвориться деревенской простушкой, кумушкой средних лет — да только разве она притворялась? Ведь так оно и было на самом деле; в данном случае отличить притворство от действительности было бы куда труднее, чем во время волшебных превращений и фокусов.

— Да, это вам больше подходит, господа мои. Вы ведь видите: мы здесь живем очень просто, так и старый маг жил.

— И пьете андрадское вино, — прибавил тот, что определил год изготовления вина, привлекательный мужчина с ясными глазами и победоносной улыбкой. Она, продолжая играть свою роль, снова склонила голову набок, словно не понимая. Но когда они уже один за другим вышли за дверь, поняла, что даже если они пока и не догадались, кем она притворяется и кем является на самом деле, — не догадались, что она та самая Тенар с Кольцом, — то все равно достаточно быстро узнают об этом, а стало быть, и о том, что она близко знает Верховного Мага и может стать проводником к его убежищу.

Когда дверь за ними закрылась, она глубоко вздохнула, переводя дух. Вереск последовала ее примеру и закрыла наконец свой рот, который оставался разинутым все время, пока гости были в доме.

— Я — никогда! — сказала Вереск с глубоким и полным удовлетворением и пошла посмотреть, как там козы.

Из темного уголка за дверью выбралась Терру; она забаррикадировалась там от чужих посохом Огиона, дорожной палкой Тенар и своим собственным маленьким ореховым посошком. В ней вдруг снова появилась какая-то неловкость, опасливость, хотя манеру эту она давно оставила — с тех пор как они стали жить тут; сейчас она даже головы не подняла, а изуродованную половину лица все старалась поплотнее прижать к плечу.

Тенар подошла, опустилась перед девочкой на колени и обхватила ее обеими руками.

— Терру, — сказала она, — не бойся, они не причинят тебе вреда. Они не собираются никому вредить.

Девочка на нее смотреть не желала. Совершенно застыла, и Тенар словно деревянную колоду обнимала.

— Ты только скажи, я ведь могу их больше и в дом не пускать!

Наконец девочка шевельнулась и спросила своим низким сиплым голосом:

— А что они теперь сделают с Ястребом?

— Ничего, — ответила Тенар. — Они не причинят ему зла! Они прибыли... они хотели оказать ему честь.

Но она уже начинала понимать, что такая попытка оказать ему честь могла бы натворить — они ведь не ведали о его утраге, о его тоске, о том, чего он лишился, и в неведении своем заставляли бы его играть роль в том спектакле, к которому он больше не имел никакого отношения.

Когда Тенар отпустила девочку, та подошла к шкафу и достала оттуда Огионову метелку. Затем тщательно вымела пол — особенно там, где стояли эти люди из Хавнора; вымела прочь все их следы, всю пыль с их ног вымела и выбросила за порог!

Наблюдая за ней, Тенар приняла решение.

Она подошла к полке, где стояли три Великие Книги, и, порывшись там, отыскала несколько гусиных перьев и полувыхсохшие чернила, однако не нашла ни клочка бумаги или пергамента. Она закусила губу: очень не хотелось портить столь священную вещь, как Книга Огиона; нахмурившись, она оторвала тонкую полоску бумаги от последней пустой страницы в Книге Рун. Потом уселась за стол, обмакнула перо и стала писать. Однако с засохшими чернилами, как и со словами, сладить было нелегко. С тех пор как четверть века назад она сидела за этим столом и писала, а Огион, заглядывая ей через плечо, обучал ее ардическим и Старшим Рунам, ей, пожалуй что, и не доводилось больше хоть что-нибудь писать. И все-таки Тенар удалось нацарапать следующее:

Ступай на Дубовую Ферму в Средин. Дол. к Чистому Ручью скажи Гоха послала смотреть за садом и овцами.

Ей понадобилось не меньше времени, чтобы перечесть написанное. Терру, закончив уборку, внимательно наблюдала за ней. Подумав, Тенар прибавила еще два слова: *сегодня ночью.*

— А где Вереск? — спросила она у девочки, сложив листок пополам и еще раз пополам. — Мне нужно, чтобы она отнесла это в дом тетушки Мох.

Ей очень хотелось пойти самой и повидать Ястреба, но она не осмеливалась: боялась, что ее заметят эти люди, особенно если они следят за ней в надежде, что она приведет их к Геду.

— Я схожу, — прошептала Терру.

Тенар остроглянула на нее:

— Тебе придется пойти одной, Терру. Через всю деревню.

Девочка кивнула.

— Отдай письмо только самому Ястребу!

Девочка снова кивнула.

Тенар засунула записку поглубже в карман ее фартучка, обняла, поцеловала и отпустила. Терру убежала и двигалась не горбясь и не кособочась, а совершенно свободно, словно летела. Летела как птица, как дракон — невинное дитя, — летела совершенно свободная, и Тенар смотрела ей вслед, пока девочка не растворилась в вечерних сумерках за распахнутой настежь дверью.

Глава 8

КОРШУНЫ

Вскоре Терру возвратилась и принесла ответ от Геда: он сказал, что сегодня же вечером уйдет.

Тенар удовлетворенно выслушала девочку; ей было приятно, что он согласился с ее планом и решил держаться подальше от королевских гонцов, вызывающих у него такой ужас. Она возилась весь вечер: накормила Терру и Вереск, устроив им настоящее пиршество из жареных лягушачьих окорочков, уложила Терру спать, спела ей на ночь и только тогда села в одиночестве у очага, не зажигая лампы. Сердце ей сжимала тоска. Он ушел. Он больше не был сильным; он растерялся, утратил уверенность в себе; ему нужны были друзья, но она отослала его прочь от тех, кто действительно был и кто хотел бы стать ему другом. Он ушел, а она должна остаться здесь, должна сбить гончих со следа; по крайней мере убедиться в том, остались ли королевские посланники на Гонте или уплыли обратно в Хавнор.

Его панический страх и то, что она сама подпала под воздействие этого страха, теперь казались ей совершенно неразумными; она даже подумала, что достаточно неразумно, даже нелепо, если он на самом деле уйдет. Мог бы пошевелить мозгами и просто спрятаться пока в домике тетюшки Мох — уж туда-то король в поисках Верховного Мага заглянет в последнюю очередь. Хорошо бы он пересидел там, пока присланные королем люди не покинут остров. А потом смог бы просто вернуться сюда, в дом Огиона, в свое родное гнездо. И все бы пошло как прежде: она бы заботилась о нем, пока он не восстановит свои силы, а он просто был бы с ней рядом.

Звезды, которые были видны в открытую дверь, вдруг за-
слонила чья-то тень.

— Ш-ш-ш! Спит! — И вошла тетушка Мох. — Ну что ж, ушел он, — сказала она тоном торжествующего заговорщика. — Пошел по старой лесной дороге. Говорит, так он срежет большой угол и к завтрашнему утру пройдет мимо Дубовых Источников.

— Хорошо, — сказала Тенар.

Ведя себя несколько более вольно, чем обычно, тетушка Мох уселась с ней рядом без приглашения.

— Я дала ему в дорогу каравай хлеба да немного сыра.

— Спасибо тебе, тетушка Мох. Ты очень добра.

— Госпожа Гоха, — голос тетушки Мох в темноте звучал так, словно она произносила свои заклятия, — я все хотела сказать тебе одну вещь, милая, да боялась совать свой нос в такие дела, что мне знать не положено; я-то ведь знаю, что ты жила среди великих людей да и сама была одной из великих, это-то и заставило меня прикусить язык, когда мне всякие мысли в голову приходиться стали. А все ж таки есть кое-какие вещи, что мне ведомы, а у тебя и возможности узнать их не было, хоть ты и выучилась руны писать, познала Язык Древних и многое другое здесь и там, в далеких странах.

— Да, это верно, тетушка Мох.

— Ну что ж, вот и хорошо. Помнишь, мы с тобой как-то говорили, как одна ведьма может узнать другую, и о том, как один могущественный волшебник узнает другого, и я еще сказала о нем — о том, кто отсюда ушел теперь, — что теперь он больше никакой не маг, кем бы он ни был раньше, а ты все-таки отрицала это... Помнишь? Но я ведь была тогда права, разве не так?

— Да. Так.

— Ну да. Права я была.

— Он и сам то же самое говорил.

— Ну конечно, говорил. Он-то врать не станет да и выдумывать, что это, дескать, не так, а то не этак, пока совсем не запутаешься, вот что я тебе о нем скажу. К тому же он не из тех, что пробуют ехать в телеге без быка. А и правда, я рада, что он ушел! Так бы оно долго не продержалось — коли уж такое с ним случилось, переменялось все в нем и все такое прочее...

Тенар совершенно ее не понимала; понятным было разве что сравнение с попыткой ехать на незапряженной телеге.

— Я не понимаю, почему он так боится, — сказала она. — Нет, отчасти, конечно, понимаю, но до конца понять не могу, откуда у него этот стыд. Я знаю: он считает, что лучше бы ему было умереть. Но знаю и то — так я понимаю жизнь вообще, —

что жизнь заключается в том, чтобы делать свое дело и делать его как следует. Тогда получишь и удовольствие, и славу, и все остальное. А если ты этого не можешь или если у тебя твое дело отняли, тогда все теряет смысл. Непременно нужно, чтобы что-то было...

Тетушка Мох слушала и кивала, словно Тенар изрекала чрезвычайно мудрые слова, а потом, немного помолчав, сказала:

— Очень неприятно старому человеку чувствовать себя пятнадцатилетним мальчишкой, это уж точно!

У Тенар чуть не вырвалось: «О чем это ты говоришь, тетушка Мох?», но что-то помешало ей. Она поняла вдруг, что все время ждала, когда Гед наконец вернется из своих скитаний по горам и войдет в их дом; что все это время она хотела услышать его голос, что все ее тело не желало мириться с его отсутствием. Она вдруг глянула на ведьму через плечо: та бесформенной черной грудой тряпья примостилась на стульчике Огиона у незажженного очага.

— Ах! — сказала она в ответ тем бесчисленным мыслям, что вдруг сразу пришли ей на ум. — *Так вот почему, вот почему* я никогда... — Она надолго умолкла, потом наконец спросила: — А разве они... разве волшебники... это что же, заклятие?

— Конечно, конечно, милая, — сказала тетушка Мох. — Они зачаровывают сами себя. Некоторые называют это *обменом* — вроде как брачный договор наоборот, скрепленный клятвами и все такое прочее. Говорят, что благодаря такому *обмену* получили свое могущество. Но мне что-то не больно верится: все равно как мне, простой ведьме, рассказывать, что мне Древние Силы помогают... Да и старый Маг — он тоже говорил мне, что ничем таким волшебники не занимаются. Хотя я и знавала кой-кого из ведьм, что и не такое делали, и особого вреда это им не принесло.

— Те, кто воспитали меня, делали это, пообещав вечно оставаться девственницами.

— О, да-да, никаких мужчин, ты мне говорила, да и те, что есть, какие-то *юрнихи*. Ужасно!

— Но почему, почему... почему я никогда даже не думала... Ведьма громко рассмеялась.

— Потому что именно в этом-то и заключено их могущество, милая. Ты не думаешь! Не можешь! И они не могут ничего, кроме как воспользоваться своим заклятием. А как же иначе? Силу-то свою они отдали! Вот и не получается, нет, не получается. Так-то оно, точно! Ты просто ничего не получишь, если не отдашь столько же. В этом-то все и дело. Так что они это понимают, ведьмы, и колдуны, и могущественные волшебни-

ки, понимают лучше, чем кто-нибудь другой. И все-таки, знаешь ли, мужчине трудно перестать быть мужчиной, даже если по его зову солнце сходит с небес. Так что они стараются задурить себе головы на этот счет с помощью своих заклятий. И правда, даже в недавние плохие времена, что тянулись так долго, когда все заклятия на свете свою силу утратили, я ни разу не слышала, чтоб какой-нибудь волшебник нарушил заклятие и использовал свое могущество ради собственных плотских радостей. Даже самые никудышные опасаются. Ну конечно, всегда найдутся такие, что к иллюзиям привыкли, да только они ведь сами себя обманывают. А еще всякие жалкие колдунишки, ведьмы и знахари — шушера, в общем — пытаются иногда особыми заклинаниями пользоваться, чтобы обманом деревенских женщин завлекать, но уж кто-кто, а я-то знаю: такие заклинания недорого стоят. Тут ведь в чем дело? В том, что одна сила не слабее другой и у каждой свои цели. Вот как я это понимаю.

Тенар сидела в глубокой задумчивости.

— Они сами себя от остальных отгораживают, — наконец сказала она.

— Да. Волшебник так и должен поступать.

— Но ты-то этого не делаешь.

— Я? Я всего лишь старая ведьма, милая.

— Старая?

Возникла пауза, потом тетушка Мох в темноте проговорила с едва различимой усмешкой:

— Старая *достаточно*, чтобы больше ни о чем не беспокоиться.

— Но ты сказала... Ты ведь не давала обета безбрачия?

— А что это такое, милая?

— Как все волшебники?

— О нет. Нет и нет! Сама никогда красоткой не была, и смотреть-то особенно было не на что, зато на мужчин я смотреть умела так... и знаешь ли, вовсе не колдовством пользовалась, ты ведь, милая, понимаешь, о чем я... нужно только посмотреть на него по-особому, и он тут как тут; рот разинет, как ворона, и через день, два или три — а ко мне точно придет!.. «Мне бы для собаки лекарство, чесотка у нее», «А мне — лекарственный чай для бабушки» — но я-то знала, чего им надо, так что если кто был по нраву, то частенько и получал свое. И только ради любви, ради любви — я ведь не из таких, знаешь ли, хотя, может, некоторые ведьмы этим и занимаются, да только, по-моему, колдовство позорят. За колдовство мне платят, а за удовольствие — любовь дарят, вот что я тебе скажу. Не то чтобы в этой любви одно лишь удовольствие

было, правда. Я как-то долго по одному сохла, уж больно хорош собой был, да только сердце холодное, жестокое... Теперь-то он давно уж умер. Отец того Таунсенда, что недавно вернулся в наши края, ну да ты его знаешь. Ах, как я сходилась с ума по тому человеку — даже колдовством раз воспользовалась. Уж сколько заклятий на него ни накладывала — все напрасно! Все ни к чему. В свекле крови не сыщешь... Да и сюда, в Ре Альби, я перебралась из-за неприятностей с одним парнем из Порты Гонт. Я тогда еще совсем молодой была. Семья у них богатая, знатная, так что я ни о чем и заикаться не смела. Будто они волшебной силой обладали, а не я! Да и не желали они, чтобы сынок их путался с простой девчонкой, с какой-то замарашкой — они меня так и называли. Они все равно меня со своей дороги убрали бы, это им все одно что кошку убить, так что если б я тогда не убежала сюда, в горы... Но Господи, как же я того парня любила! У него были такие сильные гладкие руки и ноги, глаза большие, темные — я все эти годы его перед собой так и вижу...

Они долгое время сидели в темноте молча.

— А когда у тебя появлялся мужчина, тетушка Мох, тебе с колдовством приходилось проститься?

— Ничуточки, — заносчиво ответила ведьма.

— Но ты же сказала, что ничего нельзя получить, сперва не отдав столько же. Значит, это для женщин и для мужчин неодинаково?

— Что неодинаково, милая?

— Не знаю, — сказала Тенар. — Мне кажется, что мы сами же все эти различия создаем, а потом жалуемся. Я не понимаю, почему Высшее Искусство, почему сама волшебная сила не даются равно мужчинам и женщинам? Это понятно только тогда, когда люди по-разному одарены от рождения или по-разному — один хуже, другой лучше — изучали искусство Магии.

— Мужчина больше отдает, милая. Женщина больше принимает в себя.

Тенар молчала, неудовлетворенная таким объяснением.

— Наша, женская сила с виду вроде как слабее, меньше, чем у них, — сказала тетушка Мох. — Зато она куда глубже. Она как бы вся из одних корней. Как старый кустик черники. А сила волшебника похожа на высокую ель, самую высокую в округе, мощную — да только во время бури самые высокие деревья как раз и ломаются. А вот кустик черники сломать не так-то просто. — Она насмешливо закудаhtала, довольная таким сравнением. — Ну что ж! Теперь уж он, должно быть, далеко ушел, им его не найти. Вот только люди болтать начнут...

— О чем?

— Ты женщина уважаемая, милая, а репутация уважаемой женщины — это ее благополучие.

— Ее благополучие, — тупо повторила Тенар и, помолчав, сказала еще раз: — Ее благополучие. Ее сокровище. Ее наследство. Ее цена... — И внезапно вскочила, словно не в силах была сидеть спокойно, и потянулась всем телом. — Это как у драконов, которые подыскивают пещеры, строят крепости и хранят там свои сокровища, заботятся о своем наследстве, спят на своем имуществе, сливаясь с ним, превращаясь в него... Все брать и брать, но никогда ничего не отдавать!

— Ты еще узнаешь цену хорошей репутации, — сухо сказала тетушка Мох, — когда утратишь ее. Это, конечно, в жизни не самое главное. Но заполнить такую брешь трудно.

— А ты бы согласилась не быть ведьмой, чтобы стать уважаемой женщиной, тетушка Мох?

— Не знаю, — задумчиво проговорила та. — Не знаю, как бы это у меня получилось. У меня один-единственный талант, наверно, другого нет.

Тенар подошла к ней и взяла ее руки в свои. Удивленная этим порывом, тетушка Мох вскочила и чуть отпрыгнула от нее, но Тенар притянула ее к себе и поцеловала в щеку.

Старая женщина высвободила одну руку и застенчиво коснулась волос Тенар — лишь краткое ласковое прикосновение, так когда-то гладил ее по голове Огион. Потом ведьма резко отодвинулась и забормотала что-то насчет того, что пора домой, засобиравшись, но на пороге все-таки спросила:

— А может, ты хочешь, чтобы я здесь пожила, пока всякие чужеземцы вокрут шныряют?

— Ступай, тетушка Мох, — ласково сказала Тенар, — я к чужеземцам привыкла.

В ту ночь, засыпая, она снова вдруг оказалась в просторных разливах света и ветра, но свет был почему-то затянут дымной пеленой, красен, как от пожара, потом появились оранжевые и янтарные языки пламени, словно горел сам воздух. То ли она была частью этого мира, то ли ветер увлекал ее за собой и она была частью ветра, той его силой, что не знает преград?.. И ни один голос не позвал ее...

Утром она сидела на крылечке, расчесывая волосы. Она была белокожей, но в отличие от большинства каргадцев волосы у нее падали на плечи темной волной. Только теперь в темных волосах ее мелькала порой тонкая серебряная нить. Она вымыла голову той водой, которую приготовила для

стирки, решив, что стиркой займется попозже, раз уж Гед ушел и ее репутация уважаемой женщины в полной сохранности. Она сушила волосы на солнце, медленно расчесывая их. Утро было жаркое, ветреное, на волосах ее следом за гребнем вспыхивали искры и с треском сбегали вниз.

Терру подошла и остановилась у нее за спиной, внимательно наблюдая. Тенар обернулась и заметила, насколько девочка напряжена: она почти дрожала.

— В чем дело, птичка моя?

— Из тебя огонь вылетает, — сказала Терру то ли со страхом, то ли с восхищением. — По всему небу разлетается!

— Да это просто от волос моих искры летят, — сказала Тенар, немного смутившись. Терру заулыбалась, и Тенар вдруг вспомнила, что раньше эта девочка не улыбалась никогда. А теперь она обеими руками, здоровой и обоженной, пыталась поймать искры, разлетающиеся от распущенных, развевающихся на ветру волос Тенар, и смеялась:

— Искорки, искорки!

И тут Тенар впервые спросила себя: интересно, каким видит Терру весь этот мир и ее, Тенар? И поняла, что у нее нет ответа на этот вопрос, что невозможно знать, каким видит мир тот, у кого выжгли один глаз. И снова вспомнились ей слова Огиона: «Ее будут бояться», но страха за Терру она почему-то не испытала, наоборот! И продолжала расчесывать волосы, яростно драла их гребнем, чтобы искр было как можно больше, чтобы снова и снова слышать этот тихий, хрипловатый, радостный смех.

Потом она перестирала простыни, полотенца для посуды, свое белье и платье, а также вещички Терру и разложила все на лугу для просушки, убедившись прежде, что козы надежно заперты. Вещи она прижала камнями, потому что дул сильный порывистый ветер и в нем ощущалась какая-то дикая, необузданная сила зрелого лета.

Терру росла. Она по-прежнему казалась слишком маленькой и худенькой для своих лет (ей было где-то около восьми), но за последние месяца два ее ожоги совсем поджили, перестали причинять ей страдания, и она стала значительно больше времени проводить на улице да и есть стала гораздо лучше. Платья, позаимствованные у младшей, пятилетней дочурки Ларк, стали ей малы.

Тенар подумала, что надо бы сходить в деревню, к ткачу Фану, и попросить у него кусок материи из остатков в обмен на пойло для свиней, которое она все время отсылала ему с пастушкой Вереск. Она бы с удовольствием что-нибудь сшила Терру. Да и просто повидать старого Фана ей хотелось. Смерть

Огиона и болезнь Геда заставляли ее сторониться деревенских жителей. Оба эти волшебника, как всегда, насильно выгнали ее из того знакомого мира, в котором она прекрасно умела себя вести и который сама избрала для себя — то вовсе не был мир королей и королев, могущественных волшебных сил и высших искусств, великих путешествий и приключений (обо всем этом Тенар думала, собираясь в деревню и выглядывая в окошко, чтобы видеть Терру), но мир самых обычных людей и самых обычных дел, где люди женились, воспитывали детей, возделывали поля, пасли коз, шили, стирали... Она думала об этом с каким-то мстительным чувством — словно спорила с Гедом, который сейчас, должно быть, прошел уже больше половины пути к Срединной Долине. Она представляла, как он идет по дороге мимо того ручья, где они с Терру ночевали, стройный, седовласый, одинокий и молчаливый путник, у которого в заплечном мешке полбуханки хлеба, испеченного ведьмой, а на сердце — тяжкий груз сознания собственного ничтожества.

«Пора и тебе кое-что понять! — подумала она. — Пора понять, например, что ты вовсе не всему выучился на Роке!» И тут же вспомнила совсем иное — одного из тех мужчин, что тогда поджидали ее с Терру на дороге. Невольно Тенар вскрикнула: «Будь осторожней, Гед!», страшась за него, ведь он и обыкновенной палки с собой не взял. Но вспомнила она не того огромного парня с усами, а другого, более молодого, в кожаной шапке, что так пристально смотрел на Терру.

В деревне она специально направилась сперва к маленькому флигельку рядом с домом Фана: здесь она когда-то жила. И вдруг мимо флигеля — буквально у нее под носом — прошел человек. Это был тот самый парень в кожаной шапке, которого она только что вспоминала! Ее он не заметил, и она смотрела, как он размеренной походкой, не останавливаясь, поднимается по деревенской улице то ли к постоялому двору, то ли к перекрестку горных дорог за деревней.

Не раздумывая, Тенар пошла за ним следом, держась на некотором расстоянии, пока не увидела, как он повернул к поместью Лорда Ре Альби, а не вниз, не в ту сторону, куда ушел Гед.

Немного успокоившись, она пошла в гости к старому Фану.

Будучи почти отшельником, как большинство ткачей, Фан даже в те времена проявил доброту по отношению к каргадской девчонке, впрочем, несколько застенчивую и настороженную. Сколько же людей уже тогда защищали ее достоинство! Теперь, почти ослепнув, Фан завел ученицу, которая и делала большую часть работы. Он был очень рад госте,

восседая, точно на троне, на старинном резном стуле под тем самым веером, от которого и произошло его прозвище Фан-Веер. Веер этот, огромный, искусно разрисованный, подарил деду Фана один пират в благодарность за чрезвычайно быстро сотканную парусину. Веер висел на стене в раскрытом виде. Изящные фигурки мужчин и женщин в пышных одеяниях розового, зеленого, бирюзового цвета, башни и мосты, пестрые знамена Великого Хавнора были Тенар хорошо знакомы. Гости Ре Альби непременно заходили полюбоваться веером старого ткача. Во всем селении, согласно общему мнению, он был самой замечательной вещью.

Тенар с восхищением смотрела на веер, зная, что это приятно старику, а еще потому, что веер на самом деле был удивительно красив, и тут Фан сказал:

— Тебе ведь не много подобных вещей встречалось во время твоих путешествий, правда?

— Нет, совсем не встречалось. А в Срединной Долине тако-го и в помине нет, — ответила Тенар.

— А когда ты жила здесь, со мной рядом, разве я никогда не показывал тебе обратную его сторону?

— Нет, — ответила она, и, разумеется, пришлось снять веер со стены; она влезла на табурет и осторожно отцепила его, потому что сам Фан видел очень плохо, а уж забраться на табурет и подавно не мог. Он с беспокойством руководил ею. Спрыгнув на пол, Тенар положила веер ему на колени, и он своим затуманенным взором впился в дивные изображения, то раскрывая веер, то закрывая его, чтобы удостовериться, что все пластинки целы. Наконец Фан сложил веер, перевернул и вручил ей.

— Открывай, но медленно, — сказал он.

Она так и поступила. Дивное зрелище разворачивалось перед ней. Тонкий и бледный рисунок на пожелтевшем шелке — драконы бледно-красного, голубого, зеленого цвета — и все они двигались, собирались в стаи среди облаков и горных вершин, точно так же, как собирались вместе люди, изображенные на оборотной стороне веера.

— Подними его повыше и поднеси к свету, — сказал старый Фан.

И тут она увидела обе стороны одновременно, обе картины, как бы слившиеся воедино благодаря свету, проникавшему сквозь тонкий шелк; горные вершины и облака совпали с башнями столицы, мужчины и женщины стали крылаты, а драконы смотрели с рисунка человеческими глазами.

— Видишь?

— Вижу, — прошептала она.

— Я-то их теперь и разглядеть не могу — сердцем помню. Я мало кому это показывал.

— Просто поразительно, чудесно!

— Я все собирался показать это старому Магу, — проговорил Фан, — да то одно, то другое — вот и не показал.

Тенар еще раз перевернула веер, держа его против света, потом повесила его на прежнее место, и драконы спрятались во тьму, а женщины и мужчины шли себе, как обычно, освещенные солнцем.

Затем Фан повел Тенар на двор показать своих свиней — отличную парочку, успешно толстеющую, чтобы осенью пойти на колбасу. Они немного посетовали на безответственность Вереск, которая приносила ткачу помой для свиней не слишком регулярно. Тенар сказала, что мечтает о небольшом куске ткани — девочке на платье, и Фан с удовольствием вынул для нее из сундука нетронутую штуку тонкого полотна, а молодая женщина, бывшая у него в подмастерьях, похоже, полностью воспринявшая не только уроки его мастерства, но и его необщительность, тем временем продолжала работать, постукивая ткацким станком, совершенно невозмутимая и сосредоточенная.

Направляясь домой, Тенар думала, что и Терру могла бы сидеть за таким вот станком. Работа, конечно, довольно нудная, однообразная, зато всеми уважаемая, а порой ткачество относили даже к благородным искусствам. И люди привыкли к тому, что ткачи — обычно люди застенчивые, часто одинокие, полностью поглощенные своей работой. А то, что они работают в четырех стенах, позволило бы Терру не слишком часто показываться людям на глаза. Но как быть с изуродованной рукой? Сможет ли девочка такой рукой научиться передвигать челнок, натягивать основу? И неужели ей всю свою жизнь придется прятаться?

Но как же быть ей, Тенар? «Зная, какова будет ее жизнь...»

Она попыталась переключить свои мысли на что-нибудь другое. Стала думать, какое платье сошьет Терру. Платьища дочерей Ларк были грубоватыми, примитивными, как сама земля. А можно покрасить половину материи в желтый или красный цвет мареной с болота, а сверху будет нарядный белый передник с пелериной в оборочках... Нет, ну неужели малышке придется вечно прятаться во тьме у станка и никогда не видеть даже красивой юбки с оборкой и кружевами?.. Если кроить достаточно экономно, тогда останется еще и на блузку, и на второй фартучек...

— Терру, — окликнула она, подходя к дому. Вереск и Терру были в загоне с козами, когда она уходила. Тенар еще раз

позвала девочку, желая показать ей материю и рассказать о будущем платье. И тут из-за летнего сарая появилась неуклюжая Вереск, тащившая на веревке Сиппи.

— А Терру где?

— С тобой пошла, — с искренним изумлением ответила Вереск, и Тенар даже оглянулась, словно девочка стояла у нее за спиной, прежде чем поняла, что Вереск понятия не имеет, где Терру, и просто выдает желаемое за действительность.

— Где ты ее оставила?

Вереск и об этом понятия не имела. Она никогда раньше не отпускала от себя Терру, считая, видимо, что девочку нужно все время держать на привязи, точно козу. Впрочем, возможно, это скорее понимала сама Терру и старалась быть на виду у кого-нибудь из старших. Тенар, так и не дождавшись сколько-нибудь вразумительных объяснений от пастушки, подумала немного и принялась искать и звать девочку. Однако тщетно.

Она старалась не думать об обрыве так долго, как только могла. В первый же день она объяснила Терру, чтобы та никогда не ходила одна ни по круто поднимающимся террасам полей, расположенным ниже дома Огиона, ни к обрывистому утесу, ибо единственным зрячим глазом невозможно определить ни реальную глубину, ни реальное расстояние. Тогда девочка ей подчинилась. Она вообще всегда подчинялась. Но дети склонны забывать свои обещания. Впрочем, Терру своих обещаний не забывает. Однако она могла ведь и нечаянно, даже не заметив этого, выйти на край обрыва? Нет, она, конечно же, просто отправилась к тетушке Мох! Вот именно! Она уже ходила одна в деревню вчера вечером и теперь решила повторить свой подвиг. Вот оно в чем дело!

У тетушки Мох Терру не оказалось. Ведьма ее не видела.

— Я отыщу ее, отыщу, милая, — заверила она Тенар; однако, вместо того чтобы пойти вверх по лесной тропе на поиски девочки, как надеялась Тенар, зачем-то начала вязать дурацкие узелки из собственных волос, явно намереваясь произнести заклятие.

Тенар бегом бросилась назад, к дому Огиона, снова и снова зовя девочку. И на этот раз осмелилась посмотреть вниз, на террасы полей, надеясь увидеть там среди валунов маленькую фигурку. Но за бесчисленными ступенями террас увидела одно лишь море, покрытое рябью и потемневшее, и от этого простора у нее даже закружилась голова и подогнулись колени.

Тенар пошла к могиле Огиона и чуть дальше, мимо нее, в лес, зовя Терру. Когда она возвращалась обратно, на лугу резвилась пустельга; именно здесь когда-то за этой птицей наблюдал Гед. Пустельга ринулась вниз и тут же снова взлетела,

зажав в когтях какого-то маленького зверька, и понеслась к лесу. Птенцов кормит, подумалось Тенар. В мозгу ее без конца роилось множество самых разнообразных мыслей, множество живых и точных образов. Она прошла мимо выстиранного белья, разложенного на траве; теперь белье высохло, его необходимо до вечера собрать... Необходимо поискать возле дома повсюду, в сарае, в загоне — везде и более тщательно. Это ее вина. Это она виновата, потому что думала, как сделать из Терру ткачиху, как запереть ее в доме, за работой, сделать уважаемой всеми... Хотя Огион сказал тогда: «Научи ее, научи ее всему, Тенар!» Хотя она сама понимала, что неправильное обращение с этой девочкой может иметь необратимые последствия. Хотя знала, что девочка поручена именно ей, но со своей задачей не справилась, не оправдала надежд, не оправдала доверия Терру, потеряла ее, потеряла единственный доставшийся ей великий дар...

Тенар обыскала каждый уголок в доме, обшарила все остальные постройки, снова заглянула в альков и под вторую кровать. Потом остановилась, чтобы выпить воды, ибо рот ее пересох, словно песок в пустыне.

За дверью, как всегда, стояли три деревянных посоха — Огионов и их с Терру. И вот один из них, окутанный тенью, вдруг двинулся и сказал:

— Я здесь.

Девочка совершенно скрючилась в самом темном углу, словно втянувшись внутрь собственного тельца, и казалась сейчас не больше собачонки: голова прижата к плечу, руки и ноги поджаты под горло, единственный зрячий глаз из всех сил зажмурен.

— Птичка ты моя, воробышек, огонечек мой, что случилось? Что? Что они с тобой сделали?

Тенар прижала к себе застывшее и холодное, словно камешек, маленькое тельце, баюкая девочку.

— Разве можно так пугать меня? Разве можно так от меня прятаться? Ох, как я на тебя сердита!

Она плакала, и слезы ее капали на лицо ребенку.

— Ах, Терру, Терру! Никогда больше так не делай!

Скрюченные, застывшие руки и ноги девочки вздрогнули и понемногу расслабились. Терру шевельнулась и вдруг судорожно прильнула к Тенар, спрятав лицо в ямку между ее грудью и плечом, прижимаясь к ней все крепче, с каким-то отчаянием. Она не плакала. Она никогда не плакала; возможно, все ее слезы были выжжены тем смертоносным костром. Но она исторгла какой-то протяжный стон, а может быть, рыдание.

Тенар обнимала ее и укачивала, укачивала. Очень, очень медленно отчаянные объятия девочки чуть ослабели. Головка сонно улеглась Тенар на грудь.

— Скажи-ка мне... — прошептала женщина, и девочка сразу ответила своим слабым, хриплым шепотом:

— Он приходил сюда.

Сперва Тенар подумала о Геде, но тут же под воздействием пережитого страха догадалась, кто был этот «он» для ее девочки! Она сухо усмехнулась про себя и, добиваясь четкого ответа, снова спросила Терру:

— Кто это «он»?

Ответа не последовало; Тенар почувствовала, как девочку стала бить с трудом сдерживаемая дрожь.

— Тот самый? — тихо спросила Тенар. — Тот, в кожаной шапке?

Терру коротко кивнула.

— Тот, кого мы видели тогда на дороге?

Девочка промолчала.

— Там было четверо мужчин — я на них еще рассердилась, помнишь? Это один из них?

И тут ей пришло в голову, что Терру тогда шла потупясь, пряча сожженную щеку, как всегда в присутствии чужих.

— Ты знаешь его, Терру?

— Да.

— С тех пор как... как вы жили в палатке у реки?

Терру снова коротко кивнула.

Тенар еще крепче прижала девочку к себе.

— Так это он приходил сюда... — проговорила она, и весь ужас, который она носила в себе, сразу превратился в гнев, в ярость, сжигающую ей нутро, сидевшую в ней словно раскаленный прут. Тенар как-то странно усмехнулась — «Ха!» — и почему-то сразу вспомнила Калессина, то, как дракон смеялся.

Но ей, человеку, женщине, оказалось вовсе не легко удержать этот огонь в себе. Да и ребенка необходимо было успокоить.

— А он тебя видел?

— Я спряталась.

Тенар быстро заговорила, поглаживая Терру по голове:

— Он никогда больше к тебе не притронется, Терру. Ты пойми меня и поверь: он больше никогда не коснется тебя. Он больше никогда тебя не увидит — во всяком случае, пока я с тобой. Ты же понимаешь это, моя дорогая, моя драгоценная, моя красавица! Ты не должна его бояться. Да и отчего тебе его бояться? Он-то хочет как раз, чтобы ты его боялась. В твоём страхе он черпает силы. А мы заставим его поголодать! Пусть голодает, пусть гложет сам себя! Пусть задохнется, кусая соб-

ственные кости... Ах, не слушай ты меня, я ужасно сердита, я чудовищно зла!.. Я очень красная? Такая же, как женщины с Гонта? Как тот дракон? Красная? — Она пыталась шутить, и Терру, подняв к ней свое изуродованное робкое личико, заглянула ей в глаза и сказала:

— Да, красная. Ты — красный дракон.

Мысль о том, что этот человек приходил в их дом, был здесь, ходил вокруг, любясь содеянным, может быть, даже обдумывая, как довести неоконченное дело до конца, — мысль об этом, скорее даже не мысль, а дурнотное чувство, подобное тошноте, охватывая Тенар, как бы сгорало само собой во вспыхивающем тут же в ее душе гневе.

Они встали, умылись, и Тенар решила, что наиболее явственное и реальное из множества ее теперешних чувств — голод.

— У меня совершеннейшая пустота в животе, — сказала она Терру и приготовила им роскошную трапезу: сыр, хлеб, холодные бобы, приправленные маслом и специями, ломтики лука и твердой копченой колбасы. Терру ела с отменным аппетитом, а Тенар — с еще большим.

Когда они съели все до последней крошки, Тенар сказала:

— А теперь, Терру, запомни: я никогда больше тебя одну не оставлю, и ты тоже не оставляй меня. Хорошо? А сейчас мы вместе с тобой сходим к тетушке Мох. Она там сотворила заклятие, чтобы отыскать тебя, так что пусть больше не беспокоится на этот счет.

Терру так и замерла. Она только раз взглянула на открытую настежь дверь и сразу отшатнулась.

— А еще нам с тобой нужно принести высохшее белье. Захватим его на обратном пути. А когда вернемся, я покажу тебе материю, которую добыла сегодня. Платье буду шить. Новое платье для тебя. Красное.

Девочка словно не слышала.

— Если мы будем прятаться, Терру, это ему только на руку. Но мы прятаться не станем, будем сильными сами. Так что ему не понравится. А ну-ка пошли!

Преодоление порога потребовало от Терру невероятных усилий. Она отворачивалась, прятала лицо, дрожала, потом вдруг пошла, нерешительно, спотыкаясь, и казалось невыносимо жестоким заставлять ее перешагивать этот порог, чуть ли не силой тащить ее из дома, но Тенар не знала жалости.

— Пойдем же! — настойчиво повторила она, и девочка пошла с ней.

Держась за руки, они прошли через поля к домику тетушки Мох. Один или два раза Терру даже заставила себя поднять глаза от земли.

Тетушка Мох вовсе не удивилась, увидев их, однако выглядела она грустной и усталой. Она велела Терру сбежать в дом и полюбоваться юными цыплятами, которых только что вывела ее несушка с ожерельем на шейке, а потом выбрать и для себя парочку; Терру точно ветром сдуло.

— Она все время была в доме, — сказала Тенар. — Пряталась.

— Ну что ж, хорошо, что она умеет прятаться, — сказала ведьма.

— Почему? — резко спросила Тенар. Ей не хотелось сейчас скрывать свое настроение и быть покладистой.

— Да... всякие тут ходят... — сказала ведьма, однако совсем не важничая, а скорее с неохотой.

— Негодяи всякие тут ходят! — заявила Тенар, и тетушка Мох, глянув на нее, даже немножко отодвинулась.

— Ну-ну, успокойся, — сказала она. — Успокойся, милая. Ты вся прямо-таки огнем горишь, вокруг головы свет сияет. Я сотворила заклятие, чтобы отыскать девочку, однако оно не подействовало. Почему-то все шло не так, как хотела я, и я так и не поняла, кончилось ли действие этого заклятия. Что-то я растерялась совсем. Я видела Великих. Искала нашу девочку, а видела Великих, что парили над вершинами гор, среди облаков. А теперь и ты на них похожа, и волосы твои будто пламенем охвачены. Что случилось, что не так?

— Да есть тут один, в кожаной шапке, — сказала Тенар. — Такой молодой... Ну хватит так на меня смотреть! У него, кажется, куртка на плече разорвана. Ты его случайно тут не видела?

Тетушка Мох кивнула:

— Его в усадьбе на сенокос наняли.

— Я же рассказывала тебе, что она... — Тенар глянула в сторону дома, — что она была тогда с женщиной и двумя мужчинами. Он — один из тех двоих.

— Ты хочешь сказать, один из тех, что...

— Да.

Старуха застыла, словно деревянная статуя.

— Не знаю, — проговорила она наконец. — Мне казалось, что я знаю достаточно. Но это не так. А что... Что будет... А он что же... захочет прийти и повидать ее?

— Если он ее отец, то, возможно, просто потребует вернуть ее.

— Потребуется вернуть?

— Она же *его собственность*.

Тенар говорила довольно спокойно. И при этом смотрела на вершину горы Гонт.

— Но я думаю, что отец все-таки не он. Я думаю, тот, другой. Тот, что пришел тогда в деревню и сказал моей подруге, что девочка «поранилась».

Тетушка Мох еще не совсем пришла в себя, она по-прежнему была во власти собственных чар и видений, ее испугала и ярость Тенар, и то, что неизбежное зло где-то рядом. Старуха в отчаянии потрясла головой.

— Я не знаю, — повторила она. — Хотя считала, что знаю достаточно. Как же он может вернуться сюда?

— Чтобы совсем уничтожить ее, — сказала Тенар. — Уничтожить, поглотить, пожрать. Я больше ее одну не оставлю! Вот только завтра, с самого утра, я, возможно, попрошу тебя, тетушка Мох, посторожить ее. С часок примерно. Сделаешь это для меня? А я пока схожу в усадьбу Лорда.

— Конечно, милая. Конечно. Я могу наложить укрывающее от чужих глаз заклятие, если хочешь... Однако... Они-то ведь сейчас как раз там, те посланцы короля из Хавнора...

— Ну так что ж, пусть и они посмотрят, какова здесь жизнь у простых людей, — сказала Тенар так, что тетушка Мох снова отшатнулась от нее: ей показалось, что сноп искр разлетелся от Тенар — словно от костра на ветру.

Глава 9

ВОЛШЕБНЫЕ СЛОВА

Они заготавливали сено на лугу Лорда, вытянувшемся вдоль всего склона; луг перерезали четкие утренние тени. Косцов было пятеро — три женщины и двое мужчин, один совсем юный, насколько Тенар могла догадаться издали, а второй — седой и сутулый. Она поднялась к ним, ступая меж скошенных валков, и спросила одну из женщин о человеке в кожаной шапке.

— Это тот, что с Вальмута будет, иль нет? — переспросила та. — Ума не приложу, куда он подевался.

К ним подошли остальные. Ни один не знал, куда вдруг исчез человек из Срединной Долины и почему он не косит с ними вместе.

— Такие бездельники нипочем работать не станут, — сказал сутулый. — Неумеха. А ты что ж, госпожа, знаешь его?

— Случайно видела, — ответила Тенар. — Он все что-то возле нашего дома вынюхивал... девочку мою испугал. Я даже не знаю, как его зовут.

— Сам-то он себя Ловкачом называет, — удалось вставить мальчишке. Остальные смотрели на нее молча или старались не смотреть вообще. Они уже начинали догадываться, что она та самая женщина с Каргадских островов, что живет в доме старого Мага. Все они были вассалами Лорда Ре Альби, а потому подозрительно относились к тем, кто живет в деревне, не говоря уж о тех, кто имел дело с Огионом. Они поточили свои косы и пошли от нее прочь, разбрелись по лугу, вновь принявшись за работу. Тенар по краю поля, мимо посаженных там ореховых деревьев, спустилась к дороге.

Там, словно поджидая ее, стоял какой-то человек. Сердце у нее упало. Она поспешила навстречу.

То был Аспен, волшебник из усадьбы. Он стоял в тени придорожного дерева, изящно опершись о свой длинный сосновый посох. Когда Тенар наконец вышла неподалеку от него на дорогу, он сказал:

— Что, работу ищешь?

— Нет.

— Господину моему на поле нужны рабочие руки. Жара вот-вот кончится, так что сено необходимо поскорее убрать.

Для Гохи, вдовы Флинта, слова его звучали вполне нормально, так что Гоха и ответила ему тоже вежливо:

— Но ведь твое искусство, без сомнения, сможет справиться с дождевыми тучами, пока все сено не уберут.

Однако он прекрасно знал, что Тенар — та самая женщина, с которой перед смертью говорил Огион и которой старый Маг назвал свое Истинное Имя; и если учитывать, что он это знал, то слова его звучали в высшей степени оскорбительно и на редкость фальшиво — словно скрытая угроза или предупреждение. Она уже собралась спросить, не знает ли он, где теперь человек по прозвищу Ловкач. Но вместо этого сказала:

— Я просто пришла сообщить вашему управляющему, что человек, которого он нанял на сенокос, беглый вор и даже хуже. Он ведь совсем не такого хотел нанять, правда? Хотя и этот, кажется, уже куда-то исчез?

Она спокойно смотрела на Аспена, не отводя глаз до тех пор, пока он с трудом не проговорил ей в ответ:

— Я ничего не знаю об этих людях.

В ту ночь, когда умер Огион, волшебник этот показался ей высоким, молодым и даже довольно привлекательным в своем сером плаще с украшенным серебряным набалдашником посохом. Но он был совсем не так уж молод и вообще как будто высох, съежился с тех пор. Во взгляде его и голосе теперь отчетливо чувствовалось презрение, и она ответила ему так, как ответила бы Гоха:

— Да я просто так спросила. И прошу прощения. — Ей все не хотелось еще и здесь неприятностей. Она уже повернула назад, когда Аспен вдруг крикнул:

— погоди!

Она остановилась.

— Вор и даже хуже, ты говоришь, да только клевета недорого стоит, а женский язычок страшнее иного ворюги будет. Ты ведь сюда нарочно пришла, чтобы среди косцов воду мутить, чтобы порядочных людей оговаривать да ложью опутывать — вот они, драконовы семена, что каждая колдунья сеет.

Неужели думала, я не догадаюсь, что ты ведьма? Да я как только увидел это чертово отродье, что вечно к тебе липнет, так сразу и понял, где ты ее взяла и для какой надобности! И правильно сделали, что сжечь ее хотели! Только дело это надо было до конца довести. Ты уже один раз оскорбила меня у тела старого волшебника, но я тогда не стал тебя наказывать — ради покойного и в присутствии остальных. Но теперь ты зашла слишком далеко! Я предупреждаю тебя, женщина! Я не позволю тебе больше ходить по этой земле. Если же ты еще станешь мне перечить или снова осмелишься заговорить со мной, я сделаю так, что тебя вышвырнут из Ре Альби да еще и с собаками погонят. Ты меня поняла?

— Нет, — сказала Тенар. — Я никогда не понимала таких мужчин, как ты.

Она отвернулась и пошла по дороге.

Внезапно ее словно ударили чем-то острым прямо по позвоночнику, так что волосы у нее от боли встали дыбом. Она резко обернулась и увидела, что волшебник вытянул свой посох по направлению к ней, а вокруг конца посоха пляшут темные молнии. Губы Аспена уже приоткрылись для заклятия. И тут она поняла: все это потому, что Гед утратил свое могущество. Я считала дурными всех мужчин, но я ошибалась!.. Вдруг чей-то спокойный голос спросил:

— Ну-ну, что тут у нас происходит?

Двое из столичных гостей спускались на дорогу прямо из вишневого сада, что тянулся вдоль нее. Они смотрели то на Аспена, то на Тенар и явно ничего не понимали, однако держались вежливо, словно сожалея о необходимости помешать волшебнику, сознавая, что не допустят насилия.

— Госпожа Гоха, — изысканно поклонился ей человек в расшитой золотом рубахе.

Другой, с ясными глазами, тоже вежливо поздоровался с ней и улыбнулся.

— Госпожа Гоха, — проговорил он, — это женщина, которая, подобно нашему королю, открыто называет свое имя и, по-моему, ничего на свете не боится. На Гонте она, вероятно, предпочитает, чтобы ее называли простым гонтийским именем? Однако, поскольку нам известны ее великие деяния, я прошу у нее позволения оказать мне честь, ибо именно она носила на руке то Кольцо, которое не надевала больше ни одна женщина со времен прекрасной Эльфарран. — Он самым естественным движением преклонил перед Тенар одно колено, легким быстрым жестом взял ее правую руку и коснулся кисти своим лбом. Потом поднялся и улыбнулся своей добродушной и чуть таинственной улыбкой.

— Ах, — сказала Тенар, польщенная и словно согревшаяся от этих слов, — каких только могущественных сил нет на свете! Благодарю вас.

Волшебник стоял как вкопанный, глядя на нее. Он уже успел сомкнуть губы, готовые произнести злобное заклятие, и опустил свой посох, однако вокруг него и в его глазах все еще вполне отчетливо видна была некая мгла.

Она не знала, было ли ему известно раньше или он только сейчас узнал, что она Тенар, доставившая Кольцо Эррет-Акбе. Это было, впрочем, неважно. Все равно он не мог бы ненавидеть ее сильнее. Ее беда была в том, что она женщина. Ничто не могло быть хуже — в его глазах, разумеется; ничто не могло спасти ее от кары; ни одно наказание для нее не было бы достаточно сильным, ведь он видел, что сотворили с Терру, и вполне одобрил содеянное.

— Господин мой, — сказала она тогда тому, кто был постарше, — даже что-либо чуть меньшее, чем честность и открытость, уже кажется почти бесчестьем нашему королю, от чьего лица говорите вы — и действуете так, как сейчас. Лестно, что король и его посланник оказали мне честь... Однако собственная честь моя связана данным словом, пока мой друг сам не освободит меня. Я... я уверена, господа мои, что со временем он сам пошлет вам весть о себе. Только, молю вас, дайте ему время.

— Разумеется, — откликнулись оба посланника в один голос. — Столько времени, сколько ему будет угодно. А твое доверие, госпожа, возвышает нас более всего прочего.

Она пошла по дороге дальше в Ре Альби, потрясенная случившимся — столь стремительными переменами, неприкрытой ненавистью волшебника, собственной, какой-то сердитой резкостью, собственным ужасом перед лицом неожиданной опасности, его откровенным желанием причинить ей зло и, наконец, внезапным спасением благодаря посланникам короля, явившимся сюда из благословенного рая на белом крылом корабле, из Башни Меча, средоточия правосудия и порядка. Ее сердце было исполнено благодарности. Да, теперь на троне действительно настоящий король, и главное украшение его короны отныне — Руна Мира.

Ей понравилось лицо молодого гостя, умное и доброе; и то, как он преклонил перед ней колена — словно перед королевой; и его улыбка, будто таившая некую тайну. Она оглянулась. Оба посланника шли вместе с волшебником Аспеном по направлению к поместью Лорда Ре Альби. Все трое, похоже, вполне дружески беседовали, словно ничего и не произошло.

Это немного поколебало ее веру в них. Они, разумеется, были настоящими придворными. И не их дело впутываться в ссоры или открыто осуждать кого-то. А он ведь волшебник, да к тому же волшебник того Лорда, что оказал им гостеприимство. И все-таки, подумала она, не стоило бы им так вот прогуливаться и беспечно беседовать с ним.

Гости из Хавнора еще несколько дней прожили у Лорда Ре Альби, возможно не теряя надежды, что Верховный Маг переживает и придет к ним; однако сами они его не искали и не приставали к Тенар с вопросами о том, где он может быть. Когда они наконец покинули Гонт, Тенар сказала себе, что должна теперь непременно решить, как же ей быть дальше. Никакой видимой причины долее оставаться в доме Огиона не было, зато покинуть Ре Альби она стремилась по крайней мере по двум весьма серьезным причинам: из-за Аспена и из-за Ловкача. И нисколько не сомневалась, что они не оставят их с Терру в покое.

И все-таки она никак не могла окончательно решиться: ей трудно было даже думать о расставании с Огионом. Она была уверена, что, покинув Ре Альби, потеряет его навсегда, а пока она поддерживает порядок в его доме и пропалывает его грядки с луком, связь между ними, пусть не очень сильная, все-таки остается. И еще она подумала: «Там, в долине, мне никогда уже больше не приснится небо». Здесь, где побывал Калессин, она действительно была Тенар — во всяком случае, так ей казалось. А в Срединной Долине она вновь станет всего лишь Гохой. И она тянула, откладывала уход, говоря себе: «Ну неужели стоит бояться этих негодяев? Неужели я так вот просто возьму и сбегу от них? Ведь им этого и нужно: командовать мною». Она ни на шаг не отпускала от себя Терру. И день шел за днем.

Порой заходила тетушка Мох, чтобы рассказать какую-нибудь историю. Тенар уже спрашивала ее о волшебнике Аспене — разумеется, только лишь намекнув на его угрозы. Она и вообще-то уже стала думать, что Аспен хотел только припугнуть ее. Тетушка Мох обычно избегала говорить о том, что касалось Лорда Ре Альби, однако происходящее в его поместье ее живо интересовало, и она охотно болтала с тамошними своими знакомыми, с той старухой, например, у которой сама училась принимать роды, и с другими, кого считала приличными знахарями. Их-то она и заставляла выкладывать все, что происходило в господском доме. Все они Аспена ненавидели, а потому говорили о нем всегда с большой охотой, однако в их рассказах больше половины было продиктовано злословием и страхом. И все-таки среди любых вымыслов всегда можно обнару-

жить зерно правды. Тетушка Мох и сама утверждала, что, пока здесь три года назад не появился Аспен, юный Лорд, внук старого, пребывал в добром здравии, хотя и тогда отличался застенчивостью и мрачным нравом. «Вроде как напуганный», — говорила старая ведьма. Потом умерла мать мальчика, и старый Лорд послал на остров Рок за волшебником... «А для чего? — спрашивала тетушка Мох. — Ведь сам Огион жил от поместья в получасе ходьбы? Да и все эти лорды там, в Ре Альби, колдуны и чародеи».

Но тем не менее Аспен прибыл. Он только раз пришел к Огиону, чтобы засвидетельствовать свое почтение, и больше не появлялся. По словам тетушки Мох, он всегда предпочитал оставаться наверху, в поместье. И с тех пор внука старого Лорда стали видеть все реже и реже; поползли слухи, что мальчик теперь день и ночь проводит в постели, «точно младенец больной, и весь будто усох совсем». Зато старый Лорд, которому, по словам тетушки Мох, было «по крайней мере лет сто или около того», просто процветал и «был полон жизненных соков». Один из слуг — ибо прислуживать в поместье нанимали только мужчин — рассказывал своей приятельнице, дружившей и с тетушкой Мох, что старый Лорд нанял волшебника Аспена для того, чтобы самому жить вечно, и что волшебник этот делает, как ему велено, а потому вроде бы как скармливает старику жизненные силы внука. И мужчина тот ничего дурного в этом не находил, говоря: «А кому ж не хочется вечно-то жить?»

— Так, — сказала возмущенная Тенар, в очередной раз выслушав тетушку Мох, — гнусная история! А разве об этом в деревне ничего не говорят?

Тетушка Мох пожала плечами. Словно, как всегда, хотела сказать: «Пусть их». Деяния власть имущих не подлежали осуждению среди бесправных. А кроме того, мешала какая-то неясная, слепая верность Ре Альби: старик ведь всегда был их господином, и никого не касалось, чем он там занимается... Тетушка Мох, видимо, разделяла эту точку зрения. «Рискованно это, — говорила она, — ошибиться легко». Но ни разу не назвала происходящее в поместье отвратительным.

Никаких следов мужчины по имени Ловкач Тенар так и не обнаружила. Страстно желая убедиться в том, что он покинул Большой Утес, Тенар расспросила о нем своих немногочисленных приятелей из деревни, однако отвечали ей весьма неохотно и как-то двусмысленно. Им не было дела до ее тревог. «Пусть ее...» Один лишь старый Фан обращался с ней по-дружески. Однако, возможно, лишь потому, что своими почти слепыми глазами не мог как следует рассмотреть Терру.

Она теперь всегда брала девочку с собой, отправляясь в деревню или куда бы то ни было из дому.

Терру нисколько не тяготила эта нерасторжимая связь. Напротив, она жалась к Тенар, как и большинство маленьких детей к матерям, помогала ей по хозяйству, играла рядом. Основным ее развлечением стало плетение бесконечных путанок и игра с двумя костяными фигурками, которые Тенар нашла в маленькой соломенной сумке, лежавшей на полке в уголке. Одна из фигурок напоминала не то собаку, не то овцу, а вторая — определенно человека, но не поймешь, женщину или мужчину. Тенар не усматривала в этих безделушках ничего таинственного или опасного, да и тетушка Мох тоже сказала: «Это просто игрушки». Терру же фигурки казались по-настоящему волшебными. Она порой часами играла с ними, выдумывая всякие истории и не произнося вслух ни слова. Иногда она строила для человечка и его зверька дома — пирамидки из камешков, хижины из глины и соломы. Фигурки всегда были у нее под рукой, в кармане. Потихоньку Терру училась прясть, но не могла пока держать шерсть в своей изуродованной огнем руке, а другой одновременно крутить веретено. С самого первого дня они с Тенар регулярно вычесывали Огионовых коз, и теперь набралось уже порядочно шелковистой шерсти, которую надо было спрядь.

«Но мне же нужно учить ее по-настоящему! — огорчалась Тенар. — «Научи ее всему», — сказал Огион. А я ее чему учу? Готовить и прясть? — И сама же себе возражала, но уже как бы голосом Гохи: — А разве умение прясть не настоящее мастерство, всем нужное и всеми уважаемое? Разве мудрость заключена только в словах?»

И все-таки вопрос этот очень ее беспокоил, и однажды днем, когда Терру выбирала из козьей шерсти всякий мусор, сидя рядом с Тенар в тени персикового дерева, она сказала:

— Терру, может быть, тебе уже пора начать учить Истинные Имена вещей? Есть такой язык, на котором все вещи называются своими Настоящими Именами, а поступок и слово воспринимаются как единое целое. Слова этой речи произнес впервые Сегой, когда поднимал острова Земноморья из глубин морских. На этом языке говорят драконы.

Девочка слушала молча.

Тенар отложила чесальные гребни и подобрала с земли камешек.

— На этом языке, — сказала она, — камешек называется *ток*.

Терру смотрела внимательно; потом повторила *ток*, но совершенно беззвучно, одними губами, изуродованными ожогом справа.

Камешек как ни в чем не бывало лежал на ладони Тенар — самый обыкновенный камешек.

Обе они молчали.

— Рановато еще, — сказала Тенар. — Не этому должна я тебя учить сейчас. — Она бросила камешек на землю и снова взялась за свои гребни; к этому времени Терру приготовила уже целую гору серой, словно туча, шерсти. — Может быть, когда ты пройдешь обряд имяположения и обретишь Подлинное Имя? — снова заговорила Тенар. — Может быть, тогда будет можно? Но не сейчас. А знаешь что? Давай-ка займемся разными древними историями, пора тебе их послушать. Я могу много рассказать тебе о жизни Архипелага и Каргадских островов. Раньше я рассказывала только то, что сама узнала когда-то от Айхала Молчаливого, а теперь хочу, чтобы ты послушала одну историю, которую моя подруга Ларк рассказывала нашим с ней детям. Это история об Андауре и Аваде.

Так давно, как вечность, и так далеко отсюда, как Селидор, жил да был дровосек по имени Андаур, который часто в одиночку уходил далеко в горы. Однажды, забравшись глубоко в лес, он срубил там огромный дуб. И, падая, дуб крикнул Андауру человеческим голосом...

Обе они весьма приятно провели тот день.

Однако ночью, лежа рядом со спящей девочкой, Тенар уснуть не могла. Беспокойство мучило ее, одна глупая мысль сменяла другую — и все какие-то мелочи: заперла ли она калитку загона, отчего болит рука — от бесконечного чесанья шерсти или это артрит начинается, и так далее и тому подобное. Потом вдруг ей стало совсем не по себе: ей показалось, что рядом с домом кто-то ходит. Что же это я до сих пор собаку не завела, подумала она. Глупо жить без собаки, когда в доме только женщина да ребенок! В такое время непременно следует завести собаку! Но ведь это же дом Огиона: ни один злоумышленник сюда никогда не проникнет. Да ведь Огион-то умер, умер и похоронен под корнями дерева на опушке леса. И никто ей на помощь не придет — Ястреб далеко, беглец. Он теперь уже и не Ястреб, так — тень Ястреба, никчемный, пустой, мертвый человек, которого силой заставляют жить. А у меня волшебной силы нет, тут от меня проку никакого. Я говорю слово Созидания, и оно у меня еще во рту умирает, теряет смысл. Камешек. А я — женщина, старая, слабая, глупая... Все, что я делаю, я делаю неправильно. Все, к чему я прикасаюсь, превращается в прах, в тени, в камень. Я создание

тмы, я переполнена тьмой. И очистить меня может только огонь. Только огонь может меня поглотить, поглотить полностью, как...

Она села и вскрикнула по-каргадски: «Да отвратится твое заклятие, да оборотится оно против тебя самого!» — и, выпростав из-под одеяла правую руку, указала ею куда-то вниз и прямо — на закрытую дверь. Потом осторожно выскользнула из кровати, подошла к двери, распахнула ее рывком и громко сказала прямо в пасмурную ночь:

— Ты пришел слишком поздно, Аспен! Я давно уже поглощена. Иди и очисти свой собственный дом от скверны!

Ответа не последовало, и вообще не слышно было ни звука, только в воздухе висел слабый, кисловатый, неприятный запах — чего-то горелого, то ли подожженного платья, то ли волос.

Она захлопнула дверь и подперла ее посохом Огиона, а потом проверила, спит ли по-прежнему Терру. Сама же она в ту ночь так и не уснула.

Утром они с Терру пошли в деревню, чтобы узнать у старого Фана, не нужна ли ему только что спряденная ими шерсть. Это был подходящий повод, чтобы уйти подальше от дома и некоторое время побыть среди людей. Старик сказал, что с радостью возьмет их пряжу, и они еще некоторое время поговорили с ним, сидя под огромным разрисованным веером, а хмурая помощница Фана все это время безостановочно стучала и клацала ткацким станком. Когда Тенар и Терру выходили на улицу, Тенар успела заметить, как кто-то спрятался за угол того домика, где она раньше жила. То ли оводы, то ли пчелы начали вдруг жалить Тенар в шею и в голову, а с небес вдруг полил грозовой дождь, хотя на небе не было ни облачка — да не просто дождик, камни посыпались! Она видела, как они отскакивают от земли. Терру остановилась, потрясенная и ошеломленная, озираясь вокруг. Из-за домика выбежали двое мальчишек, и непонятно было, то ли они хотели спрятаться, то ли, наоборот, выставляли себя напоказ, вопя и смеясь.

— Пойдем, — спокойно сказала Тенар, и они пошли к дому Огиона.

Тенар трясло, и озноб еще усилился по дороге. Она старалась скрыть это от Терру, которая казалась очень встревоженной, но не испуганной, хотя явно не понимала, что же произошло.

Едва они вошли в дом, как Тенар поняла, что здесь кто-то побывал, пока они ходили в деревню. Пахло горелым мясом и

жженным волосом. Покрывало на их кровати было все скомкано.

Еще только решая, как быть дальше, она поняла, что на ней лежит заклятие. Теперь зло поджидало ее дома. Она никак не могла унять дрожь, в голове все путалось, мысли стали неповоротливыми, медлительными, она ни на что не могла решиться. Она и думать-то толком не могла. Тогда она произнесла одно лишь слово, Истинное Имя камешка, и вот сегодня в лицо ей полетели камни — в ее лицо, в лицо зла, в лицо ужаса... Она тогда осмелилась заговорить... А теперь она не могла говорить совсем...

Она подумала по-каргадски: *Я не могу думать на ардическом языке. Я не должна этого делать.*

По-каргадски думать она могла. Хотя и не быстро, а так, словно сперва должна была просить девушку Ару, которой была когда-то давно, чтобы та вышла из тьмы и подумала за нее. Чтобы помогла ей, Тенар, как помогла вчера ночью, отворотив заклятие колдуна и оборотив его зло против него самого. Ара не знала многого из того, что знали Тенар и Гоха, однако проклинать она умела; и жить во тьме — тоже; и еще — умела молчать.

Молчать Тенар было особенно тяжело. Ей хотелось выплакаться. Ей хотелось поговорить с кем-нибудь — пойти к тетушке Мох и рассказать той, что произошло, почему она должна уходить отсюда, да наконец просто чтобы попрощаться. Она попыталась сказать пастушке Вереск: «Козы теперь твои», и ей даже удалось произнести это на ардическом, так что Вереск вроде бы должна была понять, однако она не поняла. Она уставилась на Тенар, засмеялась и ответила: «Ой, так ведь это же козы Лорда Огиона!»

Тенар тщетно попыталась пояснить свою мысль, но тут смертельная слабость охватила ее, и она услышала, как выкрикивает пронзительным голосом: тупица, полудурок, скотина, глупая баба!

Вереск уставилась на нее и перестала смеяться. Тенар прикрыла рот ладонью, взяла ее за руку и повела смотреть, как зреют сыры в молочной; она стала поочередно показывать то на них, то на Вереск, пока та не кивнула слабо и снова не засмеялась — уже от радости.

Тенар кивком подозвала Терру, а сама пошла в дом, где отвратительный запах был сильнее, и Терру уже начала от него кашлять.

Тенар выбросила на улицу их дорожные сумки и башмаки. Потом в свою суму уложила сменное платье, два стареньких

платица Терру и наполовину сшитое новое ее платье, а также смену белья и остаток материи; положила еще веретена, немного еды и глиняную фляжку с водой на дорогу. В сумку Терру были уложены лучшие ее корзиночки из травы, костяной человек и костяной зверек, несколько ярких перышек, маленькая плетеная циновочка-головоломка, которую подарила Терру тетушка Мох, и мешочек с орехами и изюмом.

Тенар хотелось сказать: «Пойди и полей персиковое деревце», но она не осмеливалась, а просто вывела девочку на улицу и показала, что нужно сделать. Терру старательно полила крохотный росток.

Они подмели и все прибрали в доме, работая быстро, в полном молчании.

Тенар поставила кувшин обратно на полку и увидела на другом ее конце три Великие Книги, принадлежавшие Огиону.

Ара тоже увидела их, но для нее они ничего не значили — какие-то большие кожаные коробки, полные бумаги.

Но Тенар устала на них, прикусив костяшку пальца, напряженная, пытаясь решить, что же ей делать и как донести такую тяжесть. Она не могла одна справиться с этим, но была *должна*. Книгам было не место в доме, утратившем свою священную неприкосновенность, куда теперь проникла ненависть. Они принадлежали Огиону. Геду. Ей. То было Знание. *Научи ее всему!* Она вытащила всю шерсть и готовую пряжу из мешка, который собиралась прихватить с собой, и положила Книги туда; потом стянула мешок кожаным ремешком, закрепив петлю так, чтобы удобно было тащить мешок по земле. И наконец сказала:

— Теперь мы должны уходить, Терру.

Она сказала это по-каргадски, но ведь и имя девочки тоже было каргадским; этим словом карги обозначают пламя, горение; и девочка последовала за Тенар, не задавая никаких вопросов, с дорожной сумой за плечами, куда было сложено все ее небогатое имущество.

Они взяли в руки свои дорожные посохи — ореховую ветку и ветку ольхи. Посох Огиона они оставили за дверью, в темном углу, а дверь в дом широко распахнули, предоставив гулять там морскому ветру.

Каким-то звериным чутьем Тенар чувствовала, что нужно держаться подальше от полей и от верхней дороги, по которой они пришли сюда. Они срезали путь, спустившись по крутым ступеням уходящих вниз пастбищ. Потом, крепко держась за руки, вышли на проезжую дорогу, что, петляя, вела в Порт

Гонт. Тенар понимала, что, если им сейчас встретится Аспен, она пропала; а еще она подумала, что волшебник, возможно, поджидает ее на дороге. Хотя, может быть, и не на этой.

Примерно через полчаса ходьбы она вновь обрела способность нормально рассуждать. Во-первых, до нее дошло, что дорогу она выбрала правильно: слова ардического языка постепенно возвращались к ней, а потом — и слова Истинной Речи, так что она даже остановилась на минутку, подобрала с земли камешек и подержала его в руке, повторяя про себя: *ток*. Потом опустила камешек в карман. Посмотрела в небесную высь, на быстро летящие тучи, один раз прошептала: *Калессин*, и душа ее тут же очистилась, мысли стали ясными и такими же прозрачными, как воздух вокруг.

Они миновали длинную вырубку, по краям затененную высокими травами и выступами скал; здесь Тенар чувствовала себя несколько неуверенно. Когда они добрались до поворота дороги, перед ними внизу открылся простор темно-голубого залива. Между Сторожевыми Утесами в гавань Гонта как раз входил красивый корабль с поднятыми парусами. В прошлый раз именно такой корабль испугал и встревожил Тенар, однако теперь она страха не ощутила. Ей, напротив, даже захотелось побежать по дороге навстречу этому кораблю.

Но побежать она не могла: Терру была уже на пределе. Она ходила теперь гораздо быстрее, чем два месяца назад, да и спускаться вниз было, конечно, значительно легче, чем ползти по крутой дороге в Ре Альби. Но корабль как бы сам устремился им навстречу. В его парусах был, видно, волшебный ветер; словно низко летящий лебедь, пересек он залив и причалил в порту прежде, чем Тенар и Терру преодолели половину длинного своего пути.

Все города, большие и маленькие, всегда казались Тенар немного странными. Она никогда раньше не жила в городах. Когда-то она недолго гостила, правда, в самом большом городе Земноморья, Хавноре, а потом вместе с Гедом приплыла в Порт Гонт, но улиц его почти не видела: они тогда сразу пошли по дороге вверх к Большому Утесу. Единственным городом, который она хоть как-то знала, был Вальмут; там жила ее дочь. Вальмут был сонным, залитым солнцем морским городком, раскинувшимся на берегу уютной бухточки, и в его порту даже прибытие корабля с Андрадских островов казалось значительным событием; основной темой для разговоров здесь служила вяленая рыба.

Они с девочкой спустились по улице Порта Гонт, когда солнце над западным краем моря стояло еще достаточно высоко. Терру за все это время ни разу не пожаловалась, хотя была

на ногах уже больше восьми часов; она, конечно же, сильно устала, но измученной не выглядела. Тенар тоже очень устала, к тому же она совсем не спала прошлой ночью, да и беспокойство буквально снедало ее. А Книги Огиона оказались весьма тяжелой ношей. Где-то на середине пути она переложила их в заплечный мешок, а еду и одежду — в тот мешок из-под шерстяной пряжи, который несла в руке; так оказалось значительно удобнее, но все равно очень тяжело. Теперь они еле брели вдоль окраины к городским воротам, где дорога, проходя между двумя каменными изваяниями драконов, превращалась в городскую улицу. У ворот на них уставился стражник. Терру тут же опустила голову, прижав изуродованную огнем щеку к плечу, а сожженную скрюченную ручонку спрятала под фартук.

— Вы к кому идете, госпожа? — спросил стражник, всматриваясь в девочку.

Тенар не знала, что сказать. Она не знала, что у городских ворот всегда стоит стража. Ей нечем было заплатить ни подорожную пошлину, ни за постой в харчевне. Она в этом городе не знала ни души — кроме разве что того волшебника, что приходил хоронить Огиона. Как же его звали? Нет, она и этого не помнила. И стояла у ворот, открыв рот, словно придурковатая Вереск.

— Ладно, проходите уж, — раздраженно бросил стражник и отвернулся.

Ей хотелось спросить, как попасть на южную дорогу, что идет вдоль побережья через холмы в Вальмут. Но она не решилась снова привлекать к себе внимание стражника, чтобы тот не прогнал ее, как обычную бродяжку, ведьму или кого-то еще, кому он вместе с каменными драконами обязан был преградить путь в этот город. Они быстро прошли мимо драконов и устремились дальше — Терру даже немножко приподняла голову, чтобы на ходу взглянуть на великолепные резные изваяния, и поплелась следом за Тенар, спотыкаясь о каждый камень, все больше и больше удивляясь, смущаясь и постепенно сникая. Тенар казалось, что в этом огромном городе можно найти все что угодно, все на свете. Высокие каменные дома, различные повозки, ломовые телеги, тележки, рогатый скот, ослики, рынки, магазины, толпы людей, люди, люди, люди — чем дальше они шли, тем больше им встречалось людей. Терру жалась к руке Тенар, лънула к ней, пряча лицо под свисавшими волосами. Тенар и сама старалась держаться поближе к Терру. Она понимала, что здесь им не место, так что они сразу пошли на юг, рассчитывая двигаться до наступления темноты — а теперь темнело рано — и потом заночевать где-нибудь в лесу.

Тенар высмотрела какую-то толстуху в немыслимо пышном белом фартуке, закрывавшую ставни своего магазинчика, и решила спросить у нее, как выйти из города на южную дорогу. Суровое красное лицо женщины казалось довольно располагающим, однако, пока Тенар набиралась храбрости, Терру вдруг буквально впилась ногтями в ее руку и попыталась спрятаться у нее за спиной. Подняв глаза, Тенар увидела, что по улице прямо к ним идет тот самый человек в кожаной шапке. Он тоже сразу увидел ее. И остановился.

Тенар покрепче ухватила Терру за руку и поволокла, потащила ее за собой.

— Скорей! — велела она и решительно двинулась прямо на того человека. Миновав его, она еще быстрее устремилась вниз, навстречу сиянию заката и темнеющей воде, навстречу причалам и сходям, видневшимся в конце круто спускавшейся улицы. Терру бежала следом, задыхаясь так, как задыхалась тогда, когда ее, обожженную, вытащили из костра.

Высокие мачты толпились на фоне красно-желтого закатного неба. Тот прекрасный корабль со свернутыми парусами стоял у каменного причала, скрытый гребной галерой.

Тенар оглянулась. Мужчина в кожаной шапке шел за ними, он был совсем близко. Он не спешил.

Она выбежала на причал, но через несколько шагов Терру споткнулась и не смогла идти дальше: у нее не хватало дыхания. Тенар подхватила малышку на руки, и та прильнула к ней, спрятав лицо у нее на плече. Но с такой ношей и сама Тенар едва переставляла ноги. Они у нее дрожали и подгибались. Шаг, другой, третий — и Тенар подошла к узким деревянным сходям, которые были перекинuty с корабля на причал. Она положила руку на перила.

Какой-то моряк, простой жилистый парень, глянул на нее с палубы.

— В чем дело, госпожа? — спросил он.

— Это... это корабль из Хавнора?

— Из столицы, да, точно.

— Пустите меня на борт!

— Ну я-то этого разрешить не могу... — сказал парень, ухмыляясь, однако ободряюще подмигнул ей и стал смотреть на человека в кожаной шапке, остановившегося рядом с Тенар.

— Да не беги ты от меня! — сказал ей Ловкач. — Я ведь тебе зла не причиню. Никому я вредить не собираюсь. Ты же ничего не понимаешь. Я ведь и тогда пришел за помощью для нее, разве не так? Мне по-настоящему жалко было, что оно так вышло. Я вам помочь хочу... — Он протянул руку, словно его

неудержимо тянуло к Терру, хотелось коснуться девочки. А Тенар не могла даже пошевелиться. Она ведь обещала Терру, что этот человек больше никогда не дотронется до нее! И беспомощно смотрела, как его пальцы скользнули по вздрагнувшей обнаженной ручке ребенка.

— Эй, чего тебе от нее надо? — послышался другой голос. На месте того жилистого парня появился другой, совсем молодой, Тенар даже подумала сперва, что это ее сын. Ловкач поспешил ответить:

— Так она... ребенка моего унесла. Племянницу. Девчонка-то моя. А она ее, понимаешь, околдовала да и убежала с ней...

Тенар по-прежнему не могла вымолвить ни слова. Все слова покинули ее, их словно у нее отобрали. Тот молодой моряк не был ее сыном. У него было тонкое и суровое лицо, ясные глаза. Глядя на него, она нашла наконец слова:

— Позвольте мне подняться на борт, пожалуйста!

Молодой человек протянул Тенар руку. Она ухватила за нее и, пошатываясь, прошла по сходням на палубу корабля.

— А ты подожди там, — сказал юноша Ловкачу и снова обернулся к Тенар: — Пойдемте со мной, госпожа.

Но ноги уже не держали ее. Грудой тряпья Тенар рухнула на палубу столичного корабля, уронив свой тяжелый мешок, но крепко прижимая к себе девочку.

— Не позволяйте ему забирать ее, ах, господин мой, умоляю, только не отдавайте ему ее снова, нет, нет, нет!..

ДЕЛЬФИН

Она ни за что не соглашалась отпустить девочку от себя. Все они на корабле были мужчинами! Лишь очень нескоро она обрела способность воспринимать то, что они говорят, что происходит вокруг. Когда она поняла, кто такой тот молодой человек, которого она сперва приняла за своего сына, то ей показалось, что она все время знала это, только не имела возможности подумать как следует. Она была не в состоянии ни о чем подумать как следует.

Юноша вернулся с причала на палубу корабля и теперь разговаривал у сходней с седовласым моряком — похоже, шкипером. Потом он через плечо посмотрел на Тенар, которая съехала между перилами и рубкой, крепко прижимая к себе Терру. Чрезмерная усталость, тяжкие испытания этого дня одержали верх над всеми страхами: Терру глубоко спала. Тенар подложила девочке под голову ее маленький мешок и укрыла своим плащом. Потом медленно распрямила ноги и встала; молодой человек тут же бросился к ней. Она поправила юбки и пригладила откиннутые на спину волосы.

— Я Тенар с Агуана, — сказала она. Он не шелохнулся. Она прибавила: — Мне кажется, ты наш король.

Он был очень молод. Моложе ее сына Искорки. Ему вряд ли исполнилось двадцать. Но что-то такое в его облике давало понять: он вовсе не так уж молод; а глаза смотрели так, словно видели все, даже адский огонь.

— Имя мое Лебаннен с Энлада, госпожа, — сказал он и уже собирался поклониться или даже преклонить перед ней колена, но она поймала его за руку, так что теперь они стояли лицом к лицу.

— Ты не должен этого делать предо мной, — сказала она, — как и я перед тобой!

Он удивленно рассмеялся и задержал ее руки в своих, с откровенным любопытством ее рассматривая.

— Откуда ты знаешь, что я искал тебя? Ты, значит, шла ко мне, когда тот человек...

— Нет-нет. Я убегала... от него... от... от бандитов... я пыталась попасть домой, вот и все.

— На Атуан?

— Ах нет! На свою ферму. В Срединную Долину. Это здесь, на Гонте. — Она тоже засмеялась сквозь слезы. Слезы безудержно лились у нее из глаз, сейчас их можно было наконец выплакать. Она выпустила руки короля, чтобы утереть свои слезы.

— Где это, Срединная Долина? — спросил он.

— На юго-востоке острова, за холмами. Там есть еще город Вальмут.

— Мы тебя туда отвезем, — сказал он, радуясь тому, что может ей это предложить и чем-то помочь.

Она улыбнулась и кивнула.

Король обернулся к шкиперу:

— Стакан вина, немного еды, отдых, а еще постель помягче для девочки.

Шкипер внимательно слушал, отдавая соответствующие приказания. Жилистый матрос, которого она помнила, казалось бы, с незапамятных времен, вышел вперед, собираясь взять Терру на руки, но Тенар преградила ему путь. Она никому не могла позволить коснуться девочки.

— Я сама понесу ее, — сказала она звенящим, как натянутая струна, голосом.

— Там трап, госпожа. Давайте лучше я, — предложил матрос, и она поняла, что он добрый человек, но все-таки не могла позволить ему коснуться Терру.

— Можно мне? — спросил молодой король и, взглянув на Тенар, опустился на колени, взял спящую девочку на руки, понес к люку и стал очень осторожно спускаться по трапу. Тенар шла следом.

Он положил Терру на койку в тесной каюте. Неуклюжий, ласковый. Заботливо подоткнул плащ. Все это Тенар ему позволила.

На корме, в большой каюте с широким окном, обращенным в сторону окутанного сумерками залива, король попросил Тенар присесть за дубовый стол. Сам взял из рук юнги поднос, сам налил красного вина в тяжелые хрустальные кубки, сам предложил ей фрукты и печенье.

Она пригубила вино.

— Очень хорошее вино, правда, не Года Дракона, — сказала она.

Он ошарашенно посмотрел на нее, растерявшись, как мальчишка.

— Это вино с Энлада, не с Андрадских островов, — кротко пояснил он.

— Отличное вино, — заверила она его, отпив еще глоток. Потом взяла печенье. Печенье было сухое, рассыпчатое, очень сдобное и не слишком сладкое. Зато зеленый и янтарно-желтый виноград казался почти приторным и чуточку терпким. Живой вкус еды и вина был для нее точно швартовы для корабля: он вновь привязывал ее к этому миру, к ее собственному разуму. — Я была очень напугана, — сказала она, как бы оправдываясь. — Теперь, наверное, скоро оправлюсь. Вчера... нет, сегодня, сегодня утром... случилось... на меня было наложено заклятие... — Оказалось непереносимо трудно, почти невозможно произнести это слово. Тенар стала заикаться. — П-п-проклятие... я была п-п-проклята... у меня отняли речь и разум. И тогда мы сбежали, но попали прямо в руки тому человеку, который... — Она в отчаянии подняла глаза на молодого короля, который внимательно слушал ее. Его мрачный спокойный взгляд помог ей выговорить то, что выговорить было необходимо. — Он был одним из тех, что изувечили девочку. Он и ее родители. Они изнасиловали ее, избили до полусмерти и сунули в костер; такое тоже порой случается, господин мой. Такое порой случается даже с детьми. И этот человек продолжает преследовать девочку, пытается во что бы то ни стало до нее добраться. И...

Она заставила себя передохнуть, отпила немного вина, стараясь неторопливо насладиться его вкусом и ароматом.

— И это от него я бежала к тебе. В рай. — Она огляделась, осмотрела низкие резные балки под потолком, полированный стол, серебряный поднос, тонкое спокойное молодое лицо короля. У него были темные и мягкие волосы, чистая кожа, цвета красновато-золотистой бронзы; одет он был хорошо и просто, никакой цепи или кольца, ни единого символа королевской власти. Но по его виду сразу можно было сказать, что это король.

— Мне очень жаль, что я его отпустил, — сказал Лебаннен. — Но его еще вполне можно найти. А кто проклял тебя?

— Один волшебник. — Ей не хотелось называть его имя. Не хотелось вспоминать все это. А хотелось, чтобы все поскорее осталось далеко-далеко позади. Никакой мести, никакой

погони. Пусть разбираются со своей ненавистью сами, пусть остаются там, позади, пусть забудутся.

Лебаннен не настаивал, однако спросил:

— А будешь ли ты в безопасности на своей ферме?

— Надеюсь. Если бы я тогда не так устала, не растерялась бы так... если б голова у меня работала как следует — а то ведь я даже думать не могла, — я бы и Ловкача не испугалась. Да и что бы он, собственно, мог мне сделать? Когда кругом полно народу — на улицах и везде? Мне не следовало убегать от него. Но тогда я чувствовала только ЕЕ СТРАХ, и ничего больше. Она еще так мала! Пока что она умеет только бояться его. Ей нужно еще научиться его не бояться. Я должна научить ее этому... — Она размышляла вслух. Думала она по-каргадски. Неужели она и говорила по-каргадски? Он вполне может подумать, что она сошла с ума, старая, безумная, что-то бормочущая старуха. Она остро глянула на него. Его темные глаза смотрели не на нее, а на язычок пламени за стеклом лампы, что висела низко над столом. Маленькое, спокойное, чистое пламя. Его лицо было слишком печальным для столь юного существа.

— Ты приплыл сюда, чтобы найти его, — сказала она. — Верховного Мага. Ястреба.

— Гeda, — поправил он, глядя на нее с едва заметной улыбкой. — Ты, и он, и я — все мы зовемся Подлинными Именами.

— Ты и я — да. Но он — только с тобой и со мной.

Король кивнул.

— Он сейчас в опасности. Ему грозят всякие завистливые люди... злоумышленники... а у него сейчас нет... нет никакой защиты. Ты об этом знаешь?

Она не могла заставить себя выражаться яснее. Лебаннен сказал:

— Он говорил мне, что его могущество, его волшебная сила исчерпаны во время того подвига, что спас и меня, и всех нас. Но в это так трудно поверить! Мне не хотелось верить ему.

— Мне тоже. Но это так и есть. И поэтому он... — Снова Тенар колебалась. — Он хочет побыть один, пока раны его не зарубцуются, — осторожно договорила она.

— Он и я, мы вместе были в темной стране, в иссушенной пустыне, — сказал Лебаннен. — Вместе мы умирали. Вместе прошли через те горы. Сюда можно вернуться, если пройти через те горы. Там есть еще один путь. И он это знал. Но имя тех гор — Горе. Камни... Острые камни тех гор наносят такие глубокие порезы — очень долго не заживает...

Он посмотрел на свои руки. Она вспомнила руки Геда, израненные и обожженные, судорожно стиснутые, все в запекшейся крови. Он все старался зажать свои раны...

Ее собственная рука сжала в кармане тот камешек — то самое Слово, что она подобрала на крутой горной дороге.

— Почему он прячется от меня? — вскричал юноша в тоске. И тихо прибавил: — Я так хотел, так надеялся увидеть его. Но если он сам того не желает, то, разумеется, и говорить не о чем. — В этих словах она услышала ту же холодноватую вежливость, то же достоинство, что и в речах посланцев Хавнора; она высоко ценила подобную воспитанность; она хорошо знала, чего это стоит. Но юноша был дорог ей именно потому, что у него вырвались эти слова тоски.

— Он, конечно же, придет к тебе. Только дай ему время. Он получил такой тяжкий удар — у него отнято все... все... Но когда он говорил о тебе, когда произносил твое имя — ах, в такие минуты я снова видела Геда таким, каким он был когда-то!.. каким он будет снова... Гордым!

— Гордым? — повторил Лебаннен удивленно.

— Да. Конечно, гордым. Кому и гордиться, как не ему?

— Я всегда считал его... он был так бесконечно терпелив... — Лебаннен помолчал и засмеялся собственным противоречивым словам.

— Ну а теперь терпения-то ему как раз и не хватает, — сказала Тенар, — и он беспредельно жесток по отношению к себе. Мы ничего не можем для него сейчас сделать, разве что не мешать ему следовать тем путем, который он сам для себя избрал — «чтобы на другом конце привязи обнаружить себя самого». Так здесь говорят, на Гонте... — И вдруг сама она почувствовала, будто ходит вокруг колышка на привязи, и такая предельная усталость навалилась на нее, что показалась ей болезнью. — По-моему, мне пора отдохнуть, — сказала она.

Он тут же поднялся.

— Госпожа Тенар, ты сказала, что бежала от одного врага и встретила другого; зато я явился сюда в поисках одного друга, а нашел двоих!

Она улыбнулась его сметливости и доброте. Что за чудесный мальчик, подумала она.

Корабль, казалось, весь находился в движении: слышались стон и скрежет корабельной обшивки, грохот бегущих ног над головой, стук разматываемой парусины, крики матросов. Терру разбудить было нелегко, и, проснувшись, она ничего не могла понять; возможно, у нее даже был жар, хотя она всегда была

такой горячей, что Тенар даже не пыталась определять, не больна ли девочка. Терзаясь угрызениями совести из-за того, что заставила малышку прошагать больше восьми часов да еще пережить весь тот ужас вчерашнего дня, Тенар попыталась развеселить ее, рассказывая, что они плывут на корабле и эта маленькая комнатка, где они спали, принадлежит самому королю, а корабль везет их домой, на ферму, и тетушка Ларк ждет их там, а может быть, ждет и Ястреб. Но ничто не интересовало Терру. Она оставалась совершенно равнодушной, вялой, все время молчала.

На ее маленькой худенькой ручке Тенар заметила красные следы четырех пальцев — словно клеймо, словно ее коснулись раскаленные наручники. Но ведь Ловкач даже не сжимал ей руку, он только чуть дотронулся до нее? Она, Тенар, когда-то сама пообещала ей, что этот человек никогда больше ее не коснется. И обещания не сдержала. Ничего ее слово не стоит! Да и какое слово может справиться с тупой мощью насилия?

Она наклонилась и поцеловала отметины на ручонке Терру.

— Жаль, что я не успела дошить твоё красное платье, — сказала она. — Королю, наверно, очень приятно было бы увидеть тебя в нем. Хотя, по-моему, на кораблях люди не носят нарядное платье, даже короли.

Терру села на койке, низко склонив голову и ничего не отвечая. Тенар расчесала ее волосы. Они наконец-то стали расти как следует; густые, шелковистые пряди темной волной закрывали обожженную щеку и руку.

— Хочешь есть, птенчик? Ты ведь вчера даже и не поужинала. Может быть, король даст нам позавтракать? Вчера вечером он угощал меня печеньем и виноградом.

Ответа не последовало.

Когда Тенар сказала, что им пора выйти из каюты, девочка подчинилась. Наверху, на палубе, она стояла, прижав голову к плечу. Она не смотрела ни вверх, на белоснежные паруса, наполненные сильным утренним ветром, ни на искрящуюся воду, ни на гору Гонт, вздымавшуюся у них за спиной к самым небесам, ни на великолепие лесов. Она не подняла глаз и тогда, когда с ней заговорил Лебаннен.

— Терру, — ласково сказала Тенар, опускаясь возле нее на колени, — когда с тобой говорит король, следует отвечать.

Девочка молчала.

На лице Лебаннена, не сводившего с Терру глаз, ничего прочесть было нельзя. Возможно, то была просто маска воспитанного человека, скрывающего свое отвращение и потрясение. Однако его темные глаза были спокойны. Он легонько коснулся детской ручонки и сказал:

— Тебе, должно быть, очень странно было проснуться посреди моря?

Она согласилась поесть и съела немножко фруктов. Когда Тенар спросила, не хочет ли она вернуться в каюту, девочка кивнула. Тенар неохотно оставила ее там, забившуюся в угол, и вернулась на палубу.

Корабль проплывал между Сторожевыми Утесами, до самого неба вздымавшимися каменными стенами, которые, казалось, вот-вот коснутся парусов. Лучники в маленьких крепостях, прилепившихся, словно гнезда стрижей, высоко на утесах, смотрели вниз, на палубу корабля, и матросы радостно вопили: «Дорогу королю!», а в ответ доносилось — куда громче крика ласточек и стрижей в небесах: «Да здравствует наш король!»

Лебаннен стоял на носу судна со шкипером и каким-то пожилым, аккуратно одетым в серый плащ мага, узкоглазым человеком с острова Рок. Гед тоже надел такой красивый серый плащ, когда они с ним привезли Кольцо Эррет-Акбе в Башню Меча; а старый его плащ, весь в пятнах, грязный и изношенный, служил ему некогда единственным одеялом — там, в Гробницах Атуана и в пустынных горах, когда они вместе шли к побережью. Тенар думала об этом, глядя, как у бортов корабля разлетаются хлопья пены и высокие утесы пропадают вдаль за кормой.

Когда корабль миновал последние рифы и начал сворачивать к востоку, к Тенар подошли трое. Лебаннен, один из них, сказал:

— Госпожа моя, это Мастер Ветродуй с острова Рок.

Великий Маг поклонился, с восхищением глядя на нее живыми острыми глазами, в которых светилось и любопытство. Это такой человек, решила она, которому нравится знать, куда дует ветер.

— Ну, значит, теперь мне уже не нужно мечтать, чтобы хорошая погода продержалась еще немного: я просто на это рассчитываю, — сказала она Ветродую.

— В такой день, как сегодня, я всего лишь обычный пассажир, — ответил ей Маг. — Кроме того, с таким капитаном за рулем, как Мастер Серратен, не требуется никакой заклинатель погоды.

Все мы очень вежливы, думала она, все мы — дамы и господа, изысканно кланяемся и говорим друг другу комплименты. Она быстро глянула на молодого короля. Тот смотрел на нее улыбаясь, по-прежнему сдержанный.

Она чувствовала себя примерно так же, как когда-то девочкой в Хавноре: маленькая варварка, неловкая среди всеобщей

изысканной обходительности. Однако теперь уже былого священного трепета перед этим блеском Тенар не испытывала; лишь удивлялась тому, как эти мужчины подчинили свою жизнь какому-то вечному танцу масок и как легко и просто любая женщина может научиться исполнять этот танец.

Ей сказали, что понадобится один только сегодняшний день, чтобы доплыть до Вальмута при таком свежем ветре и ясной погоде. Уже после обеда они причалят в тамошней гавани.

Все еще чувствуя сильную усталость после пережитых вчера волнений, Тенар рада была присесть на «ложе», которое знакомый ей уже матрос соорудил для нее из соломенного тюфяка и куска парусины; она смотрела на бегущие волны, на чаек, на меняющиеся очертания горы Гонт, синей и сонной в полуденном свете, на крутые обрывистые берега. Потом привела наверх и Терру, чтобы та побыла на солнышке; девочка пристроилась с ней рядом, то глядя по сторонам, то снова погружаясь в дремоту.

Какой-то матрос, очень темнокожий, беззубый, босой, с подошвами ног, твердыми, как подковы, и чудовищно искривленными, изуродованными пальцами, подошел к ним и положил что-то на тюфяк возле Терру.

— Для малышки, — хрипло сказал он и тут же снова отошел, однако потом все посматривал украдкой, занимаясь своим делом, в сторону девочки, чтобы убедиться, что ей понравился его подарок. Терру не пожелала даже коснуться маленького свертка. Развернуть его пришлось Тенар. Это было прелестное изображение дельфина, изящная вырезанная из кости статуэтка длиной не больше пальца.

— Он может жить вместе с другими твоими костяными фигурками, — посоветовала Тенар.

При этих словах Терру будто ожила, достала свою плетеную из травы сумочку и положила дельфина туда. Но пойти поблагодарить скромного дарителя пришлось тоже Тенар. Терру не желала ни смотреть на него, ни говорить с ним. Через некоторое время она снова попросилась в каюту, и Тенар оставила ее там играть с костяным человечком, зверьком и дельфином — веселой компанией.

Ах, до чего же легко, с яростью думала она, до чего легко этому Ловкачу было отнять у ее девочки солнечный свет, и этот корабль, и юного короля, и само ее детство; и как же трудно вернуть все это ей обратно! Целый год я старалась вернуть ей эту радость, а он лишь чуть прикоснулся к ней и снова все у нее отнял. Зачем? Неужели в этом предмет его гордости, его могущества? Неужели сила его оборачивается пустотой?

Она подошла к королю и Магу Ветродную, стоявшим у перил. Солнце уже сильно клонилось к западу, и корабль плыл по великолепию волн, сверкающих дивными красками. Тенар почему-то вспомнила вдруг тот свой сон, когда летала вместе с драконами в небесах.

— Госпожа Тенар, — сказал король, — я не оставлю никакого письма для нашего общего друга. Мне кажется, что этим я обременил бы тебя и посягнул бы на его свободу. Я не хочу делать ни того, ни другого. В этом месяце состоится моя коронация. Если бы это он держал корону над моей головой, правление мое началось бы так, как того желает моя душа. Но будет так или нет — а именно он возвел меня на трон. Именно он сделал меня королем. Я этого никогда не забуду.

— Знаю, что не забудешь, — ласково сказала она. Этот мальчик был так напряжен, так серьезен, словно закован в броню дворцового этикета, и тем не менее очень уязвим из-за своей честности, из-за чистоты своих побуждений. Она принимала его всем сердцем. Он думает, что познал Великое Горе, но он познает его снова и снова, и всю свою жизнь будет познавать его, и ничего из этого горького опыта никогда не забудет.

А потому и не станет в отличие от Ловкача искать простых путей.

— Я охотно передам твое послание, — сказала она. — Мне это вовсе не трудно. А вот захочет ли он выслушать — это уж от него зависит.

Мастер Ветродуй усмехнулся.

— Так всегда было, — сказал он. — Всегда все зависело только от него самого.

— Ты давно знаешь его?

— Дольше, чем ты, госпожа моя. Я его когда-то учил, — сказал Маг. — Тому, чему мог... Он ведь явился в Школу на остров Рок, как ты знаешь, совсем мальчишкой и принес письмо от Огиона, в котором сообщалось, что в этом пастушке заключена великая сила. Но в первый же раз, когда я отправился с ним на лодке, чтобы научить его разговаривать с ветрами, он, знаешь ли, поднял водяной смерч. И тогда я понял, что всех нас ждет: мальчик либо утонет еще до того, как ему исполнится шестнадцать, либо станет Верховным Магом еще до того, как ему стукнет сорок... А может, мне просто кажется теперь, что тогда я так думал...

— Он по-прежнему Верховный Маг Земноморья? — спросила Тенар. Вопрос казался абсолютно бестактным, а ответное молчание напугало ее еще больше: значит, это не просто бестактность с ее стороны.

Наконец Ветродуй пояснил:

— В настоящее время на острове Рок нет Верховного Мага. — Голос его звучал чрезвычайно настороженно, и слова он выговаривал очень четко.

Она не осмелилась спросить, что он имел в виду.

— Я полагаю, — сказал король, — что Восстановивший Ру-ну Мира может быть членом любого совета в Земноморье; а ты, господин мой, разве так не думаешь?

Последовала еще одна пауза, и после очевидной борьбы с собой Маг выговорил:

— Разумеется.

Лебаннен немного подождал, но больше Ветродуй не прибавил ни слова.

Молодой король окинул взором сияющие закатным светом воды и заговорил напевно, словно рассказывая сказку:

— Когда мы с ним прилетели с самого дальнего запада на спине дракона... — Он помолчал, и имя дракона прозвучало в душе Тенар словно удар колокола: *Калессин*. — Дракон оставил меня на острове Рок, а его унес прочь. И тогда Привратник Школы сказал: «Он покончил с делами. Он идет домой!» А еще раньше, на берегу Селидора, Гед бросил свой посох, сказав мне, чтобы я о посохе не беспокоился, ибо сам он больше уже никакой не маг. Ну и потом Мастера острова Рок собрались на совет, чтобы выбрать нового Верховного Мага.

На этот совет они пригласили и меня, дабы я как будущий король смог приобщиться к их премудрости. А еще, наверное, я вошел в их число, потому что необходимо было занять пустующее место: место Ториона, Мастера Заклинателя, чье искусство обернулось против него же по умыслу тех злых сил, которые господин мой Ястреб в конце концов уничтожил. Когда мы были там, в пустынной стране, что простирается между каменной стеной и Горами Горя, я видел Мастера Ториона. Мой господин окликнул его и рассказал ему, как можно вернуться назад, к жизни. Но, по-моему, Торион не пошел по указанному пути. И к жизни не вернулся.

Сильные тонкие пальцы Лебаннена из всех сил сжали поручни. Он по-прежнему не отрывал глаз от сияющего моря. Через некоторое время он снова заговорил.

— Итак, я дополнил число «девять», необходимое для того, чтобы выбрать нового Верховного Мага. Великие Маги с острова Рок — люди очень мудрые, — сказал он, посмотрев на Тенар. — Они не только прекрасно осведомлены в своих науках и искусствах, но и обладают богатым жизненным опытом. Все они очень разные, но используют свои различия, как я это понял гораздо раньше, лишь для того, чтобы общее решение было более весомым, многогранным. Однако на этот раз...

— Дело в том, — вмешался Мастер Ветродуй, заметив, что Лебаннену, видимо, не хочется критиковать Великих Мастеров, — что на этот раз у нас были одни разногласия и никакого решения мы вынести не могли. Мы никак не могли прийти к согласию. Может быть, из-за того, что Верховный Маг по-настоящему не был мертв — он был жив, видишь ли, но уже не был Магом... и тем не менее, по всей видимости, оставался Повелителем Драконов... Да и Мастер Метаморфоз еще не совсем оправился от собственных чар, чуть его не погубивших. Метаморфоз все еще надеялся, что Заклинатель сможет побороть смерть и вернуться из ее Царства, и умолял нас подождать... А Мастер Путеводитель и вообще не желал ничего говорить. Он ведь карг, госпожа моя, как и ты; ты это знала? Он прибыл к нам с Карего-Ат. — Проницательные глаза Мастера Ветродуя наблюдали за Тенар: в какую сторону подует ветер на этот раз? — По всем этим причинам в нашей Девятке многого не хватало и все у нас не ладилось. Когда Привратник спросил, какие имена мы могли бы назвать, не было названо ни одного имени. Каждый посматривал на соседа...

— Я смотрел в землю, — вставил Лебаннен.

— И в конце концов все мы воззрились на того, кому ведомо самое большое количество имен: на Мастера Ономатета. А он в свою очередь не сводил глаз с Мастера Путеводителя, который так и не сказал ни слова и сидел среди своих волшебных деревьев как пень. Ты же знаешь, наверное, что подобные встречи происходят всегда в Имманентной Роще, среди деревьев-великанов, чьи корни глубже, чем корни островов Земноморья. Был уже поздний вечер. Порой в Роще мелькают огоньки, но тогда все окутывала тьма и небо казалось черным, беззвездным. Вдруг Путеводитель встал и заговорил — но на своем родном языке, а не на ардическом и не на Языке Созидания. Мало кто из нас владел языком каргов, и мы были в полной растерянности. Но Ономатет все разъяснил нам. Мастер Путеводитель, оказывается, сказал: *это одна женщина с Гонта.*

Ветродуй умолк. На Тенар он больше не смотрел. Помолчав, она спросила:

— И больше ни слова?

— Больше ни слова. Когда мы попросили его уточнить, он только удивленно смотрел на нас, но ответил, ничего не мог: полностью был во власти видения — понимаешь, он прекрасно представлял себе форму предмета и путь к нему, но почти ничего из этого не мог выразить словами, конкретными понятиями. И то, что ему удалось произнести, он понимал не лучше остальных. Вот и все, чего мы тогда добились.

Мастера с острова Рок все были прирожденными учителями, а Мастер Ветроудй к тому же был очень хорошим учителем и ничего не мог с собой поделывать: он и сейчас старался рассказывать Тенар обо всем предельно понятно и просто. Возможно, чересчур просто. Он умолк, осторожно глянул на нее и отвернулся.

— Итак, теперь тебе ясно, госпожа моя, — снова заговорил он, — что нам непременно нужно было побывать на Гонте. Но кого нам следовало искать здесь? «Одна женщина» — не слишком точное указание для начала поисков. Видимо, предназначение этой женщины — повести нас за собой, каким-то образом указать нам путь к нашему Верховному Магу. И сразу, как ты и сама уже догадалась, госпожа моя, речь зашла о тебе — ибо о какой еще подобной женщине с острова Гонт могли мы когда-либо слышать? Остров этот невелик, зато твоя слава велика. И тогда один из Мастеров сказал: «Она отведет нас к Огиону». Но все мы знали: Огион давным-давно отказался быть Верховным Магом Земноморья и тем более теперь, когда он стар и болен, этого предложения ни за что не примет. И, помимо, как раз в тот вечер Огион собирался покинуть наш мир. Сразу возникло другое предположение: «Она отведет нас к Ястребу!» И тут мы совсем запутались...

— Да, совсем, — подтвердил Лебаннен. — К тому же вдруг в Имманентной Роше пошел самый настоящий дождь! — Он улыбнулся. — Я уж думал, что больше никогда не услышу звука дождевых капель по листьям, и так обрадовался!..

— Девять человек промокли до нитки, — сказал Мастер Ветроудй, — но один из них при этом был счастлив.

Тенар засмеялась. Она ничего не могла с собой поделывать: этот старый Маг ей нравился. Если он и держался с ней настороженно, так ведь и она тоже была настороже, хотя в присутствии Лебаннена, казалось, можно было говорить только откровенно.

— Ваша «одна женщина с Гонта», уж во всяком случае, не я, потому что к Ястребу я вас не поведу.

— Таково было и мое мнение, — совершенно искренне воскликнул Ветроудй. — Это не могла быть ты, госпожа моя, иначе Путеводитель непременно произнес бы твое Подлинное Имя. Ведь таких, кто открыто зовется своим Подлинным Именем, очень мало! И все-таки я уполномочен Советом Рока спросить тебя, не знаешь ли ты какой-нибудь другой женщины на этом острове, которая походила бы на ту, кого мы ищем? Может быть, это сестра или мать наделенного волшебной силой человека, а может быть, его наставница — ведь и среди простых ведьм встречаются по-своему очень и очень мудрые.

Может быть, Огион знал такую женщину? Говорят, что он знал на этом острове каждого человека, хотя и жил в полном одиночестве да и бродить любил по диким местам. Мне бы так хотелось, чтобы он был сейчас жив! Уж он-то смог бы нам помочь!

Тенар тут же вспомнила ту рыбачку, о которой ей рассказывал Огион. Но женщина та уже была старой много лет назад, а теперь, конечно же, умерла. Хотя драконы, подумала вдруг Тенар, живут очень долго, во всяком случае, так всегда считалось.

Она довольно долго молчала, потом сказала лишь:

— Нет, ни одной такой женщины я не знаю.

Она хорошо понимала, что Маг изо всех сил старается быть с ней терпеливым. Мало ли что у нее на уме? Да и не известно еще, чего она сама хочет? Он, несомненно, думает именно так. Тенар вдруг удивилась, как это она осмеливается молчать. А ведь это его глухота заставляет ее молчать! И она не может даже объяснить ему, насколько он глух.

— Значит, — медленно проговорила она наконец, — в Земноморье теперь Верховного Мага нет? Зато есть король.

— На которого возложены все наши надежды и упования, — сказал Маг с такой теплотой, что сразу переменялся к лучшему. Лебаннен, наблюдавший за ними и прислушивавшийся к их разговору, улыбнулся.

— За последние годы, — неуверенно начала Тенар, — случилось столько всяких несчастий, столько бед. Моя... мою девочку... такое стало происходить слишком часто. И еще я слышала, как могущественные волшебники и чаровницы жаловались, что слабеют их силы, уходит мастерство.

— Это вина того, кого наш Верховный Маг и мой господин победил в Пустынной стране; он носил лишь прозвище — Коб — и вызывал никому доселе не ведомые беды и разрушения. Нам еще много-много лет придется восстанавливать наше искусство, исцелять наших мудрецов, оздоравливать наше волшебство, — решительно произнес Маг.

— А вдруг потребуется куда больше — не просто восстанавливать и лечить? — задумчиво проговорила Тенар. — Хотя лечить, конечно, тоже необходимо... Но мне хотелось бы знать вот что: не может ли... не может ли еще один такой Коб снова обрести могущество, хотя все в мире так переменялось... хотя перемены затронули наш мир сверху донизу? Хотя благодаря этим переменам у нас в Земноморье снова есть настоящий король — и, может быть, именно король нам теперь нужнее, а не Верховный Маг?

Мастер Ветродуй смотрел на нее так, словно вдруг на совершенно безоблачном небосклоне увидел очень далекую грозовую тучу. Он даже поднял было правую руку, как бы намереваясь произнести заклятие, связывающее ветер, потом опустил ее. И улыбнулся.

— Не бойся, госпожа моя, — сказал он. — Остров Рок и Высшее Искусство Магии не погибнут. Наше сокровище охраняется очень хорошо!

— Скажи это Калессину, — буркнула Тенар, не в силах более выносить его произвольное пренебрежение. Ну конечно! Он прямо-таки остоленел, услышав имя старого дракона. Но ее-то он даже и теперь услышать не сумел! Да и где ему суметь — ведь он в последний раз слушал женщину, когда его мать пела ему колыбельную.

— А ведь и правда! — воскликнул Лебаннен. — Калессин же приземлился на острове Рок, который, как известно, совершенно недоступен для драконов, и отнюдь не благодаря каким-то заклятиям моего господина — в нем тогда уже не осталось волшебной силы... и я не думаю, Мастер Ветродуй, что леди Тенар боится за себя.

Маг предпринял отчаянную попытку загладить нанесенное Тенар оскорбление:

— Прости, госпожа моя, что я говорил с тобой как с обычной женщиной.

Тенар едва сдержала смех. Этот смех мог бы потрясти его до глубины души. Она лишь равнодушно сказала:

— В моих опасениях и нет ничего необычного. — Но и это не помогло: он просто не способен был услышать ее.

Зато молодой король молчал, чутко прислушиваясь.

Юнга с верхушки мачты, явившись из мира спутанных снастей и раскачивающихся парусов, крикнул ясным и звонким голосом: «Город прямо по курсу!», и через минуту те, кто был на палубе, увидели разбросанные на берегу дома, столбы дыма над серо-голубыми сланцевыми крышами, светящиеся закатным светом стекла в окнах, а потом, совсем рядом — пирсы и причалы Вальмута, раскинувшегося у залива с шелковистосиней водой.

— Причаливать, или вы воспользуетесь заклятием, господин мой? — спокойно спросил шкипер, и Мастер Ветродуй ответил:

— Причаливай сам, шкипер. Лень возиться с этой водоплавающей мелочью! — И он показал на несколько дюжин рыбацких лодок, что почти сплошь покрывали воды залива. Королевский корабль, точно лебедь среди утят, осторожно вошел в гавань под крики приветствий, раздававшиеся с каждой лодки.

Тенар заметила, что у причалов нет ни одного большого морского судна.

— У меня сын — моряк, — сказала она Лебаннену. — Я думала, что его корабль, может, тоже в здешнем порту...

— А как называется его корабль?

— Он был третьим помощником капитана «Чайки Эскила» — но уже больше двух лет назад. Наверно, теперь на другом корабле плавает. Он у нас непоседливый... — Она улыбнулась. — Когда я в первый раз тебя увидела, то решила, что это он. А вы с ним совсем и не похожи, только оба высокие, худые и молодые. Просто я тогда не в себе была, испугалась очень... Ничего особенного, конечно...

Старый Маг давно ушел на капитанский мостик, так что они с Лебанненом остались вдвоем.

— Слишком много страхов, в которых нет ничего особенного, — сказал он.

Это была последняя возможность поговорить с ним наедине, и слова стали срываться у нее с губ поспешно и неуверенно.

— Я хотела сказать... впрочем, это бессмысленно... но разве не может быть так, что на Гонте найдется такая женщина — не знаю, кто она, понятия не имею, но ведь может быть, что и есть такая или еще будет, а они именно ее-то и ищут, она-то им и нужна?.. Разве это невозможно?

Он слушал. Он не был глух. Но нахмурился, насторожился, словно пытаясь понять чужой язык. И сказал едва слышно, будто выдохнул:

— Это возможно.

Какая-то рыбачка на маленьком ялике подгребла к ним: «Откуда вы?», и мальчишка-юнга сверху возвестил, словно петушок с высокой крыши: «Из столицы, от короля!»

— Как называется этот корабль? — спросила Тенар. — Мой сын спросит, на каком корабле я приплыла сюда.

— *Дельфин*, — ответил Лебаннен, улыбаясь ей.

«Сын мой, король мой, дорогой мой мальчик, — подумала она. — Как бы мне хотелось всегда быть рядом с тобой!»

— Я должна привести малышку, — сказала она.

— Как ты доберешься домой?

— Пешком. Отсюда всего несколько часов ходьбы, это чуть выше, в горах. — Она указала ему за город, туда, где широко раскинулась между двумя отрогами горы Гонт залитая солнцем Срединная Долина. — Моя деревня на самом берегу реки, а ферма — в четверти часа ходьбы от нее. Это один из самых чудесных уголков твоего королевства.

— Но будешь ли ты там в безопасности?

— О да! Сегодня я переночую у дочери в Вальмуте. А в нашей деревне на любого можно положиться. Одна я не останусь.

На мгновение глаза их встретились, но ни один не произнес того имени, о котором подумал.

— Они снова приплывут сюда с острова Рок? — спросила она. — Станут искать «одну женщину с Гонта»... или его самого?

— Его искать не станут. Это я им делать запрещу, даже если они и вознамерятся, — сказал Лебаннен, не сознавая, сколь многое сказал ей этим. — Ну а нового Верховного Мага или ту женщину из видений Мастера Путеводителя они, конечно, будут искать и, может быть, еще не раз явятся сюда. А может, и прямо к тебе.

— Рада буду приветствовать их на Дубовой Ферме, — сказала она. — Хотя и не так рада, как если бы туда приехал ты сам.

— Я приеду, как только смогу, — сказал он, чуть посуровев, и задумчиво прибавил: — И *если* смогу.

Глава 11

ДОМА

Чуть ли не все жители Вальмута собрались на пристани, чтобы посмотреть на корабль из Хавнора, услышав, что сюда прибыл сам молодой король, о котором успели уже сложить новые песни. В Вальмуте новых песен пока не знали, зато помнили старые, и Релли под аккомпанемент своей арфы спел отрывок из «Подвига Морреда» для юного короля Земноморья, который, как известно, был потомком Морреда. Появившийся на палубе король оказался таким молодым, высоким и красивым, каким и должен быть настоящий правитель Земноморья; рядом с ним стояли старый Маг с острова Рок, какая-то женщина и маленькая девочка — обе в старых плащах и похожие на нищенок. Однако король обращался с ними так, как если бы то были королева и принцесса. Может, они ими и были, кто знает?

— Может, это мать его? — сказала молоденькая Шинни, пытаясь разглядеть короля получше, но ей мешали головы мужчин, толпившихся впереди. И тут ее подруга Эппл по прозвищу Яблочко сжала ей руку и тихонько вскрикнула — точнее, прошептала:

— Ой... это же мама!

— Чья мама? — спросила Шинни, и Эппл ответила:

— Моя. А это Терру. — Но проталкиваться вперед сквозь толпу не стала, даже когда с корабля на берег сошел офицер и пригласил старого Релли на судно, чтобы тот сыграл для короля. Яблочко ждала вместе со всеми. Она видела, как король принял нотаблей Вальмута, слышала, как Релли пел для него. Потом король стал прощаться со своими гостями: корабль уже снова готовился к отплытию, чтобы еще до наступления

ночи взять курс на остров Хавнор. Наконец по сходням на пристань сошли Терру и Тенар. Король торжественно обнял их на прощание, касаясь щекой щеки, а чтобы обнять Терру, опустился на колени. «Ах!» — воскликнула толпа у причала. Солнце садилось в золотистой дымке, на поверхности залива пролегла широкая золотая дорога. В руках у Тенар был тяжелый мешок и сумка; Терру, как всегда, шла опустив голову, и лицо ее было скрыто волосами. Сходни убрали, матросы засуетились, офицеры громко раздавали приказания, и вот корабль «Дельфин» поплыл прочь от острова Гонт. Тогда Яблочко протолкалась наконец сквозь толпу.

— Здравствуй, мама, — сказала она, и Тенар откликнулась:

— Здравствуй, дочка.

Они поцеловались, и Яблочко, подхватив Терру на руки, воскликнула:

— Ну и выросла ты! В два раза больше стала! Ну пошли, пошли к нам.

В тот вечер Яблочко почему-то немножко стеснялась собственной матери, даже в своем уютном доме, будучи женой молодого вальмутского купца. Она несколько раз задумчиво, даже испуганно поднимала на Тенар глаза и снова их опускала.

— Мне вообще-то всегда это было как-то безразлично, ты же знаешь, ма, — сказала Яблочко, появляясь в дверях спальни, — и эта Руна Мира... и твое торжественное прибытие в Хавнор с Кольцом... Для меня это все равно что какая-нибудь старинная песня... про то, что случилось тысячу лет назад! Но это ведь действительно была ты? Правда?

— Это была одна девушка с острова Атуан, — сказала Тенар. — И это случилось тысячу лет назад. А вот я сейчас, похожему, вполне способна тысячу лет проспать.

— Ну тогда скорее ложись. — Яблочко взяла лампу и собралась уходить. — А еще с королем целовалась! — сказала она насмешливо.

— Ступай, ступай себе, — устало откликнулась Тенар.

Яблочко с мужем упростили Тенар погостить у них пару дней, но вскоре она так решительно засобиралась на ферму, что Яблочко решила проводить их с Терру домой, и они втроем отправились в путь по берегу тихой серебристой реки Кахеды. Лето клонилось к осени. Солнышко еще пригревало всю, но ветер был уже прохладный. Листва на деревьях казалась пыльной и потрепанной; поля были уже убраны или готовы к уборке.

Яблочко без умолку говорила о том, как сильно выросла и окрепла Терру, как уверенно она ходит теперь.

— Видела бы ты ее в Ре Альби, — сказала Тенар, — до того, как... — и умолкла, решив не тревожить дочь.

— А что случилось? — все-таки встревожилась Яблочко и так настойчиво принялась выяснять это, что Тенар сдалась и тихо ответила:

— Один из *тех*.

Терру бежала впереди, длинноногая, в ставшем коротким платьишке, и все высматривала чернику на опушке леса.

— Ее отец? — спросила Яблочко; ее тошнило при одной только мысли об этом.

— Ларк говорила, что вроде бы прозвище ее отца Треска. А этот помоложе. Тот самый, что приходил тогда и сказал Ларк, что случилось с девочкой. Его зовут Ловкач. Он... все слонялся вокруг да около, а потом — вот уж не повезло! — мы прямо на него налетели в Порту Гонт. А молодой король его прогнал. И вот нас привезли сюда, а он там остался, так что все в порядке.

— Вот Терру, должно быть, напугалась! — сказала Яблочко, мрачней.

Тенар кивнула.

— А зачем вы пошли в порт?

— А, так получилось. Этот тип, Ловкач, работал на одного... волшебника в поместье у Лорда, и волшебнику этому я чем-то не понравилась... — Она все пыталась хотя бы прозвище этому волшебнику придумать — и не могла, ничего не могла; в голову ей лезло одно лишь слово: *туабо*. Каргадское слово, обозначающее какое-то дерево, она даже не могла вспомнить какое...

— Ну и что?

— Ну и то! В итоге пришлось мне поскорее отправляться домой.

— За что ж этот волшебник так невзлюбил тебя?

— В основном за то, что я женщина.

— Да ну! — возмутилась Яблочко. — Ах он, старая сырная корка!

— Да он молодой совсем.

— Тем хуже! Ну что ж, по крайней мере у нас здесь никто родителей девочки не видел — если их так называть можно. А вот если они все-таки по-прежнему слоняются неподалеку, тогда очень плохо, что ты на ферме одна будешь.

Вообще-то очень приятно, когда твоя собственная дочь обращается с тобой по-матерински; сразу хочется начать капризничать. А потому Тенар нетерпеливо сказала:

— Со мной все будет в полном порядке!

— Могла бы уж по крайней мере собаку завести!

— Я уже думала об этом. У кого-нибудь в деревне, наверное, найдется щенок. Мы спросим у Жаворонка, когда мимо проходить будем.

— Не щенок тебе нужен, мама. Собака. Настоящая.

— Но хотя бы молодая? Чтобы Терру могла с ней играть! — умоляюще сказала Тенар.

— Ну да, милый такой теленочек, который будет со всеми, а заодно и с бандитами, лизаться! — съязвила Яблочко, шагая рядом с матерью — хорошенькая, здоровая, сероглазая.

Они пришли в деревню где-то около полудня. Ларк обрушила на Тенар и Терру настоящий ураган поцелуев, объятий, разнообразных вопросов и лакомств. Тихий муж ее только поздоровался приветливо. Однако соседи заглядывали один за другим. Тенар наконец почувствовала, что счастлива, что вернулась домой.

Жаворонки и двое ее младших ребятишек — их у нее было семеро, — мальчик и девочка, проводили прибывших до самой Дубовой Фермы. Дети, конечно же, знали Терру, поскольку именно в их дом она попала сперва, знали и ее повадки, хотя за два месяца порядком отвыкли от нее и сперва немного стеснялись. С ними и даже с Ларк Терру казалась замкнутой, пассивной — такой, как в давние дурные времена.

— Девочка просто вымоталась за долгую дорогу — и вообще... Ничего, она скоро придет в себя и прекрасно будет играть с ребятами, — говорила Тенар Жаворонку, но Яблочко не дала ей так просто обойти эту тему.

— Один из тех негодяев объявился! Запутывал и ее, и маму, — сказала Яблочко. И потихоньку-помаленьку дочь и подруга вытянули из Тенар всю ту историю целиком — пока открывали холодный, запущенный, пыльный дом, приводили его в порядок, проветривали постели, склоняли головы над грядками с луком, заросшими сорняками, разжигали огонь, ставили сковородку, чтобы разогреть еду, и готовили огромную кастрюлю супа на вечер. Правда, рассказывала Тенар в час по чайной ложке и, похоже, так и не смогла рассказать, что же все-таки сделал с нею волшебник. Это было какое-то проклятие, неопределенно сказала она, а еще, может быть, именно он послал Ловкача за ней следом. Зато когда она начала рассказывать про короля, слова у нее изо рта так и посыпались!

— И там был он — король! Тонкий и прекрасный, словно лезвие меча... И Ловкач этот весь съезжился и прямо-таки пополз от него прочь... А я-то сперва решила, что это мой Искор-

ка! Правда! Нет, правда, мне показалось — похож... Наверно, я была не в себе...

— Ну ладно, — сказала Яблочко. — Насчет Искорки все как раз нормально; а вот моя подружка Шинни приняла тебя за мать короля! Уж больно здорово было смотреть, как ты плывешь на королевском корабле! А знаешь, тетя Ларк, она ведь его поцеловала! Поцеловала короля! Просто так взяла и поцеловала! Я уж думала, что потом она и старого Мага поцелует. Но она почему-то не стала.

— Да уж конечно нет, что за выдумки! Какой еще маг? — спросила Ларк, ныряя под стол. — Где у тебя ларь с мукой, Гоха?

— Ты на него руками опираешься. Был там Маг, настоящий, с острова Рок; явился сюда искать нового Верховного Мага.

— Сюда?

— А почему бы и нет? — возмутилась Яблочко. — Последний небось тоже с Гонта был, разве не так? Но того-то они не больно долго искали. Сразу уплыли назад в Хавнор, едва мама от них отделалась.

— Как ты смеешь так говорить, негодница!

— Он говорил, что Маги ищут какую-то женщину с Гонта, — не обращая на них внимания, сказала Тенар. — Но, кажется, сам старый Маг был не очень-то этому рад.

— Волшебник — и женщину искал? Это что-то новое, — заявила Ларк. — Я уж было подумала, что мука твоя вся жучком заражена, а она еще вполне хорошая, так что я, пожалуй, парочку пресных лепешек испеку, не возражаешь? Где у тебя масло?

— Нужно сперва налить в бутылку из фляги. А фляга в леднике. Ой, Шанди! Неужели это ты! Ну, как дела? Как Чистый Ручей? Продад ягнят?

Когда они все вместе сели ужинать, то за длинным деревянным столом оказалось уже девять человек. Кухню заливал желтый закатный свет; Терру уже начала понемногу снова приподнимать голову и даже несколько раз обратилась за чем-то к детям Ларк. Но страх по-прежнему таился в ее душе, и, по мере того как на улице становилось все темнее, она старалась сесть так, чтобы ее зрячий глаз мог видеть окошко.

Сгустились сумерки; Ларк с детьми отправились домой; Яблочко пела Терру песенку, укладывая ее спать; а Тенар с Шанди мыли посуду. И только сейчас она наконец спросила о Геде. Ей почему-то не хотелось говорить о нем в присутствии Ларк и дочери: потребовалось бы слишком много объяснять. Она вообще «забыла!» упомянуть о том, что Гед вместе с ними

жил в доме Огиона. Ей совсем не хотелось вновь вспоминать о Ре Альби. Казалось, что при этом она сразу сбивается с мысли.

— Я сюда с месяц назад человека присылала — с работой помочь, как он?

— Ох, я и забыла совсем! — воскликнула Шанди. — Хок его зовут, верно? Такой весь в шрамах — все лицо исполосовано?

— Да, — сказала Тенар. — Хок. В шрамах.

— Ой, ну конечно, а как же! Только он сейчас наверху, у Горячих Источников, — овец Серри пасет, по-моему. Явился он сюда, значит, и говорит, это ты его послала, а туточки у нас для него ну ни крошки работы, знаешь ли. Мы-то со стариком за овцами смотрим, я молочное хозяйство веду; а старые Тифф и Сис помогают мне, коли нужда случится, и уж я думала-думала, а ничего не придумала. Тут старик мой и говорит: «Пойди да спроси у Серри или у его главного пастуха, что овец на берегу Кахеды пасет, не нужен ли им пастух на верхние пастбища». Вот что он посоветовал, а Хок этот так и поступил; взяли его на работу-то, он уже на следующее утро овец на верхние пастбища погнал. «Пойди да у Серри спроси» — так старик мой посоветовал, так Хок этот и поступил, и точно, вышло у него. Ну а теперь-то он вернется только к осени, не раньше. Там он, на Долгих Просеках, точнехонько над Лиссуреккой. Только вот не помню точно: может, они его коз пасти наняли? Хорошо говорил этот парень... Только вот овец или коз — не помню. Небось тебе-то все одно. Конечно, Гоха, тут мы его не оставили, да только и правда ведь — ни капельки работы для него не было, мы сами с Чистым Ручьем управляемся, да еще Тифф и Сис помогают... А парень этот еще сказал, что там, откуда он родом, ему коз пасти приходилось; а родом он с той стороны, из-под Армута, так вроде; да, точно, говорил он, что овец-то ему прежде пасти не доводилось. Так что, наверно, они его коз пасти отправили, на верхние-то пастбища...

— Наверно, — сказала Тенар. Она вполне успокоилась, однако была разочарована. Ей, конечно, очень хотелось узнать, что Гед в безопасности, что у него все в порядке, но еще больше ей хотелось, чтобы он оказался здесь.

Ладно, хватит с тебя и того, что ты уже дома, сказала она себе. Может, оно даже и лучше, что его здесь нет, что никакого волшебства здесь нет, что все ужасы, мечты, надежды навсегда остались в Ре Альби. Все, все это осталось там, а она теперь здесь, и это ее дом, знакомые каменные полы и стены, маленькие застекленные окошки, за которыми темнеют в лунном свете старые дубы, и эти тихие, аккуратно прибранные комнаты... Она довольно долго лежала без сна в ту ночь. Дочь ее

спала в соседней комнате — в детской, вместе с Терру, а Тенар — в своей собственной, супружеской постели, но только совсем одна.

Потом она уснула. И когда проснулась, не помнила ни одного из своих снов.

Прошло несколько дней; за это время Тенар вряд ли хоть раз задумалась о проведенном на Большом Утесе лете. Все это случилось далеко-далеко отсюда и очень давно. Несмотря на настойчивые уверения Шанди о том, что ни крошки работы на ферме нет, Тенар обнаружила ее целую пропасть, и все дела нужно было переделать как можно скорее: за лето все хозяйство оказалось запущено, да к тому же пора было убирать урожай, варить сыры и тому подобное. Тенар работала от зари до зари, и, если — совершенно случайно — у нее выдавался свободный часок, она для отдыха либо пряла, либо шила платье для Терру. Красное платьице наконец было почти готово; и белый передничек для парадных случаев, а коричневатозолотистый на каждый день.

— Ну вот, теперь ты у нас красивая! — сказала Тенар, когда Терру впервые надела платье. Она очень гордилась собственным изделием.

Терру тут же отвернулась.

— Ты действительно очень красивая, — настойчиво повторила Тенар. — Послушай-ка меня, Терру. Подойди поближе. Конечно, у тебя есть шрамы, и довольно уродливые — такие же, как то зло, которое тебе причинили. Люди этих шрамов не могут не видеть. Но ведь они видят и тебя целиком, а ты не из одних только шрамов состоишь. Сама ты вовсе не безобразна. И вовсе не зла. Ты — это ты. Ты — Терру, и ты красива. Ты — Терру, которая умеет хорошо работать, красиво двигаться, легко бегать и танцевать. И особенно ты хороша в красном платьице!

Девочка молча слушала; ее нежная, не тронутая огнем щека казалась застывшей и равнодушной. Она посмотрела на руки Тенар и легонько коснулась их своими тоненькими пальчиками.

— Это очень красивое платье, — сказала она своим тихим хриловатым голосом.

Когда Тенар осталась одна, складывая остатки красной материи, жгучие слезы вдруг навернулись ей на глаза. Она чувствовала себя незаслуженно обиженной. Она правильно поступила, сшив это платье, и она говорила девочке правдивые слова. Но этого было недостаточно. Между ее правильными поступками и настоящей правдой была как бы пустота, пропасть. Любовь, ее любовь к Терру и любовь Терру к ней — вот

что создавало тоненький мостик над этой пропастью, тонкий как паутинка, но заполнить эту пустоту не могла даже любовь, эта трещина никогда не могла сомкнуться. Никогда. И девочка понимала это куда лучше, чем Тенар.

Наступило осеннее равноденствие; все еще яркое солнце просвечивало сквозь легкую туманную дымку. Среди дубовой листвы появились первые бронзовые пятна. Когда Тенар в молочном сарае дочиста отмывала ушаты из-под сливок, настужь распахнув окно и дверь, чтобы впустить сладковатого прохладного воздуха, она вспомнила, что сегодня в Хавноре состоится коронация ее молодого короля. Вокруг него будут князья и придворные дамы в своих прекрасных одеждах — голубых, зеленых, алых, — а сам он будет весь в белом, представилось ей. Он поднимется по лестнице на Башню Меча — по той самой лестнице, по которой они с Гедом поднимались тогда, — и на голову его будет возложена корона Морреда. Он обернется, заслышав ликующие звуки труб и горнов, и воссядет на трон своего королевства, что пустовал так много лет; а потом посмотрит вокруг своими темными глазами, которые хорошо понимают, что такое боль, горе и страх. «Правь хорошо, правь долго, — подумала она. — Бедный мальчик мой! Это Геду следовало бы возложить корону на твою голову. Он должен был непременно быть там».

Но Гед пас то ли овец, то ли коз, принадлежавших богатому хозяину, и был сейчас высоко в горах. Стояла ясная, сухая, золотая осень, так что стада пробудут на верхних пастбищах до первого снега.

Как-то раз, оказавшись в деревне, Тенар решила зайти в домик ведьмы Айви, что находился в самом конце Мельничной улицы. Она уже подружилась с тетушкой Мох в Ре Альби, и теперь ей хотелось познакомиться поближе и с Айви, если, разумеется, удастся преодолеть чудовищную подозрительность деревенской ведьмы. Тенар часто с грустью вспоминала тетушку Мох, хотя теперь рядом и была Ларк; тетушка Мох многому ее научила, и Тенар полюбила старую ведьму, которая давала им с Терру столь необходимые тепло, защиту и еще что-то очень важное. Нужно было найти кого-то, кто заменил бы ей тетушку Мох и здесь. Однако Айви, хоть и была много чище и благонадежнее с виду, чем тетушка Мох, явно не намерена была менять свое отношение к Тенар и воспринимала все ее попытки подружиться с прежней подозрительностью и высокомерным удовлетворением, которое Тенар, впрочем, считала вполне объяснимым. «Ты ступай своим путем, а я пойду своим», — каждым своим жестом, казалось, говорила эта ведьма. И Тенар смиренно продолжала при встречах выказывать

Айви несколько преувеличенное уважение. Прежде я вечно держалась с ней слишком заносчиво, думала Тенар, так что за все следует платить. Явно придерживавшаяся того же мнения ведьма принимала эту дань с полной невозмутимостью.

В середине осени в долине появился колдун Бук. Его пригласил один богатый фермер, страдавший подагрой. Как обычно, Бук некоторое время пожил в деревнях Срединной Долины и однажды днем заглянул на Дубовую Ферму проведать Терру и поговорить с Тенар. Он тоже был учеником одного из учеников Огиона и всю жизнь оставался преданным старому Магу. Тенар, к изумлению своему, обнаружила, что ей гораздо легче рассказывать о смерти Огиона, чем о тех людях из Ре Альби, так что она рассказала о последних днях старого Мага все, что могла. Когда она умолкла, он осторожно спросил:

— А наш Верховный Маг — он все-таки появился?

— Да, — коротко ответила Тенар.

Бук был добродушным, чуть полноватым человеком лет сорока, с гладкой кожей и вечными темными кругами под глазами, странно противоречившими сладостному выражению самих глаз. Он только глянул на Тенар и больше вопросов задавать не стал.

— Он пришел уже после того, как Огион умер. И сразу снова ушел, — пояснила она. — Он теперь больше не Верховный Маг. Ты это знал?

Бук кивнул.

— А ты не слышал, выбрали они там нового Верховного Мага?

Колдун отрицательно покачал головой.

— Недавно к нам заходил корабль с Энладских островов, но им ничего об этом не было известно, они говорили только о предстоящей коронации. Прямо-таки лопались от гордости! И похоже, все действительно складывается к лучшему. Если расположение магов чего-то еще стоит, тогда наш молодой король — очень богатый человек... И очень деятельный. Как раз перед тем как я ушел из Вальмута, туда из Порта Гонт был прислан приказ, чтобы старейшины, купцы и мэр города с его советом собрались все вместе и решили, являются ли управляющие округами достойными и надежными людьми, ибо все они теперь находятся у короля на службе и обязаны выполнять его приказания и блюсти его законы. Представляешь, как это му был рад Лорд Гено!

Гено был предводителем всех пиратов с Гонта, и уж в южной-то части острова все чиновники были у него в кармане.

— Но теперь кое-кто решил пойти против Гено, чувствуя поддержку самого короля. По большей части управляющих

сменили, назначили пятнадцать новых, вполне достойных людей, которым платить будут из казны мэра. Гено, не дождавшись конца собрания, вихрем вылетел вон, на чем свет стоит кляня короля и обещая жестоко мстить. Новые времена настали! Конечно, не все сразу, но жизнь переменится! Жаль, что Мастер Огион не дожил до этих дней.

— Он дожил, — сказала Тенар. — Перед смертью он улыбнулся и сказал: «Все переменялось...»

Бук выслушал ее со своим обычным сурово-доброжелательным видом и медленно кивнул.

— Все переменялось, — повторил он.

Немного помолчали, потом он сказал:

— Малышка растет очень хорошо!

— Да, неплохо... Хотя иногда мне кажется, что дела могли бы идти и лучше.

— Госпожа Гоха, — сказал колдун, — если бы я, или любой другой колдун, или ведьма, или, осмелюсь предположить, даже волшебник посвящали бы ей все свое время и все свои волшебные силы, чтобы излечить ее от того, что с ней сделали, она и то не могла бы стать здоровее. Может быть, даже не смогла бы поправиться хотя бы настолько, как сейчас. Ты сделала не только *все, что можно было сделать*, госпожа моя. Ты сотворила настоящее чудо!

Она была тронута его искренней похвалой, и все-таки ей стало грустно; и она призналась ему, почему грустит.

— Этого мало, — сказала она. — Я не могу до конца исцелить ее. Она... Чем ей суждено быть в жизни? Что из нее получится? — Тенар поправила нить на кружащемся веретене — она пряла шерсть и только что сняла очередной моток. — Я боюсь, — сказала она.

— За нее? — Его вопрос прозвучал как утверждение.

— Боюсь, потому что боится она; боюсь за нее; боюсь того, чего она боится. Боюсь потому...

Но она не могла подыскать нужных слов.

— Если она будет жить в страхе, то станет творить зло, — выговорила она наконец. — Этого-то я и боюсь.

Колдун задумался.

— Я тут подумал, — сказал он наконец, как всегда несколько неуверенно, — что, если у нее есть волшебный дар — а мне кажется, он у нее есть, — ее можно было бы немного поучить магии. А если она станет ведьмой, то ее... внешность не будет так уж бросаться в глаза... возможно... — Он прокашлялся. — Ведь некоторые ведьмы делают очень важную и полезную работу, — закончил он.

Пробуя ровность и прочность только что спряденной нити, Тенар пропустила ее между пальцами.

— Огион сказал мне: «Научи ее всему». А потом прибавил, что учить ее нужно не на острове Рок. Не знаю, что он имел в виду.

Бук, однако, догадался сразу.

— Он хотел сказать, что на Роке учат Высшим Искусствам — это не подходит для девушки. Не говоря уж о том, что с этой малышкой сделали... Но если Огион сказал, что ее нужно учить всему, кроме Высших Знаний, то, похоже, и он считал, что ей подошла бы профессия ведьмы. — Бук подумал и продолжал с куда большим воодушевлением, как бы чувствуя поддержку Огиона, неожиданно оказавшегося его сторонником. — Через год-два, когда она совсем окрепнет и немного подрастет, ты могла бы попробовать поговорить с Айви: пусть та понемногу начнет учить ее, пока девочка не пройдет обряд имяположения.

Тенар почувствовала, что всей душой яростно противится этому предложению. Она промолчала, однако Бук был достаточно чутким.

— Айви, конечно, довольно неприятная особа, — сказал он. — Однако то, что ей ведомо, она применяет честно. Чего нельзя сказать о прочих ведьмах. Слабый, как женские чары, но, как тебе известно, и опасный, как женские чары. Я знал ведьм, обладавших истинным даром целительниц. Исцелять людей — что может быть лучше для женщины! Это для нее так естественно. Девочку вполне можно к этому приохотить — тем более она сама так сильно пострадала.

Это он по доброте душевной, подумала Тенар, от чистого сердца. Она искренне поблагодарила колдуна, пообещав, что непременно все это тщательно обдумает. И она действительно много думала об этом.

Месяц еще не кончился, а жители Срединной Долины собрались у Круглого Амбара в Содеве, чтобы выбрать своих бейлифов и офицеров и назначить налог на их содержание. Таков был приказ короля, разосланный мэрам городов и старостам деревень, и все охотно подчинились ему, ибо на дорогах развелось столько наглых нищих и воров, что крестьяне и фермеры рады были установить порядок и обрести покой. Однако в последнее время кое-какие отвратительные слухи поползли и о том, что Лорд Гено создал некий Совет Негодяев, куда записывал всех желающих собираться в банды и ломать шеи представителям королевской власти; однако по большей

части люди не испугались и, повторяя «Пусть только попробует!», разошлись по домам, уверенные, что теперь-то уж честный человек может наконец спать спокойно и все безобразия, что творились раньше, король непременно устранил. Хотя налоги, конечно, оказались выше всяческих ожиданий, и многие теперь боялись разориться.

Тенар с радостью, хотя и не слишком внимательно, выслушала рассказ Жаворонка об этом собрании. Она очень много работала и с тех пор, как вернулась домой, почти не задумываясь, как-то машинально не позволяла мыслям о Ловкаче и ему подобных тревожить душу и уж тем более управлять жизнью Терру. Она не могла непрерывно держать девочку при себе, тем самым вновь пробуждая в ней старые страхи: вечно помня о том, что с ней случилось, Терру просто не могла бы нормально жить. Ребенок должен расти свободным и знать, что он свободен.

Терру понемногу переставала дичиться, начала ходить по всей ферме, и вокруг, и даже в деревню совсем одна. Тенар ни единым словечком ее не останавливала, даже если приходилось буквально затыкать себе рот. На ферме Терру была, в общем-то, в безопасности, да и в деревне тоже никто не собирався вредить ей — это необходимо было твердо усвоить. Тенар старалась не слишком часто в этом сомневаться. На ферме кроме них жили еще Шанди со своим старым мужем по прозвищу Чистый Ручей, а в дальнем коттедже еще двое стариков — Сис и Тифф; в деревне, совсем близко, — Ларк со своим многочисленным семейством. Стояла прекрасная золотая осень — благодатное время в Срединной Долине. Какое же зло могло грозить невинному ребенку?

Тенар взяла собаку, услышав, что есть именно такая, какая ей требовалась: крупная гонтийская овчарка с умной мордой и длинной кудрявой шерстью.

Порой она вспоминала: «Я же должна учить девочку! Так велел Огион». Но как-то так получалось, что Терру ничему не выучивалась. Ей нравилась только обычная работа на ферме да всякие истории, которые Тенар рассказывала вечерами. Теперь дни стали короче, и они подолгу сидели в кухне у очага после ужина, прежде чем идти спать. Может быть, прав был Бук? И Терру следовало отдать в ученицы какой-нибудь ведьме? Это все-таки лучше, чем отдавать ее в подмастерья к ткачу, как сперва хотела поступить Тенар. Впрочем, не намного лучше. Да и Терру пока что слишком мала; и слишком несведуща в жизни даже для своего возраста: ее ведь совсем ничему не учили, пока она не попала на Дубовую Ферму. Она тогда была похожа на дикого зверька, едва понимавшего человеческую

речь и совсем незнакомого с человеческими привычками. Она все воспринимала очень быстро и была раза в два послушней и старательней вольнолюбивых и буйных детей Ларк — ее умненьких дочек и ленивых, вечно смеющихся сыновей. Терру умела убрать дом, подать на стол, научилась довольно прилично прясть, немножко готовить и немножко шить; могла присматривать за птицей, кормить коров и прекрасно справлялась с работой в молочной. Настоящая деревенская девчонка — так говорил старый Тифф, немного льстя Терру. Тенар не раз видела, как Тифф тайком делал жест, отгоняющий зло, когда мимо проходила Терру. Как и большинство людей, Тифф верил в то, что написано на роду: богатые и могущественные всегда процветают; те же, кому в жизни не повезло, должны по справедливости нести свой крест.

Так что Терру вряд ли помогло бы даже то, что она стала бы лучшей из лучших деревенских девчонок острова Гонт. Даже благополучная жизнь не уничтожила тех шрамов, что изуродовали ее лицо и душу. Так что Бук тогда принимал во внимание именно это клеймо, надеясь использовать его во благо, если девочка станет ведьмой. А может быть, именно это имел в виду и Огион, говоря, что учить ее нужно не на острове Рок? И еще, когда сказал: «Ее будут бояться»? Неужели же все это так просто?

Однажды, когда «счастливая случайность» вновь свела их на деревенской улице, Тенар сказала Айви:

— Мне хотелось бы задать тебе, госпожа Айви, один вопрос. Он касается твоего ремесла.

Ведьма внимательно и довольно злобно посмотрела на нее:

— Моего ремесла? С чего бы это?

Тенар промолчала, стараясь сохранить спокойствие.

— Ну что ж, пошли, — сказала Айви, пожав плечами, и повела Тенар по Мельничной улице к своему домику.

Это была вовсе не замусоренная развалюха, полная цыплят и кур, как у тетушки Мох; это было настоящее жилище ведьмы. С балок свисали пучки сухих и сушащихся трав, огонь в очаге тлел под золой, и маленький уголек посматривал оттуда красным глазком, как бы подмигивая; толстый черный кот с одним белым усом спал на полке, свернувшись клубком; повсюду стояло множество всяких коробочек, горшочков, кувшинчиков и заткнутых пробками бутылок, источавших самые различные ароматы — зловонные, сладкие или совсем никому не ведомые.

— Чем могу служить, госпожа Гоха? — сухо спросила Айви, когда они вошли в дом.

— Скажи мне, если захочешь, конечно: кажется ли тебе, что моя воспитанница Терру обладает... какой-то... волшебной силой?

— Она? Конечно! — отрезала ведьма.

Столь решительный ответ несколько ошеломил Тенар.

— Ну хорошо, — медленно проговорила она. — Бук, похоже, тоже так думает.

— Слепая летучая мышь в своей пещере и то это заметит! — сказала Айви. — Это все?

— Нет. Мне нужен твой совет. Я уже задала один вопрос, и теперь ты можешь назвать мне цену ответа, который дала мне. Это справедливо?

— Справедливо.

— Тогда мой второй вопрос: как ты думаешь, стоит ли Терру учиться у какой-нибудь ведьмы, когда она подрастет?

Некоторое время Айви молчала, решая, как показалось Тенар, что бы ей запросить за ответ. Но она ничего не запросила, а просто сказала:

— Я ее в ученицы не возьму!

— Почему?

— Я бы побоялась это делать, — честно призналась ведьма, яростно сверкнув глазами.

— Побоялась? Чего же?

— Ее! Кто она?

— Просто ребенок. С которым очень плохо обращались!

— Это еще далеко не все.

Черный гнев охватил Тенар, и она сказала:

— Значит, в ученицы к ведьме годятся только девственницы, так, что ли?

Айви уставилась на нее. Потом промолвила:

— Я вовсе не это имела в виду.

— А что же?

— Я имела в виду только то, что я не знаю, кто она такая. Я имела в виду то, что когда она глядит на меня своим единственным зрячим глазом, то я не знаю, что именно она видит. Я вижу, как вы с ней повсюду ходите вместе, словно она самый обыкновенный ребенок, и думаю: кто же они обе такие? Что же за сила в этой женщине? Она ведь вовсе не так глупа, чтобы хватать огонь голыми руками или крутить веретено с помощью урагана? Говорят, госпожа, ты в юности жила среди Древних Сил Земли и была у этих Сил и королевой, и служанкой. Может быть, поэтому ты и не боишься ее могущества? Что в ней за сила заключена, я не скажу: не знаю. Но могущество ее куда больше того, чему я способна кого-то научить, — больше, чем у Бука, больше, чем у любого другого колдуна или ведьмы,

каких я знала в жизни! Я дам тебе совет, госпожа, — просто так, бесплатно. Будь осторожна! Берегись ее — особенно в тот день, когда она откроет в себе эту силу! Вот и все, что я могу сказать тебе.

— Благодарю тебя, госпожа Айви, — вежливо поклонилась ей Тенар и с достоинством Жрицы Гробниц Атуана вышла из теплой комнатки на улицу, где дул резкий, колючий ветер — ветер поздней осени.

Гнев еще не погас в ней. Никто не хочет помочь, думала она. Она понимала, что самой ей эту задачу не решить — но неужели никто так и не захочет помочь? Огион умер, тетушка Мох болтает всякую ерунду и смеется, а Айви предупреждает о грозящей опасности; Бук ясно сказал, что положение очень серьезно, и Гед тоже — а ведь именно Гед и мог бы помочь по-настоящему. Но Гед сбежал. Удрал, словно побитая собака, и даже весточки ни разу не прислал, даже ни разу не вспомнил о ней или о Терру! Только и может теперь думать, что о своем драгоценном позоре. Словно это его дитя, его любимое чадо, которое он холит и лелеет. Это единственное, что его волнует. Он никогда и не думал о ней по-человечески. Что она ему? Его интересует только могущество — ее могущество, его собственное могущество и то, как можно стать еще могущественнее, соединив сломанное Кольцо, восстановив Руну Мира, посадив на трон короля... А теперь, когда волшебная сила его иссякла и осталось лишь его собственное «я» да его собственный позор и пустота, он и вовсе способен думать только о себе — об этом своем позоре.

«Ты несправедлива», — сказала Гоха Тенар.

«Справедливость! — возмутилась Тенар. — А он вел себя справедливо?»

«Да, — сказала Гоха. — Он был справедлив. Или пытался быть».

«Ну что ж, тогда пусть играет в свою справедливость с козами, которых пасет; мне это совершенно не интересно», — сказала Тенар, пробираясь домой под порывами ветра и колючим ледяным дождем.

— Сегодня, верно, снег ночью пойдет, — сказал Тифф, повстречавшись ей на дороге, что вилась в лугах по берегу Кахеды.

— Снег? Так рано? Может, еще нет?

— Во всяком случае, подморозит, это уж точно!

И действительно, стало подмораживать сразу после заката: дождевые лужицы и оросительные канавы покрылись сперва ледяной коркой по краям, а потом превратились в ледяные дорожки; ручьи, сбегавшие в реку, умолкли, скованные ледяным

покровом, и даже ветер притих, словно тоже замерз и утратил способность двигаться.

У очага, где пахло куда приятнее, чем у Айви, потому что в нем горели яблоневые дрова, заготовленные еще весной, когда в саду спилили старую яблоню, как всегда после ужина устроились Тенар и Терру — рассказывать истории и прясть шерсть.

— Расскажи еще раз о кошках-оборотнях, — попросила своим хрипловатым голосом Терру, запуская веретено и ловко свивая нитку из темной шелковистой козьей шерсти.

— Это летняя история.

Терру вопросительно склонила голову набок.

— Зимой рассказывают о великих деяниях, — пояснила Тенар. — Зимой учат Песнь о создании Эа, чтобы исполнять ее вместе со всеми в праздник Долгого Танца. Зимой учат Зимнюю песню и Песнь о подвиге молодого короля, чтобы спеть их в день весеннего солнцеворота, когда солнце поворачивается лицом к северу и приносит с собой весну.

— Я же не могу петь, — прошептала девочка.

Тенар сматывала готовую нить в клубок, ловкие руки ее ритмично двигались.

— Поют не только голосом, — сказала она. — Иногда поет только душа. И даже самый красивый в мире голос ничего спеть не сможет, если душе песни неведомы. — Она отцепила от веретена последний кусок нити. — В тебе есть сила, Терру, а невежественная сила опасна.

— Как в тех, кто учиться не хотел, — сказала Терру. — В диких. — Тенар не поняла, что она хочет этим сказать, и вопросительно на нее взглянула. — В тех, что остались на западе, — пояснила Терру.

— А-а, в драконах... Это ты песнь той женщины из Кимея вспомнила... Да. Совершенно верно. Итак, с чего мы начнем? С того, как наши острова были подняты из глубин морских, или с того, как король Морред отогнал прочь Черные Корабли?

— С островов, — прошептала Терру.

Тенар надеялась, что она предпочтет «Подвиг юного короля», потому что Морред казался ей похожим на Лебаннена. Однако девочка, в общем-то, выбрала правильно.

— Хорошо, — сказала Тенар и посмотрела на полку, где стояли Книги Огиона, словно черпая в них вдохновение; если она что-то и позабыла, то всегда может заглянуть в них; потом она перевела дыхание и начала свой рассказ.

Когда пришло время ложиться спать, Терру уже знала, как Сегой поднял первые острова из глубин Времени. Вместо того чтобы спеть девочке колыбельную, Тенар присела к ней на

постель, подоткнула одеяло, и они вместе тихонько повторили слова первой песни Созидания.

Потом Тенар отнесла маленький масляный светильник обратно в кухню, прислушиваясь к полнейшей тишине вокруг. Мороз сковал мир, запер все живое вокруг. На небе не было ни единой звезды. Чернота снаружи давила на окошко ее кухни. Холод полз по каменному полу.

Она снова уселась у очага, потому что спать ей еще не хотелось. Ее взволновали возвышенные слова песни, а в душе еще не совсем улеглись гнев и беспокойство, вызванные сегоднейшей беседой с Айви. Тенар взяла кочергу и помешала дрова в очаге, чтоб разгорелись получше. Когда она ударила по полену, в дальнем конце дома послышался стук — словно ей откликнулось эхо.

Она выпрямилась и замерла, прислушиваясь.

И снова: то ли тупой удар, то ли толчок в окно молочного сарая.

Все еще держа в руках кочергу, Тенар прошла по темным сеням к двери, что вела в холодную кладовую. За кладовой был молочный сарай. Дом стоял на склоне холма, так что оба эти помещения упирались в холм, словно подвалы, хотя и находились на одном уровне со всеми остальными комнатами дома. В холодной кладовой были только небольшие отверстия для проветривания; зато в молочном сарае — и дверь, и окно, низкое и широкое, точно такое же, как в кухне; оно было сделано в той единственной стене, что выходила наружу. Тенар стояла у двери в кладовую и слушала, как окно сарая пытаются то ли открыть, то ли выдавить; слышала она и шепот: шептались мужчины.

Флинт был хозяин рачительный. Все двери в его доме, за исключением одной, были с двух сторон снабжены крепкими запорами — широкой полосой толстого железа во всю ширину двери, посаженной в скобы. Все запоры содержались в порядке, всегда были смазаны, хотя в доме никогда не запирали ни одну дверь.

Тенар закрутила болты на запоре той двери, что вела из кладовой в сарай. Засов вошел в гнездо совершенно бесшумно, точно попав в щель на дверном косяке.

И тут она услышала, как отворилась дверь молочного сарая, ведущая на улицу. Один из них все-таки в конце концов решил попробовать войти через дверь, прежде чем выбьют окно, и обнаружил, что дверь не заперта. Она слышала бормотание неожиданных гостей. Потом вдруг наступила тишина, достаточно долгая, чтобы услышать, как, молотом отдаваясь в ушах, стучит ее сердце; она даже испугалась, что больше ничего уже

расслышать не сможет. От страха у нее подгибались колени, а холод с каменного пола пробирался под юбку, словно чья-то ледяная рука.

— Эта дверь открыта, — прошептал какой-то мужчина совсем рядом с ней, и сердце у нее болезненно сжалось. Она на всякий случай коснулась рукой запора, и оказалось, что в итоге она его не заперла, а отперла! Она стремительно задвинула его, услышав, как заскрипела дверь, ведущая из холодной кладовой в молочный сарай. Ей был хорошо знаком этот скрип верхней петли. Она узнала и голос, но не на слух, а как бы внутренним чутьем. «Это кладовая, — сказал Ловкач, и немного погодя запертая на засов дверь, возле которой она стояла, содрогнулась, а Ловкач сообщил кому-то: — А эта заперта». Дверь снова содрогнулась. Тонкий лучик света, словно лезвие ножа, мелькнул в щели между створкой двери и косяком. Луч коснулся груди Тенар, и она отпрянула так резко, словно в нее вонзился нож.

Дверь снова дрогнула, но не сильно. Она была прочной, тяжелой, да и засов был надежный.

Они что-то злобно бормотали за дверью. Тенар понимала, что теперь они обойдут дом и попытаются войти через парадную дверь. Даже не помня как, она тут же оказалась сама перед этой дверью и поспешно задвинула засов. Может быть, все это просто страшный сон? Ей и раньше снились всякие кошмары — например, как они пытаются войти в дом, как просовывают свои острые ножи между растрескавшимися плитами пола... Двери же... А нет ли в доме еще одной двери, через которую они могут войти? И окна?... Ставни на окнах спальни... Она вдруг задохнулась: ей показалось, что она не успеет добраться до комнаты Терру, но в мгновение ока оказалась там, закрыла тяжелые деревянные ставни. Петли были тугие, так что ставни захлопнулись со стуком. Теперь они все поняли. И сразу же пошли туда. Они непременно успеют к окну соседней комнаты, ее комнаты, прежде чем она сможет закрыть ставни. Так оно и случилось.

Пытаясь поднять крюк, державший левую ставню, она увидела в темноте за окном их лица, неясные очертания их фигур. Крюк заржавел. Она никак не могла вышибить его. Чья-то рука коснулась стекла и плотно прижалась к нему, став совсем белой.

— Там она.

— Эй,пусти нас. Мы тебя не тронем.

— Нам с тобой поговорить надо.

— Он только девчонку свою повидать хочет.

Она наконец откинула крюк и закрыла ставни. Но если они выбьют стекло, то все равно легко смогут попасть в комнату: ведь ставни скреплены слабо, нужно только ударить посильнее.

— Впусти нас, мы тебя не обидим, — снова сказал один из них.

Она слышала их шаги по промерзлой земле, шорох опавших листьев у них под ногами. Проснулась ли Терру? Грохот закрываемых ставней вполне мог ее разбудить, но она не шелохнулась. Тенар стояла в дверном проеме между своей комнатой и комнатой Терру. Было темно, как в колодце, и очень тихо. Она боялась коснуться девочки, чтобы не разбудить ее. Она должна оставаться здесь, рядом с ней. Она должна сражаться. У нее ведь в руках была кочерга... интересно, где она ее оставила? Она положила ее на пол, когда закрывала ставни, и теперь не могла найти. Она шарила в непроницаемой темноте по полу, и ей казалось, что в комнате больше нет стен.

Парадная дверь затряслась, задрожала.

Надо непременно найти кочергу; она останется здесь, она будет с ними сражаться.

— Сюда! — позвал вдруг один из них, и Тенар догадалась, что именно он обнаружил: низкое кухонное окно, широкое, без ставней. Залезть в него было проще простого.

Она очень медленно, ощупью пошла к двери. Теперь это была комната Терру, а раньше — комната детей Тенар. Детская. Именно поэтому дверь в ней с внутренней стороны не запиралась. Чтобы дети, заперевшись изнутри, не могли испугаться, если запор вдруг не откроется.

Совсем недалеко, за холмом, за садом, спят Шанди и Чистый Ручей. Если она закричит, то Шанди, возможно, услышит. Если она откроет окошко в спальне и громко позовет на помощь... или если разбудит Терру, они выберутся через окошко в сад и побегут что есть силы... но эти негодяи там, прямо под окном. Ждут.

Больше она вынести это ожидание не могла. Не могла вынести того леденящего душу и тело ужаса, который лишал ее способности двигаться. Тенар в ярости бросилась на кухню — перед глазами плыл красный туман, — схватила длинный острый мясницкий нож, с размаху отперла засов и остановилась на пороге.

— Ну, подходите! — сказала она.

Не успела она это сказать, как послышался какой-то странный вой, чье-то тяжелое дыхание и кто-то из мужчин завопил:

— Эй, смотрите, смотрите! Осторожней!

Потом крикнул второй:

— Сюда! Сюда! Ко мне!

Потом воцарилась тишина.

Свет из распахнутой двери сделал видимыми черные замерзшие лужицы, блестящие черные ветви дубов и серебристые опавшие листья. Взор Тенар прояснился, и она увидела, что по тропе прямо к ней ползет на четвереньках какое-то темное существо или привидение — ползет и то ли стонет, то ли воет. Где-то на границе света и тьмы мелькнула темная фигура, сверкнули серебром длинные лезвия ножей...

— Тенар!

— Стой там, где стоишь! — сурово сказала она, поднимая нож.

— Тенар! Это же я — Хек, Ястреб!

— Стой, где стоишь, — повторила она.

Быстрый и ловкий человек в темном одеянии застыл рядом с тем существом на тропинке, что теперь лежало без движения. Видно было все-таки плоховато, она с трудом различила вроде бы знакомое лицо, вилы с длинными зубьями, вздытые вверх... Словно посох волшебника, подумала вдруг она. И спросила:

— Это ты?

Он уже опустился на колени возле темной фигуры на тропе.

— По-моему, я его убил, — сказал он. И, оглянувшись через плечо, поднялся на ноги. Других бандитов не было ни видно, ни слышно.

— Где они?

— Убежали. Помоги мне, Тенар.

В одной руке она по-прежнему сжимала нож. Другой подхватила под мышку того человека, что лежал на тропе. Гед поддерживал его с другой стороны, и они вместе потащили его по ступенькам крыльца в дом. Положили на каменный пол в кухне. Кровь бежала у него из пробитой груди и живота, словно вода из прохудившегося кувшина. Из-под верхней губы выглядывали оскаленные зубы, глаза были закатаны под лоб.

— Запри дверь, — сказал Гед, и Тенар заперла дверь.

— Простыни в шкафу, — сказала она, и он вытащил одну и разорвал на бинты, которыми она бесконечно долго обматывала грудь и живот раненого. Три зубца вил из четырех со всего размаху вошли в его плоть, и из трех дыр теперь кровь текла ручьем; бинты промокали все время, пока Тенар бинтовала его, а Гед поддерживал за плечи.

— Что ты здесь делаешь? Ты пришел вместе с ними?

— Да. Но они об этом не знали. Больше ты, пожалуй, уже ничего для него сделать не сможешь, Тенар. — Гед тяжело опустил бесчувственное тело на пол и сам сел рядом, тяжело дыша

и вытирая потное лицо тыльной стороной окровавленной ладони. — Мне кажется, я его убил, — повторил он.

— Может быть, и убил. — Тенар смотрела, как на плотной ткани, которой были перебинтованы тощая волосатая грудь незнакомца и его живот, увеличиваясь, расплываются яркие красные пятна. Она встала и вдруг пошатнулась: резко закружилась голова.

— Садись поближе к огню, — сказала она Геду. — Ты, должно быть, смертельно продрог.

Она не понимала, каким образом ей все-таки удалось узнать его в темноте. Наверное, по голосу. Он был одет в неуклюжую уродливую зимнюю куртку из овчины мехом внутрь, какие носят пастухи, и в вязаную пастушью шапку, низко надвинутую на лоб; лицо его избороздили морщины; оно казалось совершенно измученным; волосы отросли и были теперь стального цвета. От Геда пахло древесным дымом, морозом и овцами. Его била такая дрожь, что он не мог этого скрыть.

— Иди поближе к огню, — повторила она. — Подложи-ка побольше дров.

Он повиновался. Тенар налила в чайник воды и повесила его на железную перекладину над самым огнем.

На юбке у нее была кровь, и она стала мокрой тряпкой стирать пятно. Геду она тоже дала мокрую тряпку — вытереть кровь с рук.

— Как это ты пришел с ними вместе, но они об этом не знали?

— Я как раз шел вниз, в долину. По той дороге, что идет мимо Ручьев Кахеды. — Он говорил как-то монотонно, тихим голосом, словно ему не хватало воздуха, а дрожь делала его речь совсем невнятной. — Услышал — кто-то идет сзади, ну и отошел в сторонку, в лес. Разговаривать с ними не хотелось. Не знаю почему. Что-то в них было не то. Я их боялся.

Она нетерпеливо покивала и села напротив, у очага, чуть наклонившись вперед и внимательно слушая; стиснутые руки ее лежали на коленях. Мокрая юбка холодила ноги.

— Когда они проходили мимо, я услышал, как один из них сказал: «Дубовая Ферма». После этого я уже от них не отставал. Один все время говорил... О девочке.

— Что же он говорил?

Гед помолчал. Потом наконец выговорил:

— Что он собирается забрать ее и наказать. А потом вернуться за тобой. Потому что это ты украла ее. И еще он сказал... — Гед снова умолк.

— Что он и меня тоже накажет?

— Они все об этом говорили. Ну... *об этом.*

— Тот человек не Ловкач. — Она кивнула в сторону раненого. — Это не...

— Он говорил, что она принадлежит ему. — Гед тоже посмотрел на раненого, потом отвернулся к огню. — Он умирает. Нам нужна помощь.

— Не умрет, — сказала Тенар. — Утром я пошлю за Айви. Остальные-то по-прежнему неподалеку — сколько их там?

— Двое.

— Если он умрет, то пусть умрет; если выживет, пусть живет. Никто из нас наружу не выйдет! — Она вскочила, подавляя новый приступ страха. — Ты внес в дом эти вилы, Гед?

Он показал — четыре длинных зубца светились в углу возле двери.

Тенар снова села у очага, но теперь уже начало трести ее; ее колотило так, что зуб на зуб не попадал — как раньше его. Гед потянулся над очагом и коснулся ее руки.

— Все теперь в порядке, — сказал он спокойно.

— А что, если они все еще там?

— Они убежали.

— Они могли вернуться.

— Двое против двоих? И к тому же у нас вилы.

От ужаса она совсем перешла на шепот:

— Крюк для подрезки веток и все косы остались в сарае, в углу!..

Он покачал головой:

— Они убежали. Они видели... его... и тебя в дверях.

— Что ты с ним сделал?

— Он бросился на меня. Так что пришлось и мне...

— А раньше, что ты сделал там, на дороге?

— Они замерзли, да еще дождь пошел, вот они и стали все больше говорить о том, как заявятся сюда. Сперва-то один только тот говорил о девочке и о тебе — обо всяких там уроках и наказаниях... — Гед судорожно сглотнул. — Очень пить хочется.

— И мне тоже. Чайник вот-вот вскипит. Рассказывай пока.

Он перевел дыхание и попытался рассказать все как следует.

— Остальные двое не очень-то его слушали. Может, он в сотый раз им это повторял. Все они спешили поскорее добраться до Вальмута. Словно бежали от кого-то. Старались скрыться. Но тут здорово похолодало, а этот тип все продолжал долдонить о Дубовой Ферме, и один из них, в кожаной шапке, сказал: «Что ж, а почему бы нам и не переночевать там, да заодно...»

— И вдовой попользоваться, да?

Гед закрыл лицо руками. Она молча ждала.

Глядя в огонь, он медленно начал рассказывать дальше:

— Потом я на какое-то время потерял их из виду. Дорога стала в долине ровнее и шире, и я уже не мог идти за ними по пятам, как раньше, в лесу. Пришлось красться через поля, чтобы они меня не заметили. Я здешних мест почти не знаю и боялся сбиться с пути, если срежу путь и отойду далеко от дороги. К тому же начинало темнеть, и я уж решил, что прошел мимо фермы, промахнулся в потемках. Тогда я вернулся к дороге и припустил чуть не бегом. А на самом повороте догнал их. Они видели, как какой-то старик их нагоняет, и решили подождать. Были уверены, что больше в такой час мимо фермы никто не пройдет. Они ждали в сарае, а я — снаружи. Нас друг от друга отделяла только стенка.

— Ты, должно быть, насквозь промерз, — тупо сказала Тенар.

— Да, холодно было. — Он протянул руки к огню, словно воспоминания снова вызвали у него озноб. — Я тем временем отыскал вилы, они были прислонены к наружной стене за дверью. Когда эти типы вышли из сарая, то зашли с задней стороны дома, так что я, наверное, мог бы успеть подойти к парадной двери и предупредить тебя — именно так и нужно было поступить, — но я тогда способен был думать только о том, как бы застать их врасплох... Мне казалось, что это мое единственное преимущество, единственная надежда... Я считал, что дом заперт и им нужно будет ломать двери, чтобы войти. Но тут я услышал, что они проникли внутрь через заднюю дверь. И следом за ними тоже пробрался в молочный сарай. Я едва успел выскочить наружу, когда они выяснили, что дверь в дом заперта изнутри. — Гед как-то странно рассмеялся. — Они прошли в темноте прямо у меня под носом. Я мог бы подставить кому-нибудь ножку... Один с помощью кремня высек искру и поджег немного трута — им нужно было разглядеть запор. Потом они пошли к парадной двери. Я слышал, как ты закрывала ставни, и понял, что ты знаешь об их присутствии. Они все собирались выбить то окно, в котором видели тебя. Потом тот, в кожаной шапке, заметил другое окно... вон то, — Гед кивком показал на широкое кухонное окно, — и сказал: «Дайте-ка мне камень, я его с одного раза высажу»; они уже собирались посадить его, когда я завопил так, что этот тип свалился на землю, а один из них — вот этот — бросился прямо на меня.

— Ах, ах! — задыхался раненый на полу, словно помогая Геду рассказывать. Гед встал и наклонился над ним.

— Мне кажется, он все-таки умирает.

— Нет, не умирает, — сказала Тенар. Она все еще не могла успокоиться, хотя озноб теперь стал как бы внутренним. Запел чайник. Она быстро заварила чай и обхватила руками толстые бока заварочного чайника. Потом налила две чашки и еще одну, третью, в которую добавила немного холодной воды. — Слишком горячий, — пояснила она Геду. — Ты осторожней пей, а я попробую что-нибудь в него влить. — Она присела на пол возле раненого, приподняла его голову и поднесла ему ко рту прохладный чай, вдвинув краешек чашки между оскаленными зубами. Теплая влага потекла ему в горло; он глотнул. — Он не умрет, — заявила Тенар. — Пол совершенно ледяной. Помоги-ка мне перенести его поближе к огню.

Гед снял было козью шкуру со скамьи, что тянулась вдоль стены до входа в гостиную, но Тенар остановила его.

— Эту не бери, это хорошая шкура. — И она принесла из кладовки старый войлочный плащ, который расстелила на полу. Они уложили на плащ безвольное тело раненого, и в свете очага стало видно, что красные пятна на бинтах пока больше не стали.

Вдруг Тенар вскочила и замерла как вкопанная.

— Терру, — только и вымолвила она.

Гед огляделся, но девочки рядом не было. Тенар бросилась вон из кухни.

В детской, где спала Терру, было абсолютно темно и тихо. Тенар ощупью пробралась к кровати и коснулась теплого плеча девочки, прикрытого одеялом.

— Терру?

Девочка дышала спокойно. Она так и не проснулась. Тенар чувствовала жар, исходящий от маленького тела: девочка словно светилась в холоде детской.

В своей комнате Тенар провела рукой по поверхности сундуков и сразу нащупала холодный металл: то была кочерга, которую она забыла именно здесь, когда закрывала ставни. Она отнесла кочергу обратно на кухню, небрежно перешагнув через тело раненого, повесила ее на крюк у очага и остановилась, глядя в огонь.

— Я же ничего не могла поделать! — проговорила она с отчаянием. — Что, я должна была на улицу выскочить?.. бежать?.. кричать?.. звать на помощь стариков-арендаторов?.. Эти негодяи не должны были добраться до девочки. Ни за что!

— Да, конечно, ты права. Они бы заперлись в доме вместе с Терру, а ты бы осталась снаружи вместе со стариками. А еще они могли бы просто прихватить девочку и сбежать. Ты сделала то, что могла и должна была сделать. Все правильно. Когда ты распахнула дверь и в ярком свете предстала с ножом в

руках... да и я ведь был там, так что они смогли наконец разглядеть вилы, а потом этот упал... Вот они и сбежали.

— Такие только и могут, что сбежать, — сказала Тенар. Повернулась и слегка пнула ногу раненого носком своего башмака — словно это был какой-то неживой предмет, вызывающий одновременно любопытство и гадливость, что-то вроде дохлой гадюки. — *Это ты все сделал правильно,* — прибавила она.

— Не думаю, что он эти вилы заметил. Просто налетел на них. Это было, словно... — Гед так и не сказал, на что это было похоже. Только рукой махнул. — Пей чай, — и сам налил себе еще из чайника, который стоял, чтобы не остыть, на горячих кирпичках очага. — Вкусный. Сядь, — ласково и настойчиво сказал он ей, и она подчинилась. — Когда я был мальчишкой, — продолжал он, немножко помолчав, — карги напали на мою деревню и варварски разграбили ее. У них были длинные копыта с перьями...

Тенар кивнула.

— Воины Богов-Близнецов, — сказала она.

— Я сотворил... заклятие тумана. Чтобы сбить их с толку. Они все-таки прошли — некоторые из них. Я видел, как один напоролся прямо на вилы. И вилы проткнули его насквозь. Чуть ниже пояса.

— Этому ты попал в ребро, — сказала Тенар.

Он кивнул.

— Это было единственной твоей ошибкой, — сказала она. Зубы у нее стучали. Она отпила горячего чая. — Гед, а что, если они вернутся назад?

— Не вернутся.

— Они могут поджечь дом...

— Этот дом? — Он оглядел каменные стены.

— Сенник...

— Они не вернутся, — упрямо повторил он.

— Нет. Наверное, нет.

Они бережно держали чашки с чаем в ладонях, постепенно согреваясь.

— Девочка все это проспала.

— Ну и молодец.

— Но она увидит его... Здесь... утром...

Они уставились друг на друга.

— Лучше бы я его убил... лучше б он умер! — с яростью сказал Гед. — Я бы оттащил его подальше и закопал...

— Ну так сделай это.

Он только сердито помотал головой.

— Разве это имеет какое-то значение — когда? Почему, ну почему мы не можем этого сделать сейчас? — настаивала Тенар.

— Не знаю.

— Как только станет светло...

— Я увезу его из дома. На тачке, а старик мне поможет.

— Старик и поднять-то ничего не в силах. Я помогу тебе.

— Да ладно, я и сам могу все сделать. Отвезу его в деревню. Там есть какой-нибудь лекарь?

— Ведьма. Айви.

Внезапно Тенар почувствовала чудовищную, беспредельную усталость. Она едва могла держать в руках чашку.

— Там еще есть чай, — сказала она; язык едва ворочался во рту.

Он налил себе снова полную чашку.

Языки пламени плясали у нее перед глазами. Они плыли, взметались ввысь, опадали, снова разгорались, зажатые закопченными камнями, а темное небо постепенно светлело в потоках странного, словно вечернего света, лившегося из воздушных глубин, что за пределами этого мира... Языки пламени — желтые, оранжевые, оранжево-красные, красные... языки пламени, пламенные языки... сами слова она уже выговорить не могла.

— Тенар!

— Мы называем эту звезду Техану, — вдруг сказала она.

— Тенар, дорогая моя, пойдем. Пойдем со мной.

Они больше не сидели у очага. Они были в темной гостиной. В темном коридоре, в лабиринте... Они уже были там когда-то, вели друг друга, шли друг за другом — в темноте, под землей.

— Это верный путь, — сказала она.

ЗИМА

Она просыпалась, не желая проснуться. Слабый сероватый свет просачивался снаружи сквозь щели в ставнях на окне. А почему закрыты ставни? Она поспешно вскочила и прошла через прихожую в кухню. Никто больше не сидел у огня, никто не лежал на полу. Нигде не было ничьих следов — ничего! Кроме чайника и трех чашек на буфете.

Вскоре встало солнце, а за ним — и Терру; они, как обычно, позавтракали вдвоем; убирая со стола, девочка спросила:

— Что случилось?

И приподняла за уголок разорванную простыню, замоченную в тазу. Вода была мутной, красноватой от крови.

— А, это мои женские дела слишком рано начались, — ответила Тенар, удивленная собственной ложью и тем, как легко ее выговорила.

Терру некоторое время стояла неподвижно; ноздри ее раздувались; она была напряжена, словно зверь, почуявший запахи. Потом она опустила простыню в воду и вышла на двор — кормить цыплят.

Тенар чувствовала себя нездоровой: все тело ломило. Ей было по-прежнему холодно, так что она старалась не выходить из дому. Она попыталась было и Терру тоже держать при себе, но, когда порывы резкого холодного ветра совсем разогнали утренний туман и солнце засияло вовсю, Терру тут же потребовала, чтобы ее отпустили на улицу.

— Побудь с Шанди в саду, — сказала ей Тенар.

Терру ничего не ответила и выскользнула из дому.

Обожженная щека ее стала совершенно неподвижной из-за поврежденных мышц и грубых поверхностных шрамов,

однако шрамы несколько поблекли, да и Тенар давно привыкла не отводить глаз при виде этого уродства, а видеть под страшными шрамами лицо хорошенькой девочки, так что для нее теперь и эта половина лица Терру имела свое определенное выражение. Когда Терру бывала встревожена, ее сожженная щека как бы «закрывалась» — так казалось Тенар; когда же девочка бывала возбуждена или сгорала от любопытства, то казалось, что даже слепой ее глаз видит, а шрамы на лице краснели и становились горячими на ощупь. Сейчас же, когда Терру выходила из дому, то выглядела и вовсе необычно: лицо ее казалось вовсе не человеческим: оно будто принадлежало какому-то дикому созданию, зверю с грубой и толстой шкурой и единственным зрячим глазом, молчаливому и спасающемуся бегством зверю.

И Тенар прекрасно понимала: раз она сама только что вперые солгала Терру, то и Терру впервые в жизни сейчас ей не подчинится. В первый, но не в последний раз.

Она с усталым вздохом села у огня и некоторое время сидела так, в полном бездействии.

В дверь постучали: Чистый Ручей и Гед — нет, Хок, она должна называть его Хок — стояли на пороге. Старик жаждал высказаться и вид имел в высшей степени важный; Гед, темнокожий и спокойный, казался неуклюжим в своей уродливой пастушьей куртке.

— Входите, — сказала она. — Выпейте чаю. Что-нибудь случилось?

— Мерзавцы пробовали удрать в Вальмут! Да только королевские стражники из Кахеданана тут как тут — словили их, у Черри в сарае! — объявил, размахивая руками, Чистый Ручей.

— Так он жив? — Тенар охватил ужас.

— Тех двоих поймали, — ответил Гед. — Не его.

— Знаешь, тело-то крестьяне нашли на старой бойне, там, на Круглом Холме, — прямо всмятку все. Крестьян не меньше десятка было, так что кто-то за стражниками сбегал, да и пошли все вместе по следу. По всем деревням искали, а нынче утром, только-только рассвет занялся, их и нашли — в сарае у Черри. Они там закоченели совсем.

— Значит, он умер? — ошеломленно спросила Тенар.

Гед только что стряхнул с плеч свою тяжеленную куртку и, сидя на стуле возле двери, снимал кожаные гетры.

— Он-то жив, — Гед говорил совершенно спокойно. — Им Айви занимается. Я отвез его к ней утром на тележке. На дороге было полно людей, хотя еще и не рассвело как следует. Они за теми охотились. Эти негодяи там, в горах, женщину убили.

— Какую женщину? — прошептала Тенар.

Она смотрела Геду прямо в глаза. Он слегка кивнул.

Чистый Ручей намерен был во что бы то ни стало сам рассказать все и заговорил громко, перебивая Геда:

— Я-то с некоторыми тамошними говорил, так они рассказывают, что их четверо было; все слонялись без дела возле Кахеданана, палатки ставили, а женщина та часто в деревню приходила милостыню просить, вся избитая, ссадины да синяки по всему телу. Они ее такую-то специально посылали попрошайничать, мужики эти, чтобы добывала побольше; и она говорила людям, что ежели с пустыми руками вернется, так они ее еще пуще избьют. Ну так тамошние ей и говорят: чего ж назад-то возвращаться? Но если б она не вернулась, так те бы за ней непременно сами явились — так она сказала. А она всегда при них была, вместе они бродяжничали. Ну а потом-то они ее, видно, до смерти забили: перестарались. А тело оттащили на старую бойню да там и бросили; там, знаешь, все еще тухлятиной пахивало, так они, верно, думали, что это им следы замести поможет. А сами решили удрать по дороге вниз, сюда, в аккурат прошлой ночью. А ты чего ж на помощь-то не звала, не кричала? Гоха? Хок говорит, что тут они были, возле дома шастали, когда он на них набрел. Я бы точно тебя услышал, да и Шанди тоже, у нее-то уши поострее моих будут. Ты ей ничего еще не говорила, а?

Тенар покачала головой.

— Ну так я сейчас ей и расскажу, — заявил старик, обрадованный тем, что первым сообщит Шанди все новости, и заковылял через двор прочь. На полпути он обернулся и крикнул Геду: — Вот уж никогда не думал, что ты так с вилами управляешься! — и, смеясь, хлопнул себя по ляжкам.

Гед наконец стянул с ног тяжелые гетры, стащил грязные сапоги и выставил все это на крыльцо; потом в одних носках подошел к огню. Старые грубые штаны, рубаха из домотканой шерсти — настоящий гонтийский пастух с меднокожим лицом, ястребиным носом и ясными черными глазами.

— Скоро еще люди явятся, — сказал он. — Чтобы рассказать тебе ту историю и расспросить о том, что произошло здесь. Они поймали тех двоих в старом винном погребе, где и вина-то уже никакого нет; теперь человек пятнадцать—двадцать их сторожат, а два-три десятка мальчишек крутятся рядом и подглядывают... — Он зевнул, встряхнулся, а потом, взглянув на Тенар, попросил разрешения присесть у огня.

Она молча указала ему на стул.

— Ты, должно быть, до смерти измотался, — прошептала она.

— Я тут вчера немножко поспал. Просто не мог больше — глаза слипались. — Он снова зевнул. И пытливо посмотрел на нее, стараясь понять, о чем она думает.

— Это была мать Терру, — сказала она шепотом. Говорить громко она по-прежнему не могла.

Гед кивнул. Он сидел чуть сгорбившись и положив руки на колени — так, бывало, сидел и Флинт, глядя в огонь. Они были очень похожи и все же совсем разные — настолько разные, как зарывшийся в землю камень и парящая в поднебесье птица. У Тенар болело сердце, все кости ломило, а душа пре-бывала в смятении, мучимая дурными предчувствиями, тоской, не забытым еще страхом.

— Та ведьма раненого приняла, — сказал Гед. — Перевязала. По-моему, ему уже лучше. Она ему все дырки заткнула — паутиной и заклятиями, что кровь останавливают. Говорит, вылечу его специально, чтобы потом этого мерзавца повесили.

— Повесили?

— Теперь уж это дело Королевского Суда. Либо повесят, либо на каторгу сошлют.

Она хмуро покачала головой.

— Ты же не могла просто отпустить его, Тенар, — мягко сказал он, глядя на нее.

— Нет.

— Они непременно должны быть наказаны, — сказал он, по-прежнему не сводя с нее глаз.

— «Наказаны»... Да-да, *это же его слова! Накажем девочку.* Она плохая. Ее нужно наказать. Накажи и меня за то, что я ее взяла. За то, что... — ей было трудно говорить. — Я не хочу больше никаких наказаний!.. Этого вообще не должно было случиться... Лучше бы ты убил его!

— Я сделал все, что мог, — сказал Гед.

Она долго молчала, потом рассмеялась каким-то дребезжащим смехом:

— Да уж, это точно.

— Подумай, как легко это было бы, — проговорил он, снова уставившись на уголья, — если бы я был волшебником. Я мог бы наложить на них связующее заклятие еще там, на верхней дороге; они бы даже понять ничего не успели. Я мог бы один отвести их всех в Вальмут, словно стадо овец. Или прошлой ночью, здесь, — подумай! Какой отличный фейерверк я мог бы для них устроить! Они бы никогда и не догадались, что же с ними происходит.

— Они и сейчас не догадываются, — сказала Тенар.

Он быстро глянул на нее. В его глазах светился слабый отблеск торжества.

— Нет, — сказал он. — Не догадываются.

— Здорово с вилами управляться умеешь, — прошептала она. Он зевнул во весь рот.

— Может, ляжешь поспишь? Здесь есть свободная комната — из прихожей вторая дверь. Если только ты не намерен развлекать рассказами целую компанию: сюда, между прочим, идут Ларк и Дейзи, а еще целая куча детей. — Тенар поднялась, заслышав голоса.

— Пожалуй, я действительно лягу спать, — сказал Гед и тихо скользнул прочь.

Ларк с мужем и Дейзи, жена кузнеца, а потом и другие жители деревни целый день шли и шли к ней с рассказами и расспросами. Как ни странно, именно эти бесконечные разговоры и вернули ее к жизни, отвлекли от страшных воспоминаний о прошлой ночи; постепенно ей стало легче говорить об этом: теперь она чувствовала, что все это случилось уже давно, а не происходит с ней непрерывно и никогда не оставит ее душу в покое.

Именно этому должна научиться и Терру, подумала она, но только не за одну ночь: за целую жизнь.

Когда ушли остальные, Тенар сказала Жаворонку:

— Что меня больше всего бесит в самой себе, так это собственная глупость.

— Я же предупреждала: держи двери запертыми.

— Нет... Может быть... Да, наверное, в этом все и дело.

— Конечно.

— Нет, я хотела сказать, что, когда они были здесь... я могла бы выбежать, позвать стариков... может, даже прихватить с собой Терру... Или пойти в сарай и взять эти вилы сама... Или крюк для подрезки веток... В нем все-таки семь локтей длины, а лезвие острое как бритва, он у меня всегда в полном порядке, как у Флинта когда-то... Почему же я ничего этого не сделала? Почему?... Почему я просто заперлась в доме — ведь в этом не было ни малейшего смысла? Если бы он... если бы Хока тут не оказалось... Все, на что я была способна, — это загнать себя и Терру в ловушку. В конце-то я, правда, взяла большой нож, и вышла на крыльцо, и стала на них кричать... Я чуть с ума не сошла тогда. Но нож-то мой их бы, конечно, не отпугнул.

— Не знаю, — сказала Жаворонка. — Не уверена. Конечно, это было безумие, но, может... Не знаю. А что тебе еще оставалось? Только двери запереть. Мы, похоже, всю свою жизнь только и делаем, что двери запираем. Таков уж наш дом.

Вокруг них были каменные стены, напротив — каменный очаг; в окошко кухни ярко светило солнце; это был дом фермера Флинта.

— Та девушка, вернее, та женщина, которую они убили... — сказала Жаворонок, проникательно глянув на Тенар, — это та самая?

Тенар кивнула.

— Кто-то мне сказал, что она была беременна. Месяца четыре-пять.

Обе снова помолчали.

— Попалась в ловушку, — сказала Тенар.

Ларк сидела откинувшись назад, положив руки поверх своих тяжелых бедер, обтянутых юбкой; спина прямая, миловидное лицо печально.

— Страх, — сказала она. — Чего мы так боимся? Почему позволяем убеждать нас в этом? И чего бояться они сами? — Она подняла с пола чулок, который вязала, повертела его в руках, помолчала и наконец спросила: — Почему они так боятся нас?

Тенар пряла шерсть и ей не ответила.

Вприпрыжку вбежала Терру.

— Вот и девочка наша! — ласково приветствовала ее Ларк. — А ну-ка, подойди, дай я тебя поцелую, золотко ты мое!

Терру бросилась ей на шею.

— Что это за людей поймали в деревне? Кто они? — требовательно спросила она своим хриплым, лишенным выражения голосом, глядя то на Ларк, то на Тенар.

Тенар остановила веретено. И медленно ответила:

— Один из них был Ловкач. Второго звали Баклан. А того, что был ранен, звали Треска. — Она не сводила глаз с лица Терру и видела, как разгорается тот внутренний огонь, как краснеют шрамы. — А женщину, которую убили, по-моему, звали Сенни.

— Сенини, — прошептала девочка.

Тенар кивнула.

— Они ее совсем убили? До смерти?

Тенар снова кивнула.

— Головастик говорит, что они и сюда приходили?

Тенар кивнула еще раз.

Девочка обвела взглядом комнату, но вид у нее при этом был такой, словно она абсолютно ничего не воспринимала и не видела перед собой даже стен.

— Ты их убьешь?

— Они, возможно, будут повешены.

— Умрут?

— Да.

Терру кивнула — как-то полубезразлично. И снова убежала на улицу — играть с детьми Ларк у колодца.

Обе женщины долго молчали. Пряли шерсть и о чем-то думали в тишине у огня. В доме фермера Флинта.

Наконец Жаворонок нарушила молчание:

— А что с тем парнем, с пастухом, что пришел сюда за ними следом? Хок вроде бы его звать?

— Он спит. Там, — сказала Тенар, кивком указав на дальнюю комнату.

— Ага, — сказала Жаворонок и снова умолкла.

Жужжало веретено.

— Я знала его и до вчерашней ночи.

— Там, в Ре Альби, да?

Тенар кивнула. Веретено продолжало жужжать.

— Чтобы одному против троих выйти в темноте, да еще с вилами, — для этого теперь немалое мужество требуется. А он ведь к тому же не молод, верно?

— Нет. Не молод. — Тенар помолчала, потом прибавила: — Он сильно болел, и ему очень нужна была работа. Вот я его и послала сюда, чтобы Чистый Ручей ему на ферме работу подыскал. Но Чистый Ручей считает, что по-прежнему может сам со всем справиться, так что Хока он в горы отослал, на летние пастбища. Он как раз оттуда и возвращался.

— Ну так, я думаю, теперь ты его здесь оставишь?

— Если он захочет, — сказала Тенар.

Потом приходили еще люди, чтобы тоже послушать, что произошло с Гохой, и рассказать, какое участие сами принимали в поимке убийц; они рассматривали вилы с четырьмя длинными зубьями, вспоминали кровавые пятна на бинтах того типа по кличке Треска, а потом все начинали перемалывать сначала. Тенар даже обрадовалась, когда наконец наступил вечер; она позвала Терру домой и заперла все двери.

Она уже подняла было руку, чтобы задвинуть последний засов. И снова опустила ее, заставив себя уйти и оставить эту дверь незапертой.

— А в твоей комнате Ястреб спит, — сообщила ей Терру, возвращаясь в кухню с лукошком яиц, взятым в холодной кладовой.

— Я и забыла предупредить тебя, что он там... Ты уж меня прости.

— Но я же его знаю, — сказала Терру, старательно умываясь. А когда в кухню вошел Гед с припухшими глазами и всклоченной шевелюрой, девочка подошла прямо к нему и потянулась, чтобы его обнять.

— Здравствуй, Терру, — сказал он ласково, подхватил ее на руки и прижал к себе. Она легонько обняла его за шею и тут же высвободилась.

— Я знаю начало «Создания Эа», — сообщила она ему.

— Ты мне его споешь? — Снова взглядом спросив разрешения у Тенар, он сел на прежнее место у очага.

— Я могу только рассказать.

Он кивнул и приготовился слушать; вид у него при этом был довольно-таки суровый. Девочка продекламировала:

*Разрушив — создашь.
То конец ли? Начало?
Одно — из другого...
Кто знает наверно?
Одно лишь мы знаем:
Есть дверь меж мирами,
В нее мы уходим,
Навек расставаясь.
Но есть существа,
Что приходят обратно...
Среди них старейший —
Привратник Сегой...*

Голос девочки напоминал шуршание металлической щетки по металлу, или шорох сухих листьев, или шипение горящих дров... Когда она закончила первый стих «...из пены морской поднимается Эа, красою сияя», Гед коротко одобрительно кивнул.

— Хорошо, — сказал он.

— Вчера вечером, — сказала Тенар. — Только вчера вечером она это впервые услышала и выучила. А кажется, будто год назад.

— Я могу еще дальше выучить, — сказала Терру.

— И выучишь, — откликнулся Гед.

— А теперь закончи чистить кабачок, пожалуйста, — велела девочке Тенар, и та послушно принялась за работу.

— А мне что делать? — спросил Гед.

Тенар озадаченно посмотрела на него:

— Нужно принести воды для чайника...

Он кивнул и отправился к колодцу.

Они приготовили ужин, с аппетитом поели и вместе убрали со стола.

— Повтори-ка мне снова «Создание Эа» до того места, до которого помнишь, — попросил Гед девочку, когда они уселись у очага, — и мы с тобой пойдем дальше.

И она тут же выучила второй стих, повторив его один раз вместе с Гедом и еще один раз вместе с Тенар, а потом — самостоятельно.

— А теперь марш в кровать, — сказала Тенар.

— А ты не рассказала Ястребу о короле?

— Лучше ты сама ему расскажи, — сказала Тенар, обрадованная поводом для того, чтобы пока не оставаться с Гедом наедине.

Терру встрепенулась. Лицо ее — обе его половины — горело воодушевлением.

— Тот король приплыл на корабле. У него был меч. А еще он дал мне дельфинчика из кости. И корабль его летел как птица, только я тогда болела, потому что до меня дотронулся Ловкач. А король взял да и тоже дотронулся, и та противная отметина исчезла. — Она показала ему свою нежную тонкую ручонку. Тенар тоже посмотрела. О следах, оставленных пальцами Ловкача, она совсем позабыла. — Когда-нибудь я хотела бы полететь туда, где он живет, — сообщила Ястребу Терру. Он кивнул. — Я непременно полечу! А ты его знаешь?

— Да. Я его знаю. Мы вместе были в одном очень долгом путешествии.

— Где это?

— Там, где солнце не встает и не загораются звезды. И мы вместе вернулись из этой страны.

— А вы с ним летели?

Гед покачал головой.

— Я умею только ходить, — сказал он спокойно.

Девочка задумалась, а потом, словно весьма удовлетворенная собственными мыслями, сказала:

— Спокойной ночи, — и пошла в свою комнату. Тенар хотела было проводить ее и спеть колыбельную, но Терру не захотела. — Я лучше расскажу «Создание» в темноте, — сказала она. — *Оба стиха.*

Тенар вернулась на кухню и села напротив Геда.

— Как быстро она меняется! Мне за ней не успеть. Слишком стара, видно, чтобы ребенка воспитывать. А она... Она меня, конечно, слушается, но только потому, что сама так хочет.

— Это единственное оправдание для послушания, — заметил Гед.

— Но если уж ей взбредет в голову меня не послушаться, то с ней не сладить! Есть в ней что-то дикое. Иногда она — моя

девочка, моя Терру, иногда же — совсем иное существо, недосягаемое для меня, неведомое. Я спрашивала Айви, не стоит ли отдать Терру ей в ученицы. Это Бук мне посоветовал. Но Айви сразу отказалась. «Почему же нет?» — спросила я. «Я ее боюсь!» — сказала она... Но ведь ты ее не боишься? Как и она тебя. Ты и Лебаннен — единственные мужчины, которым она позволяет себя касаться. Я не смогла помешать этому... этому Ловкачу... не могу об этом говорить! Ох как я устала! Я уже ничего не соображаю...

Гед положил в очаг толстое полено — чтобы горело потихоньку, медленно, и оба они некоторое время молча смотрели, как извиваются и дрожат языки пламени.

— Я бы хотела, чтобы ты остался здесь, Гед, — сказала Тенар. — Если тебе это по душе, конечно.

Он ответил не сразу, и она спросила:

— Может быть, ты собираешься в Хавнор?..

— Нет, нет. Мне некуда идти. Я просто искал работу.

— Ну что ж, здесь работы полно. Старик, правда, так не считает, однако при его артрите он теперь годится разве что за садом присматривать. Мне все время очень нужен был помощник — с тех самых пор, как я вернулась. Я бы могла, разумеется, выругать этого упрямца за то, что он отослал тебя в горы, но это бесполезно. И слушать бы не стал.

— Мне это только на пользу пошло, — сказал Гед. — Больше всего мне нужно было время.

— Ты там овец пас?

— Коз. На самых верхних пастбищах, почти там, где начинаются голые скалы. Мальчишка, которого они наняли раньше, заболел, так что Серри послал меня туда в первый же день. Коз ведь держат наверху до поздней осени, до самых холодов, чтобы подшерсток гуще стал. А последний месяц я там жил практически совсем один. Серри прислал мне эту вот куртку и кое-какие припасы и просил оставаться в горах так долго, как только смогу. Вот я и остался до самых морозов. Там, в горах, замечательно было!

— Одиноко, наверно, — сказала она.

Он кивнул, чуть улыбнувшись.

— Ты всегда был одиноким.

— Да, всегда.

Она промолчала. Он посмотрел на нее.

— Я рад буду работать у тебя на ферме, — сказал он.

— Значит, решено, — сказала она. И чуть погода прибавила: — Уж по крайней мере хоть зиму-то пробудешь?

В тот вечер подморозило еще сильнее. Мир вокруг совсем затих, слышался лишь шепот огня. Молчание было ощути-

мым, словно присутствие рядом с ними кого-то третьего. Тенар подняла голову.

— Ну хорошо, Гед, — сказала она и посмотрела прямо на него. — А в чей постели мне теперь спать? В постели Терру или в твоей?

Он затаил дыхание. Потом тихо сказал:

— В моей. Если захочешь.

— Захочу.

Молчание, казалось, теперь опутало его по рукам и ногам. Было заметно, какие усилия он прилагает, чтобы высвободиться из этих пут.

— Если у тебя хватит терпения... — проговорил он.

— У меня хватило терпения на целых двадцать пять лет, — сказала она. Посмотрела на него внимательно и засмеялась. — Ну же... ну, ну, дорогой мой!.. Лучше поздно, чем никогда! Я, конечно, теперь всего лишь старуха... Ничто не проходит даром, ничто никогда не проходит даром. Ты сам учил меня этому. — Она встала. Поднялся и он. Она протянула ему руки, и он взял их в свои. Потом они обнялись — все теснее и теснее сжимая объятия. И столько в этих объятиях было страсти и нежности, что все вокруг как бы перестало для них существовать: в этом мире были сейчас только они одни. Не имело никакого значения, в какой постели они собираются спать. В ту ночь они легли прямо на каменный пол у очага, и там она открыла Геду ту тайну, которую не смог бы ему открыть даже самый мудрый волшебник.

Один раз он встал, чтобы подбросить дров в огонь, а со скамьи снял ту красивую козью шкуру и постелил им на пол. Тенар ни слова не возразила. Укрылись они ее плащом и его курткой из овчины.

Оба проснулись на рассвете. Слабый серебристый свет окутывал полуоблетевшие ветви дубов за окном. Тенар потянулась всем телом и почувствовала живое тепло лежащего рядом с ней человека. Потом прошептала:

— Он тоже лежал здесь. Тот тип по прозвищу Треска. На этом самом месте, на полу...

Гед что-то слабо негодуяще промычал в ответ.

— Вот теперь ты настоящий мужчина, — сказала Тенар. — Сперва вилами превратил в решето бандита, потом с женщиной ночь провел... По-моему, именно в таком порядке обычно и получается.

— Помолчи, — прошептал он, поворачиваясь и кладя голову ей на плечо. — Не надо.

— Буду! Ах, Гед, бедняга! Нет во мне жалости, только справедливость. Меня жалости не учили. Умение любить — вот

единственная милость, которая была мне дарована. Ах, Гед, не бойся меня! Ты же был мужчиной, когда я впервые увидела тебя! Не оружие и не женщина делают мужчину мужчиной; и не магия, и не какая-нибудь иная сила — только он сам!

Они лежали в тепле и молчании, исполненном нежности.

— Расскажи мне что-нибудь.

Он в ответ сонно пробормотал что-то невнятное.

— Как тебе удалось расслышать, что они говорят? Треска, Ловкач и тот, третий? Как тебе удалось оказаться именно там и именно в нужный момент?

Гед чуть приподнялся на локте, чтобы видеть ее лицо. Его собственное лицо казалось сейчас таким беззащитным, на нем была написана такая детская радость и такая нежность, что Тенар пришлось подтянуться и коснуться его губ там, куда она впервые его поцеловала несколько месяцев назад, и он, конечно, тут же снова обнял ее, и разговор свой дальше они продолжали уже без слов.

Были кое-какие формальности, которые необходимо было соблюсти. Во-первых, сообщить Чистому Ручью и прочим арендаторам, что она заменила «старого хозяина» новым работником. Это она проделала быстро и решительно. Они ничего не могли с этим поделать, впрочем, им в данном случае ничто и не грозило. Вдова могла владеть собственностью покойного мужа, только если у того не было ни одного наследника мужского пола. Единственным наследником Флинта был его сын, моряк, так что вдова просто как бы вела хозяйство на ферме в его отсутствие. Если бы она умерла, тогда в отсутствие наследника хозяйство вел бы Чистый Ручей; а если бы ее сын так никогда и не востребовал бы своего наследства, ферма отошла бы дальнему родственнику Флинта, жившему в Кахеданане. Так что обе пары, давно арендовавшие эти земли, могли не опасаться быть изгнанными из своих жилищ тем, кого вдова наймет на работу, даже если бы она вышла за этого человека замуж. Однако Тенар опасалась, что старики обвинят ее в недостаточной верности памяти Флинта, которого они, в общем-то, знали куда дольше, чем она. К ее радости, впрочем, они вовсе не возражали против такого решения. Хок завоевал их вечное расположение одним-единственным удачным ударом вилами. Кроме того, с точки зрения их всех, желание Гохи иметь в доме мужчину, который способен ее защитить, было вполне разумным. Если же Гоха допустит его в свою постель — что ж, аппетиты вдовушек давно вошли в пословицу. Да к тому же она ведь нездешняя...

Отношение остальных жителей деревни к случившемуся было примерно таким же. Немного пошептались, посплетничали — вот и все. Оказалось, что быть уважаемой женщиной куда легче, чем полагала тетюшка Мох. А может, старые вещи просто всегда меньше ценятся?

Она чувствовала себя настолько замаранной и униженной тем, что они так легко все это приняли, как если бы все было как раз наоборот. Одна лишь Ларк несколько не угнетала ее — она вообще ни слова не сказала ни в похвалу, ни в осуждение; она видела, что происходит между этими двоими, наблюдала за ними с интересом, с любопытством, с завистью, но, в общем, доброжелательно.

Ибо старинная подруга Тенар видела Хока не сквозь расхожие слова «пастух», «работник», «вдовушкин ухажер». Впрочем, она замечала многое такое, что ее озадачивало. Например, его достоинство и простота были вроде бы самыми обычными, такими же, как у многих, кого Ларк знала, но как бы отличались от них по качеству; в нем всегда чувствовалась некая значимость, некое не сразу заметное глазу величие души и ума. Она как-то сказала Айви:

— Этот человек не всю свою жизнь среди коз провел. Он о мире знает куда больше, чем о крестьянском труде.

— Я бы иначе сказала: он либо колдун, кем-то проклятый, либо волшебник, отчего-то силу свою утративший, — откликнулась ведьма. — Такое случается.

— А-а-а... — только и промолвила Ларк.

Так или иначе, но само звание Верховный Маг было слишком пышным и величественным, оно больше годилось для королевских приемов и дворцов, а не для этого темноглазого седоволосого человека с Дубовой Фермы, так что Ларк оно никогда и в голову не приходило. А если бы пришло, то она уже никогда бы не смогла чувствовать себя с ним так естественно и просто, как теперь. Даже сама мысль о том, что Хок, возможно, когда-то был колдуном, несколько встревожила ее. Слово «колдун» как бы мешало ей воспринимать его таким, какой он есть, пока она снова не увидела его совсем иными глазами. Он в тот момент сидел на одной из старых огромных яблонь, срезая высохшие сучья, и поздоровался с ней оттуда, сверху. До чего же на коршуна похож, подумала она, особенно когда сидит вот так, нахохлившись, на ветке! И она приветливо помахала ему рукой и улыбнулась.

Тенар так и не забыла того вопроса, который задала Геду, когда они лежали на каменном полу у очага, накрывшись курткой из овчины. Она снова задала его несколькими днями позже — время для них теперь пролетало легко и приятно в этом

доме с мощными каменными стенами, окруженном зимними снегами.

— Ты так и не объяснил мне, — сказала она, — как же все-таки тебе удалось услышать, о чем они говорили тогда, на верхней дороге.

— По-моему, я рассказывал тебе, что шел по обочине, почти невидимый, когда эти люди нагнали меня.

— Почему по обочине?

— Потому что я был один и знал, что на дороге хозяйничают бандиты.

— Да, конечно... Но, значит, когда они поравнялись с тобой, Треска уже говорил о Терру?

— По-моему, в этот момент он говорил о Дубовой Ферме.

— Возможно. Во всяком случае, звучит очень убедительно.

Понимая, что это не потому, что она не верит ему, он решил подождать, что она скажет еще.

— Такое порой случается — но только с волшебниками, — сказала Тенар.

— И с другими людьми тоже.

— Возможно.

— Дорогая моя, ты ведь не хочешь... убедить меня в том, что силы мои вернулись?

— Нет. Нет, совсем нет. Это было бы просто глупо с моей стороны. Ведь, если бы ты снова стал волшебником, тебя бы здесь уже не было, верно?

Они лежали на широкой кровати с дубовой рамой, тепло укрытые овечьими шкурами и пуховыми одеялами, потому что в этой комнате не было очага, а ночь стояла морозная, да и снег давно уже выпал.

— Я вот что хочу понять: нет ли чего-то еще помимо того, что вы называете волшебной силой, такого, что появляется как бы до нее? Или чего-то большего, чем волшебная сила, которая сама по себе является только частью этого большего? Ну вот, например, Огион говорил, что еще до того, как ты успел чему-то научиться, познал волшебную премудрость, ты *уже был магом. Прирожденным магом*, так он говорил. Так что мне всегда казалось, что для того, чтобы обладать волшебной силой, чтобы воспринять ее, нужно иметь в своей душе какое-то особое место. Некую пустоту, которую необходимо заполнить. И чем больше будет в душе этого места, тем больше поместится там волшебной силы. Но если волшебной силы вообще не дать, или если ее отобрать, или если самому ее отдать, то место-то для нее в душе все равно останется?

— Только пустота, — сказал Гед.

— «Пустота» — это всего лишь слово, одно из тех, которыми можно назвать это незаполненное место в душе. Может быть, и не самое правильное слово.

— Способность? — полувопросительно произнес он и покачал головой. — Предрасположенность?..

— Мне кажется, что ты оказался там, на верхней дороге, именно в том месте и именно в тот час, благодаря этому качеству — благодаря тому, что с тобой такое может произойти. Ты не сам заставляешь события свершаться. Ты их не вызываешь. И тот случай тоже не был связан с твоей «волшебной силой». Это просто с тобой *случилось*. Из-за твоей способности... из-за этой «пустоты» в твоей душе.

Помолчав немного, он сказал:

— Все, что ты говоришь, очень похоже на то, чему меня в юности учили на острове Рок: настоящая Магия призывает делать только совершенно необходимое. Но этот закон имеет свое продолжение: не делать что-то самому, а быть вынужденным что-то сделать...

— Не думаю, что это так уж верно. Больше похоже на объяснение причин великих деяний. Разве ты не пришел и не спас мне жизнь? Разве не проткнул этого мерзавца вилами? Вот это и было «действием», настоящим, таким, которое ты должен был совершить...

Гед снова задумался и наконец спросил:

— Этой премудрости тебя учили, когда ты была жрицей Гробниц?

— Нет, — она потянулась, глядя в темноту, — Ару учили: для того чтобы быть могущественной, нужно приносить жертвы. Себя и других людей. Сделка такая: отдай — и получишь. И не могу сказать, что это так уж неверно. Но душе моей тесно в этих рамках — око за око, зуб за зуб, смерть за жизнь... Есть некая свобода за пределами этого порядка. За пределами неизбежной расплаты, неизбежного возмездия, неизбежного искупления — за пределами всех сделок и всякого равновесия сил — там, за пределами всего этого существует свобода...

— *Есть дверь меж мирами*, — сказал он тихонько.

В ту ночь Тенар снился сон. Ей снилось, что она видит эту дверь меж мирами из «Создания Эа». Она была похожа на небольшое окошко из толстого пузырчатого мутного стекла, прорубленное низко в западной стене какого-то старого дома, стоящего над морем. Окно было крепко заперто и закрыто прочными ставнями. Тенар хотела открыть его, но существовало какое-то слово, какой-то ключ, что-то в этом роде, что она позабыла — слово ли, ключ ли или чье-то имя, — и никак

она не могла открыть окошко. Она искала и искала этот потерянный, забытый ключ в комнатах с каменными стенами, и комнат становилось все меньше, и стены все сдвигались, и со всех сторон наступала темнота... и тут она почувствовала, что Гед обнимает ее, пытаясь разбудить и успокоить, и все приговаривает:

— Все в порядке, родная моя, успокойся, все будет в порядке!

— Я не могу стать свободной! — заплакала она, прижимаясь к нему.

Он успокаивал ее, гладил по голове; потом они снова улеглись, прижавшись друг к другу, и он прошептал:

— Посмотри.

Светила полная луна. Ее сияние, отражаясь от только что выпавшего снега, наполняло комнату холодным белым светом, потому что, несмотря на мороз, закрывать ставни Тенар не хотелось. Светился весь воздух вокруг. Изголовье кровати было в тени, но казалось, что потолок над их головами — всего лишь тонкая прозрачная вуаль, за которой открываются бесконечные серебристые спокойные глубины света.

В ту зиму на Гонте выпали глубокие снега, да и сама зима была долгой. Урожай был очень хорош. Для людей и животных еды хватало, а дел особых зимой не было, разве что готовить еду да сохранять тепло в доме.

Терру выучила «Создание Эа» до конца, а после нее — «Зимнюю Песнь» и «Подвиг юного короля». Она умела сделать аппетитно румяной корочку пирога, умела отлично прясть, знала даже, как изготовить мыло. Она знала название и применение каждой травинки, что появлялась из-под снега, и выучила много еще всего о травах и народной мудрости и о том, что Гед хранил в своей памяти с тех пор, как сам учился у Огиона и в Школе Волшебников. Но он так и не снял с полки Книгу Рун, как и ни одну другую книгу Огиона, и не научил девочку ни единому слову из Речи Созидания.

Они с Тенар часто говорили об этом. Она рассказала ему, как однажды пыталась научить Терру одному-единственному слову — «ток», — а потом вдруг бросила это занятие: что-то смущало, даже пугало ее, хотя она и не понимала, что именно.

— Я тогда решила, что, может быть, это потому, что сама я никогда по-настоящему не пользовалась Истинной Речью и никогда не занималась Магией. И, наверно, девочке лучше учиться Языку Созидания у настоящего волшебника, который им пользуется постоянно.

— Такого волшебника не существует.

— А уж волшебницы и подавно.

— Я хотел сказать, что только драконы пользуются Истинной Речью как своей родной.

— А они учат этот язык?

Застигнутый этим вопросом врасплох, он ответил не сразу, по всей очевидности припоминая все то, что ему когда-либо довелось узнать о драконах.

— Не знаю, — сказал он наконец. — Да и что мы, в сущности, знаем о них? Испытывают ли они желание передавать знания — как это делаем мы — от матери к ребенку, от старшего к младшему? Или они, подобно животным, чему-то учатся в процессе жизни, но большую часть знают от рождения? Нам ведь неведомо даже это. Но на мой взгляд, сам дракон и речь его суть едины. Одно существо.

— И они не говорят ни на одном другом языке?

Он кивнул.

— Они ничему не учатся, — сказал он. — Они просто существуют.

В кухню вбежала Терру. Одной из ее обязанностей было постоянно пополнять короб со щепой для растопки, и она как раз была занята этим, одетая в теплую куртку из овчины, перешитую Тенар, и такую же шапку. Девочка рысцой бегала туда-сюда — из дровяного сарая в кухню и обратно. Вытряхнув очередную порцию щепок в короб, стоявший у камина в углу, она снова убегала.

— Что это она такое поет? — спросил Гед.

— Терру? Поет?

— Да, когда остается одна.

— Но она никогда не поет! Она не может петь.

— Поет по-своему. «На самом далеком западе...»

— А! — воскликнула Тенар. — Это та старая история! Неужели Огион никогда не рассказывал тебе о Женщине из Кимея?

— Нет, — сказал Гед, — расскажи мне, пожалуйста.

И Тенар рассказала ему под жужжание веретена — отличный аккомпанемент для длинного рассказа. А под конец она прибавила:

— Когда Мастер Ветродуй рассказал мне, почему он приехал искать «одну женщину с Гонта», я сразу подумала о ней, об этой Женщине из Кимея. Но она теперь, уж конечно, умерла. Да и разве может какая-то рыбачка — пусть она даже раньше и была драконом — стать Верховным Магом Земноморья?

— Ну, Путеводитель ведь не сказал, что некая женщина с острова Гонт непременно должна стать Верховным Магом, — возразил Гед. Он старательно штопал свои чудовищно изношенные штаны, сидя возле окна и пытаясь поймать остаток света уходящего серого дня. Прошло уже с полмесяца после Солнцеворота, но все еще было очень холодно.

— Но что же он в таком случае имел в виду?

— «Одну женщину с Гонта». Так и ты мне сказала.

— Но они же спрашивали: кто должен стать следующим Верховным Магом?

— И не получили ответа на этот вопрос.

— *Бесконечны споры магов между собой*, — сухо и разочарованно проговорила Тенар.

Гед перекусил нитку и аккуратно смотал оставшийся конец.

— На Роке меня немного учили играть словами, — согласился он. — Но это вовсе не словесная головоломка, так мне кажется, Тенар. «Одна женщина с Гонта» не может стать Верховным Магом. Ни одна женщина на свете не может им стать. Она разрушит само это понятие, став им. Маги острова Рок — всегда только мужчины; их волшебство — это волшебство мужчин; их знания — это знания мужчин. То, что они мужчины, как и то, что они волшебники, имеет одно основание: власть и могущество принадлежат мужчинам. Если бы у женщин была власть, то кем бы должны были считаться мужчины, как не женщинами, которые не способны вынашивать детей? И кем бы считались женщины, как не мужчинами, которые могут родить ребенка?

— Ха! — выдохнула Тенар и быстро, не без лукавства спросила: — А разве в мире никогда не было королев? Разве великие королевы не были просто женщинами, наделенными властью?

— Королева — это всего лишь женщина-король, — отрезал Гед.

Тенар презрительно фыркнула.

— Я хотел сказать, что королевскую власть ей дали мужчины. Они дали ей возможность воспользоваться их властью. Но ей самой эта власть не принадлежит, разве не так? Так. И вовсе не потому она облечена властью, что является женщиной, но вопреки этому.

Она кивнула. Она сидела очень прямо, отодвинувшись от своего веретена.

— В чем же тогда могущество женщины? — спросила она.

— Не думаю, чтобы мы это понимали.

— Когда же, в таком случае, женщина обретает могущество, будучи всего лишь женщиной? Родив детей, я полагаю? На какое-то время...

— В своем доме — быть может.

Она оглядела кухню.

— Но все двери закрыты, — сказала она, — все двери закрыты.

— Потому что вам, женщинам, цены нет.

— О да! Мы поистине драгоценны. До тех пор, пока бесценны... Я помню, когда я впервые поняла это! Косил запугала меня — меня, Единственную Жрицу Гробниц! И я поняла, что совершенно беспомощна. У меня были почести; но власть была у нее — она получила ее от Короля-Бога, от мужчины. Ах, как это злило меня! И пугало... Мы с Жаворонком как-то раз говорили об этом. Она сказала: «Почему все-таки мужчины так боятся женщин?»

— Если сила твоя покоится только на слабости другого, ты живешь в постоянном страхе, — промолвил Гед.

— Да, но женщины, похоже, страшатся собственной силы, боятся самих себя.

— А разве их когда-нибудь учат в себя верить? — спросил Гед, и тут как раз снова вошла занятая своими делами Терру. Гед и Тенар посмотрели друг на друга.

— Нет, — сказала Тенар. — Верить в себя нас вовсе не учат. — Она смотрела, как девочка вытряхивает щепки в короб. — Если власть — это вера в себя, — продолжала она, — то мне это слово нравится. Если же нет — то все эти бесконечные ступени... король, повелитель, маг, хозяин... Все это кажется мне таким ненужным. Настоящая власть, настоящая свобода должна была бы покоиться на вере и доверии, а не на силе и насилии.

— На вере, подобной вере детей в своих родителей, — сказал Гед.

Оба помолчали.

— При существующем порядке вещей, — сказал он, — даже вера портит человека. Мужчины на острове Рок верят и доверяют друг другу. Их власть чиста, ничто не пятнает ее чистоты, и чистоту этой власти они принимают за мудрость. Они и представить себе не могут, что это неверно.

Тенар вскинула на него глаза. Гед никогда прежде не говорил так о Мастерах острова Рок — совершенно свободно, совершенно независимо.

— Может быть, нужно, чтобы там появились женщины — просто чтобы эти мудрецы знали, что и они могут ошибаться, — сказала она, и он рассмеялся.

Тенар снова запустила веретено.

— Я по-прежнему не понимаю, почему, если могут существовать женщины-короли, то не могут существовать женщины-маги?

Терру внимательно слушала.

— Горячий снег, сухая вода! — Это была гонтийская поговорка. — Королям власть дается другими людьми. Сила же мага принадлежит только ему — она в нем самом и дается от рождения.

— И она остается чисто мужской силой — это потому, что никто из нас даже не знает, что представляет собой сила женская. Ну хорошо. Понимаю. Но в таком случае почему же они никак не могут подыскать нового Верховного Мага — мужчину?

Гед изучал обветшавший, облохматившийся шов на своих штанах.

— Что ж, — сказал он, — если тогда Путеводитель и не ответил на их вопрос, то он по крайней мере дал ответ на вопрос, которого они не задавали. Может быть, им нужно лишь задать его.

— Это что же, загадка? — спросила Терру.

— Да, — сказала Тенар. — Но самой загадки мы не знаем. Мы знаем только отгадку. А она такова: «Одна женщина с Гонга».

— Но ведь их так много! — сказала Терру, немного подумав. И, явно довольная собой, отправилась за очередной порцией щепок.

Гед смотрел ей вслед.

— Все переменялось, — сказал он. — Все... Иногда я думаю, Тенар... мне хотелось бы знать: а вдруг правление короля Лебаннена — это только начало. Та дверь меж мирами... А сам он — Привратник у этой двери. Чтобы просто так пройти было нельзя.

— Он кажется таким юным, — нежно сказала Тенар.

— Столь же юным был и Морред, когда встретил Черные Корабли. Столь же юным был и я сам, когда... — Он умолк, глядя в окошко на серые замерзшие поля, просвечивающие сквозь оголенные ветви деревьев. — Или ты, Тенар, в той темнице... Где кончается юность, где начинается зрелость? Не знаю. Иногда мне кажется, что я прожил тысячу лет, иногда — что жизнь моя не длиннее полета ласточки, увиденной в маленькое окошко. Я уже умирал и снова возродился, и в Пустынной стране, и здесь, под живым солнцем, это происходило не один раз. А песни о Создании учат нас, что все мы лишь вернулись сюда и будем вечно возвращаться к источнику жиз-

ни, и источник этот неисчерпаем. И жизнь после смерти... Я думал об этом там, высоко в горах, когда пас коз, и день длился вечно, и все же вечер и утро почему-то мгновенно сменяли друг друга... Я учился козьей мудрости. Так мне думалось. Так о чем же я грущу? Кого из людей оплакиваю? Верховного Мага Геда? Но зачем из-за него пастуху Хоку так горевать и так стыдиться? Да и что я сделал такого, чего мне следовало бы стыдиться?

— Ничего, — сказала Тенар. — Никогда и ничего!

— О да, — сказал Гед. — Все величие человека основано на чувстве стыда, оно как бы выросло из него. Вот потому-то пастух Хок оплакивал Верховного Мага Геда. А еще — пас коз, как это мог бы делать любой мальчишка, каким и сам пастух Хок был когда-то...

Тенар немного помолчала, потом улыбнулась. И чуть застенчиво сказала:

— Тетушка Мох говорила, что тебе тогда было лет пятнадцать?

— Да, почти. Огион совершил обряд и дал мне имя где-то осенью, а следующим летом я отбыл на Рок... Кто был тот мальчик? Пустота в душе... предрасположенность... свобода — за запертой дверью...

— Кто такая Терру, Гед?

Он не отвечал так долго, что она уж решила, что он и не собирается этого делать, но тут он сказал:

— Она же такая... какая свобода ей еще требуется?

— Значит, наша свобода — в нас самих?

— Думаю, что так.

— Ты, обладая своим могуществом, казался настолько свободным, насколько это вообще возможно. Но какой ценой? Что делало тебя свободным? А я... Меня сделали, вылепили, словно из глины, своей волей те женщины, что служили Древним Силам или мужчинам, которые владели всем — храмами, дорогами, площадями — не знаю уж теперь, чем еще. Потом я стала свободной — с тобой — и была какое-то время свободной с тобой и с Огионом. Но то была не моя свобода. То была свобода выбора; и я сделала выбор. Я сама вылепила из себя нечто пригодное для нужд фермы и ее хозяина и наших детей. Я превратилась в глиняный сосуд. Его форму я знаю. Но не знаю состава той глины. Жизнь была во мне ключом, это был танец жизни. Я танцевала разные танцы. Но не знаю, кто же танцор.

— А она, — проговорил Гед после долгого молчания, — если она когда-нибудь начнет свой танец...

— Ее станут бояться, — прошептала Тенар. Тут снова вошла Терру, так что разговор переключился на квашню с тестом, что подходило у печки. Разговор их лился мирно и тихо, переходя от одной темы к другой и снова возвращаясь к прежней, словно по кругу, так промелькнула незаметно половина короткого дня; они часто затевали такие разговоры, прядя, сшивая свои жизни воедино, скрепляя их словами, годами и поступками и теми мыслями, которые были у каждого из них в отдельности. Потом снова умолкали, работали, думали и мечтали, и молчаливая девочка была с ними вместе.

Так прошла зима, начался сезон скота, и какое-то время от работы было не продохнуть, тем более что дни становились все длиннее и светлее. Потом с южных солнечных островов прилетели первые ласточки — из Южного Предела, оттуда, где звезда Гобардон светит в созвездии Конца; но все ласточки говорили друг с другом только о том, что жизнь начинается снова.

МАСТЕР

С возвращением весны между островами, подобно ласточкам, начали порхать парусные суда. В деревнях судачили, перемывая слухи из Вальмута о том, что король объявил охоту на морских бандитов, на пиратов-грабителей, лишал богатства вожakov, оставляя буквально нищими, конфискуя их суда и состояния. Сам Лорд Гено выслал три своих лучших, самых быстрых корабля под командованием старого морского волка, колдуна Талли, которого боялись все торговые суда от Солеа до Андрадских островов; пиратские корабли намеревались изгнать королевский флот из Оранеи и уничтожить его. Но в гавань Вальмута вскоре вошел тем не менее именно королевский корабль, и на борту его находился морской волк Талли, закованный в цепи. Корабль привез приказ: срочно доставить Лорда Гено в Порт Гонт и там подвергнуть его допросу по поводу бесконечных пиратских налетов и убийств. Гено забаррикадировался в своем каменном доме на холме, что неподалеку от Вальмута, однако забыл развести в камине огонь, поскольку стояли теплые весенние деньки, так что пятеро или шестеро молодых королевских воинов влезли в дом через каминную трубу и захватили Гено, а потом в окружении целого отряда стражников провели его по улицам Вальмута, прежде чем отправить в Порт Гонт, где он должен был предстать перед судом.

Услышав об этом, Гед сказал с любовью и гордостью:

— Все, что подвластно королю, он делает хорошо.

Ловкач и Баклан тоже вскоре отправились под конвоем по северной дороге в Порт Гонт, а вскоре и Треска, когда

поджили его раны, последовал за ними. Их должны были судить королевским судом за убийство. Новость о том, что негодяев сослали на галеры, была встречена с огромным удовлетворением, и жители Срединной Долины поздравляли друг друга с таким поворотом событий, хотя Тенар и Терру, жавшаяся к ней, слушали все это молча.

Приплывали и разные другие корабли, привозившие различных королевских чиновников и офицеров; эти не так хорошо и без особой радости принимались горожанами и крестьянами — грубоватыми гонтийцами: королевские шерифы, являвшиеся с ревизией деятельности бейлифов и офицеров, призванных охранять покой и порядок, слышали немало жалоб и нареканий от простых людей; то и дело заявлялись сборщики податей; бывали и благородные гости, которых интересовала верность вассалов — мелких князьков с острова Гонт — им самим и его величеству королю Земноморья. Заезжали и различные волшебники всех мастей; их встречали повсюду, но, похоже, проку от них было мало, да и поговорить с ними как следует не удавалось.

— Мне кажется, что в конце концов они решили учинить настоящую охоту на нового Верховного Мага, — сказала Тенар.

— Или ищут вредных колдунов, — предположил Гед, — ведь колдовство теперь как бы сбилось с пути.

Тенар хотела было сказать: «Ну, тогда они непременно должны были бы заглянуть в поместье Лорда Ре Альби!», но язык ее словно прилип к гортани. «Что же это такое я сказать собиралась? — пыталась вспомнить она. — Неужели я никогда не рассказывала Геду... ах, я становлюсь забывчивой! Что же это такое я хотела ему сказать? Ах вот что: нам бы надо починить ворота на нижнем пастбище, пока коров на поскотину не выпустили».

Всегда находилась масса неотложных дел по хозяйству, которые заслоняли собой все остальное. «Одного дела тебе всегда мало», — говаривал когда-то Огион. Даже теперь, когда ей помогал Гед, все ее мысли и время были посвящены ферме. Он делил с ней и хлопоты по дому, чего Флинт не делал никогда; но Флинт был фермером, а Гед — волшебником. Он быстро учился всему, но учиться нужно было еще многому. Они все время работали. На беседы же времени почти не оставалось. Вечером они вместе ужинали, потом вместе ложились спать и вместе просыпались на рассвете, снова принимаясь за работу, и так по кругу, по кругу — словно крути на воде, словно водяная мельница, что без конца поднимает полные ведра и опу-

скает пустые, и дни изливались на землю, точно полные ведра прозрачной колодезной воды.

— Здравствуй, мать, — окликнул ее как-то тощий парень у ворот. Ей показалось, что это старший сын Ларк, и она приветливо спросила:

— Тебе чего, милый? — Она была занята: кормила кудахчущих кур и важных гусей. Потом взгляделась в него снова и крикнула: — Искорка! — и бросилась к нему, распугав птицу.

— Ну ладно, ладно, — сказал он. — Хватит тебе.

Он позволил ей поцеловать себя и даже погладить по щеке. Потом вошел в дом и сел в кухне за стол.

— Может, поешь? А Яблочко ты не видел?

— Поесть можно.

Она опрометью бросилась в битком набитую кладовую.

— Ты на каком корабле служишь? Все еще на «Чайке»?

— Нет. — Он помолчал. — С моим кораблем покончено.

Она в ужасе обернулась:

— Потонул?

— Нет. — Он невесело усмехнулся. — Команда разбежалась. А часть королевские офицеры арестовали.

— Но... это ведь был не пиратский корабль...

— Нет, не пиратский.

— Тогда почему же?..

— Сказали, что у капитана нашего как раз такие товары, какие им нужны, — неохотно отвечал Искорка. Он был такой же худой, как прежде, но повзрослел, загорел до черноты и стал очень похож на Флинта — прямоволосый, с длинным узким лицом. Только черты лица более жесткие. — А где отец? — спросил он.

Тенар окаменела.

— Ты у сестры так и не побывал?

— Нет, — равнодушно откликнулся он.

— Флинт умер три года назад, — сказала Тенар. — От удара. Прямо в поле — вернее, на тропинке, что ведет от загона с ягнятами. Его Чистый Ручей нашел. Три года уже прошло...

Повисло молчание. Он или не знал, что нужно говорить в таких случаях, или ему просто нечего было сказать.

Она наставила перед ним мисок и тарелок с едой. Он начал есть так жадно, что она тут же принесла еще.

— Ты когда ел-то в последний раз?

Он пожал плечами, продолжая жевать.

Тенар присела напротив него за стол. Была поздняя весна. Лучи солнца проникали в низенькое окошко и ложились полосами на стол, сверкали на бронзовой каминной решетке.

Наконец он оттолкнул от себя тарелку.

— Так кто ж фермой-то до сих пор занимался? — спросил он.

— А тебе-то что до этого, сынок? — спросила она его мягко, но довольно сухо.

— Ферма моя, — ответил он тоже довольно сухо.

Помолчав, Тенар встала и принялась убирать со стола.

— Да, это верно.

— Ты, конечно, можешь тоже тут оставаться сколько угодно, — сказал он как-то неловко; может быть, хотел пошутить? Нет, шутником он никогда не был. — А Чистый Ручей все еще здесь?

— Да, все они здесь. И еще один человек живет со мной. По имени Хок. И маленькая девочка, которую я воспитываю. Здесь. В этом доме. Тебе придется пока спать на чердаке. Я лестницу принесу. — Она снова посмотрела ему в лицо. — Так ты, значит, сюда надолго?

— Возможно.

Вот так и Флинт отвечал всегда на ее вопросы — в течение двадцати лет, как бы отрицая ее право их задавать и никогда не говоря ни «да», ни «нет», сохраняя при этом собственную свободу, основанную на ее неведении. Довольно-таки убогая, маленькая, совсем крошечная свобода, подумала Тенар.

— Бедный ты мой, — сказала она сыну, — команду твою разогнали, отец твой мертв, в доме твоём чужой — и все в один день на тебя свалилось. Тебе понадобится время, чтобы к этому привыкнуть. Прости меня, сынок. Но я рада, что ты пришел. Я о тебе часто думала: как ты там, в море, особенно во время штормов, зимой.

Он ничего не ответил. Ему нечего было предложить ей, а принять хоть что-то в дар он был не в состоянии. Он оттолкнул свой стул и уже собирался встать из-за стола, когда вдруг появилась Терру. Полупривстав, он не мигая уставился на нее.

— Что это с ней случилось? — спросил он.

— Обожглась. Это вот мой сын, Терру, о котором я тебе столько рассказывала. Моряк. Его зовут Искорка. А это Терру, твоя младшая сестренка.

— Сестренка?

— Приемная.

— Сестренка! — снова повторил он и посмотрел по сторонам, словно призывал кого-то в свидетели; потом уставился на мать.

Она тоже смотрела на него, не отводя глаз.

Он встал, старательно обошел застывшую на месте Терру и громко хлопнул дверью на прощание.

Тенар начала было что-то объяснять девочке, но не выдержала.

— Не плачь, — сказала та. Сама она не плакала и, подойдя к Тенар, погладила ее по руке. — Он тебе сделал больно?

— Ах, Терру! Дай-ка я тебя обниму! — Тенар села у стола, взяла Терру на колени и крепко прижала к себе, хотя девочка была уже слишком большой, чтобы ее баюкали, как младенца, да и всегда в таких случаях старалась отстраниться. Но Тенар все обнимала ее и плакала, и Терру наконец склонила свое изуродованное лицо к ее плечу, прижалась щекой, и вскоре та и другая промокли от слез.

Гед и Искорка вернулись домой одновременно, но с противоположных концов фермы. Искорка, по всей очевидности, успел побеседовать с Чистым Ручьем и обдумать ситуацию, а Гед, что тоже было очевидно, только теперь пытался ее оценить. За ужином разговаривали крайне мало и настороженно. Искорка не возразил против того, что его лишили собственной комнаты, но сразу после ужина взлетел по лестнице на чердак — сразу видно, моряк бывалый — и явно был доволен роскошной постелью, которую приготовила ему мать, потому что спустился к завтраку на следующий день лишь ближе к полудню.

Он сразу сел за стол, рассчитывая, что ему все будет подано. Его отцу всегда подавали еду мать, жена, дочь. Неужели он хуже? А может, мать хочет ему это доказать таким способом? Но она подала ему завтрак, потом убрала после него со стола и только тогда снова вернулась в сад, где они вместе с Терру и Шанди жгли пораженные гусеницами старые ветки, а то можно было погубить все молодые деревца.

Искорка прошел мимо них и присоединился к Чистому Ручью и Тиффу. И все последующие дни провел в основном в их компании. Всю тяжелую работу на ферме — уход за полевыми культурами и за овцами — делали Гед, Шанди и Тенар, а двое стариков, всю свою жизнь прожившие на этой ферме, приятели отца Искорки, повсюду водили парня с собой и рассказывали, как они одни справлялись со всей этой работой, и действительно начинали верить в это; и он тоже разделял с ними их ложную уверенность.

Тенар стала чувствовать себя в родном доме отвратительно. Только вне его стен, занимаясь привычной тяжелой работой, она испытывала некоторое облегчение; ее душили гнев и стыд из-за того, как вел себя Искорка, — из-за присутствия в доме собственного сына!

— Теперь мой черед! — горько сказала она Геду в их зали-
той лунным светом спальне. — Мой черед терять то, чем я
больше всего гордилась.

— Что же ты потеряла?

— Своего сына. Которого не сумела воспитать настоящим
мужчиной. Ничего у меня с ним не получилось. — Она прику-
сила губу, глядя во тьму сухими глазами.

Гед не стал спорить с ней или уговаривать не печалиться.
Он только спросил:

— Как ты думаешь, он здесь останется?

— Да. Он боится снова идти в море. Он ведь так и не сказал
мне правды, точнее, сказал правду о том, что случилось с его
кораблем. Он был помощником капитана и, как мне кажется,
занимался перевозкой краденного. И перепродажей. Не в этом,
в общем-то, дело. Все гонтийские моряки — наполовину пи-
раты и воры. Но он соврал мне. И продолжает врать. И ревнует
к тебе, и завидует. Бесчестный, завистливый человек.

— Просто напуганный, по-моему, — сказал Гед. — Но не
злой. И не такой уж дурной. И, кроме того, это ведь его ферма.

— Ну так пусть и забирает ее! И пусть она будет столь же
щедра к нему, как...

— Нет, родная, — сказал Гед, пытаясь голосом и руками
удержать ее гнев, — не говори так... не говори злых слов!

Его порыв был настолько искренним и страстным, что гнев
Тенар обернулся вдруг любовью, ибо именно любовь и вызва-
ла эту яростную вспышку гнева.

— Нет, не бойся, я не стану проклинать ни сына, ни ферму
его!.. Я об этом даже не думала! Но мне так больно — и так
стыдно! Ах как мне жаль, Гед!

— Нет, нет, нет! Милая, мне совершенно безразлично, что
этот мальчик думает обо мне. Вот только с тобой он очень
груб.

— И с Терру. Он обращается с ней так, будто... Он сказал...
сказал мне: «Что это она натворила, что в такую уродину пре-
вратилась?» Что она натворила!..

Гед гладил ее по голове — как всегда, легкими, медленны-
ми, нежными прикосновениями, которые обычно нагоняли
на них обоих сон и любовную негу.

— Я могу снова наняться пасти коз, — сказал он наконец. —
Тогда тебе тут будет полегче. Разве что с работой...

— Я уж лучше пойду с тобой.

Он продолжал гладить ее по голове и размышлял вслух:

— Наверное, мы смогли бы уйти вместе. Там, наверху, над
Лиссу в прошлый сезон было две семьи. Обе пары овец пасли.
Но ведь после лета приходит зима...

— Может быть, наймемся к кому-нибудь. Я работать умею... и с овцами обращаться... а ты с козами... да и вообще ты во всякой работе ловкий...

— Хорошо с вилами управляюсь, — прошептал он, и она тихонько то ли засмеялась, то ли всхлипнула.

На следующее утро Искорка встал рано и завтракал со всеми вместе: он собрался на рыбалку со старым Тиффом. Поев, он поблагодарил мать куда теплее, чем обычно, и пообещал:

— К ужину рыбы принесу.

Тенар к утру уже приняла решение и откликнулась:

— Погоди-ка, сынок. Сперва убери, пожалуйста, со стола. Грязную посуду поставь в таз и залей водой. А вечером я все вместе вымою.

Некоторое время он изумленно смотрел на нее, потом сказал:

— Это женская работа, — и надел свою шапку.

— Эту работу может делать любой человек, если он ест здесь.

— Но только не я, — равнодушно ответил сын и вышел на улицу.

Тенар пошла за ним следом. И остановилась на пороге.

— Значит, Хок может, а ты нет? — спросила она.

Он молча кивнул и пошел прочь через двор.

— Слишком поздно, — сказала она, возвращаясь в кухню. — Ничего у меня не получится. Я потерпела неудачу. — Она чувствовала, как лицо ее вдруг покрылось морщинами — вокруг рта, вокруг глаз — и застыло. — Можно сколько угодно поливать камень, — сказала она, — да только расти он не будет.

— Начинать нужно, непременно когда они молоды и нежны душой, — сказал Гед. — Как я, например.

Но на этот раз она его шутке даже не улыбнулась.

Вернувшись домой после целого дня работы, они увидели у ворот какого-то мужчину; он разговаривал с Искоркой.

— Это тот парень из Ре Альби, верно? — спросил Гед, который по-прежнему прекрасно видел.

— Пойдем, пойдем, Терру, — сказала Тенар, потому что девочка сразу же остановилась как вкопанная. — Какой еще парень? — Она была довольно близорука и щурилась, тщетно пытаясь разглядеть человека у ворот. — А, так ведь это, как его там, торговец овцами. Таунсенд! Чего это он сюда снова явился, стервятник паршивый?

Она весь день была чрезвычайно сердитой, так что Гед и Терру благоразумно промолчали.

Тенар первой обратилась к торговцу:

— Ты что, насчет ягнят выясняешь, Таунсенд? Так ты на целый год опоздал; но у нас есть еще этого года, в овчарне.

— Так мне и хозяин сказал, — ответил Таунсенд.

— Да неужели? — удивилась Тенар.

Тон у нее был такой, что у Искорки потемнело лицо.

— Ну, в таком случае не стану вам с хозяином мешать, — сказала она и уже повернулась к ним спиной, когда Таунсенд окликнул ее:

— Я ведь к тебе снова с поручением, Гоха.

— Третий раз волшебный.

— Та старая ведьма, ну, ты знаешь, тетушка Мох очень больна. Она велела, раз уж я все равно иду в Срединную Долину, зайти к тебе и сказать, что она совсем плоха. «Скажи, — говорит, — госпоже Гохе, что я хотела бы повидать ее, прежде чем умру, если у нее такая возможность будет».

Стервятник, паршивый стервятник, думала Тенар, с ненавистью глядя на Таунсенда, который снова принес ей дурные вести.

— Она так сильно больна?

— Должно, помрет скоро. — И Таунсенд как-то странно подмигнул, что, вероятно, должно было означать сожаление. — Очень сильно всю зиму проболела, и все хуже ей, все хуже, вот она и велела передать тебе, что уж больно тебя видеть хочет, пока не померла.

— Спасибо, что весточку передал, — мрачно поблагодарила его Тенар, отвернулась и пошла к дому. А Таунсенд отправился с Искоркой к овчарням.

Пока готовили обед, Тенар сказала Геду и Терру:

— Я должна пойти.

— Конечно, — согласился Гед. — Пойдем все вместе, если хочешь.

— Правда? — Впервые за весь день лицо ее прояснилось, грозовые тучи, скрывавшие чело, чуть приподнялись. — Ах! — вырвалось у нее. — Как это... было бы хорошо!.. Я не решалась спрашивать, боялась, что может быть... Терру, а тебе не хочется вернуться назад, в тот маленький домик, где жил Огион? И, может быть, остаться там навсегда?

Терру застыла.

— Я тогда могла бы повидать свое персиковое деревце... — задумчиво произнесла она. — И еще там Вереск... и Сиппи... и тетушка Мох... Бедная тетушка Мох! Ох, мне все время хотелось, так хотелось туда вернуться! Но почему-то казалось, что это неправильно. Здесь ведь ферма, она ухода требует... и вообще...

Тенар казалось, что есть и какая-то иная причина, по которой они не могли вернуться в домик Огиона, из-за чего она даже думать себе не позволяла об этом, даже сумела почти

забыть, как сильно ей хочется туда вернуться; но, в чем бы ни заключалась эта причина, вспомнить она не могла, и повод для беспокойства исчез, ускользнул, словно тень, словно забытое слово.

— Интересно, ухаживает ли кто-нибудь из деревенских за тетушкой Мох? И послали ли они за лекарем? Она ведь единственная ведьма на Большом Утесе, но ведь в Порте Гонт и другие есть; они наверняка могли бы как-то помочь ей. Ах, бедняжка! Надо поскорее пойти туда... Сейчас, конечно, слишком поздно, но завтра прямо с утра, пораньше!.. А хозяин фермы пусть готовит себе завтрак сам!

— Он научится, — сказал Гед.

— Нет, и учиться не станет. Просто найдет себе какую-нибудь дуру, которая будет делать все для него. Ах! — Она оглядела знакомую кухню; лицо ее было светлым и одновременно каким-то свирепым. — Мне противно даже думать о том, что я оставляю ей этот стол, который скребла целых двадцать лет! Надеюсь, она это оценит!

Искорка пригласил Таунсенда к ужину, но ночевать торговец овцами отказался, хотя ему из вежливости это предложили. Его пришлось бы тогда укладывать на одну из их собственных постелей, а Тенар даже мысль об этом была неприятна. Она обрадовалась, когда он вышел за дверь, в синие весенние сумерки, и отправился ночевать к тем хозяевам, у которых обычно останавливался в деревне.

— Завтра утром мы уходим в Ре Альби, сын, — сообщила Тенар. — Хок, Терру и я.

Он взглянул на нее несколько испуганно.

— Просто так возьмете и уйдете?

— Да. Точно так же, как и ты — ушел и пришел, — ответила ему мать. — Теперь смотри, Искорка: вот шкатулка твоего отца. Там семь костяных пластинок и долговые расписки от старого Бриджмена, только он никогда не заплатит, ему и платить-то нечем. Вот эти четыре андрадские пластинки Флинт получил, когда продал овечьи шкуры торговцу из Вальмута четыре года назад — ты тогда еще совсем мальчишкой был. Эти три — с Хавнора: нам ими заплатил Толли за участок земли у Верхнего Источника. Я уговорила твоего отца купить тот участок и помогала ему расчистить его и продать. Так что эти три пластинки я возьму себе — я их заработала. Остальное, как и сама ферма, принадлежит тебе. Ты здесь хозяин.

Высокий, худой, сын стоял перед ней и не сводил глаз со шкатулки.

— Возьми все. Мне это не нужно, — сказал он тихо.

— Мне тоже. Но все равно спасибо, сынок. Оставь себе эти четыре пластинки. Когда женишься, скажи своей жене, что это мой ей подарок.

Тенар поставила шкатулку на прежнее место — за большим блюдом на верхней полке буфета, где ее всегда хранил Флинт.

— Терру, ты соберись с вечера, потому что выйдем мы очень рано.

— Когда ты намереваешься вернуться? — спросил Искорка, и тон, каким он это спросил, вдруг напомнил Тенар того беспокойного хрупкого ребенка, каким ее сын был когда-то. Но ответила она так:

— Не знаю, милый. Если буду нужна тебе, то приду.

Она занялась сборами, вытащила дорожную обувь, потом спросила:

— Искорка, ты не мог бы кое-что для меня сделать?

Он угрюмо сидел у камина и неуверенно посмотрел на мать.

— Что?

— Сходи, не откладывая, в Вальмут и повидайся с сестрой. Скажи ей, что я вернулась на Большой Утес. И еще — если я буду ей нужна, пусть пошлет весточку.

Искорка кивнул. Он смотрел на Геда, который уже сложил свой небогатый скарб с той аккуратностью и ловкостью, какая присуща бывалым путешественникам; теперь же Гед расставлял на полках вымытые тарелки, чтобы оставить кухню в полном порядке. Потом сел напротив Искорки у очага и стал вдевать в специальные отверстия своего заплечного мешка еще одну веревку, стараясь затянуть его потуже.

— Для этого специальный узел есть, — сказал вдруг Искорка. — Морской.

Гед молча передал ему свой мешок, и Искорка, тоже молча, продемонстрировал, как завязывается этот узел.

— Вот, сам соскальзывает, видишь? — спросил он, и Гед кивнул.

Они вышли в путь, когда было еще совсем темно и холодно. Солнце поздно появляется на западной стороне горы Гонт, и лишь ходьба согревала их, пока солнце во всем своем великолепии не поднялось над громадой южных отрогов.

Терру шла в два раза быстрее, чем прошлым летом, но все равно им предстояло по крайней мере два дня пути. Ближе к полудню Тенар спросила:

— Ну что, попытаемся сегодня добраться до Дубовых Ручьев? Там есть что-то вроде постоянного двора. Мы там еще молоко пили, помнишь, Терру?

Гед смотрел вдаль с каким-то отсутствующим выражением лица.

— Я знаю одно хорошее местечко...

— Прекрасно, — сказала Тенар.

Незадолго до привала на ночь они вышли на тот верхний поворот дороги, с которого был виден Порт Гонт. Здесь Гед свернул с дороги прямо в лес. Закатное солнце посылало свои красно-золотые лучи, пронизывая сумрак, густеющий между деревьями и под густыми ветвями. Они примерно с полчаса карабкались вверх без какой бы то ни было тропинки, заметной глазу, и наконец вышли на небольшой выступ или на вершину скалы, поросшую травой и укрытую от ветра деревьями и громоздящимися вокруг утесами. Отсюда хорошо видны были северные отроги, а между вершинами гигантских елей ясно просвечивало море. Стояла полная тишина, только порой в елях вздыхал ветер да горный жаворонок пел свою нескончаемую нежную песнь где-то в пронизанной вечерним солнцем вышине, чтобы с наступлением сумерек спуститься в свое гнездо, устроенное в никем не измятой траве.

Они поели хлеба с сыром и, отдыхая, смотрели, как из моря медленно поднимается мгла, окутывая склоны гор. Потом растелили свои плащи и улеглись спать. Глубокой ночью Тенар проснулась. Тенар — между Терру и Гедом. Где-то рядом ухала сова, мелодичное уханье напоминало удары колокола. А где-то вдали, в горах, ей вторила другая сова — словно эхо колокольного звона. Тенар решила: «Полюбуюсь, как звезды опускаются в море», однако почти мгновенно снова уснула, словно младенец.

Открыв глаза уже серым утром, она увидела, что Гед сидит с ней рядом, накинув на плечи плащ, и смотрит в просвет между деревьями куда-то на запад. Его темнокожее лицо казалось застывшим, исполненным глубокого молчания — таким она уже видела его когда-то давно, на берегу Атуана. Только сейчас глаза его смотрели в бесконечную даль, на запад так, словно видели что-то чудесное. Она посмотрела туда же и тоже увидела: наступал новый день, великолепие розовых и золотых тонов зари дивным образом отражалось в водах моря.

Гед повернулся к ней, и она сказала:

— Я любила тебя всю жизнь, с тех пор как впервые увидела.

— О ты, жизнь дающая, — едва слышно промолвил он, наклонился и поцеловал ее в губы и в грудь. Она на мгновение прижала его голову к себе. Потом оба встали, разбудили Терру, позавтракали и продолжили свой путь; однако, уже войдя в лес, Тенар один раз все-таки оглянулась на маленький

приютивший их лужок, словно заклиная его хранить то счастье, которое она там испытала.

В первый день их основной целью было пройти как можно больше. Сегодня же они должны были добраться до Ре Альби. Так что Тенар думала в основном о тетушке Мох, прикидывая, что же такое могло приключиться со старухой и действительно ли она при смерти. Но день близился к концу, а путь уже был пройден немалый, и она перестала думать о тетушке Мох да и вообще о чем бы то ни было серьезном. Она очень устала, и ей очень не хотелось снова идти этой дорогой навстречу чьей-то смерти. Они миновали Дубовые Ручьи, вошли в узкую горловину ущелья и снова начали подниматься. На последнем прямом отрезке пути Тенар уже с трудом волочила ноги, а мысли в голове были одна глупее другой и все время путались, цепляясь то за какое-нибудь слово, то за какой-нибудь образ. То ей виделась полка с посудой в доме Огиона, то почему-то привязывались слова «костяной дельфин» (это из-за того, что она заметила травяную сумочку Терру с ее игрушками). Слова эти она повторяла про себя без конца, пока они почти не утратили всякий смысл.

Гед легко шагал по дороге походкой бывалого путника, и Терру не отставала от него — та самая Терру, которая еще в прошлом году вымоталась здесь до того, что ее пришлось нести на руках! Но тогда они тащились гораздо медленнее. И девочка еще только поправлялась после страшной своей болезни.

А она, Тенар, видно, стала слишком стара для столь долгих переходов. До чего же тяжело было подниматься вверх! Старухам следует сидеть дома, у очага. Костяной дельфин, костяной дельфин. Костяной, окостеневший, связанный, связующее заклятие... Костяной человек и костяной зверек. Вон там они — ушли вперед и ждут ее. Она идет так медленно. Она смертельно устала. Тенар с огромным трудом преодолела последний участок пути и наконец догнала их там, где дорога шла по самому краю Большого Утеса. Над морем. Слева виднелись горбатые крыши Ре Альби, справа дорога поворачивала в господскую усадьбу...

— Сюда, — сказала Тенар.

— Нет, — возразила девочка, показывая налево, в сторону деревни.

— Нет, сюда, — повторила Тенар и двинулась направо. Гед последовал за ней.

Они шли меж садами, обрамленными ореховыми деревьями, и заросшими травой лугами. Был теплый, почти летний день. Птицы всюду распевали среди ветвей. Он вышел на до-

рогу из Большого Дома и двинулся им навстречу — тот, чье имя она так и не могла вспомнить.

— Добро пожаловать! — сказал он и остановился, улыбаясь.

Они тоже остановились.

— Что за великие люди оказали своим приходом честь дому Лорда Ре Альби, — сказал он. Туахо — нет, это было не его имя. Костяной дельфин, костяной зверек, костяное дитя...

— Господин мой. Верховный Маг Земноморья! — Он низко поклонился, и Гед тоже поклонился ему в ответ.

— Госпожа моя. Леди Тенар с Атуана! — Ей он поклонился еще ниже, и она вдруг опустилась на колени, прямо на дорогу, еще влажную от росы. Голова ее безвольно поникла, руки оперлись о землю, вся она скрючилась и даже лицом, даже губами коснулась той грязи, что была у него под ногами.

— Ну а теперь ползи, — сказал он, и она поползла к нему.

— Стой, — сказал он, и она остановилась.

— Говорить можешь? — спросил он.

Она ничего не сказала, у нее больше не было слов, что могли бы сорваться с губ, но тут Гед ответил своим обычным спокойным голосом:

— Да.

— Где чудовище?

— Не знаю.

— А я думал, что эта ведьма и своего выкормыша с собой притащит. Но вместо той твари притащила тебя, господин Верховный Маг по прозвищу Ястреб. Замечательная замена! Все, что я могу сделать для этой ведьмы и ее чудовища, — это очистить от них мир. Но с тобой, кто все-таки был нормальным человеком, я могу и поговорить, в конце концов, ты способен вполне разумно отвечать. И понять способен, за что тебя наказывают. Ты ведь считал, что находишься в безопасности, — разве не так? — когда твой король оказался на троне, а мой повелитель — наш повелитель! — был уничтожен? Ты считал, что твоя воля одержала победу, что ты уничтожил надежду на вечную жизнь, так ведь?

— Нет, — сказал Гед.

Она не могла его видеть.

Она могла видеть лишь грязь на дороге и чувствовать во рту ее вкус. Но услышала, как Гед говорит. Он сказал:

— *Жизнь после смерти...*

— Болтай себе, болтай, старые песни ты знаешь хорошо. Мастер с острова Рок — школьный учителяшка! Что за дивное зрелище: Верховный Маг Земноморья, а с виду — вылитый козопас, в котором ни грана волшебного могущества... И этот «маг» ни единого волшебного словечка не помнит!.. Может

быть, заклятие произнесешь, а, Верховный Маг? Хоть малюсенькое? Самое крохотное заклятие, самую простенькую иллюзию создашь? Нет? Ни единого словечка? Мой повелитель все-таки одержал над тобой победу! Теперь-то ты это понимаешь? Ты не смог его победить. Его сила жива! Я могу на некоторое время оставить тебя в живых, чтобы ты видел, какова эта сила — моя сила! Чтобы ты видел, как я не даю смерти взять старика — и для этого могу и твою жизнь использовать, если понадобится; чтобы ты увидел, как твой настырный король сядет в лужу вместе со всеми своими лордами-приспешниками и глупцами с Рока, которые ищут какую-то женщину! Какая-то женщина! Чтобы женщина правила нами! Только править этим миром будут отсюда, хозяин Земноморья здесь, здесь, в этом доме. Весь год я собирал здесь оставшихся, тех, кто понимает, что такое настоящая сила и власть. Некоторых из них я вытащил с острова Рок, прямо из-под носа у собственных учителей. Некоторых — с Хавнора, из-под носа этого так называемого Сына Морреда, который жаждет правления женщины в Земноморье. Я увел их у твоего короля, который считает, что вокруг стало так безопасно, что он повсюду может называться своим Истинным Именем. Знаешь ли ты мое имя, о Верховный Маг? Помнишь ли ты меня, когда четыре года назад ты был величайшим из Великих Магов, величайшим из Мастеров, а я — всего лишь смиренным учеником на острове Рок?

— Ты звался Аспен, — сказал исполненный терпения голос Геда.

— А каково мое Истинное Имя?

— Этого имени я не знаю.

— Как? Ты его не знаешь? Разве ты не можешь вспомнить? Разве Великие Маги знают не все имена?

— Я не маг.

— Ах, скажи-ка еще разок!

— Я не маг.

— Мне нравится, как ты это говоришь. Скажи снова.

— Я не маг.

— Зато я маг!

— Да.

— Скажи это!

— Ты маг.

— Ах! Получилось куда лучше, чем я надеялся! Я готовился поймать угря, а поймал кита! Ну, пошли же, познакомьтесь с моими друзьями. Ты можешь идти. А она — пусть ползет.

И они пошли вверх по дороге к дому Лорда Ре Альби. Тенар ползла на четвереньках, потом взобралась по мраморным сту-

пеням крыльца, поташилась по мраморным полам вестибюля...

Внутри дома было темно. И тьма все плотнее окутывала душу Тенар, ибо она понимала все меньше и меньше из того, что говорилось вокруг. Лишь некоторые слова и отдельные голоса воспринимались ею отчетливо. Она, например, понимала то, что говорил Гед, и, когда он говорил, думала о его имени, всей душой своей цеплялась за это имя. Но Гед говорил что-либо очень редко и только тогда, когда отвечал на вопросы того, чье имя было не Туахо. Тот человек говорил время от времени и с ней, называл ее Сукой.

— Это моя новая собака, — пояснил он остальным мужчинам; некоторые из них все время оставались во тьме, там, где от свечей пролегли тени. — Посмотрите, как она хорошо натаскана. Ну-ка, перевернись! — И она переворачивалась, и мужчины смеялись.

— У нее и щенок есть, — говорил он. — Которого нужно было наказать как следует, а то его бросили, зажарив только наполовину. Но собака моя принесла мне отличную птичку — взамен своего щенка. Ястребка поймала! Завтра мы поучим эту птичку летать.

Другие мужские голоса произносили какие-то слова, но она больше никаких слов не понимала.

Ее шею чем-то перевязали, а потом снова заставили ползти по ступеням бесконечных лестниц и загнали в какое-то помещение, где пахло мочой, гнилым мясом и каким-то сладковатым запахом. Голоса что-то бубнили вокруг. Холодная, как камень, рука слегка стукнула ее по голове, и чей-то голос засмеялся: «Хе-хе-хе» — словно скрипнула старая дверь, болтающаяся на ржавых петлях. Потом ее пнули ногой и заставили ползти обратно в вестибюль. Она не могла уже ползти достаточно быстро, так что ее еще раз пнули в грудь и в лицо, попав по губам. Потом перед ней оказалась дверь, потом дверь захлопнулась, и она очутилась в тишине и темноте. И, услышав, как кто-то плачет, решила: это ребенок, ее ребенок. Ей очень хотелось, чтобы ребенок перестал плакать. И наконец все прекратилось.

ТЕХАНУ

Девочка, свернув налево, успела уже немного пройти по дороге, прежде чем оглянулась назад и спряталась за цветущей зеленой изгородью.

Человек по имени Аспен, чье Истинное Имя было Эрizen и кого она воспринимала как раздвоенную и корчащуюся темную тень, связал ее мать и отца ремнем, пропущенным сквозь язык Тенар и сквозь сердце Геда, и повел их туда, где прятался сам. Ее тошнило от запаха его логова, но она все-таки немного прошла за ними следом, чтобы посмотреть, что он будет делать дальше. Он впустил Тенар и Геда внутрь и закрыл за ними дверь. Дверь была из камня. Она не могла войти туда.

Ей совершенно необходимо было полететь, но летать она не могла: она не принадлежала к тем, кто обладал крыльями.

Тогда она побежала так быстро, как только могла — прямо через поля, мимо дома тетушки Мох, мимо дома Огиона, мимо сарая с козами — прямо на тропу, ведущую вдоль края утеса, куда ей запрещено было ходить, потому что она могла видеть только одним глазом. Но она была очень осторожна и этим своим глазом смотрела очень внимательно. Она остановилась на самом краю обрыва. Где-то далеко внизу плескалась вода, а у линии горизонта садилось солнце. Она посмотрела в сторону далекого запада своим единственным зрячим глазом и совсем иным, чем у девочки Терру, голосом призвала Истинным Именем того, чье имя слышала во сне своей матери Тенар.

Она не стала ждать ответа, но просто пошла назад — сперва пройдя мимо дома Огиона, чтобы посмотреть, как выросло ее персиковое деревце. Старое дерево было на прежнем месте, увешанное множеством маленьких зеленых плодов, но нигде

не было видно даже следов юного ростка. Его, видно, давно съели козы. Или деревце просто засохло, потому что она его не поливала. Она немного постояла, глядя в землю, на то место, где рос юный персик, глубоко вздохнула и пошла через поля к дому тетушки Мох.

Куры уже усаживались на насест; они заклохотались и зашумели, негодуя по поводу ее вторжения. Маленький домик был, как всегда, погружен в полутьму и насквозь пропитан всякими запахами.

— Тетушка Мох! — окликнула она тем своим голосом, каким пользовалась при этих людях.

— Кто там?

Старуха лежала в постели, спрятавшись под одеялом. Она была ужасно напугана и все пыталась создать вокруг себя волшебную стену, чтобы никто не мог до нее добраться, но стена не получалась: тетушке Мох не хватало сил для такого колдовства.

— Кто там? Кто пришел? Ох, это ты, моя дорогая... милая моя девочка, малышка моя поджаренная, красавица моя!.. А что ты здесь делаешь одна? Где Тенар, где твоя мать? Она тоже здесь? Она вернулась? Не входи, не входи, милая! Я проклята! Он наложил страшное заклятие на старую женщину! Не подходи ко мне близко! Не подходи!

Тетушка Мох плакала. Девочка протянула руку и коснулась ее.

— Ты совсем холодная, — сказала она.

— А ты горишь, как огонь, детка, твоя рука прямо жжется. Ох, не смотри на меня! Он сделал так, что плоть моя гниет, тело мое съеживается, но умереть он мне не дает — говорит, что я сперва должна привести к нему тебя. Я пробовала умереть, несколько раз пробовала, но он держит мою жизнь в своих руках, оставляет меня в живых против моей воли, не позволяет мне умереть! Ах, позвольте мне умереть!

— Ты вовсе не должна умирать, — сказала девочка, нахмурившись.

— Детка, — прошептала старуха, — милая моя... назови ты меня... назови меня моим подлинным Именем.

— Хатха, — сказала девочка.

— Ах! Я знала... Отпусти меня на волю, милая!

— Нужно подождать, — сказала девочка. — Пока они не придут.

Ведьма лежала, немного успокоившись, и дышала уже не так трудно.

— Кто это «они», кто это «они», милая? — прошептала она.

— Мой народ.

Длинные холодные пальцы тетушки Мох лежали, словно связка палочек, в руке девочки. Она крепко сжимала их. Теперь за стенами домика стало так же темно, как и внутри его. Хатха, которую остальные звали «тетушка Мох», уснула; и вскоре девочка, сидевшая на полу возле ее лежанки, и устроившаяся у нее под боком несущка уснули тоже.

Мужчины вошли к ней вместе со светом. ОН сказал:

— А ну-ка, вставай!

Она встала на четвереньки. ОН засмеялся, приговаривая:

— Вставай! Вставай! Ты — сука умная, можешь и на задних лапах ходить, правда? Вот так. Человеком притворяешься? А теперь нам нужно кое-куда пойти. А ну-ка, пошли!

Ошейник с поводком все еще был у нее на шее, и ОН дернул за поводок. Она пошла за ним следом.

— Эй, а ну-ка, води ее сам! — сказал ОН, и теперь рядом оказался другой, тот, которого она любила, но больше не помнила, как его имя, и он вел ее за поводок.

Все вместе они вышли из темного дома. Камни дверей разверзлись и выпустили их, а потом снова сомкнулись у них за спиной.

ОН все время шел за ней по пятам, как и тот, что вел ее за поводок. Остальные чуть отстали — еще трое или четверо мужчин.

Поля были серыми от росы. Темный силуэт горы вырисовывался на фоне бледного неба. В садах и на зеленых изгородях начинали петь птицы. Все громче и громче.

Они подошли, казалось, к самому краю этого мира и пошли вдоль края, пока не достигли такого места, где земля превратилась в один лишь камень, а краешек, по которому они шли, стал очень узким. На скале была проведена черта, и она посмотрела на эту черту.

— Пусть столкнет ее, — сказал ОН, — а потом и сам пусть летит, если сможет, ястреб этот.

ОН отстегнул поводок.

— Иди и встань на краю, — велел ОН.

Она пошла к той черте. Внизу было море, и больше ничего. Над морем — только небо, только воздух.

— Ну а теперь Ястребок ее подтолкнет, — проговорил ОН. — Но сперва спросим: может, она захочет что-нибудь сказать? У нее ведь так много важных мыслей. У всех женщин их много. Разве вы ничего не хотите нам сказать, леди Тенар?

Говорить она не могла, но указала в небо над морем.

— Подумаешь, альбатрос, — сказал ОН.

Она громко рассмеялась.

И тут в потоках света из небесных врат вылетел огромный дракон — кольца дыма, языки пламени, броня чешуи! Тенар наконец заговорила.

— Калессин! — крикнула она и, схватив Геда за руку, быстро оттолкнула его назад, к скале, за скалу, потому что ревущее пламя пронеслось прямо у них над головой, раздался металлический шелест чешуи, зашипел ветер в распростертых крыльях, чудовищные когти клацнули по камням, словно лезвия кос...

С моря дул ветер. Крохотный пушистый кустик чертополоха, росший в расщелине между камнями возле руки Тенар, все кивал и кивал ей под порывами ветра.

Гед был с ней рядом. Они распластались на камнях, прижавшись друг к другу, за их спинами внизу плескалось море, а перед ними был дракон.

Дракон смотрел на них чуть искоса одним своим длинным желтым глазом.

Гед вдруг заговорил хриплым дрожащим голосом на том языке, на каком говорят все драконы, и Тенар понимала его: «Мы благодарны тебе, о Старейший».

Глядя на Тенар, Калессин заговорил — загудел, словно по огромной металлической тарелке ударили молотом:

— *Аро Техану?*

— Девочка моя, — сказала Тенар, — Терру! — и вскочила, чтобы бежать, чтобы искать свою бедную малышку. И увидела, как та спешит по самому краешку обрыва прямо к дракону.

— Не беги, Терру! Осторожней! — крикнула она, но девочка уже увидела ее и, конечно же, бросилась бежать — и угодила в объятия Тенар. Они крепко прижались друг к другу.

Дракон повернул свою немыслимо огромную, словно покрытую темной ржавчиной голову, чтобы видеть их обеих как следует. Ямы его ноздрей, огромные, точно котлы, были полны яркого жаркого пламени; время от времени оттуда вырывались клубы дыма. Жар, исходивший от тела дракона, делал почти неощутимым даже ледяной ветер, дувший с моря.

— *Техану,* — сказал дракон.

Девочка повернулась и посмотрела на него.

— *Калессин,* — сказала она.

Тогда Гед, до сих пор стоявший пред драконом на коленях, поднялся в полный рост, дрожа и пошатываясь. Чтобы удержаться на ногах, он ухватился за руку Тенар и засмеялся.

— Теперь я знаю, кто позвал тебя, о Старейший! — сказал он.

— Я позвала, — сказала девочка. — Я же не знала, как еще вам помочь, Сегей.

Она не сводила с дракона глаз и говорила на Языке Созидания, легко произнося каждое слово.

— Ты хорошо поступила, дитя мое, — сказал ей дракон. — Я долго искал тебя.

— А сейчас мы полетим туда? — спросила девочка. — Туда, где все остальные? Туда, где дуют другие ветры?

— А тебе хочется все это покинуть?

— Нет, — сказала девочка. — А разве они не могут полететь с нами?

— Нет, не могут. Их жизнь — здесь.

— Я останусь с ними, — сказала она, чуть вздохнув.

Калессин отвернулся, чтобы выдохнуть из своей чудовищной топки то ли огненный вздох удовлетворения, то ли смех, то ли гнев — «Ха!» Потом, снова посмотрев на девочку, сказал:

— Это хорошо. У тебя здесь много работы.

— Я знаю, — ответила она.

— Я прилечу за тобой, — сказал ей Калессин. — Со временем. — И обернулся к Геду и Тенар: — Я отдаю вам свое дитя, как вы отдадите мне свое.

— Со временем, — сказала Тенар.

Огромная голова Калессина едва заметно склонилась — это он кивнул — и огромная пасть раздвинулась в улыбке, обнажив немислимые зубы величиной с меч; уголки губ чуть приподнялись.

Гед и Тенар вместе с Терру отошли как можно дальше, пока дракон разворачивался на краю утеса, волоча свои чешуйчатые доспехи по скалам и аккуратно умащая когтистые лапы; потом он напружинил черные ляжки, словно кошка перед прыжком, и как бы сорвался с обрыва. Перепончатые крылья сверкнули алым в свете юной зари, шипастый хвост со свистом стегнул по камням, дракон взлетел и исчез — словно чайка над морем, словно ласточка в небе, словно мысль.

Там, где он только что был, лежали лишь обгорелые лохмотья, куски кожи, что-то еще...

— Пошли отсюда, — сказал Гед.

Но женщина и девочка все никак не могли оторвать глаз от страшного пятна на камнях.

— Это все каменные люди, — сказала Терру. Отвернувшись первая и двинулась прочь. Она шла по узкой тропе впереди мужчины и женщины.

— Это ее родной язык, — сказал Гед. — Язык ее матери.

— Техану, — сказала Тенар. — Ее имя Техану.

— Оно было дано ей великим Ономатетом.

— Она всегда была Техану, с самого начала! Всегда, всегда она была Техану!

— Пошли скорей, — сказала им девочка, оглядываясь. — Тетушка Мох больна.

Они успели вытащить тетушку Мох на воздух, на солнышко, промыть ее болячки и пролежни, сжечь прогнившие простыни, пока Терру бегала за чистыми простынями в дом Огиона. Заодно она привела с собой и пастушку Вереск. С помощью пастушки они удобно устроили старуху в постели, в окружении любимых цыплят и кур; Вереск тут же ушла, пообещав принести им что-нибудь поесть.

— Кому-то нужно сходить вниз, в Порт Гонт, — сказал Гед, — за тамошним волшебником. Чтобы он позаботился о тетушке Мох; ее не так уж трудно исцелить. И еще нужно сходить в поместье Лорда. Теперь старый Лорд умрет. А его внук, напротив, будет жить, и жить нормально. Если в доме хоть немного прибраться... — Он сидел на пороге домика тетушки Мох, прислонившись виском к дверному косяку, и грелся на солнце, закрыв глаза. — Почему, ну почему мы совершаем все наши поступки? — спросил он.

Тенар долго мыла руки, лицо, плечи в тазу с чистой водой, которую только что набрала в колодце. Вымывшись, она огляделась. Совершенно выбившись из сил, Гед так и заснул на крылечке, повернув лицо навстречу солнечным лучам. Она села с ним рядом и положила голову ему на плечо. «Неужели нас помиловали? — подумала она. — Как это так получилось, что нас оставили в живых?»

Она посмотрела вниз: рука Геда, расслабленная и повернутая ладонью вверх, лежала на земляной ступеньке. Она вспомнила о крохотном пушистом кустике чертополоха, что трепетал на ветру, и о когтистой лапе золотисто-красного дракона. Она почти задремала, когда рядом с ней присела девочка.

— Техану, — прошептала Тенар.

— А мое маленькое деревце погибло, — сообщила ей девочка.

Несколько мгновений потребовалось усталому и сонному мозгу Тенар, чтобы осознать, что случилось, и она наконец достаточно проснулась, чтобы спросить девочку:

— А на старом дереве персики есть?

Они разговаривали очень тихо, чтобы не разбудить спящего Геда.

— Только очень маленькие, зеленые.

— Они созреют — после Долгого Танца. Теперь уже скоро.

- Можно нам тогда посадить еще одну косточку?
- Столько, сколько захочешь. А в доме все в порядке?
- Там очень пусто.

— Ну что, останемся тут жить? — Тенар чуть приподнялась и, обняв девочку, прижала ее к себе. — У меня есть деньги, — сказала она. — Хватит, чтобы купить стадо коз и зимнее пастбище у Турби, если он его еще продает. Гед знает, как и где нужно пасти коз в горах летом... Интересно, та шерсть, которую мы тогда собирали, сохранилась? — И она вдруг подумала: «Мы же забыли Книги! Книги Огиона! На каминной полке. Мы оставили их Искорке на Дубовой Ферме — ах, бедный парень, он не сможет в них прочесть ни слова!»

Но это, похоже, не имело теперь такого уж значения. Теперь появились новые вещи, которым, безусловно, нужно еще учиться. А потом она кого-нибудь пошлет за Книгами, если они понадобятся Геду. И за своим веретеном. Или сама сходит туда, в долину — попозже, осенью — и повидается с сыном, зайдет к Жаворонку, немножко поживет у Яблочка. А прямо сейчас им нужно заняться садом и огородом Огиона, если они хотят, чтобы в этом году были свои овощи на зиму. Тенар вспомнила о длинных грядках бобов, о запахе цветущего сада. И еще — о маленьком окошке, выходящем на запад.

— Я думаю, мы сможем здесь жить, — твердо сказала она.

Содержание

От издательства	5
На последнем берегу, <i>перевод с английского И. Тогоевой</i>	11
Техану: Последняя книга Земноморья, <i>перевод с английского И. Тогоевой</i>	199

МИРЫ УРСУЛЫ ЛЕ ГУИН
Собрание фантастических произведений

НА ПОСЛЕДНЕМ БЕРЕГУ

Составитель *Д. Смушкович*
Ответственный за выпуск *Е. Чутов*
Технический редактор *К. Козаченко*
Корректоры *Ж. Голубева, Н. Дундина,*
И. Лаздина
Операторы компьютерной верстки
Е. Глуховская, В. Рихтер
Оформление шмуцтитилов: *В. Ковалев*

ЛР № 062455 от 23.03.93.
Подписано в печать 16.05.97. Формат 84×108¹/₃₂.
Гарнитура Таймс. Печать высокая.
Усл. печ. л. 21,00. Тираж 10 000 экз.
Заказ № 693.

Издательство «Полярис»
Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР
Государственного Комитета Российской Федерации по печати
170040, г. Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

МИРЫ УРСУЛЫ ДЕ ГУИН

НА ПОСЛЕДНЕМ БЕРЕГУ

Расколота руна Королей воссоединена. Но нет на троне короля, и нет мира в Архипелаге. Чародеи забывают заветы, люди теряют души. И чтобы одолеть напасть, Верховный Маг Гед и его спутник Аррен должны дойти до дальнего берега дня, что на закатном краю мира, за островом Селидор, где танцуют на ветру драконы...

ТЕХАНУ

Все возвращается на круги своя. Возвращается на свой родной остров Гонт и бывший Верховный Маг Гед, заплативший за победу своей волшебной силой. Но победа его оказалась неполной — и спасти волшебника могут лишь бывшая жрица Тенар и маленькая девочка...

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»

1997

МИРЫ УРСУЛЫ ДЕ ГУИН НА ПОСЛЕДНЕМ БЕРЕГУ